ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ

ВЪ КРАТКОМЪ ОЧЕРКѢ,

Г. В. Ф. Гегеля.

Часть третья

ФИЛОСОФІЯ ДУХА.

МОСКВА.
Въ типографіи Семена.
1864.

ФИЛОСОФІЯ ДУХА

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

ИЗДАННАЯ ЛЮДВИГОМЪ БОУМАНОМЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго

В. Чижова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Семена.
1864.

Дозволено Ценаурою. Москва, Іюля 12 дня, 1864 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

По недостатку времени, издатель этой третьей части Гегелевой энциклопедіи принужденъ отложить ея научную оцѣнку и ограничиться указаніемъ на тѣ источники, которыми онъ пользовался, и на тѣ правила, которымъ онъ слѣдовалъ въ данныхъ имъ прибавленіяхъ.

Вопервыхъ онъ долженъ замѣтить, что ему было поручено составить дополненія только къ первому отдѣлу книги, къ ученію о субъективномъ духѣ, потому что остальныя двѣ части, разсматривающія духъ объективный и абсолютный, изложены подробно частію въ недавно вновь изданной философіи права, частію въ обнародованныхъ лекціяхъ Гегеля о философіи исторіи, объ эстетикѣ, философіи религіи и исторіи философіи.—Для поясненія параграфовъ настоящаго руководства, обнимающихъ ученіе о субъективномъ духѣ, могли очень мало служить Гегелевы чтенія о философской энциклопедіи, по ихъ краткости, и издатель долженъ былъ преимущественно пользоваться чтеніями Гегеля объ отдѣльныхъ философскихъ наукахъ. Главнымъ источникомъ служили собственныя приготовительныя тетради Гегеля. Въ одной изъ нихъ, носящей помѣтку „май 1817," различные отдѣлы изложены съ неодинаковою полнотою; въ другой, составленной въ Берлинѣ и служившей для лекцій лѣтняго семестра 1820 года, они обработаны равномѣрнѣе. Впрочемъ какъ въ той такъ и въ другой нѣтъ связнаго изложе-

нія предметовъ, а есть только общіе очерки и отрывочныя указанія. Кромѣ этихъ источниковъ, издатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи пять тетрадей, записанныхъ за лекціями автора. Одна изъ нихъ принадлежитъ ему лично; двѣ списаны по порученію самого Гегеля; изъ этихъ послѣднихъ одна служила ему для чтеній 1828 и 1830 годовъ, и на ея краяхъ есть много его собственноручныхъ замѣтокъ. Наконецъ, издателю были еще доставлены записки г. Грисгейма, отъ 1825, составленныя очень тщательно и подробно, и тетрадь г. доктора Муллаха, отъ 1827 г., не менѣе выработанная, но болѣе краткая.

Пользуясь этимъ матеріаломъ, издатель считалъ своимъ долгомъ дать ему ту художественную форму, которую справедливо требуютъ отъ всякаго научнаго сочиненія. Въ противномъ случаѣ, читателя непріятно поражала бы дисгармонія между параграфами книги и данными къ нимъ дополненіями. Чтобы устранить ее нужно было не мало труда. Гегель допускалъ большую свободу въ своихъ лекціяхъ, и хотя его импровизаціи имѣли всю свѣжесть и всю прелесть мыслей, раждающихся въ минуту оживленной бесѣды, онѣ необходимо влекли за собою нѣкоторые недосмотры, какъ напримѣръ ненужныя повторенія, неточности, иногда переходили за разсматриваемый предметъ или перескакивали за него. Въ книгѣ должно было устранить эти недостатки. Но всѣ допущенныя измѣненія сдѣланы на основаніи точнаго смысла подлинника. Придерживаясь этого послѣдняго, издатель не счелъ себя вправѣ выпустить то, что составляетъ душу Гегелевыхъ чтеній, именно діалектическое развитіе, на которое Гегель указывалъ полнѣе и глубже въ лекціяхъ, чѣмъ въ печатномъ текстѣ, гдѣ это развитіе иногда кажется внѣшнимъ и произвольнымъ, по причинѣ чрезвычайной краткости параграфовъ. Поэтому, хотя

прибавленія часто касаются того же самаго, что изложено въ параграфахъ, однако должно надѣяться, что они не составляютъ излишнихъ повтореній, но служатъ къ болѣе полному развитію и поясненію ихъ.

Издателю остается пожелать, чтобы это изданіе последней части Гегелевой энциклопедіи заняло почетное мѣсто на ряду съ относящимися къ тому же предмету и заслуживающими полной похвалы трудами *Мишеле*, *Розенкранца* и *Дауба*.

Берлинъ, 12 Апрѣля 1845.

Боуманъ.

ЗАМѢТКА ПЕРЕВОДЧИКА.

Издатель настоящаго сочиненія, Боуманъ, полагалъ что оно по преимуществу способно служить руководствомъ къ антропологіи и психологіи, и можетъ стать на ряду съ однородными германскими руководствами, его опередившими. Наше изданіе того же сочиненія имѣетъ совершенно другую цѣль: мы предлагаемъ не учебникъ,—первое достоинство котораго состоитъ въ томъ чтобы излагать науку въ ея современномъ состояніи, — но пособіе для ознакомленія съ Гегелевою системою, занимающею очень опредѣленное мѣсто въ исторіи философіи. Если выходящая въ настоящее время на русскомъ языкѣ исторія новой философіи Куно Фишера доводитъ рядъ мыслителей идеалистовъ, имѣвшихъ сколько нибудь значительное вліяніе на современную науку, включительно до Канта, то наше изданіе только продолжаетъ этотъ рядъ, или даже заканчиваетъ его, потому что всѣ позднѣйшія попытки идеалистической систематики, по справедливому выраженію Куно Фишера, разлетались какъ мыльные пузыри на другой день послѣ своего появленія; онѣ слишкомъ небрежно обращались съ исторіей и дѣйствительностію и потому оставались безъ всякаго вліянія на науку и жизнь.

На сколько сама Гегелева философія разнится, въ способахъ и образѣ рѣшенія существеннѣйшихъ научныхъ вопросовъ, отъ пріемовъ и результатовъ, выработанныхъ осторожными и неспѣшными, но неуклонными успѣхами точнаго знанія,—это могло бы обнаружиться изъ самаго бѣглаго разбора трехъ главнѣйшихъ понятій, положенныхъ Гегелемъ въ основаніе

трехъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ настоящаго сочиненія,— именно его понятій объ *индивидуумѣ, народѣ,* и *человѣчествѣ*, или, точнѣе сказать, о началахъ движущихъ жизнь индивидуальную, народную и всемірно-историческую.

Читатели, интересовавшіеся происходившими у насъ въ недавнее время психологическими спорами, безъ сомнѣнія сохранили въ памяти замѣчательную статью г. Антоновича: *«современная физіологія и философія.»* Въ ней обѣ эти науки были поставлены лицомъ къ лицу, и читателю дана была полная возможность произнести свое сужденіе о той и другой, на основаніи собственныхъ показаній обѣихъ. Разница между этими науками та, что первая имѣетъ предметомъ своихъ изслѣдованій живое недѣлимое, и никогда этого не забываетъ. Второй, напротивъ того, нѣтъ дѣла до жизненныхъ условій психической дѣятельности: ея изслѣдованія вращаются въ области отвлеченныхъ, и слѣдственно недѣйствительныхъ и призрачныхъ понятій, поэтому самому доступныхъ самымъ произвольнымъ и фантастическимъ комбинаціямъ и конструкціямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ напримѣръ держится вся Гегелева психологія? Можно сказать что она построена единственно на понятіи *контроля,* или отношенія контролирующей индивидуальности къ непосредственному содержанію ея душевнаго міра. Различные оттѣнки этого отношенія даютъ тѣ безчисленныя психологическія тонкости, которыми наполнено Гегелево ученіе о субъективномъ духѣ, и которыя легко могли бы быть сокращены или растянуты въ безконечность, безъ всякаго ущерба для діалектики. Не взирая однакожъ на многочисленность формальныхъ психологическихъ тонкостей, все это ученіе виситъ на воздухѣ и лишено твердой почвы: сущность психическаго контроля необслѣдована, и желающему оставлено на произволъ доискиваться до его корней. Существеннымъ основаніемъ этого отношенія признается объединяющее единство индивидуальности,—и это, какъ самъ Гегель выражается, идеальное, самодѣятельное, самоопредѣляющееся и самонаполняющееся единство получаетъ чуть не столько названій, или опредѣленій,

сколько есть параграфовъ въ психологіи: оно есть для-себя-сущая, ощущающая, чувствующая индивидуальность, сознаніе, теоретическій духъ, умъ, воля и проч. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ себѣ, это идеальное и связующее единство индивидуальности есть не болѣе какъ *caput mortuum* отвлеченія, призракъ, бездонная пустота, которой всего менѣе можно приписывать какую либо самодѣятельность, какое либо самоопредѣленіе и самонаполненіе. Это—*архей*, сидящій у входа желудка и бодрствующій надъ правильнымъ распредѣленіемъ и свареніемъ пищи.

Что же такое контроль? Какъ подвергаются контролю наши чувствованія, мысли и дѣйствія? Это вопросъ сложный, однакоже доступный для точнаго рѣшенія на основаніи осмотрительныхъ и провѣренныхъ критикою наблюденій. Мы лучше всего сдѣлаемъ, если прямо отошлемъ читателя, интересующаго рѣшеніемъ этого важнѣйшаго психологическаго вопроса, къ спеціальнымъ сочиненіямъ, посвященнымъ этому предмету. Такъ въ физіологіи обыденной жизни Льюиса читатель найдетъ превосходно сгруппированныя, какъ чужія такъ и собственныя наблюденія автора и его выводы, проливающіе новый свѣтъ на эту трудную задачу. Здѣсь мы органичимся только приведеніемъ двухъ, трехъ примѣровъ, поясняющихъ сущность дѣла.

Льюисъ передаетъ простое, но очень характеристическое наблюденіе, наглядно показывающее процессъ зарожденія контроля и въ тоже время подтверждающее тотъ выводъ, что контроль является не одновременно относительно всѣхъ случаевъ, требующихъ его приложенія въ дѣйствительной жизни, но мало по малу расширяетъ свою сферу, съ возрастаніемъ жизненной опытности Ребенокъ, еще не обладающій уроками и предостереженіями этой послѣдней, повинуется въ своихъ дѣйствіяхъ первому побужденію, первому влеченію чувства: онъ не контролируетъ его. «Дитя сидитъ за столомъ. Оно кладетъ руку на блестящій чайникъ и чувство боли, происходящей отъ обжога заставляетъ его тотчасъ же отдернуть руку; снова блестящій чайникъ привлекаетъ къ себѣ его любопытную руку

и снова боль заставляетъ отдернуть ее. Послѣ извѣстнаго числа попытокъ идея боли въ такой степени соединяется въ его головѣ съ представленіемъ чайника, что дитя уже не обжигается болѣе. Потомъ оно засовываетъ руку въ корзину съ бисквитами и результатомъ этого дѣйствія, вмѣсто боли, является бисквитъ. За повтореніе этой продѣлки его бранятъ, бьютъ, или ставятъ въ уголъ, однимъ словомъ послѣдствія для него бываютъ непріятныя, и если наказаніе всегда слѣдуетъ за такого рода дѣйствіями, то дитя скоро выучивается воздерживаться отъ нападенія на бисквиты» (2 изд. с. 534.). Мы видимъ ясно, что въ томъ и другомъ случаѣ непріятное чувство, которое испытываетъ ребенокъ вслѣдъ за первоначальнымъ чувствомъ удовольствія, дѣлается господствующимъ въ немъ настроеніемъ при встрѣчѣ съ извѣстными ему явленіями и служитъ основаніемъ контроля надъ послѣдующими побужденіями и желаніями.

Возмемъ другой примѣръ, —именно взрослаго человѣка, поставленнаго въ нѣсколько аналогическія обстоятельства. Положимъ, что проголодавшійся бѣднякъ, безъ гроша въ карманѣ, входитъ въ пекарню, полную съѣстныхъ припасовъ, и незастаетъ въ ней хозяина. Имъ овладѣваетъ желаніе украсть булку, но онъ боится, чтобы его не застали на мѣстѣ преступленія. Онъ въ волненіи: — голодъ и страхъ быть пойманнымъ попеременно властвуютъ надъ нимъ и заставляютъ его то протягивать руку къ корзинѣ съ хлѣбомъ, то отнимать ее. Всѣ другія чувства замерли въ немъ въ эту минуту, и онъ весь отданъ на произволъ этихъ двухъ поработившихъ его, противоположныхъ чувствъ. Онъ еще колеблется,—но вдругъ скрипнула дверь; онъ проворно отскочилъ отъ корзины, усѣлся въ уголъ, и вотъ, пока еще никто не взошелъ, «со дна души его», какъ обыкновенно выражаются, поднимаются воспоминанія о прошлой безукоризненной жизни, объ уваженіи, которымъ онъ доселѣ пользовался между друзьями и знакомыми, и которому онъ не хотѣлъ бы измѣнить и т. д., т. е. въ немъ просыпается чувство долга, чести, или совѣсти, потому что эти

чувства суть не что другое какъ живое самочувствіе личности, проникнутое памятью о положеніи занимаемомъ въ обществѣ, объ отношеніи къ другимъ людямъ и т. п. Эти воспоминанія и возвратившаяся съ ними свобода сужденія служатъ основаніемъ твердо принимаемаго рѣшенія —воздержаться отъ кражи.

Въ настоящемъ случаѣ человѣкъ уже не выноситъ никакого новаго урока для своей психической практики; напротивъ онъ только прилагаетъ готовый запасъ своей опытности къ данному случаю. Основанія контроля расширились, но въ сущности остались тѣже: въ него входитъ уже не одно какое нибудь простое чувство, но цѣлая вереница представленій и образовъ, и нераздѣльныхъ съ ними чувствъ, какъ плодовъ житейскаго опыта.

Какъ объясняетъ себѣ Гегель это различіе между простотою психической жизни ребенка, готоваго слѣдовать первому движенію своей природы, и между сложностью той-же жизни у взрослаго человѣка, взвѣшивающаго каждый шагъ свой? Онъ говоритъ, что психическая жизнь дитяти близка къ природѣ, непосредственна; напротивъ духъ взрослаго человѣка не остается въ такомъ непосредственномъ единствѣ съ природою и съ самимъ собою, а противополагается самому себѣ. Откуда берется это мистическое противоположеніе духа самому себѣ? Этого онъ не объясняетъ; или, лучше сказать, онъ видитъ въ этомъ явленіи необходимую діалектику духа, выходящую изъ его непосредственнаго единства съ природою и съ собою, и возводящую его на ступень противоположности. Но такой діалектическій законъ саморазвитія духа введенъ сюда совершенно напрасно. Постепенно расширяющійся психическій контроль надъ вновь раждающимися чувствами, желаніями и побужденіями есть простое слѣдствіе жизненнаго опыта, оставляющаго неизгладимые уроки въ чувствительномъ организмѣ и въ впечатлительной душѣ человѣческой. Объ этомъ предметѣ можно сказать тоже самое что о врожденныхъ идеяхъ. Гегель отрицалъ непосред-

ственность врожденныхъ идей; а между тѣмъ онъ допускалъ, что духъ, путемъ діалектическаго развитія, необходимо доходитъ до извѣстныхъ, всеобщихъ и неизмѣнныхъ идей, т. е. косвенно онъ снова вводилъ врожденныя идеи въ теорію психической дѣятельности. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи онъ легко могъ бы убѣдиться, что коль скоро люди съ малолѣтства поставлены въ одинаковую жизненную обстановку, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они выносятъ одинаковыя убѣжденія изъ своей жизненной опытности, и что наоборотъ при различіи дѣйствующихъ на нихъ вліяній они весьма мало сходятся между собою въ своихъ основныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ.

Вообще психическая жизнь человѣка состоитъ въ постоянной борьбѣ существенныхъ жизненныхъ интересовъ, изъ которыхъ сильнѣйшіе господствуютъ надъ слабѣйшими. При этомъ интересы привычные, вошедшіе въ плоть и кровь человѣка, сдѣлавшіеся его второю натурою, всегда берутъ перевѣсъ надъ преходящими впечатлѣніями минуты. Подъ нихъ подходитъ все то, что мы называемъ складомъ ума, образомъ мыслей, нравственною физіономіею человѣка. Они дѣлаются господствующимъ настроеніемъ личности, которому подчиняются всѣ преходящіе аффекты. Они одни объясняютъ намъ важность и силу воспитанія; кому не извѣстно, что человѣкъ молодой и неопытный легко подчиняется всякому вліянію, и что въ періодъ его развитія въ извѣстной жизненной средѣ складываются его воззрѣнія и характеръ? и что наоборотъ пожилой человѣкъ неподатливѣе на свои убѣжденія и стремится принаровить всякое новое впечатлѣніе къ своему сложившемуся и устоявшемуся образу мыслей? Наконецъ они одни объясняютъ намъ безчисленные оттѣнки сужденія и тонкости чувства между людьми, тогда какъ, если-бы духъ всегда развивался по одному неизмѣнному діалектическому или другому закону, то онъ всегда доходилъ бы до однихъ и тѣхъ же результатовъ, и не было бы ни разногласія въ мнѣніяхъ людей, ни различія въ ихъ нравственной физіономіи.

Итакъ, повторимъ еще разъ, психическая жизнь — а она главнымъ образомъ проявляется въ контролѣ чувствъ, мыслей и побужденій — есть взаимнодѣйствіе живыхъ интересовъ, изъ которыхъ позднѣйшіе и потому слабѣйшіе подчиняются уже укоренившимся и сильнѣйшимъ, хотя между тѣми и другими нѣтъ никакой существенной разницы. Такія же представленія какъ противоположеніе субъекта самому себѣ и его отожествленіе съ самимъ собою, или его подраздѣленіе въ самомъ себѣ на субъектъ созерцающій и объектъ созерцаемый, — какъ бы ни варьировали эти выраженія, — должны быть принимаемы за то что они есть, именно за результатъ отвлеченія удаляющагося отъ прямаго толкованія наблюдаемыхъ явленій, и ошибочно считающаго призрачные продукты своей рефлексіи за самую сущность духа.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы опустимъ физіологическія основы психической жизни, въ томъ видѣ какъ онѣ представляются намъ въ дѣйствительности и взглянемъ на психическую дѣятельность съ возможно большей высоты отвлеченія, то получимъ, съ одной стороны, разнообразное содержаніе, наполняющее нашъ внутренній міръ, а съ другой стороны отвлеченную личность, или отвлеченное я, какъ будто распоряжающееся первымъ. Это я, которое всегда наполнено a posteriori и является такъ или иначе опредѣленнымъ, — потому что живое самочувствіе недѣлимаго не можетъ быть пусто, — представится намъ какъ ничѣмъ не наполненное: мы не будемъ видѣть ни его связи съ эмпирическимъ, постоянно измѣняющимся, приливающимъ и уходящимъ содержаніемъ нашихъ чувствъ, ни съ другими, повидимому абстрактными и апріористическими понятіями, каковы напримѣръ понятія долга, чести, совѣсти и т. д., а равно и съ болѣе конкретными идеалами практической дѣятельности, общественнаго устройства, религіозной практики и т. д.; — и должны будемъ либо предположить что они вложены въ насъ извнѣ; либо, по примѣру Гегеля, видѣть въ нихъ осуществленіе внутренняго закона духа, неизмѣнно приходящаго въ своемъ саморазвитіи къ одной, въ немъ заранѣе предпо-

ложенной цѣли;—словомъ такъ или иначе, мы должны будемъ сдѣлать первый ложный шагъ въ истолкованіи живой личности.

Переходя къ Гегелевой теоріи объ основахъ народной жизни, мы встрѣчаемъ такое же отвлеченное понятіе, какое явилось намъ выше подъ именемъ обобщающаго единства индивидуальности. Это—понятіе о *народномъ духѣ*, и также понятіе самодѣятельное и самоопредѣляющееся. Въ самомъ дѣлѣ, въ народной жизни Гегель видѣлъ не борьбу живыхъ личностей съ ихъ естественными нуждами и потребностями, борьбу тяжелую и трудную, подверженную безчисленному множеству вліяній и случайностей природы и произвола, но мирное саморазвитіе и разцвѣтаніе народнаго духа, постепенно раскрывающаго въ ихъ полномъ блескѣ тѣ начала, которыя были скрыты въ его сущности. При этомъ Гегель полагалъ, что духъ каждаго народа ограниченъ и осуществляется въ одностороннихъ юридическихъ и государственныхъ формахъ, пока не достигнетъ своего полнаго и всесторонняго проявленія въ абсолютныхъ формахъ гражданственности, развить которыя, по его мнѣнію, суждено было германскому духу. Вотъ почему въ настоящемъ сочиненіи, оставляя въ сторонѣ всѣ переходныя формы гражданственности, онъ набрасываетъ очеркъ современной ему формы Прусскаго государственнаго быта, какъ формы абсолютно-разумной.

Въ настоящее время общественныя науки служатъ ключемъ къ уразумѣнію юридическихъ и государственныхъ институтовъ и учрежденій каждаго народа. «Чтобы понять происхожденіе этихъ послѣднихъ, стоитъ только исторически изслѣдовать отросли экономической дѣятельности извѣстнаго народа, взаимное отношеніе и борьбу его сословій, преобладаніе тѣхъ или другихъ интересовъ, наконецъ степень его цивилизаціи, въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Это новое направленіе, ставящее юридическія и государственныя науки въ связь съ общественными науками, получило названіе историко физіологической школы.... Это направленіе относитъ

результаты исторической жизни народа не къ народному духу, существующему только въ созерцаніи идеалистовъ, но къ человѣческой душѣ, какъ она выходитъ изъ борьбы съ природою, изъ столкновенія и соединенія съ другими людьми.... Эта новая историко-физіологическая школа разлагаетъ духъ народный на его составные элементы и замѣняетъ его жизненнымъ процессомъ народа, доступнымъ для научнаго изслѣдованія.» (См. статью *о Савиньи*, Русск. Вѣстн. 1863 г № 4. стр. 591—597).

Естественно что, при такомъ взглядѣ, современныя гражданскія и государственныя формы быта, каково бы ни было ихъ внутреннее достоинство, всего менѣе могутъ представляться осуществленіемъ абсолютнаго разумнаго идеала, завершающаго собою всю трудную работу исторіи. Они просто являются живымъ наслѣдіемъ прошедшаго,—и свободное отношеніе разума касательно ихъ будетъ преимущественно состоять въ полномъ и отчетливомъ пониманіи всѣхъ жизненныхъ условій минувшаго времени, способствовавшихъ ихъ развитію, а также и въ ясномъ сознаніи тѣхъ необходимыхъ измѣненій, которыя вызываются текущими потребностями настоящаго.

То, что сказано здѣсь о народномъ духѣ, вполнѣ примѣняется и къ *духу всемірному*, какъ вѣнцу всѣхъ этихъ идеалистическихъ понятій. Если народный духъ все еще осуществляетъ свои начала черезъ посредство борьбы и столкновенія личностей, то Гегель, въ своемъ квіэтистическомъ стремленіи, хотѣлъ отыскать для дѣятельности всемірноисторическаго духа такую гармоническую сферу, гдѣ духъ былъ бы свободенъ отъ всякой коллизіи и спокойно наслаждался собою въ своей собственной родинѣ. Такою областью представлялась ему область художественнаго творчества, религіознаго созерцанія и научнаго знанія; вотъ почему, въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящаго сочиненія, распредѣляя эти сферы человѣческой дѣятельности между міромъ древнимъ, среднимъ и новымъ, жизнь которыхъ была по преимуществу проникнута

то элементомъ художественнымъ, то религіознымъ, то научнымъ, Гегель рисуетъ картину мирной и гармонической жизни всемірнаго духа.

И здѣсь такая смѣна различныхъ элементовъ, будто бы происходящая по діалектическому закону саморазвивающагося духа, не выдерживаетъ критики. Въ этой картинѣ, точно также какъ и прежде, выпущены жизненныя условія и та внѣшняя обстановка, которая давала въ различныя времена различное направленіе творческимъ способностямъ человѣка. Да и самая дѣятельность, посвященная каждой изъ названныхъ сферъ, никогда не была мирною и гармоническою; никакой успѣхъ никогда не давался безъ труда и борьбы. Великіе художники самоотверженные проповѣдники любви, смѣлые глашатаи научныхъ истинъ всегда пили горькую чашу страданія въ возмездіе за свою геніальность, и никогда не наслаждались мирно плодами благихъ стремленій на пользу человѣчества. Чѣмъ выше человѣкъ по уму, таланту и энтузіазму тѣмъ больше ожесточенія онъ встрѣчаетъ въ тупой посредственности и разсчитанной раздражительности, и тѣмъ больше терній выпадаетъ на его жизненный путь. Такъ было, есть и будетъ вѣроятно во всѣ времена. Эти сильные характеры не мирятся съ устоявшимся міромъ преданія и не раболѣпствуютъ предъ нимъ. За то въ эпохи, когда, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, понижается уровень нравственнаго достоинства, когда на всѣ отношенія ложится печать бездушной пошлости и пошлаго эгоизма, эти личности служатъ залогомъ благородства человѣческой природы и обновляютъ вѣру въ тотъ неизсякаемый родникъ жизни, откуда вѣчно льются благо и свѣтъ, затопляя своимъ блескомъ неотступныя тѣни прошедшаго....

Мы должны впрочемъ замѣтить, что Гегель, въ своей теоріи духа, не дѣлаетъ такого разграниченія между жизнію индивидуума, народа и человѣчества, какое мы сдѣлали, стараясь осязательнѣе характеризовать его понятія. Въ индивидуальномъ развитіи духа онъ находилъ отраженіе общей жизни человѣче-

ства и наоборотъ въ этой послѣдней онъ думалъ найдти господство тѣхъ же законовъ, которымъ подчинено индивидуальное развитіе личности. Вслѣдствіе этого онъ сливалъ обѣ эти струи въ одно цѣлое, въ одну понораму развивающейся жизни духа, гдѣ все индивидуальное, личное захвачено общею волною и поглощено однимъ объединяющимъ, обезцвѣчивающимъ, идеальнымъ элементомъ.

Въ противоположность такому обезличенію современная наука вездѣ отстаиваетъ право живой личности и направляетъ свои изслѣдованія такимъ образомъ чтобы они служили пользѣ и интересамъ этой послѣдней. Въ этомъ состоитъ ея характеристическая особенность и ея несомнѣнная заслуга.

Таковы наиболѣе яркія черты Гегелевой теоріи духа. Кто желаетъ вполнѣ уяснить себѣ отношеніе современной науки къ Гегелеву міросозерцанію, тотъ долженъ обратиться къ сочиненію Гайма: Hegel und seine Zeit, представляющему превосходный комментарій къ его системѣ. Въ немъ, въ живомъ очеркѣ, изображено происхожденіе, развитіе, господство и паденіе этой системы. Такъ на собственномъ трудѣ Гегеля оправдались его глубоко-вѣрныя слова: «всякая философія есть ея собственное время, переведенное въ мысли, и было бы такъ же безразсудно полагать, что какая бы то ни было философія можетъ выйдти за предѣлы своего времени, какъ и то, что какой бы то ни было человѣкъ можетъ перескочить за свое время.»

Въ заключеніе мы должны сказать, что критика давно уже оцѣнила существенное различіе между внутреннимъ достоинствомъ Гегелевой логики и позднѣйшимъ примѣненіемъ ея внѣшняго формализма въ опытныхъ наукахъ, и въ частности въ философіи духа. Въ нашихъ краткихъ отзывахъ о той и другой мы могли только подтвердить это различіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОПРАВКИ:

Напечатано				должно исправить.
стр.		строк.		
25	св.	17	Существовать для себя	овладѣвать собою
26	—	1	— — — — — —	— — —
27	—	3	Ставитъ	усвоиваетъ
—	—	5	Поставленнымъ	усвоеннымъ
—	—	7	Понятіе	саморазвивающееся понятіе.
—	—	19	понятіе	саморазвитіе понятія
28	—	15	Существуетъ для себя	обладаетъ собою
29	сн.	9	— — — — — —	— — — —
32	св.	8	Существовать для себя	овладѣвать собою
—	сн.	5	Существуетъ для себя	обладаетъ собою
37	св.	13	Существуетъ отвлеченно для себя.	обладаетъ отвлеченно собою.
—	—	20	Существующій для себя	ими обладающій.

ФИЛОСОФІЯ ДУХА.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§. 377.

Наука о духѣ, какъ о существѣ самомъ конкретномъ, есть высшая и самая трудная наука. Абсолютная заповѣдь для человѣка есть слѣдующая: *познай самого себя*. Эти слова, какъ сами по себѣ, такъ и въ устахъ того, кѣмъ они были высказаны по свидѣтельству исторіи, не значутъ, чтобы мы должны были изучать свои *частныя* способности, характеръ, наклонности и слабости; напротивъ, мы должны дѣлать предметомъ своего изученія то, что есть истиннаго въ человѣкѣ, его истинную сущность, именно его *духъ*. Философія духа не даетъ того мелкаго *знанія людей*, которое имѣетъ своею цѣлію узнать то, что есть *особеннаго* въ людяхъ: ихъ страсти, слабости и такъ-называемые изгибы человѣческаго сердца. Такую задачу можно было бы поставить себѣ только тогда, когда была бы узнана *всеобщая* природа человѣка, т. е. когда узнана сущность человѣка,—его духъ. Но это знаніе занимается только случайными явленіями духа, которыя не имѣютъ никакого значенія и никакой истины; оно не постигаетъ самаго существеннаго, именно самаго духа.

Прибавленіе. Трудность Философіи духа состоитъ въ томъ, что эта наука имѣетъ своимъ предметомъ не логическую идею, сравнительно отвлеченную и простую, но самую полную и самую развитую форму, которой достигаетъ идея, осуществляя самое себя. Не только абсолютный, но и конечный или субъективный духъ есть ступень осуществляющейся идеи. Наука о духѣ можетъ быть названа филосо-

фіей духа только тогда, когда она изслѣдуетъ понятіе духа, въ его живомъ развитіи и осуществленіи, т. е. когда она постигаетъ духъ какъ выраженіе вѣчной идеи. Самая сущность духа состоитъ въ томъ, что онъ долженъ уразумѣть свое понятіе. И такъ, когда дельфійскій Аполлонъ требовалъ отъ Грековъ, чтобы человѣкъ познавалъ самого себя, то эта заповѣдь не была предписаніемъ внѣшняго авторитета, обращеннымъ къ духу человѣческому; богъ, побуждающій къ самопознанію, есть не что другое, какъ собственный, абсолютный законъ духа. Что бы ни дѣлалъ духъ, онъ только овладѣваетъ самимъ собою, и всякая истинная философія имѣетъ одну цѣль: именно, духъ долженъ познать самаго себя во всемъ, что есть на небѣ и на землѣ. Для человѣческаго духа не существуетъ ничего абсолютно инаго. Даже восточные народы не вполнѣ терялись въ предметѣ своего поклоненія; но Греки впервые поняли, что то, что они признавали божественнымъ, есть не что другое какъ духъ. Однакоже, ни въ философіи, ни въ религіи, они не возвысились къ понятію духа, какъ существа абсолютно безконечнаго. У Грековъ отношеніе человѣческаго духа къ божеству еще не вполнѣ свободно. Только христіанское ученіе о воплощеніи Бога и о присутствіи святаго Духа въ вѣрующей общинѣ дало человѣческому духу сознаніе совершенно свободнаго отношенія къ Безконечному и тѣмъ самымъ сдѣлало возможнымъ разумное знаніе о духѣ, въ его абсолютной безконечности.

Только такое знаніе заслуживаетъ названіе философіи духа. *Самопознаніе*, въ обычномъ, тривіальномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ изученіе собственныхъ слабостей и недостатковъ индивидуума, занимательно и важно только для отдѣльнаго человѣка, а не для науки; но и по отношенію къ отдѣльному лицу, оно тѣмъ болѣе теряетъ свое значеніе, чѣмъ менѣе оно занимается общею, умственною и нравственною природою человѣка и его обязанностями, составляющими истинное содержаніе его воли, и чѣмъ болѣе недѣлимое погружается въ эгоистическое изученіе своихъ, дорогихъ ему, особенностей.

Тоже самое должно сказать о такъ-называемомъ *знаніи*

людей, которое имѣетъ своимъ предметомъ своеобразности отдѣльныхъ лицъ. Конечно, это знаніе можетъ быть полезно и необходимо для жизни, особенно при дурныхъ политическихъ обстоятельствахъ, когда господствуютъ не право и законъ, а своенравіе, прихоть и произволъ лицъ;—или для интригъ, когда люди забываютъ о существенныхъ цѣляхъ государства, когда они стараются поддержать свое значеніе, остроумно пользуясь слабостями другихъ, и стремятся осуществить свои случайныя цѣли черезъ ихъ посредство. Но философія не можетъ извлечь никакой пользы изъ этого знанія людей, если оно не способно возвыситься отъ случайныхъ индивидуальностей къ изученію великихъ человѣческихъ характеровъ, являющихъ истинную природу человѣка, во всей ея чистотѣ.

Но такое знаніе людей приноситъ даже вредъ наукѣ. Такъ напримѣръ, прагматическое изложеніе исторіи искажало истинное значеніе всемірно историческихъ дѣятелей; оно не понимало, что великія дѣла могутъ быть совершены только великими характерами; оно дѣлало остроумную, какъ оно полагало, попытку, вывести великія событія исторіи изъ случайной воли историческихъ героевъ, изъ ихъ мелкихъ видовъ, склонностей и страстей; при такомъ взглядѣ, теченіе исторіи, управляемое Божественнымъ Провидѣніемъ, нисходитъ на степень безсмысленной игры пустой дѣятельности и случайныхъ событій.

§ 378.

Во введеніи въ энциклопедію мы уже говорили, что *пневматологія*, или т. н. раціональная *психологія* есть отвлеченная метафизика, созданная разсудкомъ. Что касается до *эмпирической психологіи*, то она имѣетъ своимъ предметомъ конкретный духъ, и ея методъ не измѣнился со времени возрожденія наукъ, когда главнымъ основаніемъ знаній сдѣлались наблюденіе и опытъ. Метафизическая психологія всегда держалась вдали отъ эмпирической, и, какъ мы видѣли, она не могла придти къ конкретнымъ опредѣленіямъ своихъ предметовъ. Съ своей стороны, эмпирическая психологія

заимствовала у разсудочной метафизики отвлеченныя понятія о силахъ, способностяхъ души и не доходила до спекулятивнаго знанія.—По-этому, до сихъ поръ, важнѣйшимъ и даже единственнымъ сочиненіемъ по этому предмету, имѣющимъ разумный характеръ, остаются сочиненія Аристотеля «*о душѣ*» и его трактаты о различныхъ явленіяхъ и состояніяхъ души. Философія духа должна главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы понять явленія духа въ ихъ необходимой послѣдовательности и такимъ образомъ выяснить истинный смыслъ названныхъ сочиненій Аристотеля.

Приб. Въ предъидущемъ §. мы коснулисъ эмпирическаго наблюденія, которое занимается несущественными, безсвязными явленіями духа. Прямую противоположность ему составляетъ такъ называемая *раціональная психологія* или *пневматологія*, которая имѣетъ своимъ предметомъ отвлеченное всеобщее опредѣленіе духа, сущность души, отрѣшенную отъ ея проявленій, или духъ, какъ онъ есть въ самомъ себѣ. Истинная, или спекулятивная Философія исключаетъ какъ ту, такъ и другую науку, потому что она не должна брать готовыя представленія о своихъ предметахъ и не должна опредѣлять эти предметы посредствомъ отвлеченныхъ категорій разсудка, какъ это дѣлала раціональная психологія, напр. когда она спрашивала, есть ли душа или духъ—простая, не матеріальная субстанція? Въ этомъ случаѣ она разсматривала духъ какъ вещь; она полагала, что эти категоріи тверды и неподвижны; но онѣ не способны выразить истинную сущность духа. Духъ не есть безжизненное существо; онъ есть процессъ, чистая дѣятельность, отрицаніе или тожество всѣхъ твердыхъ опредѣленій разсудка;—онъ не есть *простая* субстанція, потому что, при всей своей простотѣ, онъ различаетъ себя отъ самого себя:— онъ не есть такое существо, которое существовало бы независимо отъ явленій и которое скрывалось бы позади ихъ;—онъ дѣлается дѣйствительнымъ духомъ только тогда, когда необходимо обнаруживаетъ себя въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ формахъ.—Онъ не находится, какъ «вещь», во внѣшней связи съ тѣломъ, (какъ его представляла себѣ раціональная психологія); напротивъ, онъ внутренно связанъ съ тѣломъ, въ единствѣ понятія.

Середину между наблюденіемъ случайныхъ и разрозненныхъ явленій духа и между пневматологіею, имѣющею своимъ предметомъ отрѣшенную отъ явленій сущность его, занимаетъ *эмпирическая психологія*: она имѣетъ своею цѣлію наблюденіе и описаніе особенныхъ способностей духа. Эта наука также не постигаетъ истинной связи между единичными проявленіями духа и его всеобщимъ началомъ, не уразумѣваетъ всеобщей, конкретной природы духа, или его понятія; по этому, ее также нельзя назвать Философіей духа. Эмпирическая психологія беретъ готовыя представленія, какъ о самомъ духѣ, такъ и объ особенныхъ способностяхъ, на которыя она дробитъ духъ; она не показываетъ, почему въ духѣ находятся именно эти, а не другія способности,—и это потому, что она не выводитъ ихъ изъ общаго понятія духа.

Вслѣдствіе такого несовершенства формы, она лишаетъ самое содержаніе духа свойственной ему жизни. Эмпирическое наблюденіе надъ человѣкомъ грѣшило тѣмъ, что обращало исключительное вниманіе на единичныя проявленія духа; въ свою очередь, раціональная психологія исключительно разсматривала отрѣшенную, всеобщую сущность его; такимъ же образомъ эмпирическая психологія дѣлаетъ своимъ предметомъ особенныя способности, на которыя она дѣлитъ духъ, считая ихъ независимыми и твердыми; она превращаетъ духъ въ собраніе самостоятельныхъ силъ, связанныхъ между собою внѣшнею связью, или взаимнодѣйствіемъ. Правда, эта наука имѣетъ своею задачею показать гармоническую связь между различными силами духа, — и она придаетъ такую же важность этому неопредѣленному выраженію, какую прежняя метафизика придавала искомому ею опредѣленію существа «самаго совершеннаго.» Но этимъ она признаетъ только, что духъ стремится къ единству, а не то, что онъ проистекаетъ изъ первобытнаго единства и что самое понятіе духа, или его простое единство развивается въ особенныя формы, или дѣятельности, которыя потому самому необходимы и разумны. И такъ, гармоническая связь между способностями духа есть не болѣе какъ пустое представленіе, которое даетъ поводъ къ разглаголь-

ствованіямъ ; но эта такъ называемая гармонія не составляетъ власти, которая бы господствовала надъ независимыми силами или способностями духа.

§ 379.

Духъ чувствуетъ свое *живое* единство (*), и это чувство противорѣчитъ дробленію духа на различныя *силы*, *способности* и *дѣятельности*, которыя были бы независимы одна отъ другой. Точно также мы должны *понять*, т. е. примирить тѣ противоположныя теоріи, которыя составляютъ о духѣ; такъ одни говорятъ, что духъ свободенъ, тогда какъ другіе утверждаютъ, что онъ опредѣляется внѣшними обстоятельствами; одни признаютъ, что душа дѣйствуетъ свободно и независимо отъ тѣла ; другіе допускаютъ тѣсную связь между ними. Въ новѣйшее время , явленія *животнаго магнитизма* фактически доказали субстанціальное единство души и ея власть надъ тѣломъ; они опровергли всѣ отвлеченныя представленія разсудка и показали необходимость спекулятивнаго знанія, чтобы разрѣшить всѣ эти противорѣчія.

Приб. Всѣ конечныя воззрѣнія на духъ, о которыхъ мы говорили въ двухъ предъидущихъ §§ были опровергнуты частію огромными успѣхами философіи въ новѣйшее время, частію, на опытѣ, явленіями животнаго магнитизма, которыя показали несостоятельность конечнаго мышленія.

Что касается до перваго обстоятельства, философія перестала разсматривать духъ какъ конечный предметъ и опредѣлять его при помощи категорій разсудка, какъ это дѣлалъ Вольфъ. Точно также, она перестала описывать такъ-называемые факты сознанія, какъ того хотѣлъ Фихте. Она поняла, что духъ есть идея, существующая въ дѣйствительности и имѣющая сознаніе о самой себѣ ; другими словами , что живой духъ необходимо различается въ самомъ себѣ и возвращаетъ эти различія къ ихъ первобытному единству. Вслѣдствіе этого она перестала считать независимыми единичныя явленія духа , особенныя силы и способности его, или его всеобщую сущность, и убѣдилась, что всѣ эти мо-

---

(*) Т. е. постоянно возстановляющееся или воспроизводящееся единство. *Перев.*

менты совмѣщаются въ единомъ понятіи духа; она перестала описывать явленія духа въ томъ видѣ, какъ находила ихъ и убѣдилась въ необходимости строгаго научнаго метода, который показываетъ, что содержаніе духа развивается само изъ себя. Эмпирическія науки берутъ свой матеріалъ извнѣ, какъ онъ данъ наблюденіемъ и опытомъ, и приводятъ его въ извѣстный порядокъ, какъ того требуютъ готовыя общія правила. Но спекулятивное мышленіе должно показать, почему существуютъ его предметы и какъ они развились. Оно должно вывести каждое особенное понятіе изъ общаго понятія, которое производитъ и осуществляетъ самого себя, т. е. изъ логической идеи. Философія духа должна показать, что духъ есть необходимая ступень развитія вѣчной идеи, и что всѣ формы его, составляющія предметъ особенныхъ частей философіи духа, развиваются изъ самаго понятія духа. Какъ живой организмъ весь содержится въ зародышѣ и есть продуктъ не внѣшней власти, а необходимое развитіе самаго зерна; точно также, всѣ особенныя формы живаго духа развиваются изъ понятія духа, какъ изъ своего зародыша. Развитіе нашего мышленія совершенно совпадаетъ съ развитіемъ самаго предмета, потому что и то и другое вытекаетъ изъ одного нераздѣльнаго понятія. Намъ остается только слѣдить за собственнымъ движеніемъ предмета, и мы не должны прерывать его, вмѣшивая въ него субъективныя представленія и мысли. Понятіе развивается безъ всякаго внѣшняго побужденія; оно осуществляется, потому что его природа дѣятельна, или потому что его первобытное единство необходимо впадаетъ въ различія, т. е. снимаетъ свое несовершенство, свою односторонность, раскрываетъ свои опредѣленія, которыя въ началѣ были только возможны, и такимъ образомъ оно является какъ истинное цѣлое.

Какъ начало и движеніе понятія, такъ и конецъ его развитія не зависятъ отъ нашего произвола. Когда размышляютъ о какомъ нибудь предметѣ, то конецъ изслѣдованія всегда болѣе или менѣе произволенъ. Но, въ философіи, развитіе понятія достигаетъ своего предѣла, когда понятіе осуществляется въ формѣ, вполнѣ ему соотвѣтствующей. Мы видимъ это уже въ живомъ организмѣ. Зерно растенія,—это

понятіе, существующее въ чувственномъ предметѣ,—заканчиваетъ свое развитіе, когда производитъ существованіе, равное ему, именно сѣмя. Тоже самое относится и къ духу. Его развитіе достигаетъ своей цѣли, когда его понятіе вполнѣ осуществилось, или—что одно и тоже—когда духъ вполнѣ созналъ свое понятіе. Слѣдовательно, и въ духѣ, начало развитія совпадаетъ съ его концемъ, или понятіе духа, осуществляясь, имѣетъ своимъ результатомъ само себя. Но въ духѣ этотъ результатъ существуетъ въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ въ живомъ организмѣ. Сѣмя, какъ результатъ развитія, различается отъ того сѣмени, которое произвело его; напротивъ, когда духъ познаетъ самого себя, или приходитъ къ сознанію о самомъ себѣ, тогда познаваемое и познающее совершенно тожественны.

Мы узнаемъ духъ въ его истинѣ только тогда, когда слѣдимъ за процессомъ, посредствомъ котораго понятіе духа осуществляетъ само себя (потому что истина есть не что иное, какъ совпаденіе понятія и дѣйствительности). Духъ, въ его непосредственномъ состояніи, еще не истиненъ; онъ еще не сдѣлалъ своего понятія своимъ предметомъ; онъ еще не постигаетъ, что все, что онъ находитъ въ себѣ, поставлено имъ самимъ, и его дѣйствительность еще не соотвѣтствуетъ его понятію. Въ теченіи своего развитія, духъ возвышается къ своему истинному понятію, и различныя способности или силы духа составляютъ ступени этого возвышенія. Итакъ, духъ самъ впадаетъ въ различія, проходитъ разныя формы своего существованія и возвращаетъ свои различія къ единству своего понятія; такимъ образомъ духъ есть истинная, живая, органическая или систематическая цѣлость. Когда наука о духѣ имѣетъ своимъ предметомъ такую жизнь духа, она сама есть наука истинная, живая, органическая и систематическая.—Эти сказуемыя не приложимы ни къ раціональной, ни къ эмпирической психологіи, потому что первая превращаетъ духъ въ мертвую сущность, отрѣшенную отъ явленій, ее осуществляющихъ; вторая также умерщвляетъ духъ, потому что дробитъ его на самостоятельныя силы, которыя не проистекаютъ и не совмѣщаются въ единомъ понятіи живаго духа.

Мы уже замѣтили, что явленія животнаго магнитизма опровергли недостаточное, конечное, разсудочное воззрѣніе на духъ. Это удивительное состояніе преимущественно заставило измѣнить понятіе объ отношеніи духа къ природѣ. Разсматривая другія состоянія, въ которыхъ духъ связанъ съ тѣломъ, или въ которыхъ онъ дѣйствуетъ сознательно, разсудокъ можетъ приводить ихъ во внѣшнія отношенія другъ къ другу, какъ на пр. въ отношеніе причины и дѣйствія, т. е. отыскивать естественное теченіе вещей; эти категоріи умѣстны въ такихъ случаяхъ, потому что онѣ выражаютъ конечныя отношенія предметовъ между собою. Но разсудокъ не способенъ даже вѣрить въ явленія животнаго магнитизма, потому что въ этомъ состояніи духъ не связанъ ни мѣстомъ, ни временемъ, его явленія не могутъ быть объяснены связью причинъ и дѣйствій, онъ переступаетъ за чувственные предѣлы, и все это кажется невѣроятнымъ чудомъ для разсудка. Конечно, было бы нелѣпо думать, что состояніе животнаго магнитизма выше разумной, сознательной жизни духа, и что человѣкъ въ этомъ состояніи способенъ давать болѣе глубокіе отвѣты на вопросы, разрѣшаемые философіей; напротивъ, магнитическое состояніе составляетъ болѣзнь, въ которой духъ утрачиваетъ способность къ здоровой, сознательной дѣятельности, потому что онъ перестаетъ противопоставлять себя природѣ и пользоваться опредѣленными формами мысли. Но въ этомъ состояніи духъ освобождается отъ предѣловъ полагаемыхъ пространствомъ и временемъ, и отъ всѣхъ конечныхъ отношеній; по этому оно родственно съ философскимъ движеніемъ мысли. Сколько ни отвергалъ разсудокъ это состояніе, оно остается несомнѣннымъ фактомъ, и чтобы понять этотъ фактъ, представляющійся во всей своей грубости, необходимо перейти отъ обычной психологіи къ спекулятивной философіи, которая одна способна понять это непостижимое для разсудка чудо.

§ 380.

Изученіе духа очень трудно, потому что онъ есть существо самое конкретное. Въ природѣ, всѣ ступени развитія ея понятія существуютъ независимо одна отъ другой; такъ

понятіе матеріи и ея движенія осуществляется въ солнечной системѣ; каждому органу чувствъ соотвѣтствуютъ извѣстныя свойства тѣлъ, или, еще далѣе, извѣстный элементъ и т. д. Напротивъ, ступени развитія духа не имѣютъ независимаго существованія, онѣ не противополагаются его высшимъ формамъ, онѣ составляютъ только моменты, или извѣстныя состоянія, извѣстныя опредѣленія, нераздѣльныя отъ высшихъ ступеней его развитія. Такъ на пр. если мы будемъ фактически разсматривать какую нибудь низшую, или болѣе отвлеченную ступень духа, напримѣръ чувство, мы найдемъ въ немъ высшія ступени, потому что чувство составляетъ только форму, въ которой могутъ содержаться тѣ или другія опредѣленія духа и проч. Вслѣдствіе этого можно подумать, будто это содержаніе (на пр. религіозное, нравственное содержаніе) имѣетъ свое мѣсто и свой корень въ чувствѣ и что, соотвѣтственно его различіямъ, должно различать разные роды чувства. По этому же, разсматривая такія низшія ступени духа, составляющія только форму для высшаго содержанія, мы должны будемъ прежде времени указывать на такое содержаніе, хотя оно будетъ разсматриваемо нами впослѣдствіи, когда развитіе предмета дойдетъ до него. (Такъ на пр. разсматривая пробужденіе ото сна, мы должны будемъ говорить о сознаніи; разсматривая сумасшествіе, мы должны будемъ упоминать о разсудкѣ и т. д.).

ПОНЯТІЕ ДУХА.

§ 381.

Мы разсматривали природу прежде духа. Но духъ есть *истинный* продуктъ природы, и слѣдственно та первобытная цѣль, которой природа обязана своимъ бытіемъ. Духъ узнаетъ въ природѣ самого себя, потому что онъ есть сознательное и конкретное тожество бытія и мышленія (*). Другими словами, духъ, какъ субъектъ, есть понятіе и имѣетъ это понятіе своимъ объектомъ. Духъ тожественъ съ собою; но это потому, что онъ отрицаетъ независимое существованіе природы;

(*) Въ подлинникѣ:—идея, которая существуетъ *для себя*.—*Перев.*

въ природѣ, понятіе дробилось на внѣшніе, независимые объекты; но духъ отвергаетъ независимость этихъ объектовъ и признаетъ свое тожество съ ними. Итакъ, онъ тожественъ въ самомъ себѣ, потому что возвратился къ своему единству.

Приб. Въ прибавленіи къ § 379 мы уже сказали, что духъ есть идея, имѣющая самое себя своимъ объектомъ и существующая въ дѣйствительности. Философія должна показать, что это понятіе духа, точно также какъ и всѣ ея понятія, необходимо, т. е. что оно есть результатъ развитія всеобщаго понятія, или логической идеи. Не одна логическая идея, но и внѣшняя природа предшествуетъ духу въ этомъ развитіи. Однимъ изъ моментовъ развитія логической идеи было *знаніе*; но тамъ мы разсматривали только отвлеченное понятіе знанія, которое содержало возможность духа. Напротивъ, здѣсь знаніе существуетъ само для себя и духъ осуществленъ въ дѣйствительности. Логическая идея и природа развивались прежде духа, составляющаго предметъ философіи духа; итакъ въ логикѣ и, ближайшимъ образомъ, въ философіи природы мы должны найти доказательство того, что понятіе духа необходимо. Съ своей стороны, философія духа должна оправдать это понятіе, представивши постепенное развитіе и осуществленіе духа. Итакъ все, что мы говоримъ о духѣ въ началѣ науки, можетъ быть доказано научнымъ образомъ только всею философіею. По этому мы постараемся только уяснить понятіе духа посредствомъ болѣе извѣстныхъ намъ представленій.

Чтобы точнѣе опредѣлить это понятіе мы должны показать, чѣмъ характеризуется идея, когда она возвысилась на ступень духа. Всякое опредѣленіе дѣлается ясно, когда оно различается отъ другаго, противоположнаго опредѣленія. Духъ, какъ извѣстно, противоположенъ природѣ; слѣдовательно опредѣленіе духа должно быть противоположно опредѣленію природы.

Отличительную черту духа составляетъ то, что онъ есть *субъектъ:* т. е. что идея отрицаетъ свое внѣшнее существованіе и возвращается къ своему первобытному единству. Напротивъ, отличительный характеръ логической идеи состоялъ въ томъ, что она *просто* и непосредственно остава-

лась въ своей отвлеченной стихіи; тогда какъ въ природѣ идея приняла форму внѣшняго существованія (такъ что каждое произведеніе природы было внѣшне для другаго). Мы не можемъ повторять здѣсь того, что мы сказали о логической идеѣ въ приб. къ § 379; это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко. Намъ будетъ достаточно разъяснить отличительную особенность природы, потому что природа — какъ мы сказали — прямо противоположна духу.

Природа, подобно духу, есть развитіе идеи; она разумна, и носитъ на себѣ отпечатокъ божественной мысли. Въ природѣ, идея осуществляется въ элементѣ пространства, такъ что каждый продуктъ ея внѣшенъ другому; по этому природа не только внѣшня для духа, но внѣшня въ самой себѣ, между тѣмъ какъ всѣ продукты духа остаются въ его внутреннемъ единствѣ. Это понятіе о природѣ было извѣстно уже Грекамъ и оно совершенно согласуется съ нашими обычными представленіями о природѣ. Мы знаемъ, что всѣ предметы вещественной природы существуютъ въ пространствѣ и времени, что они существуютъ совмѣстно, или слѣдуютъ преемственно другъ за другомъ; словомъ, что всѣ эти предметы разрознены и внѣшни одинъ другому. Самая матерія, которая образуетъ общую основу всѣхъ произведеній природы, не только оказываетъ намъ сопротивленіе и существуетъ независимо отъ духа, но и безконечно дробится въ самой себѣ, потому что она дѣлится на конкретные пункты, или слагается изъ матеріальныхъ атомовъ. Всѣ существованія, которыя вытекаютъ изъ развитія общаго понятія природы, болѣе или менѣе независимы одно отъ другаго. Правда, вслѣдствіе своего первобытнаго единства, они находятся въ связи одно съ другимъ и каждое необходимо вызываетъ другое; но эта связь, въ большей или меньшей степени, остается внѣшнею для нихъ. По этому, справедливо говорятъ, что въ природѣ господствуетъ не свобода, а необходимость; ибо необходимость есть не что другое, какъ только внутренняя связь предметовъ между собою, и потому самому эти независимые предметы связаны между собою внѣшнимъ образомъ. Такъ на примѣръ, хотя планеты притягиваются солнцемъ и находятся въ связи съ этимъ

центромъ, однакожъ они существуютъ по видимому независимо отъ солнца и другъ отъ друга, и это противорѣчіе обнаруживается въ движеніи планетъ около солнца. — Въ живыхъ организмахъ, внутренняя связь членовъ тѣснѣе, чѣмъ въ предметахъ неорганизованныхъ. Въ растеніи мы находимъ внутреннюю связь между центромъ и периферіею, нераздѣльность частей, которыя развиваются извнутри; первобытное единство растенія различается въ самомъ себѣ, и эти различія, достигающія крайняго предѣла въ цвѣткѣ, возвращаются къ единству въ сѣмени. Словомъ, мы видимъ въ растеніи особь, стремящуюся къ воспроизведенію самой себя. Но это единство остается несовершеннымъ; потому что когда растеніе производитъ свои члены, они пріобрѣтаютъ полную независимость, каждая часть воспроизводитъ самое растеніе и члены не вполнѣ подчинены единству растительнаго субъекта. — Связь внѣшнихъ членовъ становится еще тѣснѣе въ животномъ организмѣ. Здѣсь каждый членъ служитъ къ воспроизведенію другаго, составляетъ его причину и есть его дѣйствіе, т. е. служитъ средствомъ и цѣлію, и весь организмъ проникнутъ единствомъ цѣли, такъ что всѣ члены находятся въ полной зависимости отъ этого единства и не могутъ существовать внѣ его; всѣ органы животнаго составляютъ необходимыя опредѣленія его всеобщности и раздѣльность тѣлесныхъ органовъ оказывается здѣсь совершенно неистинною. Животное соотноситъ къ самому себѣ всякое свое опредѣленіе; и потому оно существуетъ для себя, оно есть субъектъ и имѣетъ ощущенія; оно имѣетъ ощущенія, потому что его единство присутствуетъ во всѣхъ его членахъ; эти члены непосредственно передаютъ всякое происходящее въ нихъ впечатлѣніе одному цѣлому, такъ что животное начинаетъ уже существовать для себя. Животное, какъ такой субъектъ, опредѣляется извнутри, изъ самого себя, а не только извнѣ; вслѣдствіе этого оно имѣетъ стремленія и надѣлено инстинктомъ. Такъ какъ животное есть субъектъ, то оно ощущаетъ въ себѣ противорѣчіе и стремится сохранить себя, уничтожая это противорѣчіе; стремленіе къ самосохраненію есть исключительная принадлежность живаго существа и, тѣмъ болѣе, принадлежность духа.

Когда животное имѣетъ какое нибудь ощущеніе, оно различаетъ отъ себя его содержаніе и ощущаетъ его какъ противорѣчіе въ самомъ себѣ. Вслѣдствіе этого, оно противополагаетъ себя внѣшнему міру. Эта противоположность составляетъ новое противорѣчіе для живаго субъекта, потому что жизнь есть единство субъективнаго и объективнаго элемента. По этому субъектъ стремится уподобить себѣ объектъ; такъ животное потребляетъ свою пищу и этимъ способомъ сохраняетъ себя. Но когда эта потребность удовлетворена, животное снова остается само съ собою и снова впадаетъ въ прежнее противорѣчіе. Противорѣчіе дѣйствительно разрѣшается только тогда, когда животное приходитъ въ соотношеніе къ такому объекту, который равенъ ему самому. Это происходитъ въ *отношеніи половъ*. Недѣлимое, приходя въ соотношеніе съ недѣлимымъ другаго пола, ощущаетъ въ немъ самого себя, или общій имъ родъ. Отношеніе половъ составляетъ крайнюю ступень развитія въ живой природѣ; здѣсь природа уже не подчинена внѣшней необходимости, потому что недѣлимыя, находящіяся въ связи другъ съ другомъ, уже не внѣшни одно другому, но ощущаютъ свое единство. При всемъ томъ, внутренняя субстанція (seele) животнаго еще не свободна; она всегда нераздѣльна со своею опредѣленностію, т. е. она не противополагаетъ себя своимъ ощущеніямъ и своимъ стремленіямъ и всегда погружена въ одно какое нибудь ощущеніе или влеченіе. Животное знаетъ о своемъ родѣ только подъ видомъ другаго единичнаго субъекта; оно ощущаетъ свой родъ, но не сознаетъ его; въ животномъ, эта всеобщность еще не дѣлаетъ себя своимъ предметомъ. Особенность половъ отрицается въ родовомъ процессѣ, но результатъ этого процесса есть не свободный родъ, а новый единичный субъектъ. Природа, возвысившись надъ конечнымъ, снова впадаетъ въ ту же сферу и представляетъ постоянное кругообращеніе. Въ этомъ смыслѣ самая *смерть* есть слѣдствіе противорѣчія между единичностію и родомъ; она только отрицаетъ единичность, уничтожаетъ ее, а не сохраняетъ ее. Она не имѣетъ своимъ результатомъ всеобщности, или всеобщей единичности, которая имѣла бы себя своимъ предме-

томъ, или существовала въ формѣ субъекта. Итакъ природа, на самой высшей ступени своего развитія, именно въ животномъ организмѣ, не осуществляетъ своего понятія въ соотвѣтствующей ему дѣйствительности. Это понятіе существуетъ только во внѣшнихъ другъ другу и конечныхъ формахъ бытія. Только въ *духѣ* понятіе находитъ соотвѣтствующую себѣ реальность. Духъ различаетъ себя отъ природы тѣмъ, что отрицаетъ ея внѣшность и конечность.

Такъ какъ духъ отрицаетъ внѣшность и раздробленность природы, то можно сказать, что онъ возвышается изъ элемента реальнаго въ элементъ чисто *идеальный*. Всѣ виды духовной дѣятельности суть не что другое какъ ступени, посредствомъ которыхъ духъ вноситъ внѣшнія формы природы въ свой собственный, внутренній элементъ; возвращая ихъ къ ихъ идеальному единству, уподобляя ихъ себѣ, онъ становится духомъ и существуетъ какъ духъ.

Первое и простѣйшее опредѣленіе духа состоитъ въ томъ, что онъ есть я. Я есть простое всеобщее начало. Когда человѣкъ говоритъ отъ лица своего *я*, онъ подразумѣваетъ самого себя, въ своей единичности. Но всякій другой субъектъ есть *я*, и слѣдовательно Я есть чисто всеобщее понятіе. Вслѣдствіе своей всеобщности, Я можетъ отвлечься отъ всего своего содержанія и даже отъ своей собственной жизни. Духъ есть простое, отвлеченное начало, подобное свѣту; и потому справедливо говорили, что душа есть простая субстанція и противоположна тѣлу, состоящему изъ сложныхъ элементовъ. Но, не взирая на свою простоту, духъ различается въ самомъ себѣ: наше я противопоставляетъ себѣ самого себя, дѣлаетъ себя своимъ предметомъ, и отъ этого предмета, вначалѣ еще отвлеченнаго и ни чѣмъ не наполненнаго, оно возвращается къ своему единству. — Я остается у самого себя, когда различается отъ самого себя; по этому его элементъ есть элементъ безконечный, или идеальный. Я переводитъ въ этотъ элементъ все разнообразное содержаніе природы. Оно овладѣваетъ этимъ содержаніемъ, отравляетъ и въ тоже время просвѣтляетъ его въ своемъ всеобщемъ элементѣ, отнимаетъ отъ него разобщенную, независимую форму бытія и даетъ ему бытіе въ

элементѣ духа. Духъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ безконечное множество представленій; но они не нарушаютъ его простоты, они не внѣшни другъ другу, какъ предметы, находящіеся въ пространствѣ; духъ сохраняется въ нихъ, онъ проникаетъ во всѣ эти разнообразныя опредѣленія и не допускаетъ ихъ пріобрѣсть независимое существованіе.

И такъ *конечный* духъ, надѣленный способностію представленія, переноситъ предметы внѣшняго міра въ свой собственный элементъ; но самыя представленія еще облечены въ формы пространства и внѣшни другъ другу. Но, на ступени религіознаго сознанія, духъ отрицаетъ кажущуюся абсолютную независимость вещей и составляетъ себѣ представленіе о Богѣ, какъ о единой, безконечной власти, животворящей міръ и управляющей имъ. Наконецъ *философское* мышленіе постигаетъ истину, потому что оно узнаетъ что всѣ предметы проистекаютъ изъ одной вѣчной идеи и уразумѣваетъ ходъ ихъ развитія. Конечный духъ уже вносилъ реальные предметы въ свой идеальный элементъ; но въ религіи и въ философіи, этотъ идеальный элементъ получаетъ свою истинную, полную форму, и духъ уразумѣваетъ себя какъ идею, имѣющую себя своимъ предметомъ и осуществляющуюся въ дѣйствительности; т. е. онъ существуетъ какъ абсолютный духъ. Конечный духъ уже возвысился въ идеальный элементъ, потому что онъ вначалѣ былъ безразличенъ, существовалъ какъ положительное начало; но за тѣмъ перешелъ къ различающимся отъ него представленіямъ.—т. е. къ отрицанію своего положительнаго элемента;— и наконецъ отрицалъ это отрицаніе, возвратился къ самому себѣ, или къ своей исходной точкѣ; такимъ образомъ онъ есть абсолютное отрицательное единство, или безконечное соотношеніе съ самимъ собою.—Вслѣдствіе этого мы будемъ разсматривать конечный духъ въ троякой формѣ его существованія: во первыхъ, въ его непосредственномъ единствѣ съ природою (это—*душа*); во вторыхъ, въ его противоположности съ природою (это — *сознаніе*); и наконецъ въ его окончательномъ единствѣ съ природою, которое произошло черезъ посредство отрицанія его противоположности (это собственно *духъ*, составляющій предметъ психологіи). Въ

результатѣ этого развитія, конечный духъ является какъ цѣлость своихъ моментовъ, какъ идея, которая существуетъ для себя, т. е. которая признаетъ свое тожество со своею противоположностію и осуществлена въ дѣйствительности. Но, въ конечномъ духѣ, это тожество только предвидится; оно окончательно признается въ абсолютномъ духѣ, потому что абсолютный духъ или абсолютная идея сознаетъ, что она не есть ни одностороннее субъективное понятіе, ни односторонняя объективная дѣйствительность, но совершенное единство этихъ различающихся моментовъ, т. е. ихъ абсолютная истина.

Все, что мы сказали о духѣ, можетъ быть доказано только всѣмъ развитіемъ философіи и дѣйствительно доказано имъ. Поэтому нѣтъ надобности оправдывать наши опредѣленія передъ обычнымъ сознаніемъ. Но мысль, не привыкшая къ философскимъ изслѣдованіямъ, можетъ требовать, чтобы понятіе духа, которое нами изложено, было уяснено при помощи знакомыхъ ей представленій. Поэтому, мы замѣтимъ, что по христіанскому ученію мы представляемъ себѣ, что Богъ есть духъ, что онъ не пребываетъ въ бездѣйствіи, но различаетъ себя отъ самого себя, создаетъ міръ и царитъ надъ нимъ, управляя его ходомъ. Христіанская религія говоритъ намъ, что Богъ (всеобщее начало, пребывающее въ самомъ себѣ) не остается одинокимъ, но создаетъ природу (всѣ формы которой внѣшни одни другимъ) и человѣка, въ которомъ онъ созерцаетъ самого себя, т. е. узнаетъ свое подобіе,—и слѣдовательно свое единство съ нимъ. Это единство есть уже не отвлеченное, непосредственное единство, какимъ оно было вначалѣ; оно есть конкретное единство, и христіанская религія выражаетъ это, говоря, что въ христіанской общинѣ живетъ святой духъ. Богъ есть духъ, когда онъ не есть только понятіе, отвлеченно пребывающее въ самомъ себѣ,—и не есть единичная дѣйствительность, которая не соотвѣтствуетъ своему всеобщему понятію;—но когда его понятіе совершенно согласуется съ его дѣйствительностію, т. е. когда онъ есть идея, существующая для себя и созерцающая себя въ дѣйствительности.

Таково различіе духа отъ природы. Мы уже сказали, въ

2*

какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу. Такъ какъ это отношеніе нерѣдко подаетъ поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, то мы постараемся объяснить его подробнѣе.

Мы сказали, что духъ отрицаетъ внѣшность природы, усвоиваетъ себѣ природу и вноситъ ее въ свой собственный, идеальный элементъ. Этотъ элементъ имѣетъ отвлеченную форму въ конечномъ духѣ, потому что конечный духъ противополагаетъ себя природѣ. Здѣсь, нашей мысли и нашей волѣ противоположенъ внѣшній матеріалъ, который равнодушенъ къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ мы его подвергаемъ, и относится совершенно страдательно къ усвоенію его нашею мыслію.

Мы видимъ другое отношеніе въ духѣ, движущемъ всемірную исторію. Здѣсь, дѣятельность историческихъ личностей не противоположна недѣятельнымъ массамъ; напротивъ, она обращена на массы, которыя противопоставляютъ ей свою собственную дѣятельность. То, къ чему стремятся первыя, уже выработано жизнію послѣднихъ, такъ что ихъ одушевляетъ одинъ и тотъ же предметъ. Такъ напримѣръ, эпоха и народъ, на которыхъ вліяла дѣятельность Александра или Цезаря, сами подготовили тѣ стремленія, которыя одушевляли ихъ; эпоха создала этихъ людей и они, въ свою очередь, создали ее. Они были орудія своего времени и своего народа и въ то же время они сдѣлали свой народъ орудіемъ для совершенія своихъ дѣлъ.

Философская мысль относится такимъ же точно образомъ къ внѣшней природѣ. Философская мысль убѣждается, съ одной стороны, что мы идеализируемъ природу, потому что мы сводимъ всѣ ея раздробленныя формы къ единству понятія, лежащаго въ ихъ основаніи; а съ другой стороны, что вѣчная идея, живущая въ природѣ или творящая въ ея нѣдрахъ, сама усиливается уничтожить ея дробность, ея внѣшность, — потому что такая форма ея существованія противорѣчитъ ея сущности, именно ея внутреннему единству. — Можно сказать, что философія должна только слѣдить за тѣмъ, какъ природа сама уничтожаетъ свою внѣшность, возвращаетъ внѣшніе элементы предметовъ къ центру идеи и обнаруживаетъ этотъ центръ, освобождая

понятіе, скрытое подъ оболочкою внѣшности, такъ что эти предметы перестаютъ быть связаны одною внѣшнею необходимостію. Философія природы показываетъ, какими ступенями совершается этотъ переходъ отъ необходимости къ свободѣ. На высшей ступени этого развитія природы, именно въ ощущеніяхъ живаго организма, духъ порабощенный природою отрицаетъ самостоятельность разрозненныхъ элементовъ тѣла, начинаетъ соотносить ихъ къ самому себѣ, т. е. начинаетъ существовать для себя и обнаруживаетъ свою свободу. Въ этомъ состояніи, духъ еще не можетъ освободиться отъ единичныхъ, внѣшнихъ впечатлѣній природы, онъ еще не вполнѣ свободенъ; но возвысившись надъ этою ступенью, природа становится собственно духомъ, т. е. дѣйствительно свободнымъ духомъ, который движется въ элементѣ мышленія и имѣетъ предметомъ самого себя, въ своей всеобщности.

Изъ сказаннаго очевидно, что природа не существуетъ прежде духа и не поставляетъ его; и что духъ не происходитъ изъ природы и не поставленъ ею. Другими словами, духъ не есть результатъ природы: онъ есть свой собственный результатъ. Онъ самъ производитъ себя, явившись первоначально подъ видомъ логической идеи и природы; онъ составляетъ истину той и другой; на высшей ступени своего развитія онъ является въ своей истинной формѣ, тогда какъ въ логической идеѣ онъ развивался только въ самомъ себѣ, а въ природѣ являлся въ формахъ совершенно внѣшнихъ другъ другу. Сначала кажется, будто духъ обязанъ своимъ существованіемъ логической идеѣ и природѣ; но онъ самъ отвергаетъ этотъ призракъ, онъ является до крайней степени неблагодарнымъ, онъ отрицаетъ независимое существованіе тѣхъ сферъ, изъ которыхъ повидимому развился; онъ признаетъ ихъ своимъ созданіемъ и самъ является вполнѣ самостоятельнымъ.

И такъ, когда природа переходитъ въ духъ, она переходитъ не во что либо совершенно ей противоположное; напротивъ, духъ, который существовалъ въ природѣ во внѣшнихъ, пространственныхъ формахъ, возвращается теперь къ своему единству. Но этотъ переходъ не уничтожаетъ раз-

личія между природою и духомъ; потому что духъ раждается изъ природы не такъ какъ раждаются ея собственныя созданія. Мы сказали (въ § 222), что смерть живаго существа, непосредственнаго и единичнаго, есть рожденіе духа. Мы разумѣли не тѣлесное, но духовное рожденіе, не происхожденіе новаго недѣлимаго, но развитіе всеобщаго понятія; потому что, въ смерти, всеобщій элементъ понятія, или родъ отрицаетъ свое недостаточное выраженіе въ единичномъ субъектѣ и является какъ власть надъ этою преходящею дѣйствительностію; а, съ другой стороны, въ этомъ актѣ отрицается единичность животнаго, не могущая возвыситься къ единству со своимъ всеобщимъ понятіемъ. Такимъ образомъ, результатъ этого двойнаго отрицанія есть единичность, существующая въ формѣ всеобщности, или всеобщность, имѣющая предметомъ самое себя,—т. е. духъ.

Природа стремится къ идеальному центру; но она еще не существуетъ для себя, не имѣетъ сознанія о самой себѣ. Высшую форму этой централизаціи представляетъ животное; но оно переходитъ отъ одного отдѣльнаго ощущенія, наполняющаго все его существо, къ другому такому же ощущенію, которое исключительно подчиняетъ его себѣ. Человѣкъ впервые дѣлается способнымъ возвыситься надъ единичнымъ ощущеніемъ, имѣть своимъ предметомъ всеобщую мысль, сознавать себя какъ мыслящаго субъекта, т. е. какъ *я;*—словомъ, только въ человѣкѣ духъ мыслитъ, и этимъ однимъ человѣкъ различается отъ природы. Духъ оставляетъ позади себя все то, что́ исключительно свойственно природѣ; онъ дѣлаетъ своимъ предметомъ все содержаніе природы; но самъ онъ испытываетъ вліяніе природы и подчиняется ей совершенно иначе, нежели ея собственныя созданія.

§ 382.

Сущность духа составляетъ *свобода;* потому что духъ, какъ мы сказали, есть понятіе, которое абсолютно отрицаетъ все иное, или которое тожественно съ собою. Таково опредѣленіе духа, которое можно дать ему съ точки зрѣнія формы и не касаясь еще его содержанія. Вслѣдствіе этого, духъ

можетъ отвлечься отъ всякаго внѣшняго предмета и даже отъ собственнаго внѣшняго существованія; онъ можетъ отрицать свое единичное, непосредственное состояніе, т. е. испытывать безконечное *страданіе* и, не взирая на такое отрицаніе, онъ сохраняетъ свое положительное бытіе и остается тожественъ съ собою. При такой возможности, онъ можетъ существовать въ формѣ *отвлеченной всеобщности*.

Приб. Сущность духа есть свобода; онъ не находится въ зависимости ни отъ чего инаго, онъ соотносится только къ самому себѣ. Въ духѣ, понятіе имѣетъ себя своимъ предметомъ и существуетъ въ дѣйствительности. Его понятіе имѣетъ объектъ совершенно ему соотвѣтствующій; и потому онъ свободенъ и истиненъ. Христосъ сказалъ, что духъ свободенъ, потому что онъ истиненъ, и истиненъ потому что свободенъ. Но духъ свободенъ не потому, чтобы онъ отчуждался отъ природы, а потому что онъ отрицаетъ ея чуждость; онъ не бѣжитъ отъ природы, но покоряетъ ее себѣ. Первоначально духъ есть только отвлеченная всеобщая мысль; но онъ самъ ставитъ въ себѣ свое иное, самъ различается въ себѣ и содержитъ въ себѣ свое отрицаніе; онъ дѣлаетъ это по необходимости, потому что только поставивши иное и покоривши его себѣ онъ является какъ дѣйствительный духъ; т. е. онъ вноситъ внѣшній предметъ въ свой идеальный элементъ; тогда онъ есть идея, возвратившаяся въ свою среду, или — выражаясь отвлеченнѣе — всеобщее начало, которое различается въ самомъ себѣ, но остается у самого себя, погружаясь въ это различающееся опредѣленіе. Итакъ духъ, по самой своей природѣ, долженъ содержать въ себѣ свое иное, или свое отрицаніе, долженъ впадать въ противорѣчіе, въ раздвоеніе съ самимъ собою. Когда духъ впадаетъ въ раздвоеніе съ самимъ собою, онъ испытываетъ *страданіе*. Страданіе не есть результатъ какихъ нибудь внѣшнихъ событій, какъ это думали, когда ставили вопросъ, вслѣдствіе чего явилось въ мірѣ страданіе? *Зло*,— которое есть не что другое какъ противоположность всеобщимъ опредѣленіямъ духа, — также произошло не вслѣдствіе чуждаго вліянія на духъ. Духъ совершаетъ зло, когда противополагаетъ свою исключительную единичность опре-

дѣленіямъ всеобщаго объективнаго духа. Духъ остается свободенъ даже и въ этомъ состояніи раздвоенія съ самимъ собою, когда онъ отрывается отъ своего корня, отъ своей общенравственной природы и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Когда тѣло природы противорѣчитъ самому себѣ, оно должно погибнуть; напр. если бы золото получило другой удѣльный вѣсъ, оно необходимо превратилось бы въ иное тѣло. Напротивъ, духъ не гибнетъ оттого что впадаетъ въ противорѣчіе, или испытываетъ страданіе вслѣдствіе зла, или несчастія. Слѣдовательно въ обыкновенной логикѣ несправедливо говорятъ, будто духъ не можетъ терпѣть противорѣчій. Духъ имѣетъ сознаніе только потому что онъ тожественъ съ сознаваемымъ предметомъ и въ тоже время различается отъ него, т. е. потому что онъ содержитъ противорѣчіе. Такъ напримѣръ мое я не имѣетъ ничего общаго съ представленіемъ о чувственномъ предметѣ, напр. о какомъ нибудь зданіи; и, не смотря на то, оно содержитъ это представленіе. Но духъ терпитъ противорѣчіе только потому, что всѣ его опредѣленія поставлены имъ самимъ и могутъ быть снова удалены. Духъ свободенъ потому, что онъ господствуетъ надъ всѣмъ своимъ содержаніемъ. Но въ своемъ непосредственномъ состояніи духъ свободенъ только по своему понятію, или только можетъ быть свободнымъ. Чтобы быть дѣйствительно свободнымъ, онъ долженъ пріобрѣсти свободу своею собственною дѣятельностію. Въ философіи духа мы должны слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этой свободы духа; потому что, въ своемъ развитіи, духъ постепенно освобождается отъ всѣхъ формъ не соотвѣтствующихъ его понятію и преобразовываетъ эти формы своего существованія въ такую дѣйствительность, которая вполнѣ гармонируетъ съ его понятіемъ.

§ 383.

Всеобщій духъ осуществляется въ частныхъ формахъ своего существованія. Всеобщность сама производитъ свои *особенныя* опредѣленія и остается тожественна съ собою. Когда духъ осуществляетъ свои опредѣленія въ извѣстныхъ формахъ,

онъ *обнаруживается.* Въ своей дѣятельности онъ не обнаруживаетъ что нибудь внѣшнее ему, или такое содержаніе, которое не принадлежало бы къ его сущности; напротивъ, онъ обнаруживаетъ свое собственное содержаніе и свою собственную сущность. И такъ онъ не остается только *возможнымъ;* онъ необходимо осуществляется въ *дѣйствительности.* — Дѣйствительность духа есть безконечная, абсолютная дѣйствительность.

Приб. Какъ мы сказали, отличительную особенность духа составляетъ то, что его элементъ есть элементъ идеальный и что онъ вноситъ въ этотъ элементъ противоположныя ему формы природы. Если мы говоримъ теперь, что сущность духа состоитъ въ томъ, что онъ обнаруживаетъ себя, то мы не прибавляемъ новаго опредѣленія къ предъидущему, но только развиваемъ его. Когда логическая идея, или духъ не выходившій изъ самаго себя, усвоиваетъ себѣ свое противоположное, т. е. природу, онъ начинаетъ существовать *для себя*, т. е. обнаруживается передъ самимъ собою. Въ природѣ духъ еще порабощенъ, онъ излился въ пространственныя или внѣшнія другъ другу формы, онъ не пришелъ къ сознанію самого себя и обнаруживается только передъ нашею мыслію. Напротивъ, самосознательный духъ обнаруживается не передъ чѣмъ нибудь другимъ, а передъ самимъ собою и это потому что онъ раскрывается не въ чуждомъ матеріалѣ, а въ своемъ собственномъ элементѣ. Это свойство духа обнаруживаться передъ самимъ собою принадлежитъ всѣмъ формамъ его существованія. Оно замѣчается уже въ субъективномъ духѣ, когда онъ существуетъ какъ я, т. е. когда онъ соотносится къ самому себѣ и имѣетъ себя своимъ предметомъ. Тоже самое замѣчается и на высшихъ ступеняхъ развитія духа; духъ выходитъ изъ своего отвлеченнаго состоянія, полагаетъ въ себѣ другое, различающееся опредѣленіе; но не теряется въ этомъ опредѣленіи, а сохраняется и даже осуществляется въ немъ, потому что онъ выражаетъ въ немъ свою внутренюю сущность и дѣлаетъ свое внѣшнее существованіе соотвѣтственнымъ себѣ; — слѣдственно онъ сознаетъ свое тожество съ этимъ своимъ опредѣленіемъ и по-

тому онъ существуетъ для себя и обнаруживается передъ самимъ собою. Духъ проявляетъ въ этихъ опредѣленіяхъ свою собственную сущность и самая сущность духа обнаруживается въ нихъ. Когда духъ обнаруживаетъ себя, онъ развиваетъ свое внутреннее содержаніе; въ его развитіи, форма совпадаетъ съ его содержаніемъ. Содержаніе, которое онъ обнаруживаетъ, не различается отъ его формы. Это содержаніе проявляется вмѣстѣ съ движеніемъ его формы. И такъ, форма и содержаніе тожественны въ духѣ. — Обыкновенно думаютъ, что обнаруживаемое различается отъ обнаруживающаго: что первое есть какое нибудь самостоятельное и независимое содержаніе, и что субъектъ его обнаруживающій находится во внѣшнемъ отношеніи къ нему, такъ что самое обнаруженіе есть только пустая форма. Но спекулятивная логика доказываетъ, что содержаніе нераздѣльно съ формою и что форма не внѣшня содержанію, но составляетъ его опредѣленность, такъ что безъ нея оно не было бы самостоятельнымъ и независимымъ содержаніемъ. Истинное содержаніе содержитъ форму въ самомъ себѣ и истинная форма сама даетъ себѣ свое содержаніе. Въ философіи духа мы должны узнать его истинную форму и, слѣдственно, его истинное содержаніе.

И такъ, въ духѣ форма сама даетъ себѣ свое содержаніе. Такимъ образомъ можно сказать, что онъ необходимо переводитъ это содержаніе изъ возможности въ дѣйствительность. Оно остается только возможнымъ, пока оно существуетъ внутренно, пока оно еще не проявилось во внѣшности, не обнаружилось. Но мы видѣли, что духъ необходимо обнаруживается передъ самимъ собою. И такъ если онъ необходимо обнаруживаетъ себя, то это значитъ, что онъ необходимо осуществляется въ дѣйствительности.

Въ конечномъ духѣ, понятіе духа еще не находитъ себѣ соотвѣтственнаго выраженія въ дѣйствительности; но въ абсолютномъ духѣ, его понятіе или его возможность совершенно совпадаетъ съ дѣйствительностію.

§ 384.

Когда отвлеченная идея обнаружила себя, она *перешла* въ природу, или изъ нея возникла природа (*). Напротивъ когда свободный духъ обнаруживаетъ себя, онъ *ставитъ* природу какъ *свой* міръ; но онъ остается въ соотношеніи съ этимъ поставленнымъ міромъ и, съ этой точки зрѣнія, онъ *преднаходитъ* природу какъ независимый міръ. Наконецъ когда понятіе обнаруживается, оно создаетъ природу какъ свое собственное бытіе, въ которомъ его свобода находитъ свое *положительное существованіе* и свою *истину*.

Примѣч. Высшее опредѣленіе, какое можно дать абсолютному существу, есть слѣдующее: *абсолютное существо есть духъ*. Можно сказать, что исторія и философія имѣли своею цѣлію найти это опредѣленіе и понять его содержаніе и смыслъ. Оно было абсолютною цѣлію всѣхъ религій и наукъ. Слово: духъ и представленіе о немъ были найдены рано: Христіанская религія учитъ насъ, что Богъ есть духъ. Философія имѣетъ своимъ предметомъ возвести это представленіе въ свойственный ему элементъ мысли, или въ понятіе. Свободное понятіе должно составлять не только предметъ, но душу философіи, и только въ этомъ случаѣ наше представленіе о Богѣ получитъ истинный смыслъ и оно не будетъ находиться во внѣшнемъ отношеніи къ міру.

Приб. Сущность духа, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, что онъ обнаруживаетъ себя. Но онъ обнаруживается въ трехъ различныхъ формахъ.

(*) Въ этомъ и двухъ предъидущихъ §§ Гегель принаровляетъ языкъ философской *мысли* къ самымъ распространеннымъ *представленіямъ*. Тѣмъ болѣе должно остерегаться, чтобы не приписать первобытное, до-міровое значеніе *логической идеѣ* (т. е. сознанному, но отвлеченному тожеству мышленія и бытія)—значеніе, совершенно искажающее ея истинный смыслъ. Логика предшествуетъ природѣ только въ наукѣ. Различныя логическія опредѣленія суть условія для существованія науки о природѣ. Съ этой точки зрѣнія можно, дѣйствительно, сказать, что логическія опредѣленія обнаруживаютъ свое конкретное содержаніе въ наукѣ о природѣ.—*Перев.*

Во первыхъ, когда духъ движущійся въ элементѣ чистой мысли, или когда *логическая идея* обнаруживаетъ себя, она принимаетъ форму непосредственныхъ, другъ другу внѣшнихъ и разобщенныхъ существованій. Эти существованія образуютъ природу. Идѣя служитъ источникомъ природы, но произведенія природы имѣютъ форму непосредственнаго бытія, или существуютъ внѣ идеи. Эта форма не свойственна идеѣ, потому что идея всегда остается въ средѣ самой себя, она сама производитъ себя и возвращаетъ свои продукты къ ихъ единству. Поэтому идея, или духъ спящій въ природѣ, освобождается отъ внѣшнихъ, разобщенныхъ и непосредственныхъ произведеній природы, восходитъ въ элементъ, соотвѣтствующій его всеобщей природѣ, и является какъ духъ, который различается въ самомъ себѣ и существуетъ для себя, т. е. какъ самосознательный духъ, въ которомъ пробудилось сознаніе о самомъ себѣ.

Вслѣдствіе этого духъ обнаруживается въ другой формѣ. Духъ вылитъ въ разрозненныя созданія *природы*, но соотноситъ свои произведенія къ самому себѣ, обнаруживаетъ ихъ передъ самимъ собою; и въ этомъ состояніи онъ противополагаетъ себя безсознательной природѣ, которая обнаруживаетъ, но въ тоже время затемняетъ духъ; онъ дѣлаетъ природу своимъ предметомъ, размышляетъ о ней, вноситъ внѣшнія формы природы въ свой внутренній элементъ, т. е. въ элементъ идеи. Словомъ, духъ погружается въ свой предметъ и противополагается ему какъ сознательный субъектъ. Но самое сознаніе, которое непосредственно противоположно предметамъ природы, отвлеченно и не абсолютно, потому что духъ, сознавая предметъ, остается внѣшнимъ самому себѣ. Т. е. духъ, пробуждающійся въ актѣ сознанія, еще не постигаетъ своего тожества съ духомъ скрытымъ въ природѣ, еще не проникаетъ собою все существующее, но является какъ одна сторона отношенія; именно, онъ противополагаетъ себя природѣ и въ тоже время различается въ самомъ себѣ, т. е. является какъ самосознаніе. Онъ не разрѣшаетъ этой противоположности между самосознательнымъ духомъ и сознаваемымъ предметомъ, онъ не изслѣдуетъ ея и увѣренъ въ ея истинѣ. Онъ убѣжденъ, что между само-

сознательною мыслію и сознаваемымъ предметомъ нѣтъ ничего общаго, что предметъ чуждъ ему и составляетъ его предѣлъ. Онъ еще не открываетъ единства между собою и тѣмъ духомъ, который живетъ и движется въ природѣ. Такимъ образомъ духъ противорѣчитъ самому себѣ: съ одной стороны онъ признаетъ, что природа существуетъ въ немъ, что она образуетъ его собственный міръ, онъ отрицаетъ ея чуждость и признаетъ, что она есть продуктъ его мысли; а съ другой стороны онъ считаетъ природу независимою, существующею внѣ его; онъ преднаходитъ природу и убѣжденъ, что природа существовала прежде ея отношенія къ сознательной мысли. И такъ духъ признаетъ, что природа не есть его абсолютный продуктъ; онъ не сознаетъ, что природа обязана своимъ бытіемъ безконечному духу и создана имъ. Природа служитъ здѣсь предѣломъ для духа, и духъ на ступени самосознанія есть *конечный духъ*.

Наконецъ наука или *абсолютное знаніе* уничтожаетъ этотъ предѣлъ, и духъ въ этой формѣ своего существованія обнаруживаетъ себя самымъ полнымъ и истиннымъ образомъ. На этой ступени исчезаетъ дуализмъ между самостоятельною природою, или духомъ, излитымъ въ ея пространственныя, внѣшнія формы, и между духомъ, въ которомъ начинаетъ пробуждаться самосознаніе, но который еще не постигаетъ своего единства съ первымъ. *Абсолютный духъ* открываетъ, что онъ самъ ставитъ бытіе, что онъ производитъ природу и конечный духъ. Природа теряетъ свою кажущуюся независимость, перестаетъ составлять его предѣлъ; черезъ ея посредство духъ возвышается на такую ступень, на которой онъ вполнѣ опредѣленъ въ самомъ себѣ и существуетъ для себя, и на которой все, что содержится въ его понятіи, осуществлено въ дѣйствительности.

Высшимъ опредѣленіемъ абсолютнаго будетъ то, что оно есть духъ, совершенно обнаружившійся передъ самимъ собою, или безконечно творческій, самосознательный духъ. Наука переходитъ отъ низшихъ формъ, въ которыхъ обнаруживается духъ, къ высшей формѣ его проявленія. Такимъ же образомъ во всемірной исторіи мы находимъ понятія о вѣчномъ,

которыя все болѣе и болѣе совершенствуются и наконецъ приводятъ къ понятію о Богѣ какъ абсолютномъ духѣ. Восточныя религіи, въ томъ числѣ и іудейская, даютъ отвлеченое понятіе о Богѣ какъ духѣ. Христіанская религія восполнила это понятіе ученіемъ о св. Троицѣ. Въ греческой религіи божество обнаруживаетъ себя въ опредѣленныхъ личностяхъ. Всѣ эти личности принадлежали къ царству красоты, т. е. въ нихъ природа была совершенно одухотворена. Они воплощали въ себѣ идею въ опредѣленныхъ, индивидуальныхъ образахъ. Но греческіе боги, удовлетворяя чувственное созерцаніе или представленіе, не удовлетворяютъ мысль. Когда божество существуетъ въ чувственныхъ формахъ, тогда духъ является только въ независимыхъ, индивидуальныхъ образахъ; единство, которое должно связывать всѣ эти образы, принимаетъ форму внѣшней власти, совершенно неопредѣленной и противоположной самимъ богамъ. Христіанская религія обнаружила истинную природу божественнаго духа, потому что здѣсь единый духъ различается въ самомъ себѣ и сохраняетъ при этомъ свое единство. Философія, какъ мы сказали, должна возвести это представленіе о Богѣ въ форму понятія; эта наука обнаруживаетъ содержаніе духа во всей его полнотѣ.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

§. 385.

Духъ развивается въ слѣдующихъ формахъ:

I. Онъ приводитъ къ сознанію свое понятіе, или свою идею и всю цѣльность ея *внутреннихъ* опредѣленій; т. е. онъ приходитъ къ сознанію, что его сущность состоитъ въ томъ, что онъ остается въ средѣ самого себя и потому свободенъ. Духъ, въ формѣ *соотношенія съ самимъ* собою, есть *субъективный духъ*.

II. Онъ *осуществляется* во внѣшности (*реализируется*), т. е. стремится произвести и производитъ такой міръ, въ которомъ его опредѣленія приняли форму обязательнаго и необходимаго закона. Это—*объективный духъ*.

III. Наконецъ духъ является какъ единство объективнаго и идеальнаго элемента, или понятія духа. Это единство *опредѣлено въ самомъ себѣ* и *существуетъ для себя* и въ тоже время оно вѣчно воспроизводится. Духъ въ этой формѣ есть духъ въ своей высшей истинѣ, или *абсолютный духъ*.

Приб. Духъ раскрывается въ безконечномъ, идеальномъ элементѣ, или онъ есть идея. Но вначалѣ идея принимаетъ форму непосредственнаго бытія и духъ долженъ возвыситься надъ этою формою своего существованія.

Мы уже указали на всеобщую природу духа. Но вначалѣ духъ еще не развитъ, не имѣетъ никакихъ *особенныхъ* опредѣленій. Онъ долженъ поставить въ себѣ эти опредѣленія, долженъ различаться въ самомъ себѣ. Это развитіе всеобщей природы духа будетъ составлять предметъ философіи духа.

1) Вначалѣ, когда духъ принялъ форму непосредственнаго бытія, онъ погруженъ въ природу и подчиненъ ей. Такъ напримѣръ ребенокъ повинуется природѣ, дѣйствуетъ по ея внушеніямъ и духовная дѣятельность его существуетъ только въ возможности, а не въ дѣйствительности. Эта непосредственная форма существованія духа совершенно не соотвѣтствуетъ его понятію, потому что духъ долженъ составлять идеальное единство всѣхъ своихъ особенныхъ опредѣленій, долженъ образовать ихъ душу. Другими словами, духъ въ этой непосредственной формѣ своего существованія, не имѣетъ никакихъ собственныхъ опредѣленій и оттого противорѣчитъ самому себѣ, потому что непосредственныя опредѣленія природы, которымъ подчиняется духъ, въ сущности произведены имъ самимъ. Вслѣдствіе этого духъ возвышается на болѣе высокую ступень своего развитія. Онъ отрицаетъ независимое существованіе непосредственныхъ опредѣленій природы, которыя повидимому предшествуютъ. Онъ возвышается въ свой собственный элементъ и является какъ истинный духъ.

Философія духа не можетъ начинать съ разсматриванія духа въ этой истинной формѣ его существованія. Она должна начинать съ низшей, несовершенной формы его бытія. Вначалѣ духъ еще не имѣетъ сознанія о самомъ себѣ и о своей природѣ. Хотя мы уже указали на всеобщую опредѣленность духа, но онъ самъ еще не возвысился къ ея понима-

нію. Онъ приходитъ къ сознанію того, что̀ онъ есть, только въ результатѣ своего развитія.

Въ духѣ существуетъ только то, что сознано имъ, и духъ проходитъ различныя формы своего существованія, по мѣрѣ того какъ приводитъ къ сознанію свою сущность. Сначала онъ погруженъ въ природу и не различается отъ нея. Но, въ теченіи своего развитія, онъ освобождается отъ природы и начинаетъ существовать для себя. Это освобожденіе совершается такъ, что духъ обособляется, опредѣляется, или ставитъ въ себѣ и преднаходитъ въ себѣ свои опредѣленія, соотносится къ нимъ какъ ко внѣшнимъ, непосредственнымъ опредѣленіямъ, но за тѣмъ отрицаетъ самобытное существованіе этихъ опредѣленій и признаетъ себя ихъ источникомъ. — Когда духъ соотносится къ своимъ собственнымъ опредѣленіямъ, какъ къ чему то иному и непосредственному, онъ есть *субъективный духъ*; онъ погруженъ въ природу и повидимому происходитъ изъ природы.

2) Но субъективный духъ, развиваясь, приходитъ къ тому результату, что эти опредѣленія произведены имъ самимъ, или что его идеальная сущность осуществляется въ этихъ внѣшнихъ и реальныхъ опредѣленіяхъ. Когда духъ освободился отъ природы и противопологается ей какъ независимый субъектъ, которому она должна повиноваться, онъ есть *объективный духъ*. Субъективный духъ былъ подчиненъ природѣ и потому онъ не былъ свободенъ; напротивъ, объективный духъ сознаетъ свою независимость, или свою свободу. Объективный духъ есть лицо и осуществляетъ свою свободу въ обладаніи собственностію; потому что собственность есть вещь, которая признана такою, какою она должна быть, именно несамостоятельною; она имѣетъ значеніе только въ томъ смыслѣ, что она олицетворяетъ собою свободную волю лица, и потому неприкосновенна. Здѣсь субъектъ сознаетъ свою свободу и проявляетъ эту свободу во внѣшнемъ мірѣ. Духъ уже существуетъ для себя и находитъ себѣ соотвѣтственное, объективное выраженіе. Такимъ образомъ духъ признаетъ односторонность субъективнаго духа; онъ восполняетъ ее объективнымъ проявленіемъ свободы въ собственности. Но это проявленіе еще не совершенно. Объ-

ективный духъ вполнѣ осуществляетъ свое понятіе только въ государствѣ. Въ этомъ послѣднемъ лицо, или свободный субъектъ, осуществляетъ свою свободу въ опредѣленіяхъ всеобщаго закона.

3) Но духъ долженъ возвыситься и надъ этою ступенью. Объективный законъ недостаточенъ, потому что онъ есть продуктъ субъективной воли. Отношеніе между ними должно измѣниться. Духъ долженъ сознать, что онъ есть источникъ міра, что онъ независимъ. Когда духъ пришелъ къ этому сознанію, онъ есть *абсолютный духъ*, и онъ обнаруживаетъ свою сущность въ созданіяхъ искусства, въ религіозномъ чувствѣ и въ философіи.

§ 386.

Обѣ первыя части философіи духа разсматриваютъ конечный духъ. Собственно, духъ или идея безконечны. Если духъ является какъ конечный духъ, то это значитъ, что онъ не соотвѣтствуетъ своему понятію; его существованіе, въ этомъ случаѣ, призрачно; духъ самъ производитъ этотъ призракъ и признаетъ въ немъ свой предѣлъ; но онъ уничтожаетъ его и приходитъ къ сознанію, что его сущность есть свобода, т. е. что его сущность состоитъ въ томъ, что онъ обнаруживаетъ себя.

Конечный духъ долженъ пройти всѣ эти призрачныя формы; проходя эти ступени, онъ освобождается отъ конечности и является какъ свободный, абсолютно истинный духъ. Итакъ можно сказать, что абсолютный духъ *преднаходитъ* міръ конечнаго духа (потому что онъ самъ далъ ему независимое существованіе); — или что онъ освобождается отъ него и въ немъ самомъ. Все это будетъ одно и то же. Когда абсолютный духъ освободился отъ этихъ призрачныхъ формъ своего бытія, онъ достигаетъ своей истинной, безконечной формы и сознательно развивается въ ней.

Примѣч. Разсудокъ полагаетъ, что духъ и разумъ всегда *конечны*; онъ убѣжденъ, что эта точка зрѣнія не только оправдывается умомъ, но должна быть защищаема въ интересѣ

нравственности и религіи; онъ видитъ самонадѣянность и безуміе мысли въ желаніи возвыситься къ безконечному.

Но, заботясь о смиреніи мысли, разсудокъ приписываетъ такимъ образомъ *независимое* и *абсолютное* бытіе конечнымъ предметамъ и, стремясь къ знанію, онъ ограничиваетъ его только такими предметами, которые не имѣютъ своего основанія въ самихъ себѣ. Въ логикѣ мы показали значеніе и достоинство всего *конечнаго*. Логика показываетъ, что всѣ конечныя формы мысли, какъ бы онѣ ни были опредѣлены, не имѣютъ самостоятельнаго *бытія*, что онѣ *переходятъ* въ противоположныя и сами *выходятъ за свой предѣлъ*. Философія природы и духа доказываютъ, что всѣ конкретные, конечные предметы подлежатъ тому же закону. Но конечныя формы логической идеи и природы исчезаютъ, когда онѣ переходятъ въ иныя; напротивъ, конечныя формы духа, исчезая, сохраняются въ немъ; онъ возвышается надъ этими формами, потому что онѣ не совершенны и не истинны.

Когда разсудокъ заботится о смиреніи мысли, онъ, на самомъ дѣлѣ, допускаетъ знаніе однихъ конечныхъ и ничтожныхъ предметовъ и отвергаетъ знаніе истиннаго и безконечнаго. Въ философіи духа мы увидимъ, что эта противоположность между конечнымъ духомъ и безконечнымъ есть источникъ *зла*; духъ впадаетъ здѣсь въ глубочайшее противорѣчіе съ самимъ собою и потому необходимо выходитъ изъ этого противорѣчія и возвышается къ безконечному.

Приб. Субъективный духъ и объективный духъ еще конечны. Но необходимо знать истинное значеніе конечныхъ формъ духа. Обыкновенно думаютъ, что конечность составляетъ абсолютный предѣлъ, или нераздѣльное качество духа, такъ что духъ пересталъ бы быть духомъ, если бы онъ освободился отъ конечности. Предметы принадлежащіе къ природѣ тѣсно связаны съ извѣстными качествами; такъ напр. золото имѣетъ неизмѣнный специфическій вѣсъ; извѣстныя животныя имѣютъ постоянныя формы клыковъ, рѣзцовъ и проч. Но конечныя формы духа не такъ постоянны; онѣ измѣняются и переходятъ; духъ есть духъ только потому, что онъ отрицаетъ свои конечныя формы и вноситъ ихъ въ свой идеальный элементъ. Слѣдовательно конечныя

формы духа не имѣютъ независимаго бытія; онѣ составляютъ только моменты конкретнаго духа. Истинное качество духа составляетъ безконечность, въ томъ смыслѣ, что духъ не противополагается конечнымъ формамъ бытія, но содержитъ ихъ въ себѣ. И такъ духъ человѣческій нельзя назвать конечнымъ. Духъ безконеченъ, но онъ вмѣщаетъ въ себѣ конечныя формы своего бытія и возвышается надъ ними. Всѣ конечные предметы, какъ мы говорили въ логикѣ, не соотвѣтствуютъ своему понятію. Такъ напр. солнце есть конечный предметъ, потому что оно не мыслимо безъ другихъ тѣлъ, или потому что его понятіе осуществляется не въ немъ одномъ, но во всей солнечной системѣ. Въ свою очередь, вся солнечная система конечна, потому что всѣ тѣла, ее составляющія, повидимому независимы одно отъ другаго; слѣдственно вся эта система не вполнѣ выражаетъ свое понятіе: она не имѣетъ того идеальнаго центра, который лежитъ въ ея основаніи. Только въ духѣ реальность совпадаетъ съ идеальностію; только въ духѣ дѣйствительность тожественна со своимъ понятіемъ; слѣдственно только духъ безконеченъ. Когда мы сознаемъ предѣлъ той или другой формы духа, то это самое доказываетъ, что мы вышли за ея границу и что наша мысль безконечна. Предметы природы конечны потому, что не сознаютъ своего предѣла; мы сознаемъ этотъ предѣлъ, когда сравниваемъ ихъ между собою. Напротивъ, нашъ духъ дѣлается конечнымъ, когда воспринимаетъ въ себя внѣшній предметъ; но мы сознаемъ эту границу нашего духа и вслѣдствіе того мы переступаемъ за нее. Кто не имѣетъ сознанія о своей границѣ, тотъ дѣйствительно ограниченъ; напротивъ, кто сознаетъ свою границу, для того она не составляетъ предѣла его знанія; его знаніе переступаетъ за эту границу. Тò, что не сознано, тò могло бы составлять предѣлъ знанія; но чтò сознано — тò не составляетъ предѣла знанія. Имѣть сознаніе о границѣ, значитъ сознавать безконечность мысли.

Если мы говоримъ, что духъ безграниченъ или безконеченъ, то не должно думать, чтобы формы духа не имѣли никакой границы. Напротивъ мы увидимъ, что духъ самъ опредѣляетъ себя, дѣлается конечнымъ, ограниченнымъ. Но

разсудокъ несправедливо думаетъ, будто конечныя формы духа неизмѣнны, что онѣ совершенно противоположны безконечному, и что духъ можетъ быть только *или* конечнымъ *или* безконечнымъ. Конечныя, ограниченныя формы содержатся въ безграничномъ, безконечномъ духѣ. Духъ въ одно и тоже время безконеченъ и конеченъ; объ немъ нельзя утверждать ни того, ни другаго въ раздѣльности; онъ остается безконечнымъ, не взирая на то, что принимаетъ конечныя формы; эти послѣднія не имѣютъ независимаго и самостоятельнаго бытія; онѣ составляютъ только его проявленія.

Духъ не порабощенъ конечными формами, онъ возвышается надъ ними и сознаетъ, что онѣ не составляютъ его предѣла. Онъ переступаетъ за нихъ, освобождается отъ нихъ. Разсудокъ полагаетъ, что духъ никогда не можетъ совершенно освободиться отъ нихъ и что онъ осужденъ постоянно стремиться къ этому освобожденію. Но духъ не ограничивается этимъ безконечнымъ прогрессомъ, онъ абсолютно освобождаетъ себя отъ конечнаго и является какъ истинный, безконечный духъ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФІИ ДУХА.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ДУХЪ.

§ 387.

Когда духъ развивается въ своемъ собственномъ элементѣ, онъ есть *знаніе*. Но мы не говоримъ здѣсь объ отвлеченной формѣ знанія, которая составляла моментъ въ развитіи логической идеи (§ 223); мы будемъ разсматривать тѣ формы знанія, которыя свойственны конкретному духу.

Субъективный духъ:

А. Существуетъ *непосредственно*, или опредѣленъ *въ самомъ себѣ;* въ этой формѣ онъ есть *духъ естественный* или *душа;*—онъ составляетъ предметъ *антропологіи*.

В. Онъ существуетъ *черезъ посредство*, или онъ существуетъ отвлеченно *для себя;* онъ соотносится къ внѣшнему предмету, хотя и предугадываетъ свое тожество съ нимъ. Здѣсь духъ находится *въ соотношеніи* со своимъ предметомъ и убѣждается въ своей особности. Это—*сознаніе*, и оно составляетъ предметъ *феноменологіи духа*.

С. Наконецъ *духъ опредѣляется въ самомъ себѣ* и возвышается надъ своими опредѣленіями какъ *субъектъ*, существующій для себя. Это — собственно *духъ*, и онъ составляетъ предметъ *психологіи*.

Въ *душѣ* пробуждается *сознаніе*; сознаніе возвышается на степень *разума*, т. е. оно убѣждается, что оно есть самосознательный разумъ; этотъ послѣдній, освобождаясь отъ своей исключительности, признаетъ существованіе объективнаго разума и находитъ въ немъ свое истинное понятіе.

Примѣч. Развитіе всякаго понятія высказывается въ тѣхъ *опредѣленностяхъ*, какія оно даетъ себѣ. Такимъ же обра-

зомъ, каждая опредѣленность, въ которой является духъ, составляетъ моментъ его движенія и его развитія, посредствомъ котораго духъ приближается къ своей *цѣли*, чтобы осуществить и *обнаружить предъ собою то, что̀ лежитъ въ его понятіи.*—Каждая ступень этого развитія состоитъ въ свою очередь изъ ряда послѣдовательныхъ формъ, и въ результатѣ каждой изъ этихъ ступеней духъ *приводитъ себѣ въ ясность* то, что̀ вначалѣ *подразумѣвалось* въ немъ, или было узнано только нами.

Обыкновенная психологія описываетъ *состоянія* души или духа, *событія*—которыя бываютъ въ ней — и ея *дѣйствія*. Т. е. она предполагаетъ, что душа есть готовый субъектъ и что она *проявляется* въ этихъ опредѣленіяхъ, такъ что изъ этихъ проявленій можно узнать, что̀ она есть, или какія силы и способности она содержитъ. Эта наука не сознаетъ того, что душа *сама* приходитъ къ сознанію этихъ опредѣленій, когда они проявились, и вмѣстѣ съ этимъ восходитъ на болѣе высокую ступень.

Развитіе духа, о которомъ мы говоримъ здѣсь, не должно смѣшивать съ образованіемъ и воспитаніемъ. Каждый *отдѣльный* субъектъ можетъ болѣе или менѣе образовать и воспитать себя, и образованіе состоитъ въ томъ, чтобы развить въ себѣ всеобщія опредѣленія духа. Напротивъ, въ философіи духа мы узнаемъ, какимъ образомъ духъ *какъ такой* образуется и воспитывается согласно своему понятію; мы находимъ, что всѣ его проявленія составляютъ только моменты, посредствомъ которыхъ онъ производитъ себя и возвращается къ своему единству, такъ что, въ результатѣ этого развитія, онъ является какъ духъ, осуществленный въ дѣйствительности.

Приб. Въ § 385 мы разсматривали три главныя формы духа,—духъ субъективный, объективный и абсолютный,— и показали, почему мы необходимо должны перейти отъ перваго ко второму и отъ втораго къ третьему.

Первую форму духа, о которой мы должны говорить теперь, мы назвали духомъ *субъективнымъ*, потому что понятіе здѣсь еще не развилось и духъ еще не сдѣлалъ своего понятія своимъ предметомъ. Но духъ, въ этомъ субъективномъ состояніи, имѣетъ объективное бытіе, осуществленъ во

внѣшности; и только освободившись отъ этой внѣшности, духъ пріобрѣтаетъ независимое существованіе, сосредоточивается въ своемъ собственномъ элементѣ и овладѣваетъ своимъ понятіемъ или своею субъективностію. Слѣдовательно можно одинаковымъ образомъ сказать, что духъ вначалѣ есть духъ объективный и долженъ сдѣлаться субъективнымъ, или, наоборотъ, что онъ сначала есть духъ субъективный и долженъ сдѣлаться объективнымъ. Эти двѣ формы духа переходятъ одна въ другую. Уже вначалѣ духъ является не какъ понятіе, или не какъ субъектъ, а какъ идея; т. е. его субъективное понятіе имѣетъ соотвѣтственное объективное выраженіе. Въ дальнѣйшемъ его развитіи, первоначальная и простая субъективная форма его болѣе и болѣе углубляется въ себя и находитъ себѣ полнѣйшее реальное или объективное выраженіе. Это развитіе производитъ цѣлый рядъ болѣе и болѣе сложныхъ формъ духа. Эмпирія указываетъ намъ эти формы; но философія не должна ставить ихъ одну возлѣ другой, она должна показать, что онѣ суть выраженія необходимаго ряда опредѣленныхъ понятій; онѣ представляютъ интересъ для философской мысли только потому, что выражаютъ такой рядъ понятій.

Вначалѣ мы можемъ только исчислить различныя формы субъективнаго духа; самое развитіе ихъ покажетъ намъ ихъ необходимость.

Субъективный духъ является въ трехъ главныхъ формахъ: 1) въ формѣ *души*, 2) въ формѣ *сознанія* и 3) въ формѣ *духа*. Душа — это духъ въ его отвлеченной всеобщности; сознаніе есть обособленіе духа, и наконецъ развитый духъ есть духъ единичный. Такимъ образомъ развитіе духа совпадаетъ съ развитіемъ понятія. Мы вкратцѣ изложимъ здѣсь содержаніе науки о субъективномъ духѣ, и этотъ обзоръ объяснитъ намъ почему три части этой науки, соотвѣтствующія тремъ главнымъ формамъ субъективнаго духа, получили названіе *антропологіи*, *феноменологіи* и *психологіи*.

Мы должны начать съ изученія духа въ его непосредственности; духъ, въ этомъ состояніи, есть *духъ, погруженный въ природу*, или *душа*. Мы не можемъ начать съ отвлеченнаго понятія духа, потому что духъ, какъ мы уже

сказали, есть идея, т. е. его понятіе осуществлено въ дѣйствительности. Но вначалѣ это понятіе находитъ свое выраженіе не въ своемъ собственномъ элементѣ, т. е. не въ элементѣ мысли; правда, это выраженіе есть отвлеченное, потому что духъ всегда движется въ своемъ идеальномъ элементѣ; но вначалѣ его дѣйствительность есть непосредственная, повидимому независимая отъ него, ему внѣшняя; она имѣетъ самостоятельное бытіе и дана въ природѣ. И такъ мы должны сначала разсмотрѣть духъ, который погруженъ въ природу, который соотносится къ тѣлу, который еще не возвысился въ элементъ мысли, еще не свободенъ. Эта основа, изъ которой духъ такъ сказать развивается, составляетъ предметъ антропологіи. Приступая къ изученію этой науки, мы приносимъ съ собою то понятіе о духѣ, которое изложено нами выше; но мы еще не наблюдаемъ его въ самомъ предметѣ нашего изслѣдованія; этотъ предметъ составляетъ духъ въ его непосредственномъ существованіи, духъ, который не овладѣлъ своимъ понятіемъ, который находится въ зависимости отъ природы.

Первый предметъ *антропологіи* составляетъ душа, которая имѣетъ тѣ или другія качества, которая выражается въ извѣстныхъ формахъ природы (сюда относятся напримѣръ различія породъ). Здѣсь душа находится въ непосредственномъ единствѣ съ природою. Потомъ душа вступаетъ въ противоположность и въ борьбу съ природою, (напр. въ состояніи сумасшествія и сомнамбулизма). Наконецъ душа торжествуетъ надъ тѣломъ, и тѣло становится только знакомъ или выраженіемъ души. Идеальный элементъ души проявляется въ тѣлѣ и тѣло подчиняется душѣ.

Въ *феноменологіи*, душа отрицаетъ тѣло и возвышается въ свой идеальный, тожественный элементъ, является какъ сознаніе, какъ мыслящее Я, которое признаетъ свою независимость и противополагаетъ себя природѣ. Но, въ этомъ состояніи, духъ еще находится въ зависимости отъ природы, изъ которой онъ повидимому произошелъ. Сознающее Я еще совершенно пусто, оно является какъ отвлеченный субъектъ, оно признаетъ, что все содержаніе природы или непосредственнаго духа существуетъ внѣ его, и соотносится

къ этому содержанію какъ къ преднаходимому міру. Природа, которая первоначально составляла предметъ нашихъ изслѣдованій, становится теперь предметомъ самаго духа; но познающее Я еще не сознаетъ, что его предметъ есть не что другое какъ духъ погруженный въ природу, т. е. принявшій непосредственную форму бытія. И такъ познающее Я, въ сущности, не свободно; оно находится въ зависимости отъ внѣшняго и даннаго предмета. Его свобода есть отвлеченная, условная и относительная свобода. Правда, духъ уже не погруженъ въ природу, онъ возвысился въ свой истинный элементъ; но онъ только *явился*, онъ дѣлаетъ дѣйствительность своимъ предметомъ и еще не есть духъ, *существующій въ дѣйствительности*. Вотъ почему мы называемъ науку, изучающую эту форму духа, *феноменологіею*.

Но духъ отрицаетъ внѣшній ему предметъ, онъ дѣлаетъ предметомъ самого себя и становится самосознаніемъ. Сначала самосознательное Я еще ничѣмъ не наполненно и находитъ свое содержаніе внѣ себя. Но его дѣятельность состоитъ въ томъ, что оно наполняетъ свою пустую субъективность, а именно усвоиваетъ себѣ объективное содержаніе, и наоборотъ превращаетъ свои субъективныя опредѣленія въ объективныя формы духа. Такимъ образомъ самосознаніе отрицаетъ свою одностороннюю субъективность, отвергаетъ противоположность между собою и объективными формами духа и возвышается ко всеобщности совмѣщающей въ себѣ обѣ эти стороны; оно становится единствомъ сознанія и самосознанія, потому что оно сознаетъ объективное содержаніе духа и въ тоже время убѣждается, что это содержаніе есть его собственное субъективное содержаніе. Это всеобщее самосознаніе есть *разумъ*; но въ феноменологіи разумъ еще не созналъ самого себя; только въ психологіи разумъ дѣлаетъ самого себя своимъ предметомъ.

Психологія разсматриваетъ духъ, который сознаетъ, что его предметъ есть онъ самъ, что опредѣленія предмета суть его собственныя опредѣленія, и который возвышается къ своему понятію. Духъ достигаетъ здѣсь своего истиннаго выраженія. Въ душѣ, единство субъективнаго элемента и его объективнаго выраженія было непосредственное; въ со-

знаніи, эти стороны были противоположны одна другой. Духъ отвергаетъ эту противоположность, признаетъ единство обоихъ моментовъ и является какъ идея, существующая въ дѣйствительности. Духъ въ этой формѣ есть *самосознательный разумъ*. Духъ относится къ разуму точно также, какъ тѣло къ тяжести, или воля къ свободѣ. Разумъ составляетъ субстанцію или природу духа. Онъ выражаетъ собою истинную сущность, или идею духа. Но только сознательный духъ убѣждается въ томъ, что его сущность составляетъ разумъ, или истина.

Духъ, сознающій тожество субъективнаго и объективнаго элемента, является во-первыхъ подъ видомъ субъекта, или *ума*; — вовторыхъ, онъ обнаруживается во внѣшности, или является подъ видомъ *воли*. — *Умъ* вначалѣ ничѣмъ не наполненъ. Онъ отрицаетъ эту субъективную форму, которая не соотвѣтствуетъ понятію духа; онъ сравниваетъ объективное содержаніе, которое повидимому дано ему извнѣ съ требованіями всеобщаго разума, онъ дѣлаетъ это содержаніе разумнымъ, соотвѣтственнымъ идеѣ, превращаетъ его въ конкретное, всеобщее содержаніе и воспринимаетъ его въ этой формѣ. Умъ убѣждается, что содержаніе его знанія есть не отвлеченное, но объективное содержаніе, и что это содержаніе не дано ему извнѣ, но принадлежитъ самому духу. — Когда умъ сознаљъ, что онъ черпаетъ содержаніе изъ самого себя, онъ сдѣлался практическимъ. *Воля* дѣлаетъ самое себя своею цѣлію. Умъ дѣлалъ своимъ предметомъ единичныя формы, существующія внѣ его и данныя ему извнѣ; напротивъ воля ставитъ своею цѣлію свои собственныя единичныя опредѣленія. Но она не удовлетворяется своими единичными стремленіями и влеченіями, она прилагаетъ къ нимъ мѣрило всеобщаго разума и дѣлается такою волею, которая стремится дѣйствовать согласно своему понятію, т. е. стремится осуществлять требованія всеобщаго разума и быть свободною.

Когда духъ достигъ этой цѣли, онъ возвратился къ своей исходной точкѣ, къ своему единству. Но это единство есть абсолютное единство, оно вполнѣ опредѣлено въ самомъ себѣ и его опредѣленія суть уже не опредѣленія природы, но опредѣленія, выражающія понятіе духа.

А.

Антропологія.

Душа.

§ 388.

Мы видѣли, что душа составляетъ истину природы. Въ развитіи идеи, вообще все, что является какъ результатъ, составляетъ истину предшествующихъ ступеней и ихъ первобытный источникъ. Кромѣ того, когда возникаетъ духъ, или когда природа переходитъ въ духъ, то это происходитъ оттого, что духъ или понятіе способенъ свободно дѣлиться въ самомъ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, духъ возникаетъ потому, что онъ отрицаетъ независимость природы. Прежде чѣмъ явиться въ своей свободѣ, духъ является еще погруженнымъ въ тѣло; но онъ уже не дробится на внѣшніе и повидимому независимые члены и органы тѣла; онъ существуетъ какъ ихъ *простая* всеобщность, или какъ непрерывное и цѣльное единство, которое сдерживаетъ въ себѣ всѣ эти разъединенные элементы тѣла. Духъ, на этой ступени развитія, образуетъ *душу*.

§ 389.

Душа сама по себѣ не матеріальна, и болѣе того, она образуетъ то, что есть не матеріальнаго въ природѣ; это— всеобщее, простое начало живаго организма. Она есть *субстанція*, которая служитъ абсолютнымъ основаніемъ всѣхъ особенныхъ и разобщенныхъ опредѣленій духа; она есть источникъ всего его содержанія, проникаетъ въ это содержаніе и совмѣщаетъ его въ своемъ тождествѣ. Въ этомъ отвлеченномъ опредѣленіи, душа есть *спящій* духъ, — «*страдательный νοῦς*» Аристотеля; она вмѣщаетъ въ себѣ возможность всѣхъ опредѣленій духа.

Примѣч. Вопросъ о невещественности души можетъ имѣть интересъ только для тѣхъ, которые представляютъ себѣ, что

матерія независима и *истинна*, и что душа или духъ есть *вещь*. Но, въ новѣйшее время, даже физики должны были допустить существованіе « болѣе тонкой » матеріи; таковы всѣ такъ называемыя *невѣсомыя* тѣла, свѣтъ, теплота и т. п.; къ нимъ можно было бы также причислить пространство и время. Эти невѣсомыя потеряли отличительное свойство матеріи — *тяжесть* и въ нѣкоторой степени способность оказывать сопротивленіе другимъ тѣламъ; однакожъ имъ еще приписываютъ чувственные признаки, именно способность дробиться на матеріальныя части. Нѣкоторые физіологи причисляютъ къ такимъ веществамъ *жизненную матерію* и признаютъ, что она не имѣетъ ни тяжести, ни какого другаго свойства, на основаніи котораго ее можно было бы сравнивать съ другими тѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, идея жизни отрицаетъ независимое существованіе членовъ и органовъ тѣла; субстанція, или понятіе, которое лежитъ въ основаніи живаго организма, есть субъектъ. Правда, что въ его объективномъ выраженіи оно распадается на пространственныя и внѣшнія другъ другу части. Но духъ, какъ субъектъ или какъ понятіе, есть не единичный субъектъ, а всеобщій, свободный субъектъ; его реальность, или его объективное выраженіе есть самое понятіе; поэтому дѣлимость въ пространствѣ, которая составляла отличительное свойство матеріи, не свойственна духу, какъ всеобщему субъекту. Духъ есть истина матеріи, онъ самымъ бытіемъ своимъ обнаруживаетъ, что матерія не имѣетъ истины.

Съ вопросомъ о невещественности души соединенъ другой вопросъ, о *связи души съ тѣломъ*. Прежде допускали эту связь какъ фактъ и спрашивали, какъ понять этотъ фактъ? Обыкновенно отвѣчаютъ, что эта связь составляетъ неразрѣшимую загадку. И въ самомъ дѣлѣ, когда допускаютъ, что душа и тѣло абсолютно самостоятельны, то они непроницаемы другъ для друга; такъ физики признаютъ, что матеріи независимы и занимаютъ поры другъ въ другѣ; такимъ же точно образомъ Эпикуръ говорилъ, что боги имѣютъ свое мѣстопребываніе въ порахъ вселенной и потому самому онъ отрицалъ всякую связь ихъ съ міромъ.

Это разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса не должно смѣшивать съ тѣмъ отвѣтомъ, который давали на него всѣ истин-

ные философы, съ тѣхъ поръ какъ этотъ вопросъ былъ поставленъ въ наукѣ. *Декартъ*, *Малебраншъ*, *Спиноза*, *Лейбницъ* говорили, что душа и тѣло связаны въ Богѣ; они хотѣли этимъ сказать, что душа и тѣло не имѣютъ истиннаго и независимаго бытія и составляютъ моменты высшаго единства. Поэтому понятіе о Богѣ не составляетъ у нихъ пустаго слова, замѣняющаго непонятную связь между душою и тѣломъ: оно образуетъ ихъ истинное *тожество*. Впрочемъ, у Спинозы это тожество остается совершенно отвлеченнымъ. У Лейбница, монада монадъ есть существо творческое, оно подраздѣляется на душу и тѣло; но его тожество остается только *связкою* (copula) этого объективнаго сужденія; оно не является какъ абсолютный силлогизмъ, всѣ моменты котораго вполнѣ независимы и въ тоже время тожественны другъ съ другомъ.

Приб. Во введеніи къ философіи природы мы сказали, что сама природа отрицаетъ внѣшность и разобщенность своихъ созданій, ихъ вещественность, которая не соотвѣтствуетъ понятію, въ нихъ живущему. Это понятіе есть элементъ не матеріальный, или духъ. Вначалѣ духъ погруженъ въ природу. Этотъ непосредственный духъ, или душа сама по себѣ не матеріальна; она составляетъ то́, что́ есть не матеріальнаго въ природѣ; она образуетъ субстанцію духа,— единство мышленія и бытія. Это единство лежало въ основаніи восточныхъ религій. Персы признавали, что источникомъ всего служитъ свѣтъ, и этотъ элементъ былъ какъ духовный такъ и матеріальный. Спиноза еще опредѣленнѣе высказалъ, что это единство составляетъ основу всего существующаго. Духъ погруженъ въ это единство и не можетъ высвободиться изъ него, какъ бы ни старался сосредоточиться въ самомъ себѣ и уединиться въ своей исключительной субъективности. Но абсолютный духъ не можетъ остановиться на этомъ единствѣ. Онъ необходимо долженъ существовать *для себя*, въ формѣ вполнѣ достойной его. Онъ долженъ развить тѣ различія, которыя лежатъ въ субстанціи, и возвратить ихъ къ ихъ единству; такимъ образомъ онъ пробуждается отъ своего сна, потому что душа есть еще спящій духъ, всѣ различія, которыя содержатся въ ней, еще не сознаны ею. Философія Спинозы недостаточна по-

тому, что она не показываетъ внутренняго развитія абсолютной субстанціи, или необходимой связи между самою субстанціею и разнообразнымъ содержаніемъ міра. Анаксагоровъ *νοῦς* содержитъ тоже единство мысли и бытія; но Анаксагоръ могъ еще менѣе показать его развитіе, чѣмъ Спиноза. Вообще, пантеизмъ не показываетъ какъ субстанція развивается и является въ различныхъ сферахъ бытія. Большею частію онъ говоритъ только воображенію; отличительную черту его составляетъ вакхическое опъяненіе въ жизни и знаніи. Онъ не старается узнать систему вселенной, но погружаетъ всѣ формы ея во всеобщую сущность, то возвышенную, то ужасную. Но живое чувство всегда будетъ симпатизировать этому воззрѣнію и начинать съ него. Особенно въ юности, мы чувствуемъ свое родство съ природою, мы ощущаемъ ту живую связь, которая соединяетъ насъ со всѣмъ окружающимъ, т. е. мы ощущаемъ душу вселенной, единство духа и природы, и симпатизируемъ съ тѣмъ, что есть нематеріальнаго въ природѣ.

Но когда мы отдаляемся отъ *чувства* и переходимъ къ размышленію, къ *рефлексіи*, мы признаемъ полную противоположность между душою и матеріею, между нашимъ субъективнымъ Я и нашимъ тѣломъ; мы полагаемъ что связь между тѣломъ и душою есть взаимное вліяніе двухъ независимыхъ предметовъ. Физіологія и психологія не могутъ разрѣшить этой противоположности. Эти науки признаютъ, что наше Я, — наша простая, единая субъективность, поглощающая всѣ наши представленія, — и что наше тѣло, состоящее изъ многихъ сложныхъ частей, не имѣютъ между собою ничего общаго. Естественно, что при такомъ взглядѣ онѣ должны признать невозможнымъ рѣшеніе вопроса о связи между единичною субъективностію и множественностію тѣла.

Обыкновенно допускаютъ, что одна сторона этой противоположности — душа — не матеріальна. Но ей противополагаютъ тѣло, какъ независимый и самостоятельный предметъ. Т. е. приписываютъ и душѣ и тѣлу одинаковую независимость и считаютъ ихъ самобытными субстанціями. Прежняя метафизика раздѣляла этотъ взглядъ. Впрочемъ, она безсознательно измѣняла самой себѣ, потому что она разсматри-

вала душу какъ вещь, какъ отвлеченный предметъ, находящійся однако въ пространствѣ. Такъ она предлагала вопросъ о мѣстопребываніи души,—т. е. думала, что душа занимаетъ извѣстное пространство; она разсматривала вопросъ, когда душа рождается и исчезаетъ ли она, т. е. она предполагала, что душа существуетъ во времени; наконецъ, она разсматривала свойства души и допускала, что душа есть вещь постоянная и неизмѣнная, и что она связываетъ въ себѣ всѣ эти свойства. — Лейбницъ также разсматривалъ душу какъ вещь, потому что онъ признавалъ, что душа есть монада, подобно всѣмъ прочимъ предметамъ природы. Монада также постоянна и неизмѣнна какъ всякая вещь; Лейбницъ думалъ, что душа есть болѣе ясная и болѣе развитая монада, чѣмъ остальныя, вещественныя монады. Это воззрѣніе даетъ духовный смыслъ предметамъ вещественной природы; но за то оно низводитъ душу на степень матеріальнаго предмета и не показываетъ ихъ истиннаго различія.

Спекулятивная логика даетъ намъ возможность возвыситься надъ этимъ результатомъ рефлексіи,—т. е. надъ противоположностію духа и тѣла. Она показываетъ, что всѣ отвлеченныя опредѣленія, которыя даютъ душѣ,— когда ее опредѣляютъ какъ простую, недѣлимую, единую вещь и проч.,—недостаточны и не истинны, и что они ведутъ къ противоположнымъ опредѣленіямъ. Философія духа подтверждаетъ это, показывая, что духъ содержитъ всѣ эти противоположныя опредѣленія въ своемъ идеальномъ элементѣ.

Мы переходимъ теперь къ другой сторонѣ разсматриваемой нами противоположности,—къ тѣлу, или матеріи. Обыкновенно думаютъ, что отличительную опредѣленность тѣла составляетъ внѣшность, дробность, множественность его частей; полагаютъ, что эти части соединены внѣшнею связью, что онѣ сложны и могутъ быть дѣлимы вновь. Справедливо, что въ духѣ преобладаетъ единство и что множественность его формъ несущественна и призрачна, и что въ матеріи мы замѣчаемъ обратное отношеніе. Прежняя метафизика предугадывала это, потому что она спрашивала, чтò должно

считать главнымъ въ духѣ,—единство, или множественность. Но она допускала, что природа не можетъ освободиться отъ внѣшности и множественности, характеризующей всѣ ея созданія. Спекулятивная философія опровергаетъ это предположеніе. Философія природы показываетъ намъ, что природа, на высшихъ ступеняхъ своего развитія, все болѣе и болѣе освобождается отъ внѣшности;—такъ *тяжесть* опровергаетъ самостоятельность разрозненныхъ частей матеріи;—*свѣтъ* проникаетъ во всѣ тѣла;—животная жизнь и ощущеніе составляютъ крайнюю ступень развитія этого единства, потому что здѣсь душа присутствуетъ во всѣхъ точкахъ тѣла, т. е. отрицаетъ ихъ разрозненность и самостоятельность. Духъ, который живетъ и творитъ въ природѣ, приводитъ матерію къ ея идеальному единству, и высшую форму этого единства составляетъ *душа*. По этому въ душѣ отражаются всѣ измѣненія, совершающіяся въ природѣ и она служитъ истиннымъ, не матеріальнымъ источникомъ всей матеріальной жизни природы. Все, что̀ мы называемъ вещественнымъ и что̀ кажется намъ самостоятельнымъ, подчинено духу.

Конечно, есть различіе между душою и тѣломъ. Какъ только всеобщая и неопредѣленная душа опредѣлится, явится какъ субъектъ, она становится сознательнымъ субъектомъ, т. е. она противополагаетъ себя природѣ, тѣлу, и приписываетъ этому послѣднему реальное, внѣшнее, матеріальное существованіе. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о связи между духомъ и тѣломъ совершенно естественъ. Если бы душа и тѣло были абсолютно противоположны, какъ это кажется сознанію и разсудку, то они не могли бы имѣть ничего общаго. Старая метафизика допускала однакожъ, что эта связь есть несомнѣнный фактъ и спрашивала, какимъ образомъ эти двѣ независимыя, самостоятельныя стороны могутъ быть связаны между собою? Съ ея точки зрѣнія рѣшеніе этого вопроса было невозможно. Дѣло въ томъ, что самая эта точка зрѣнія невѣрна. Душа и тѣло не должны быть разсматриваемы какъ двѣ равныя субъстанціи. Душа есть всеобщая субстанція, — и тѣло составляетъ одно изъ ея особенныхъ опредѣленій; оно находится

въ зависимости отъ души и подчинено ей. Душа, какъ первобытное единство нематеріальнаго и матеріальнаго элемента, служитъ источникомъ тѣла и объясняетъ намъ, почему мы можемъ различать ихъ. По этому Декартъ, Малебраншъ, Спиноза должны были допустить, что абсолютное есть первобытное единство мышленія и бытія, духа и матеріи; это единство есть идея. Идея составляетъ посредствующую связь между мыслящимъ и немыслящимъ, — или всеобъемлющее существо, содержащее въ себѣ духъ и природу;—она не противоположна духу и природѣ,—иначе явился бы новый вопросъ, какимъ образомъ эта третья субстанція связана съ двумя первыми. Идея есть духъ; и потому она не составляетъ также нейтральнаго, или безразличнаго единства двухъ независимыхъ сторонъ. Природа отрицаетъ самое себя, она указываетъ за свой собственный предѣлъ; по этому Платонъ и другіе философы древности справедливо говорили, что она есть *«иное самой себя*[1].» Напротивъ, духъ есть положительное и спекулятивное существо: матерія не составляетъ его предѣла, онъ сохраняетъ свою свободу въ отношеніи къ ней, не признаетъ ея реальности, ибо онъ составляетъ ея источникъ.

Матеріализмъ отвергаетъ такое воззрѣніе на противоположность между духомъ и матеріею. Онъ полагаетъ, что мысль есть результатъ матеріи и старается вывести простой элементъ мысли изъ множественнаго элемента матеріи. Но всѣ изслѣдованія, которыя можно найти въ матеріалистическихъ сочиненіяхъ касательно условій, могущихъ произвести такой результатъ какъ мысль, въ высшей степени недостаточны. Они не знаютъ того, что причина исчезаетъ въ дѣйствіи, что средство служитъ къ осуществленію цѣли. Точно также, матерія по видимому производитъ духъ; но, въ сущности духъ производитъ самого себя черезъ посредство матеріи; сначала онъ погруженъ въ природу, но онъ освобождается отъ нея и начинаетъ существовать *для себя*. Развившись изъ природы, онъ видитъ въ ней только средство, служившее ему для осуществленія себя. Впрочемъ, должно отдать ту справедливость матеріализму, что онъ стремится выйдти изъ того дуализма, который допускаетъ

равную самостоятельность и истинность двухъ различныхъ міровъ, и что онъ ищетъ возстановить ихъ первобытное единство.

§ 390.

Душа:

a. Опредѣлена непосредственно, или находится въ зависимости отъ природы; это — *душа непосредственная, или опредѣляемая природою.*

b. Во вторыхъ, *индивидуальная душа* приходитъ въ соотношеніе со своими непосредственными или естественными опредѣленіями; она ощущаетъ ихъ, въ ихъ общности; это— *душа чувствующая.*

c. Наконецъ она усвоиваетъ и подчиняетъ себѣ свои естественныя опредѣленія, или опредѣленія своего тѣла; это—*душа, осуществленная въ дѣйствительности.*

Приб. Первая часть антропологіи, предметъ которой составляетъ душа непосредственная или опредѣляемая природою (см. настоящій §), распадается на три части:

Во первыхъ мы должны разсмотрѣть *всеобщую*, непосредственную жизнь души или *субстанцію* духа, такъ сказать простую пульсацію, неясныя движенія души. На этой, первой ступени, жизнь духа еще совершается безъ всякаго индивидуальнаго контроля, и индивидуальная душа еще совершенно подчинена природѣ. Эта всеобщая жизнь высказывается и въ духѣ и въ тѣлѣ. Духовная жизнь уже существуетъ, но она еще не опредѣлилась, не обособилась, не проявилась въ дѣйствительности.

Но какъ, въ логикѣ, бытіе необходимо получаетъ опредѣленность, такъ и душа, вначалѣ неопредѣленная, становится *опредѣленною.* Ея опредѣленность, какъ мы уже говорили, выражается въ природныхъ качествахъ и мы должны разсмотрѣть эти послѣднія въ ихъ цѣлости и въ ихъ общей связи. И такъ прежде всего мы разсмотримъ совершенно общія *качества души.* Сюда относится различіе *по-*

родъ человѣческаго рода,—различіе на столько же физическое, какъ и духовное,—и различіе національностей.

Эти общія разности обособившагося духа сосредоточиваются въ *единичномъ* субъектѣ, или совмѣщаются въ единствѣ души. Единичность духа составляетъ переходную ступень ко второму отдѣлу антропологіи.

Во вторыхъ. Когда общія качества совмѣщаются въ единствѣ единичной души человѣка, они составляютъ *естественныя измѣненія* индивидуальнаго субъекта. Эти, какъ физическія такъ и духовныя измѣненія обнаруживаются въ теченіи *возрастовъ жизни*. Здѣсь субъектъ послѣдовательно переживаетъ различныя фазы своей душевной жизни.

Но душевная жизнь субъекта дѣйствительно противополагается самой себѣ только тогда, когда она противоположна душевной жизни другой особы. Это происходитъ въ *отношеніи половъ*.

Далѣе, душа вообще противополагаетъ свой контроль своимъ непосредственнымъ качествамъ. Вслѣдствіе этого, противоположное состояніе—прекращеніе индивидуальнаго контроля надъ непосредственною жизнію души—становится однимъ изъ ея преходящихъ состояній; именно оно образуетъ *сонъ*. *Съ пробужденіемъ*, начинается контролирующая дѣятельность души. Впрочемъ въ антропологіи мы не будемъ говорить о содержаніи бодрствующаго сознанія, которое должно быть разсматриваемо ниже, а разсмотримъ только пробужденіе какъ естественное состояніе.

Въ третьемъ отдѣлѣ антропологіи мы увидимъ какъ душа возвращается изъ этихъ противоположныхъ состояній, въ свое единство. Именно, отвлеченная способность къ контролю перестаетъ смѣняться неконтролируемою жизнію души во время сна; душа соотноситъ къ самой себѣ свои естественныя опредѣленія,—т. е. *ощущаетъ* ихъ. Здѣсь мы должны разсмотрѣть только форму ощущенія, а не его содержаніе. Содержаніе ощущеній составляетъ предметъ второй части антропологіи. Переходъ къ ней составляетъ *предчувствіе*, т. е. ощущеніе всей совокупности естественныхъ опредѣленій души.

а. Душа опредѣляемая природой.

§ 391.

Не должно думать, чтобы *всеобщая душа*, или, какъ выражаются, *душа міра*, составляла независимое существо въ своей отвлеченности; она образуетъ только общую *субстанцію* и, въ своей истинной формѣ, она является *въ единичномъ субъектѣ*. Слѣдовательно она есть душа единичная, но непосредственная, т. е. получающая свои опредѣленія отъ природы. Условія, вызывающія эти опредѣленія, представляются сознанію подъ видомъ независимыхъ внѣшнихъ объектовъ; но душа въ ея непосредственности еще не сознаетъ ихъ внѣшности и только находитъ себя опредѣленною, или имѣющею *природныя качества*.

Приб. Вся природа образуетъ большой міръ или макрокосмъ. Душа образуетъ малый міръ, или микрокосмъ, въ которомъ первый отражается и связывается. Въ природѣ, событія существуютъ свободно и представляютъ цѣлый рядъ сомостоятельныхъ явленій; всѣмъ этимъ явленіямъ соотвѣтствуютъ извѣстныя качества въ душѣ. Душа стоитъ на серединѣ между природою, которую она оставила позади себя, и между міромъ нравственнымъ и свободнымъ, который развивается на почвѣ души. Всѣ разрозненныя событія въ жизни природы отпечатлѣваются въ жизни души, и на оборотъ всѣ безсознательныя стремленія человѣческой души осуществляются въ нравственномъ мірѣ, въ организмѣ государства, и образуютъ особый міръ, созданный самосознательнымъ человѣческимъ разумомъ.

α) Естественныя качества души.

§ 392.

1) Вначалѣ духъ существуетъ въ формѣ души, опредѣляемой природою, поэтому общая жизнь нашей

планеты, — различіе климатовъ, смѣна годовыхъ временъ, временъ дня и т. п.—отражается въ духѣ. Эта жизнь природы не рѣдко вызываетъ въ немъ одни смутныя настроенія.

Примѣч. Въ недавнее время начали много говорить о космической, сидерической, теллурической жизни человѣка. Жизнь животныхъ находится въ зависимости отъ жизни природы; ихъ виды, ихъ характеръ всегда, болѣе или менѣе, обусловливаются естественными условіями. Человѣкъ освобождается отъ этой зависимости по мѣрѣ успѣховъ его цивилизаціи, по мѣрѣ того какъ вся его жизнь обусловливается развитіемъ его духа. Революціи въ солнечной системѣ не оказываютъ никакого вліянія на ходъ всемірной исторіи и положеніе планетъ не имѣетъ никакого отношенія къ судьбѣ частныхъ лицъ.

Климатъ обнаруживаетъ болѣе сильное и болѣе постоянное дѣйствіе. Но различныя времена года и дня вызываютъ болѣе слабыя настроенія духа, которыя преимущественно проявляются въ болѣзненныхъ состояніяхъ, подавляющихъ сознательную жизнь, какъ напр. въ сумасшествіи.

Большею частію вѣра въ эти явленія происходитъ вслѣдствіе суевѣрія и заблужденій слабаго разсудка. Но у народовъ, стоящихъ на низшей ступени духовнаго развитія и живущихъ въ гармоніи съ природою, дѣйствительно замѣчается такая зависимость отъ природы; они могутъ иногда предвидѣть отдаленныя измѣненія въ природѣ, которыя обнаруживаютъ вліяніе на событія ихъ жизни. Впрочемъ, съ развитіемъ духа исчезаютъ и эти немногіе случаи, которые зависятъ отъ ихъ близости къ жизни природы. Напротивъ, животныя и растенія вполнѣ подчинены ей.

Приб. Мы сказали, что общая жизнь природы отражается въ душѣ и что душа, по сочувствію, переживаетъ въ себѣ всѣ измѣненія этой жизни. Но не должно думать, чтобы философія духа имѣла своею главною задачею, показать эту сочувственную жизнь души съ природою. Духъ стремится освободиться отъ вліянія природы, сдѣлаться независимымъ, подчинить міръ своей мысли, создать міръ, соотвѣтствующій понятію духа. По этому подчиненіе природѣ несущественно для духа, онъ подавляетъ дѣйствіе косми-

ческихъ и теллурическихъ силъ и онѣ вызываютъ въ немъ только неясныя и неважныя настроенія.

Въ природѣ, общая жизнь солнечной системы получаетъ свою индивидуальную форму въ жизни земли.

Что касается вліянія солнечной системы на жизнь души, астрологія предполагала, что есть связь между положеніемъ планетъ и судьбами человѣческаго рода и отдѣльныхъ лицъ. Такъ въ новѣйшее время говорили, что міръ есть зеркало духа и что онъ обусловливаетъ всю жизнь этого послѣдняго. Астрологія была основана на суевѣріи, но наука должна показать, почему она признаетъ астрологію за суевѣріе. Во первыхъ, планеты суть отдаленныя матеріальныя тѣла; во вторыхъ — и это главное — жизнь планетъ обнаруживается только *въ движеніи*, т. е. въ пространствѣ и времени, какъ моментахъ, изъ которыхъ слогается движеніе. Законы, по которымъ движутся планеты, вытекаютъ изъ самаго понятія пространства и времени; ихъ движеніе есть свободное и абсолютное движеніе. Но это движеніе теряетъ свое значеніе даже и въ физическихъ индивидуальныхъ тѣлахъ: индивидуальное тѣло само создаетъ свое пространство и время своего существованія; его измѣненіе зависитъ отъ его собственной природы. Животный организмъ достигаетъ еще большей самостоятельности; онъ развивается совершенно независимо отъ движенія планетъ и его долголѣтіе имѣетъ свою собственную мѣру; его здоровье и теченіе его болѣзней не подчинены дѣйствію планетъ; такъ напр. періодическая лихорадка имѣетъ свою собственную, опредѣленную мѣру, которая обусловливается не условіями, лежащими въ самомъ времени, а свойствами животнаго организма. Но солнечная система, въ которой господствуетъ свободный механизмъ, теряетъ всякое значеніе и всякое вліяніе на духъ; опредѣленія свободнаго духа исключаютъ всякую зависимость отъ пространства и времени. Правда, духъ осуществляется въ тѣлѣ, которое занимаетъ извѣстное мѣсто и существуетъ въ извѣстное время; но это не мѣшаетъ ему возвышаться надъ пространствомъ и временемъ. Хотя физическая жизнь человѣка находится въ зависимости отъ извѣстнаго, опредѣленнаго разстоянія земли отъ солнца, и

человѣкъ не могъ бы жить ни въ большемъ, ни въ меньшемъ отдаленіи отъ солнца; но вліяніе положенія земли на человѣка не простирается далѣе этого.

Всѣ особенности земли, какъ небеснаго тѣла, также оказываютъ нѣкоторое вліяніе на человѣка; но онѣ имѣютъ весьма малое значеніе для духа. Сюда относятся: годовое движеніе земли вокругъ солнца, суточное вращеніе земли вокругъ ея оси, наклоненіе земной оси къ пути ея годичнаго движенія. Церковь справедливо признала суевѣріемъ и безнравственностію вѣру въ господство теллурическихъ и космическихъ силъ надъ человѣческимъ духомъ. Человѣкъ долженъ сознать свою независимость отъ природы; напротивъ, когда онъ вѣритъ въ господство этихъ силъ, онъ ставитъ себя на ряду съ животными. Отсюда видно, какъ неосновательны были попытки нѣкоторыхъ историковъ, которые старались отыскать связь между эпохами развитія земли и эпохами всемірной исторіи; они хотѣли также обьяснить происхожденіе религій и различныхъ представленій о божествѣ при помощи астрономическихъ и физическихъ наблюденій. Такъ напр. говорили, что служеніе Апису смѣнилось христіанствомъ или служеніемъ Агнцу, когда равноденствіе перешло изъ созвѣздія тельца въ созвѣздіе овна.

Но нѣкоторыя явленія земной жизни дѣйствительно оказываютъ вліяніе на человѣка. Мы можемъ указать здѣсь только главнѣйшія изъ этихъ вліяній, потому что болѣе подробное изложеніе ихъ принадлежитъ естественной исторіи человѣка и земли.

Движеніе земли обнаруживается физическими измѣненіями ея въ различныя времена года и дня. Смѣна этихъ временъ отражается и въ человѣкѣ: духъ, погруженный въ природу, или душа переживаетъ различныя настроенія въ различныя времена года и дня. Жизнь растеній находится въ безусловной зависимости отъ годовыхъ временъ. Животныя также безсознательно подчинены имъ; такъ напр. они инстинктивно спариваются, перемѣняютъ мѣсто въ извѣстныя времена года. Но эти послѣднія не обнаруживаютъ такого вліянія на душу человѣка и человѣкъ не подчиняется имъ невольно. Зимою человѣкъ сосредоточивается въ себѣ, онъ живетъ

уединеннѣе въ своемъ семействѣ, чтитъ пенатовъ. Лѣтнее время, напротивъ, располагаетъ къ путешествіямъ ду-ша рвется на просторъ, народъ отправляется на богомолья. Но ни семейная жизнь въ зимнее время, ни странствія и путешествія лѣтомъ не зависятъ отъ инстинкта.

Что касается до измѣненій луны, то они оказываютъ незначительное вліяніе даже и на физическую природу человѣка. Вліяніе ея замѣчено на сумасшедшихъ; но въ этомъ состояніи духъ не свободенъ; онъ подчиняется природѣ.

Времена дня вызываютъ различныя настроенія въ душѣ человѣка. Утромъ человѣкъ настроенъ иначе, чѣмъ вечеромъ. Утромъ человѣкъ серьезнѣе, духъ болѣе гармонируетъ съ самимъ собою и съ природою. День онъ посвящаетъ труду, борьбѣ съ природою. Вечеромъ преобладаетъ рефлексія и фантазія. Въ полночь духъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, послѣ дневнаго развлеченія, уединяется въ себя, онъ дѣлается склоннымъ къ изслѣдованію и изученію. Большая часть людей умираетъ послѣ полуночи, когда человѣческая природа не въ состояніи начать новаго дня. Времена дня имѣютъ также связь съ общественною жизнію народовъ. Народныя собранія древнихъ происходили утромъ, потому что древніе были ближе къ природѣ, чѣмъ мы. Напротивъ, парламентскія пренія у Англичанъ начинаются вечеромъ и не рѣдко длятся до глубокой ночи, и въ этомъ выражается сосредоточенный въ себѣ характеръ народа. — Но эти настроенія духа, соотвѣтствующія извѣстнымъ временамъ дня, видоизмѣняются сообразно климату; такъ напр. въ жаркихъ странахъ, въ полдень, человѣкъ болѣе склоненъ къ отдыху, чѣмъ къ дѣятельности.

Что касается до вліянія метеорологическихъ явленій, то оно явственно обнаруживается въ растеніяхъ и животныхъ. Такъ напр. животныя предчувствуютъ грозу и землетрясеніе, т. е. они ощущаютъ такія измѣненія въ атмосферѣ, которыя еще нечувствительны для насъ. Такъ и люди, страдающіе ранами, ощущаютъ такія измѣненія погоды, которыхъ еще не показываетъ барометръ, потому что вліяніе природы ощутительнѣе въ слабомъ, пораненномъ мѣстѣ. — Эти вліянія, оказывающія свое дѣйствіе на организмъ чело-

вѣка, могутъ также обнаруживать свое дѣйствіе на слабый духъ и ощущаться имъ. Даже цѣлые народы, какъ напр. Греки и Римляне, прежде чѣмъ рѣшаться на какое нибудь дѣло, испытывали явленія природы, которыя находились, по ихъ мнѣнію, въ связи съ метеорологическими измѣненіями. Извѣстно, что въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ они не только прибѣгали къ совѣту жрецовъ, но кормили животныхъ и изслѣдовали ихъ внутренности. Такъ напр. въ день битвы при Платеѣ, когда дѣло шло о свободѣ Греціи и, быть можетъ, о свободѣ цѣлой Европы, объ отраженіи восточнаго деспотизма, Павзаній выжидалъ все утро добрыхъ знаменій отъ жертвенныхъ животныхъ. По видимому это противорѣчитъ духовному характеру греческаго искусства, греческой религіи и науки; но это легко объяснить съ точки зрѣнія Грека. Люди новаго времени привыкли сами рѣшать дѣла, которыя обѣщаютъ успѣхъ въ данныхъ обстоятельствахъ; частныя лица и государи дѣйствуютъ по своему собственному рѣшенію; у насъ субъективная воля отрѣзаетъ всѣ нити, которыя ведутъ къ тому или другому рѣшенію и переходитъ въ дѣйствіе. Древніе не доходили до такого самообладанія, не столько довѣряли самимъ себѣ, и потому они охотно повиновались оракуламъ и внѣшнимъ явленіямъ, отъ которыхъ они надѣялись получить подтвержденіе и оправданіе своихъ намѣреній. Такъ напримѣръ успѣхъ сраженія зависитъ не отъ одного чувства нравственной правоты, но и отъ чувства личной храбрости, отъ ощущенія физической силы. Это условіе было еще важнѣе у древнихъ, чѣмъ у новыхъ народовъ; у послѣднихъ исходъ битвы зависитъ отъ военной дисциплины и отъ таланта военачальника; напротивъ, у древнихъ, которые болѣе подчинялись природѣ, участь сраженія болѣе зависила отъ храбрости солдатъ, отъ ихъ мужества, которое всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ физическихъ условій. Чувство храбрости находится въ связи съ другими физическими явленіями, напр. съ мѣстоположеніемъ поля битвы, съ состояніемъ атмосферы, съ временемъ года, климатомъ и проч. Но вліяніе природы замѣчается еще явственнѣе въ животномъ, нежели въ человѣкѣ, потому что животныя еще

болѣе родственны съ природою. Вотъ почему греческій полководецъ шелъ въ битву только въ томъ случаѣ, когда онъ находилъ добрые знаки въ животныхъ и могъ заключить изъ нихъ о хорошемъ расположеніи своего войска. Ксенофонтъ, поступавшій такъ осмотрительно во время своего знаменитаго отступленія, приносилъ ежедневныя жертвы, чтобы при ихъ указаніи принимать нужныя военныя предосторожности. Впрочемъ древніе придавали этимъ гаданіямъ слишкомъ большое значеніе. Суевѣріе видѣло во внутренностяхъ животныхъ болѣе того, чѣмъ въ нихъ можно было видѣть. Лицо отказывалось при этомъ отъ своей независимости, повиновалось случайнымъ обстоятельствамъ природы и подчиняло имъ свое рѣшеніе.

§ 393.

2) Общій духъ человѣчества, живущаго на нашей планетѣ, *обособляется* сооотвѣтственно различнымъ частямъ свѣта, вытекающимъ изъ самаго понятія земнаго организма, и распадается на *особенныя* отрасли человѣчества (des Naturgeistes), характеръ которыхъ, въ главныхъ чертахъ, выражаетъ характеръ соотвѣтственныхъ частей свѣта. Эти отрасли образуютъ различныя расы, или *породы*.

Примѣч. Вслѣдствіе полярности земли, суша образуетъ, на сѣверѣ, большіе материки и преобладаетъ надъ моремъ, тогда какъ въ южномъ полушаріи она образуетъ узкія и острыя оконечности. *Тревиранусъ* замѣтилъ, что это расположеніе земли оказываетъ вліяніе на характеръ растеній и животныхъ, населяющихъ различныя части свѣта.

Приб. Приступая къ изученію различныхъ расъ человѣческаго рода, мы должны замѣтить, что въ философіи духа не важенъ вопросъ, произошли ли всѣ человѣческія породы отъ одной пары, или отъ нѣсколькихъ. Этотъ вопросъ считали важнымъ, потому что, допустивъ происхожденіе ихъ отъ многихъ паръ, хотѣли объяснить имъ духовное превосходство одной расы передъ другою и даже надѣялись доказать, будто расы различаются отъ природы своими духовными дарами и что нѣкоторыя изъ нихъ обречены на рабство. Но происхожденіе не можетъ служить доказательствомъ

исключительнаго права одной расы на свободу и господство надъ другими. Человѣкъ есть существо разумное; по этому всѣ люди должны имѣть равныя права и нельзя дѣлить расы на привилегированныя и не привилегированныя.

Расы человѣческаго рода различаются дарами природы, т. е. ихъ различіе выражается въ самой ихъ природѣ. По этому оно находится въ связи съ географическими различіями почвы, на которой люди собираются въ большія общества. Эти различія почвы образуютъ различныя страны свѣта. Организмъ земли по необходимости распадается на эти части свѣта, и географія должна показать условія, отъ которыхъ зависило распредѣленіе ихъ.

Земля, главнымъ образомъ, дѣлится на *старый* и *новый* свѣтъ. Различныя части свѣта получили это названіе, потому что однѣ изъ нихъ сдѣлались извѣстны для всемірной исторіи раньше, другія позже. Но время ихъ открытія не важно для насъ. Мы говоримъ здѣсь о тѣхъ, опредѣленныхъ явленіяхъ, которыя даютъ различный характеръ различнымъ частямъ свѣта. Въ этомъ отношеніи, историческое развитіе *Америки* еще не достигло до развитія Европейскихъ государствъ и она обнаруживаетъ всѣ признаки юнаго общества. Америка дѣлится на двѣ сходныя части, — сѣверную и южную, — которыя соединены между собою узкимъ перешейкомъ. Туземныя племена этой части исчезаютъ; старый свѣтъ начинаетъ въ ней новую жизнь. — Этотъ послѣдній отличается тѣмъ, что онъ распадается на три части свѣта, рѣзко различающіяся одна отъ другой. *Африка* представляетъ совершенно однообразную массу, именно возвышенность, замкнутую въ своихъ берегахъ. *Азія* являетъ противоположныя части: возвышенность и большія, орошенныя широкими рѣками долины. Наконецъ, въ *Европѣ*, возвышенность и долины не составляютъ двухъ большихъ половинъ, какъ въ Азіи, но горы постоянно перерѣзываются долинами; такъ что Европа совмѣщаетъ въ себѣ однообразіе Африки съ рѣзкою, непримиренною противоположностію Азіи. Эти три части свѣта лежатъ вокругъ одного, Средиземнаго моря, — и море не раздѣляетъ, а связываетъ ихъ. Сѣверная часть Африки, простирающаяся до песчаной степи,

принадлежитъ, по своему характеру, къ Европѣ; жители этой части Африки еще не настоящіе африканцы, какими должно считать негровъ; напротивъ, они родственны съ Европейцами. Точно также, вся передняя Азія принадлежитъ, по своему характеру, къ Европѣ; собственно азіатская, монгольская раса живетъ въ задней Азіи.

Итакъ, различія частей свѣта не случайны, но обусловлены необходимостію. Въ связи съ ними находятся и различныя,—физическія и духовныя,—особенности расъ человѣческаго рода. Въ первомъ отношеніи, физіологія различаетъ три расы: кавказскую, эфіопскую и монгольскую; къ нимъ причисляютъ еще малайскую и американскую расы; но эти послѣднія не имѣютъ рѣзкихъ особенностей и различаются безконечнымъ множествомъ мелкихъ признаковъ. Физическое различіе всѣхъ этихъ расъ обнаруживается преимущественно въ строеніи черепа и въ физіономіи. Строеніе черепа опредѣляется двумя линіями,—горизонтальною и вертикальною, изъ которыхъ первая проводится отъ внѣшняго слуховаго прохода къ корню носа, а вторая отъ лобной кости къ верхней челюсти. Эти линіи образуютъ уголъ, посредствомъ котораго голова животнаго рѣзко различается отъ человѣческой; у животныхъ этотъ уголъ чрезвычайно остръ. Блуменбахъ обратилъ еще вниманіе на другое различіе, которое очень важно для характеристики различныхъ расъ, именно на болѣе или менѣе выдающіяся скуловыя кости. Наконецъ можно еще принять во вниманіе выпуклость и ширину лба.

У *кавказской* расы уголъ, о которомъ мы говорили, почти или совершенно прямой. Это замѣчается преимущественно у Итальянцевъ, Грузинъ и Черкесовъ. Черепъ у этой расы сверху округленъ, лобъ равномѣрно выпуклъ, скуловыя кости мало выдаются, передніе зубы перпендикулярны въ обѣихъ челюстяхъ; цвѣтъ кожи бѣлый, щеки румяны, волосы длинны и мягки.

Отличительныя черты *монгольской* расы составляютъ выдавшіяся скуловыя кости, узкій прорѣзъ глазъ, сплюснутый носъ, желтый цвѣтъ кожи, короткіе, жесткіе, черные волосы.

У Негровъ черепъ уже, чѣмъ у Монголовъ и Кавказцевъ; лобъ выпуклъ, но угловатъ, челюсти выступаютъ впередъ, зубы стоятъ косо, нижняя челюсть очень выдается, цвѣтъ кожи болѣе или менѣе черный, волосы волнисты и черны.

Малайская и *американкая* раса не имѣютъ такихъ рѣзкихъ, физическихъ признаковъ, какъ тѣ расы, о которыхъ мы говорили. У малайской расы кожа темнаго цвѣта, а у американской—мѣдно-краснаго цвѣта.

Въ *духовномъ* отношеніи названныя расы различаются слѣдующимъ образомъ:

Негры — это младенческій народъ, который не выходитъ изъ своего равнодушнаго и апатическаго состоянія. Ихъ продаютъ и они позволяютъ себя продавать, не размышляя о томъ, справедливо это или нѣтъ. Въ ихъ религіи есть что-то дѣтское. Ихъ высшія ощущенія не постоянны, но проходятъ черезъ ихъ голову мелькомъ. Они переносятъ свое благоговѣйное чувство на первый попавшійся камень, дѣлаютъ его своимъ фетишемъ и бросаютъ его, когда онъ не исполняетъ ихъ мольбы. Въ спокойномъ состояніи они добры и незлобны; но, въ возбужденномъ состояніи духа, они совершаютъ ужаснѣйшія жестокости. Нельзя отрицать ихъ способность къ образованію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они съ благодарностію приняли христіанство и съ умиленіемъ говорили о пріобрѣтенной свободѣ, послѣ долгаго порабощенія духа; въ Гаити они образовали даже государство, основанное на христіанскихъ началахъ. Но они не обнаруживаютъ собственнаго стремленія къ цивилизаціи. Въ ихъ родинѣ господствуетъ самый страшный деспотизмъ. Они не доходятъ до сознанія достоинства человѣческой личности. Ихъ духъ дремлетъ, погруженный въ самого себя; онъ не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ. Словомъ, онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ однообразному *безразличному* характеру безводной Азіи.

Монголы выходятъ изъ этого дѣтски-равнодушнаго состоянія; въ нихъ обнаруживается безпокойная подвижность духа, которая не приводитъ ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. По временамъ они, подобно саранчѣ, устремляются на сосѣднихъ народовъ и, опустошивши ихъ жилища, снова впа-

дающъ въ безмысленное равнодушіе и бездѣйствіе. Въ ихъ характерѣ замѣчается рѣзкая противоположность между высокими и громадными стремленіями и между самымъ мелкимъ педантизмомъ. Въ своей религіи, они возвышаются къ представленію всеобщаго творца міра и поклоняются ему. Но они еще не могутъ довольствоваться понятіемъ Невидимаго Бога: Онъ долженъ существовать въ человѣческомъ образѣ, или по крайней мѣрѣ, обнаруживаться въ томъ или другомъ лицѣ. Такъ напримѣръ жители Тибета часто поклоняются какому нибудь ребенку, какъ видимому божеству, и когда онъ умираетъ, монахи выбираютъ изъ среды народа другаго бога, и всѣ эти боги пользуются одинъ за другимъ самымъ глубокимъ почтеніемъ. Мы видимъ тѣ же характеристическія черты и въ религіи Индѣйцевъ; они также поклоняются какому нибудь брамину какъ богу, и вѣруютъ, что погруженіе души въ свою неопредѣленную всеобщность есть общеніе съ Богомъ. Итакъ, въ азіатской расѣ духъ пробуждается, выходитъ изъ своего естественнаго состоянія освобождается отъ природы. Но это освобожденіе еще не полно. Духъ еще не постигаетъ здѣсь своей абсолютной свободы, онъ не сознаетъ того, что онъ есть всеобщее и конкретное начало, т. е. не сознаетъ своего понятія въ формѣ мысли. Духъ существуетъ для нихъ только въ противорѣчащей ему формѣ единичнаго субъекта. Они сознаютъ его, но не въ формѣ обсолютной свободной мысли, а въ формѣ конечнаго, непосредственно существующаго духа. Вслѣдствіе этого они особенно чтятъ умершихъ. Это поклоненіе возвышаетъ духъ надъ природою; потому что смерть разрушаетъ вещественную оболочку духа. Поминовеніе умершихъ вызываетъ въ памяти только то общее начало, которое являлось въ нихъ; слѣдственно оно возноситъ духъ надъ единичнымъ явленіемъ. Но при этомъ всеобщее остается всегда отвлеченнымъ; а, съ другой стороны, оно созерцается только въ формѣ случайнаго, единичнаго существа. Такъ Индѣйцы поклоняются Богу, но не какъ творцу міра; они допускаютъ, что онъ существуетъ во всей природѣ, въ скалахъ, горахъ и во всѣхъ людяхъ. Итакъ Азія, и въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи, представляетъ рѣзкія *противоположности*, ничѣмъ

не связанныя между собою. Духъ освобождается отъ природы и снова подчиняется ея вліянію, потому что онъ достигаетъ до сознанія самаго себя не въ своемъ собственномъ элементѣ, а въ формахъ природы. При такомъ тожествѣ духа съ природою невозможна истинная свобода. Человѣкъ не можетъ сознать достоинства своей личности, своихъ индивидуальныхъ правъ. Мы видимъ это и у Индѣйцевъ, и у Китайцевъ. Такъ Китайцы, не задумываясь, бросаютъ своихъ дѣтей, или даже убиваютъ ихъ.

Въ *Кавказской* расѣ духъ достигаетъ до абсолютнаго единства съ самимъ собою,—онъ совершенно освобождается отъ природы, становится вполнѣ независимымъ, перестаетъ переходить отъ одной крайности къ другой, онъ самъ опредѣляетъ себя, развивается и производитъ всемірную исторію. Монголы, какъ уже сказано, отличаются опустошительными набѣгами, бурною внѣшнею дѣятельностію, которая также скоро успокоивается, какъ явилась; она дѣйствуетъ только разрушительно, не создаетъ ничего и не производитъ никакого прогресса во всемірной исторіи. Кавказская раса является двигателемъ историческаго прогресса.

Но, въ кавказской расѣ, мы должны сдѣлать различіе между жителями передней Азіи и Европейцами; въ настоящее время, первые—мухаммедане, вторые христіане.

Мухаммеданизмъ восторжествовалъ надъ ограниченнымъ принципомъ семитическаго міросозерцанія, вызвысивъ его въ форму всеобщности. Въ мухаммеданской религіи, Богъ является не какъ чувственный субъектъ, существующій въ непосредственной дѣйствительности, какъ мы видѣли это въ религіяхъ задней Азіи; но какъ единая безконечная власть, возвышающаяся надъ разнообразными явленіями міра. По этому мухаммеданская религія есть, по преимуществу, религія высокаго. Характеръ жителей передней Азіи, въ особенности Арабовъ, вполнѣ согласуется съ этою религіей. Этотъ народъ, возносясь духомъ къ единому Богу, совершенно равнодушенъ ко всему конечному, ко всякимъ бѣдствіямъ; онъ охотно жертвуетъ своею жизнію и ея благами; и въ настоящее время онъ отличается храбростію и щедростію. Но не взирая на то, что они покаряются власти единаго

Бога, мухаммедане не могутъ создать особенныхъ формъ государственной жизни, въ которыхъ проявлялось бы всеобщее начало духа; правда, у нихъ нѣтъ кастъ, какъ въ задней Азіи, всѣ лица свободны и мы не находимъ у нихъ суроваго деспотизма. Но политическая жизнь ихъ не складывается въ живой организмъ государства, состоящій изъ системы особенныхъ властей. И частныя лица, съ одной стороны, возвышаются надъ субъективными, конечнами цѣлями, а, съ другой стороны, они не рѣдко преслѣдуютъ эти цѣли съ такой необузданностію, которая противорѣчитъ всѣмъ общимъ цѣлямъ, потому что ихъ понятіе объ общемъ благѣ остается неопредѣленнымъ и отвлеченнымъ. Такъ, на ряду съ самыми высокими стремленіями, мы находимъ здѣсь сильнѣйшую месть и лукавство.

Жизнь *Европейцевъ* основана, напротивъ того, на опредѣленныхъ общихъ началахъ; она есть сознательная жизнь мысли. Въ христіанской религіи, всеобщее и особенное, мысль и бытіе достигли высшей противоположности и приведены къ ихъ единству. Особенныя явленія міра не признаются здѣсь независимыми, какъ въ мухаммеданизмѣ, они проникнуты мыслію, потому что всеобщее начало само опредѣляетъ и обособляетъ себя. Принципъ европейскаго духа составляетъ самосознательный разумъ, который имѣетъ довѣріе къ самому себѣ и который убѣжденъ, что ему нѣтъ предѣловъ; и потому онъ прикасается ко всему, чтобы открыть во всемъ свое присутствіе. Европейскій духъ противополагаетъ себѣ міръ, т. е. освобождается отъ природы, но онъ не останавливается на этой противоположности, онъ воспринимаетъ въ себя все разнообразіе міра и совмѣщаетъ его въ своемъ единствѣ. Вотъ почему здѣсь господствуетъ та жажда къ знанію, которая неизвѣстна другимъ расамъ. Міръ интересуетъ Европейца, онъ хочетъ узнать его, усвоить себѣ природу, онъ стремится открыть роды, законы, всеобщія мысли, словомъ внутреннюю разумность всего существующаго. Какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи европейскій духъ стремится произвести и гармонію между самимъ собою и внѣшнимъ міромъ. Онъ подчиняетъ міръ своимъ цѣлямъ и дѣйствуетъ при этомъ съ тою

энергіей, которая упрочила ему господство надъ міромъ. Дѣйствія частныхъ лицъ основываются здѣсь на твердыхъ, общихъ началахъ; въ европейскихъ государствахъ свобода гражданъ болѣе или менѣе изъята отъ произвола деспотизма и ограждена разумными учрежденіями.

Наконецъ, что касается до первобытныхъ жителей *Америки*, мы должны замѣтить, что этотъ слабый народъ исчезаетъ съ лица земли. Правда, во время открытія Америки, нѣкоторыя страны ея стояли на довольно высокой степени образованія; но ее нельзя было сравнивать съ европейскою цивилизаціею и она исчезла вмѣстѣ съ туземцами. Кромѣ того, тамъ встрѣчаются самыя тупоумныя дикія племена, напримѣръ Пешересы и Эскимосы. Древніе Караибы почти всѣ вымерли. Эти дикія племена гибнутъ, познакомившись съ водкою и оружіемъ. Въ южной Америкѣ, Креолы отложились отъ Испаніи; но туземные Индѣйцы не были бы способны образовать самостоятельное государство. Въ Парагваѣ они были похожи на несовершеннолѣтнихъ дѣтей, и іезуиты обращались съ ними какъ съ дѣтьми. Очевидно, что Американцы не могутъ противостоять Европейцамъ. Эти послѣдніе полагаютъ начало новой цивилизаціи на землѣ, ими покоренной.

§ 394.

Духъ каждой расы, въ свою очередь, дробится на множество *народностей* (Localgeister), различныхъ по своему духу,—а именно по внѣшнему образу жизни, занятію, формамъ тѣла, но преимущественно по внутреннимъ наклонностямъ и дарованіямъ ума и нравственнаго характера.

Примѣч. Насколько мы знаемъ прошедшую жизнь народовъ, мы вездѣ видимъ неизмѣнность типа различныхъ націй.

Приб. Различія расъ человѣческаго рода, о которыхъ мы говорили въ прибавленіи къ предъидущему §, вытекаютъ изъ общаго понятія духа, еще погруженнаго въ природу. Но духъ, осуществляющійся въ природѣ, не останавливается на этихъ общихъ различіяхъ; такъ какъ духъ осуществляется въ природѣ и эта послѣдняя не можетъ сохранить опредѣ-

леній духа во всей ихъ чистотѣ, то общія разности человѣческаго рода еще болѣе обособляются и распадаются на разнообразныя народности, или національности. Подробная характеристика этихъ народностей должна войдти частію въ естественную исторію человѣка, частію въ философію исторіи. Первая изображаетъ особенности національнаго характера, обусловливаемыя, между прочимъ, самою природою; а также внѣшнія особенности организаціи, образъ жизни, занятія и направленіе ума и воли различныхъ націй. Напротивъ, философія исторіи имѣетъ своимъ предметомъ всемірно-историческое значеніе народовъ, т. е. — если мы будемъ разумѣть всемірную исторію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—высшую ступень, до которой достигаетъ развитіе первоначальныхъ основъ національнаго характера,—или тѣ духовныя формы, которыя вырабатываетъ духъ народа, вначалѣ порабощенный природою. Итакъ, въ антропологіи, мы не можемъ вдаваться въ тѣ подробности, которыя составляютъ предметъ названныхъ наукъ. Мы должны только обратить вниманіе на національный характеръ какъ на основу, или зерно, изъ котораго развивается послѣдующая исторія народа.

Вопервыхъ, должно замѣтить, что національныя различія также постоянны, какъ и различія человѣческихъ породъ; такъ напр. Арабы и въ настоящее время таковы, какъ ихъ изображали въ древнѣйшія времена. Неизмѣнности національнаго характера способствуетъ постоянство климата и свойства страны, какъ постояннаго мѣста жительства народа. Степь, близость моря, или отдаленность отъ морей и другія подобныя обстоятельства имѣютъ вліяніе на національный характеръ. Сосѣдство моря въ особенности важно. Такъ напр. внутренняя Африка окружена горами, окаймляющими самый берегъ и отрѣзана отъ свободной морской стихіи; вслѣдствіе этого, духъ туземцевъ не пробуждается изъ своего апатическаго сна, они не чувствуютъ потребности въ свободѣ и безпрекословно терпятъ общее рабство. Но одна близость моря не достаточна для того, чтобы пробудить духъ. Это доказываютъ Индѣйцы: они рабски покорились закону, издревле запрещавшему имъ плаваніе на морѣ,

открытомъ для нихъ самою природой, и деспотически удалявшему ихъ отъ этой свободной, безконечной стихіи,— отъ этого олицетворенія безконечности въ природѣ; по этому они не могли освободиться отъ кастъ, окаменѣвшихъ въ своей неподвижности и убивающихъ всякую свободу; они не могли бы выносить такой неподвижности, если бы національный характеръ побуждалъ ихъ къ мореплаванію.

Африканская порода не представляетъ замѣтнаго различія національностей. Тоже самое должно сказать и о собственно азіатской расѣ. Напротивъ, въ европейской расѣ національности рѣзко различаются одна отъ другой, потому что духъ европейской расы не останавливается на своей неопредѣленной всеобщности, но развивается и осуществляется въ опредѣленныхъ различіяхъ. По этому мы разсмотримъ здѣсь только характеръ европейскихъ народовъ и при томъ такихъ, которые преимущественно отличаются своею всемірно-историческою ролью,—именно Грековъ, Римлянъ и Германцевъ. Мы не будемъ говорить о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, потому что эти послѣднія должны составлять предметъ философіи исторіи. Мы разсмотримъ только тѣ различныя національности, на которыя распался греческій народъ, и христіанское населеніе Европы, болѣе или менѣе проникнутое германскимъ элементомъ.

Что касается *Грековъ*, то въ періодѣ ихъ высшаго историческаго развитія между ними особенно отличались Лакедемонцы, Ѳиванцы и Аѳиняне. Жизнь Лакедемонцевъ совершенно поглощалась государствомъ. Вслѣдствіе этого имущественныя и семейныя права были мало развиты у нихъ. У Ѳиванцевъ, напротивъ того, преобладалъ субъективный, личный элементъ, на сколько онъ могъ вообще развиться у Грековъ. Знаменитѣйшій греческій лирикъ, Пиндаръ, былъ Ѳиванецъ. Доказательствомъ того, что у этого народа преобладало сосредоточенное въ самомъ себѣ, личное чувство, можетъ также служить дружескій союзъ юношей, связанныхъ между собою на жизнь и смерть. Аѳиняне представляютъ единство этихъ противоположностей; они вышли изъ ѳиванской исключительности, но жизнь ихъ не поглощалась объективнымъ, государственнымъ началомъ. Госу-

дарство и личность находились у Аѳинянъ въ такомъ равновѣсіи, котораго вообще могли достигнуть Греки. Итакъ, духъ Аѳинянъ совмѣщаетъ въ себѣ особенности спартанскаго и ѳиванскаго духа и связываетъ южную Грецію съ сѣверною. Такимъ же образомъ, аѳинская наука есть средоточіе между восточною и западною Греціею; Платонъ опредѣлилъ абсолютное какъ идею, и эта послѣдняя связываетъ въ себѣ естественный элементъ, лежавшій въ основаніи іонійской философіи, съ совершенно отвлеченною мыслію, составлявшею начало италійской философіи.

Для насъ достаточно указать на эти особенности въ характерѣ главныхъ народовъ Греціи. Болѣе подробныя изслѣдованія этого предмета мы должны предоставить всеобщей исторіи, а также исторіи философіи.

У *христіанскихъ* народовъ Европы мы видимъ еще большее разнообразіе національнаго характера. Отличительную черту всѣхъ этихъ народовъ составляетъ развитіе личности, преобладаніе субъективнаго элемента. Этотъ послѣдній видоизмѣняется соотвѣтственно болѣе или менѣе сѣверному или южному положенію страны, обитаемой народомъ. На югѣ преобладаетъ развитіе отдѣльной, непосредственной личности. *Итальянецъ* хочетъ оставаться такимъ, какимъ онъ есть отъ природы; онъ не заботится объ общихъ цѣляхъ. Такой характеръ болѣе свойственъ женской природѣ, чѣмъ мужской. По этому, въ Италіи, развитіе женскихъ личностей достигаетъ высшей красоты. Итальянскія жены и дѣвушки нерѣдко внезапно умирали съ горя, отъ несчастной любви; ихъ природа совершенно подчинялась индивидуальнымъ отношеніямъ и не могла вынести ихъ разрыва. Вслѣдствіе этой первобытности характера, Итальянцы отличаются живою мимикою; всѣ движенія ихъ духа непосредственно высказываются во внѣшности; отсюда же происходитъ ихъ природная грація. Мы видимъ то же преобладаніе единичности, индивидуальности въ политической жизни Итальянцевъ. Италія является распавшеюся на множество мелкихъ государствъ, какъ до времени римскаго владычества, такъ и послѣ него. Въ средніе вѣка многочисленныя итальянскія республики были постоянно раздираемы борьбою партій, такъ что боль-

шая половина граждан почти постоянно жила въ изгнаніи. Эти партіи не могли возвыситься къ сознанію общихъ интересовъ. Лица, принимавшія на себя заботу объ общемъ благѣ, преслѣдовали большею частію свои частныя цѣли, и нерѣдко съ самою ужасною жестокостію и тиранствомъ. Политическія права не могли получить прочнаго, разумнаго развитія ни въ республикахъ, въ которыхъ враждовали партіи, ни въ монархіяхъ, запечатлѣнныхъ указаннымъ характеромъ. Итальянцы принуждены были изучать римское гражданское право и противопоставлять его тиранніи какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и республиканскаго большинства.

У *Испанцевъ* также преобладаетъ индивидуальность, но она не имѣетъ итальянской наивности и отличается бо́льшею рефлексіею. Личныя цѣли облекаются здѣсь въ форму всеобщности. По этому главнымъ двигателемъ здѣсь является честь. Лицо требуетъ уваженія къ себѣ, не въ своей непосредственности, а потому что его дѣйствія и поступки согласуются съ извѣстными правилами, которыя, по убѣжденію націи, должны быть обязательны для всякаго благороднаго человѣка. Такъ какъ Испанецъ руководствуется во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ этими правилами, которыя полагаютъ границу личному произволу и еще не потрясены софистикою разсудка, то онъ постояннѣе, чѣмъ Итальянецъ, который болѣе повинуется минутному настроенію и руководствуется чувствомъ, а не внѣшнимъ авторитетомъ. Это различіе обоихъ народовъ обнаруживается преимущественно въ ихъ отношеніяхъ къ религіи. Итальянецъ, привыкшій къ свѣтлому наслажденію жизнію, не обращаетъ большаго вниманія на запреты религіи. Напротивъ, Испанецъ до сихъ поръ обнаруживаетъ фанатическое рвеніе къ буквѣ католическихъ догматовъ, и въ теченіи цѣлыхъ столѣтій инквизиція преслѣдовала съ африканскимъ безчеловѣчіемъ всѣхъ, кого подозрѣвали въ отступленіи отъ этой буквы. Этому характеру соотвѣтствуетъ также различіе обоихъ народовъ въ политическомъ отношеніи. Государственное единство Италіи, составлявшее еще предметъ пламенныхъ желаній Петрарки, и теперь еще не болѣе какъ сонъ; эта страна и въ настоящее время распадается на множество государствъ, которыя мало

заботятся другъ о другѣ. Напротивъ, въ Испаніи, общее болѣе преобладаетъ надъ единичнымъ, и отдѣльныя государства, составлявшія нѣкогда эту страну, давно слились въ одно государство, хотя его провинціи и стремятся къ излишней независимости.

Если у Итальянцевъ преобладаетъ подвижность чувства, а у Испанцевъ постоянство представленій, освященныхъ временемъ, то *Французы* соединяютъ твердость разсудка съ легкостію остроумія. Французамъ издавна ставили въ укоръ ихъ легкомысліе, тщеславіе, угодливость. Но желаніе нравиться развило въ нихъ всѣ тонкости общежитія, которое различается отъ эгоистическаго состоянія первобытной жизни тѣмъ, что человѣкъ, думая о себѣ, не забываетъ о другомъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но уважаетъ его личность и старается быть ему пріятнымъ. Французы, — будутъ ли то государственные люди, художники или ученые, — оказываютъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ полное вниманіе и уваженіе какъ къ частнымъ людямъ, такъ и къ публикѣ. Впрочемъ справедливо, что это уваженіе ко мнѣнію другихъ нерѣдко превращается у нихъ въ стремленіе нравиться во что бы то ни стало, даже наперекоръ истинѣ. Изъ этого же стремленія произошли идеалы болтуновъ, которые встрѣчаются во французскомъ обществѣ. Но, по мнѣнію Французовъ, самое вѣрное средство нравиться всѣмъ есть остроуміе, такъ назыв. *esprit*. Въ поверхностныхъ умахъ, это остроуміе ограничивается сближеніемъ самыхъ разнородныхъ представленій; но въ замѣчательныхъ людяхъ, каковы Монтескьё и Вольтеръ, оно соединяетъ то, что̀ разъединилъ разсудокъ, и облекаетъ разумныя истины въ особую, геніальную форму; потому что характеристическую черту разума составляетъ именно то, что онъ возсоединяетъ отвлеченія разсудка. Но ихъ разумныя изслѣдованія не имѣютъ систематической формы; глубокія и геніальныя мысли, которыя часто встрѣчаются у такихъ писателей, какъ названные нами выше, не развиваются изъ одного общаго начала, или не вытекаютъ изъ самаго понятія разсматриваемаго предмета, но являются нежданыя, какъ блески молніи. Тонкость французскаго ума обнаруживается въ ясности и опредѣлительно-

сти живаго и письменнаго языка. Ихъ языкъ, подчиненный самымъ строгимъ правиламъ, соотвѣтствуетъ послѣдовательности и связности ихъ мышленія. По этому, ихъ политическія и юридическія сочиненія справедливо ставятъ въ образецъ. Тонкость ихъ ума видна и въ ихъ политическихъ дѣйствіяхъ. Въ самомъ разгарѣ революціонныхъ страстей, разсудокъ сохранилъ свою власть, и они умѣли провести начала новаго политическаго устройства, вопреки всѣмъ усиліямъ многочисленныхъ приверженцевъ старой системы, и постепенно осуществили всѣ моменты новой политической жизни въ ихъ крайней противоположности и опредѣленности. Они довели эти моменты до полной односторонности, они преслѣдовали каждое одностороннее политическое начало до его крайнихъ послѣдствій; и эта діалектика всемірно-историческаго разума привела ихъ къ такому политическому состоянію, въ которомъ сглажены всѣ прежнія односторонности государственной жизни.

У *Англичанъ* преобладаетъ умственное созерцаніе. Они узнаютъ разумное значеніе дѣйствительности не во всеобщей формѣ, а въ формѣ единичности. По этому ихъ поэты стоятъ несравненно выше ихъ философовъ. У Англичанъ сильно развита оригинальность личности; но эта оригинальность не природная и наивная, а есть плодъ мысли и силы воли. Лицо хочетъ быть здѣсь независимо во всѣхъ отношеніяхъ и сообразоваться со всеобщими законами, не теряя своихъ прирожденныхъ правъ. Оттого. политическая свобода Англичанъ развита неравномѣрно, она имѣетъ форму привилегій или наслѣдственныхъ правъ, а не вытекаетъ изъ общаго начала. Если всѣ отдѣльныя общины и графства посылаютъ своихъ депутатовъ въ парламентъ, то это основывается на частныхъ привилегіяхъ, а не на общихъ, послѣдовательно проведенныхъ принципахъ. Англичанинъ, конечно, гордится честію и свободою своей націи; но его національная гордость происходитъ преимущественно изъ сознанія, что лицо въ Англіи вполнѣ независимо. Такъ какъ Англичане заботятся о независимости личной дѣятельности при участіи въ общемъ дѣлѣ, то у нихъ развита наклонность къ торговлѣ.

Нѣмцы обыкновенно говорятъ о себѣ послѣ всѣхъ, или изъ скромности, или потому, что все лучшее привыкли оставлять къ концу. Мы извѣстны какъ глубокіе, но не рѣдко неудобопонятные мыслители; мы хотимъ понять сокровенную сущность вещей и ихъ необходимую связь. По этому мы любимъ систематику въ наукѣ, но не рѣдко впадаемъ при этомъ въ формализмъ внѣшнихъ, произвольныхъ построеній. Вообще нашъ духъ болѣе погруженъ въ себя, чѣмъ у всякой другой націи. Мы живемъ преимущественно внутреннею жизнію сердца и мысли. Привыкши къ тихой, отшельнической жизни духа, прежде чѣмъ дѣйствовать, мы ищемъ установить правила для нашихъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого, мы медленны въ нашихъ рѣшеніяхъ, мы часто остаемся въ бездѣйствіи тамъ, гдѣ нужна поспѣшность, и не дѣлаемъ ничего, не смотря на все желаніе исполнить дѣло, какъ слѣдуетъ. По этому, Нѣмцы вполнѣ оправдываютъ французскую пословицу: le meilleur tue le bien. Нѣмцы требуютъ, чтобы всякій ихъ поступокъ былъ на чемъ нибудь основанъ; но такъ какъ можно пріискать достаточное основаніе для всякаго поступка, то это основаніе не рѣдко бываетъ совершенно пусто, и дѣйствіе вытекаетъ не изъ общей идеи справедливости, а изъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ. Эта забота не о содержаніи, но о формѣ, выражается и въ томъ, что Нѣмцы не рѣдко въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій довольствовались протестаціями для заявленія какихъ нибудь политическихъ правъ, и не заботились о дѣйствительномъ обладаніи ими. Но если подданные мало заботились о самихъ себѣ, но они часто дѣлали очень мало и для правительства. Живя внутреннею жизнію сердца, Нѣмцы всегда охотно говорили о своей честности и преданности, но часто не оправдывали такого справедливаго образа мыслей: они не рѣдко прикрывали свою неохоту сдѣлать что нибудь для государства выраженіемъ своей искренней преданности своему государю. Но хотя ихъ политическая дѣятельность и ихъ любовь къ отечеству большею частію были не очень велики, они съ давнихъ поръ имѣли слабость къ государственнымъ должностямъ и думали, что честь дается мѣстами и титулами, и что достоинство лицъ и ува-

женіе имъ должное почти всегда соразмѣрны ихъ званію. Въ этомъ отношеніи Нѣмцы подвергались заслуженнымъ насмѣшкамъ, и дѣйствительно эта страсть ихъ не уступаетъ пристрастію Испанцевъ къ длинному ряду именъ.

§ 395.

3) Наконецъ душа, существующая въ исключительной формѣ *единичнаго* субъекта, или индивидуума, также представляетъ разнообразіе *природныхъ даровъ*, или опредѣленій, получаемыхъ ею отъ природы. Къ такимъ опредѣленіямъ относятся видоизмѣненія темперамента, таланта, характера, физіономіи и различныя семейныя или индивидуальныя предрасположенія и идіосинкразіи.

Приб. Мы видѣли, что духъ, погруженный въ природу, сначала распадается на общія различія человѣческаго рода или расы и обособляется въ различныхъ народностяхъ. Въ третьихъ, онъ является подъ видомъ *единичнаго* субъекта и противополагается самой себѣ въ формѣ индивидуальной души. Здѣсь, душа еще не взошла на ступень сознательнаго субъекта; въ антропологіи, мы говоримъ о единичной или индивидуальной душѣ, только по скольку она опредѣляется природою.

Вопервыхъ должно замѣтить, что индивидуальная душа подвержена многимъ случайностямъ, ибо только общій духъ есть необходимое начало, изъятое изъ сферы случайностей. Единичные субъекты различаются другъ отъ друга безконечнымъ множествомъ случайныхъ видоизмѣненій; но эта безконечность есть дурная, или несовершенная безконечность. По этому, своеобразности людей не должно цѣнить слишкомъ высоко. Мнѣніе, что наставникъ долженъ тщательно изучать индивидуальность каждаго ученика, сообразоваться съ нею и развивать ее совершенно пусто и ни на чемъ не основано. Для этого у него нѣтъ времени. Своеобразность дѣтей терпима въ семейномъ кругу; но въ школѣ начинается жизнь по установленному порядку, или по правиламъ, общимъ для всѣхъ безъ исключенія. Наставникъ долженъ заботиться

о томъ, чтобы дѣти отвыкали отъ своей оригинальности, чтобы они знали и хотѣли исполнять всеобщія правила и усвоивали себѣ результаты общаго образованія. Это преобразованіе души составляетъ воспитаніе. Чѣмъ человѣкъ образованнѣе, тѣмъ менѣе онъ отличается какими нибудь исключительно ему свойственными и потому случайными особенностями.

Своеобразности индивидуума бываютъ различнаго рода. Въ этомъ отношеніи можно различить *природныя дарованія* человѣка, его *темпераментъ* и *характеръ*.

Подъ именемъ *природныхъ дарованій* человѣка мы разумѣемъ тѣ способности, которыя онъ получилъ отъ природы и которыя противоположны результатамъ, пріобрѣтеннымъ собственными усиліями человѣка. Къ этимъ способностямъ относится *талантъ* и *геній*. Оба эти слова выражаютъ извѣстное направленіе духа, которое онъ получаетъ отъ природы. Но геній обширнѣе таланта; талантъ создаетъ что нибудь новое только въ какой нибудь частой сферѣ, тогда какъ геній создаетъ новый родъ. Но геній и талантъ вначалѣ составляютъ только предрасположенія природы и, чтобы не погибнуть, чтобы не измельчать и не превратиться въ дурную оригинальность, они должны подчиниться общимъ условіямъ воспитанія, Только при такомъ воспитаніи природныя наклонности достигаютъ дѣйствительной силы и полнаго объема. Вначалѣ можно ошибиться въ существованіи таланта; такъ напримѣръ раннія занятія живописью можно принять за талантъ и расположеніе къ этому искусству, и все таки они могутъ не имѣть никакихъ послѣдствій. Въ наукѣ, талантъ не должно цѣнить выше свободнаго мышленія и воли, т. е. разума, который собственною дѣятельностію узнаетъ то, что лежитъ въ его понятіи. Въ философіи, одна геніальность приноситъ мало пользы; она должна подчиниться строгому логическому мышленію; только при этомъ условіи геній достигаетъ въ ней полной свободы. Что касается воли, нельзя сказать, чтобы геніальность была ручательствомъ добродѣтели; добродѣтель не составляетъ врожденнаго качества человѣка, она обща для всѣхъ людей и каждый человѣкъ достигаетъ ее своими собственными усиліями. По этому, въ ученіи о добродѣтели не

должно обращать вниманія на различіе индивидуальностей; онѣ могли бы только составлять предметъ естественной исторіи человѣка.

Талантъ и геній бываютъ различнаго рода, соотвѣтственно тѣмъ сферамъ, которымъ люди посвящаютъ свою дѣятельность.

Темпераментъ не имѣетъ такого отношенія ко внѣшности. Трудно сказать, что разумѣютъ подъ этимъ именемъ. Темпераментъ не имѣетъ отношенія ни къ нравственной сторонѣ поступковъ, ни къ талантливости, обнаруживающейся въ дѣйствіяхъ человѣка, ни къ извѣстному направленію страсти. Можно сказать, что темпераментъ составляютъ тѣ исключительныя особенности, въ которыхъ проявляется дѣятельность человѣка и его отношенія къ окружающимъ. Отсюда видно, что темпераментъ не имѣетъ той важности для вполнѣ развитаго человѣка, какъ это думали прежде. По мѣрѣ того, какъ распространяется образованіе, сглаживаются случайныя особенности пріемовъ и дѣйствій, т. е. различія темперамента; точно также становятся рѣже и ограниченные характеры, которые осмѣяны въ комедіяхъ, современныхъ менѣе образованнымъ эпохамъ,—какъ напр. легкомысленные, разсѣянные, скупые характеры и т. п. Всѣ попытки, привести различные темпераменты въ какую нибудь систему, очень сбивчивы и неопредѣленны, и ими нельзя воспользоваться для опредѣленія темперамента какого бы то ни было живаго лица, потому что въ немъ всегда соединены тѣ различія, которыя описываются въ раздѣльности. Подобно тому, какъ считали четыре главныхъ вида добродѣтели, допускали четыре различныхъ темперамента: *холерическій*, *сангвиническій*, *флегматическій* и *меланхолическій*. Кантъ говоритъ о нихъ подробно. Въ однихъ изъ нихъ человѣкъ болѣе интересуется внѣшними предметами, тогда какъ въ другихъ онъ болѣе занятъ своею собственною личностію. Первое замѣчается у сангвиниковъ и флегматиковъ, второе—у холериковъ и меланхоликовъ. Сангвиникъ не заботится о себѣ, онъ весь отдается предмету и, при своей поверхностной подвижности, онъ интересуется множествомъ предметовъ; напротивъ, флегматикъ совершенно погружается въ одинъ какой нибудь

предметъ. У людей холерическаго и меланхолическаго темперамента преобладаетъ, какъ мы сказали, элементъ субъективный. Но первые подвижнѣе, а вторые постояннѣе, такъ что холерическій темпераментъ соотвѣтствуетъ, въ этомъ отношеніи, сангвиническому, а меланхолическій—флегматическому темпераменту.

Мы сказали, что различіе темпераментовъ теряетъ свое значеніе въ то время, когда общее образованіе подводитъ подъ одинъ уровень внѣшнія особенности поступковъ и дѣйствій.

Напротивъ, различіе *характера* болѣе постоянно. Характеръ даетъ опредѣленность человѣку. Отъ характера зависитъ энергія, съ которою человѣкъ преслѣдуетъ свои цѣли и интересы, не уклоняясь отъ своего пути, и остается вѣренъ самому себѣ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ безъ характера не выходитъ изъ своей неопредѣленности, или переходитъ отъ одного какого нибудь направленія къ другому, противоположному. По этому, каждый человѣкъ долженъ имѣть характеръ. Люди уважаютъ человѣка съ характеромъ, потому что они знаютъ, чего можно ожидать отъ него. Но человѣкъ, надѣленный энергіею воли, или человѣкъ съ характеромъ долженъ заботится объ общихъ, существенныхъ цѣляхъ. Люди признаютъ, что человѣкъ имѣетъ великій характеръ и служитъ маякомъ для другихъ, когда онъ стремится къ осуществленію такихъ цѣлей; только тогда, когда цѣли справедливы и законны, энергія воли имѣетъ достойное себя содержаніе и характеръ можно назвать истиннымъ. Напротивъ, если воля заботится объ исключительныхъ, пустыхъ цѣляхъ, она становится *упрямствомъ*. Упрямство имѣетъ форму характера, но не имѣетъ его содержанія. Упрямство есть пародія на характеръ и индивидуальность, при такомъ условіи, становится крайностію, нарушающею общую гармонію жизни.

Такъ называемыя *идіосинкразіи*, которыя встрѣчаются какъ въ духовной, такъ и въ тѣлесной природѣ человѣка, имѣютъ еще болѣе индивидуальный характеръ. Такъ напр. нѣкоторые люди узнаютъ близость кошекъ. На другихъ

извѣстныя болѣзни оказываютъ совершенно особенное вліяніе. Король Англійскій, Яковъ II, падалъ въ обморокъ, когда видѣлъ шпагу. Духовныя идіосинкразіи замѣчаются особенно въ юношескомъ возрастѣ; такъ напр. нѣкоторыя дѣти дѣлаютъ умственныя вычисленія съ удивительною скоростію. Природныя особенности замѣчаются не только у отдѣльныхъ лицъ, но и у цѣлыхъ семействъ, особенно когда они заключаютъ союзы только между собою, какъ это было напримѣръ въ Бернѣ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли душу индивидуума, на сколько она имѣетъ врожденныя качества, именно природныя дарованія, темпераментъ и характеръ. Мы должны еще указать разумную необходимость этихъ формъ, т. е. показать, почему душа имѣетъ именно эти, а не какія либо другія прирожденныя качества и почему мы разсматривали ихъ въ изложенномъ нами порядкѣ. Мы начали съ природныхъ дарованій,—съ таланта и генія,—потому что эти дарованія, или эти качества существуютъ непосредственно отъ природы; они независимы отъ субъекта и различаются по ихъ отношенію къ внѣшнимъ предметамъ.—Въ темпераментѣ, качества не столько независимы и постоянны. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ можетъ имѣть одинъ какой нибудь талантъ, или нѣсколько,—и всѣ они неизмѣнны и постоянны; напротивъ, индивидуумъ можетъ переходить отъ одного темперамента къ другому, такъ что темпераментъ есть очень измѣнчивое качество. При томъ, качества души, составляющія тотъ или другой темпераментъ человѣка, не находятся уже въ соотношеніи со внѣшними предметами, но выражаютъ извѣстныя различія нашей души.—Въ характерѣ, постоянство природныхъ дарованій соединено съ измѣнчивостію темперамента. Качества души, образующія характеръ, находятся въ соотношеніи со внѣшностію и суть свойства самой души. Характеръ постояненъ; но онъ не существуетъ непосредственно, не данъ отъ природы; напротивъ, онъ вырабатывается дѣятельностію воли. Равномѣрное смѣшеніе различныхъ темпераментовъ еще не составляетъ характера. Но нельзя отрицать, что залогъ того или другаго харак-

тера существуетъ *отъ природы*, и что одни болѣе способны выработать сильный характеръ, чѣмъ другіе. Вотъ почему мы говорили о характерѣ въ антропологіи, хотя полное развитіе его зависитъ отъ свободной дѣятельности духа.

β) *Естественныя измѣненія души.*

§ 396.

Такъ какъ душа недѣлимаго проходитъ нѣсколько моментовъ своего развитія, то субъектъ, оставаясь самимъ собою, претерпѣваетъ рядъ измѣненій въ своей природѣ. Эти измѣненія касаются какъ физической, такъ и духовной природы субъекта, и потому, чтобы точнѣе опредѣлить или описать ихъ, необходимо было бы знать формы развитаго духа.

Эти измѣненія суть слѣдующія:

1) Естественное теченіе возрастовъ.

Дѣтскій возрастъ—это тотъ возрастъ, въ которомъ духъ еще не раскрылся.

За нимъ слѣдуетъ *юношескій* возрастъ, въ которомъ духъ обнаруживаетъ противоположныя крайности: съ одной стороны, онъ сосредоточивается въ субъективныхъ порывахъ ко всеобщему, къ идеаламъ, къ высокимъ цѣлямъ, къ гордымъ мечтамъ, надеждамъ и проч. и недоволенъ непосредственною дѣйствительностію, міромъ, который не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ; но, съ другой стороны, субъектъ еще не самостоятеленъ и его отношеніе къ міру еще не истинно.

Въ *зрѣломъ* возрастѣ человѣкъ становится въ истинное отношеніе къ міру: онъ признаетъ объективную необходимость и разумность существующаго міра; человѣкъ принимаетъ участіе въ общемъ ходѣ дѣлъ, совершающемся независимо отъ него, и, сознавая его разумное теченіе, онъ способствуетъ этому ходу своею собственною дѣятельностію; вслѣдствіе этого, человѣкъ становится *чѣмъ нибудь* и его дѣятельность не безплодна, но приноситъ существенную пользу.

Въ *старческомъ* возрастѣ человѣкъ достигаетъ до един-

ства съ своимъ объективнымъ назначеніемъ; когда это единство достигнуто, оно переходитъ въ бездѣйствіе подавляющей привычки относительно внѣшнихъ занятій; но, относительно внутренней стороны духа, оно освобождаетъ человѣка отъ ограниченныхъ интересовъ и сложныхъ житейскихъ отношеній.

Приб. Мы видѣли , что душа , вначалѣ совершенно всеобщая, обособляется и является подъ видомъ единичнаго субъекта или индивидуума. Такимъ образомъ единичный субъектъ противоположенъ своей внутренней всеобщности или своей субстанціи. Это противорѣчіе между непосредственнымъ, единичнымъ субъектомъ и между его внутреннею, всеобщею природою служитъ побудительнымъ началомъ жизненнаго развитія души субъекта. Потому что единичный субъектъ долженъ сознать свою субстанцію, или свою всеобщность, и возвыситься къ сознательному единству съ нею. Это развитіе есть образованіе. Тоже начало лежитъ въ основаніи жизненнаго развитія каждаго живого существа. Но животное не можетъ привесть къ сознанію свой родъ ; его непосредственная, исключительная единичность всегда остается въ противорѣчіи со своимъ родомъ; она содержитъ и въ тоже время исключаетъ его изъ себя. Животное умираетъ именно вслѣдствіе своей неспособности приравняться къ своему роду. Родъ составляетъ власть, которая уничтожаетъ единичное существо. Но , въ смерти , родъ осуществляетъ себя отвлеченнымъ образомъ: онъ исключаетъ изъ себя единичность, подобно тому какъ прежде единичность исключала изъ себя свой родъ. Напротивъ, въ духѣ, въ мышленіи, родъ осуществляется вполнѣ, потому что онъ возвышается здѣсь въ свой истинный элементъ. Однакожъ, въ антропологіи, мы разсматриваемъ душу, погруженную въ тѣло; по этому здѣсь родъ заявляетъ себя точно также, какъ во всѣхъ живыхъ созданіяхъ природы. Процессъ рода совершается во времени. Недѣлимое переживаетъ рядъ состояній, или измѣненій; эти состоянія не такъ постоянны, какъ различія всеобщаго духа , выражающіяся въ человѣческихъ породахъ и народностяхъ; одни принадлежатъ одному и

тому же субъекту и составляютъ временныя формы, которыя переходятъ одна въ другую.

Рядъ этихъ состояній образуетъ теченіе *возрастовъ жизни.*

Этотъ рядъ начинается непосредственнымъ, безразличнымъ единствомъ рода и недѣлимаго,— т. е. возникновеніемъ непосредственной единичности, или рожденіемъ индивидуума; и оканчивается тѣмъ, что родъ осуществляетъ себя въ единичномъ субъектѣ, или субъектъ приравнивается къ роду,— такъ что родъ торжествуетъ надъ единичностію, отрицаетъ ее и она умираетъ.

Родъ, къ которому принадлежитъ живое существо, совершенно соотвѣтствуетъ *разуму*, постигаемому духомъ; и тотъ и другой составляютъ всеобщее начало единичнаго субъекта. Такъ какъ родъ и разумъ тожественны, то духовныя явленія, обнаруживающіяся въ теченіи жизненныхъ возрастовъ, совершенно соотвѣтствуютъ физическимъ измѣненіямъ, переживаемымъ въ теченіи жизни. Связь между явленіями духа и тѣла здѣсь тѣснѣе, чѣмъ въ различныхъ расахъ, о которыхъ мы говорили, потому что въ теченіи возрастовъ измѣненія души обнаруживаются такими же измѣненіями въ тѣлѣ; тогда какъ въ расахъ различныя дарованія духа и различныя физическія особенности были постоянны и по видимому независимы одни отъ другихъ. Но, съ другой стороны, духовное развитіе недѣлимаго не всегда соотвѣтствуетъ развитію тѣла, потому что духъ развивается своимъ путемъ, онъ противополагается самому себѣ и достигаетъ высшаго единства съ самимъ собою. Духъ независимъ отъ тѣла и можетъ развиться раньше тѣла. Духовное развитіе дѣтей часто упреждаетъ ихъ тѣлесное развитіе. Такъ не рѣдко замѣчается раннее развитіе замѣчательныхъ художественныхъ талантовъ, напр. музыкальнаго генія. Точно также у нѣкоторыхъ дѣтей рано развивается способность къ математикѣ, или къ разсужденіямъ о нравственныхъ и религіозныхъ предметахъ. Но вообще умъ развивается въ извѣстный возрастъ. Опытъ показываетъ, что раннія признаки художественныхъ талантовъ предсказываютъ геніальность. Напротивъ, преждевременное развитіе

ума по большей части не оправдывается въ зрѣломъ возрастѣ.

Развитіе человѣка состоитъ изъ цѣлаго ряда процессовъ, различіе которыхъ зависитъ отъ различнаго отношенія недѣлимаго къ роду. Отсюда происходятъ возрасты: *дѣтскій*, *юношескій*, *зрѣлый* и *старческій*. Эти возрасты вытекаютъ изъ самаго понятія человѣка какъ существа физическаго.

Въ *дѣтскомъ* возрастѣ, естественная гармонія еще не нарушена, субъектъ пребываетъ въ единствѣ съ собою и съ міромъ, и въ этомъ отношеніи этотъ первоначальный возрастъ сходенъ съ послѣднимъ, старческимъ возрастомъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, отношеніе человѣка къ самому себѣ и къ окружающимъ остается неопредѣленнымъ. Этотъ возрастъ есть возрастъ невинности; ребенокъ не знаетъ глубокихъ страданій; онъ любитъ родителей и ощущаетъ ихъ любовь къ нему. Но человѣкъ не можетъ остановиться на этомъ непосредственномъ, не духовномъ, но естественномъ единствѣ со своимъ родомъ и вообще съ міромъ;—онъ долженъ сознать свою противоположность со всеобщимъ, съ предметами, живущими самостоятельною жизнію, т. е. онъ долженъ сознать свою независимость. Но если единство дѣтскаго возраста и было еще одностороннимъ, то возникающая противоположность составляетъ, въ свою очередь, одностороннюю крайность. *Юноша* не сознаетъ того, что міръ есть міръ осуществленныхъ идей, онъ считаетъ существеннымъ, истиннымъ и благимъ — не разумную дѣйствительность, но свои собственныя намѣренія и мечты; въ мірѣ онъ видитъ одну случайность и измѣнчивость. Эта противоположность между субъектомъ и объективнымъ міромъ должна уступить мѣсто высшему единству. Юноша долженъ понять, что міръ существенъ и истиненъ, а недѣлимое случайно и преходяще, т. е. что человѣкъ можетъ проявлять самостоятельную дѣятельность и находить удовлетвореніе только въ такомъ мірѣ, который живетъ независимою жизнію, и слѣдовательно, что онъ долженъ освоиться съ этимъ міромъ и научиться приносить ему пользу. Когда человѣкъ достигъ этой точки зрѣнія, онъ сдѣлался изъ юноши — *зрѣлымъ* человѣкомъ; зрѣлый человѣкъ понимаетъ, что порядокъ

гражданскаго общества идетъ своимъ ходомъ и что ему нечего созидать вновь. По этому онъ по преимуществу консерваторъ, а не реформаторъ, онъ поддерживаетъ существующій порядокъ, а не разрушаетъ его; онъ не вѣритъ въ субъективныя мечтанія юности и смотритъ на міръ съ объективной точки зрѣнія. Въ *старческомъ* возрастѣ человѣкъ снова впадаетъ въ равнодушіе къ міру; старецъ слишкомъ привыкъ къ окружающему, онъ сжился съ нимъ и вслѣдствіе этого онъ перестаетъ интересоваться имъ и посвящать ему свою дѣятельность.

Таковы различные возрасты, въ общихъ чертахъ. Мы постараемся опредѣлить ихъ подробнѣе.

Въ *дѣтскомъ* возрастѣ мы можемъ различить три, или даже четыре періода, если присоединимъ къ нимъ состояніе до рожденія, въ которомъ младенецъ еще не отдѣлился отъ матери.

Нерожденный *младенецъ* еще не есть самостоятельный индивидуумъ; онъ не имѣетъ опредѣленныхъ отношеній къ опредѣленнымъ объектамъ; онъ питается соками матери, а не внѣшнею пищей. Его жизнь похожа на жизнь растенія. Растеніе питается не временнымъ воспринятіемъ пищи; оно безостановочно втягиваетъ въ себя питательные соки. Точно также и младенецъ въ утробѣ матери безостановочно всасываетъ въ себя кровь матери и его дыханіе еще не совершается въ правильныхъ промежуткахъ времени.

Рождаясь на свѣтъ, ребенокъ выходитъ изъ этого растительнаго состоянія и начинаетъ жить животною жизнію. Въ актѣ рожденія, переходъ отъ одного состоянія къ другому чрезвычайно рѣзокъ. Прежде ребенокъ вовсе не находился въ соотношеніи съ внѣшнимъ міромъ; теперь онъ становится самостоятельнымъ индивидуумомъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ и свѣтомъ и со многими другими внѣшними предметами; онъ начинаетъ питаться пищею, временно ему предлагаемою.

Во первыхъ, ребенокъ начинаетъ *дышать* воздухомъ. Онъ вдыхаетъ и выдыхаетъ воздухъ легкими, и дыханіе прерываетъ безостановочное движеніе его крови. Организмъ ре-

бенка уже почти совершенно развитъ тотчасъ послѣ рожденія; перемѣны происходящія въ немъ очень незначительны; такъ напр. въ непродолжительномъ времени закрывается такъ называемое *foramen ovale*. Главное измѣненіе въ организмѣ состоитъ въ томъ, что онъ *растетъ*. Различіе между ростомъ растительнаго и животнаго организма состоитъ вообще въ томъ, что растенія производятъ совершенно внѣшніе придатки, способные къ самостоятельной жизни, тогда какъ животный организмъ развивается въ самомъ себѣ и каждый органъ увеличивается только количественно, именно въ своихъ размѣрахъ и въ степени своей дѣятельности. Далѣе, растительный организмъ не имѣетъ того индивидуальнаго центра, который развивается въ животномъ организмѣ, какъ высшемъ и болѣе совершенномъ. Органы этого послѣдняго сдерживаются въ ихъ простомъ, отрицательномъ единствѣ и вслѣдствіе того животное дѣлается способнымъ къ самочувствію. Мы разсматривали все это въ своемъ мѣстѣ, именно въ философіи природы; въ настоящемъ случаѣ это прилагается и къ организму ребенка. Но должно замѣтить, что животный организмъ достигаетъ въ человѣкѣ своей наиболѣе совершенной формы. Организмъ только-что рожденнаго ребенка развитъ несравненно выше организма всякаго наиболѣе развитаго животнаго и способенъ къ дальнѣйшему усовершенствованію. Вначалѣ ребенокъ болѣе безпомощенъ и болѣе зависитъ отъ окружающей среды, чѣмъ какое бы то ни было животное. Но и въ этомъ состояніи тотчасъ обнаруживается его болѣе высокая природа. Онъ выражаетъ свою безпомощность шумно и повелительно. Животное остается нѣмо, или высказываетъ страданіе стономъ; напротивъ, ребенокъ выражаетъ свои потребности *крикомъ*. Этимъ ребенокъ какъ бы заявляетъ, что онъ имѣетъ право требовать отъ внѣшняго міра удовлетворенія своимъ потребностямъ, и что міръ долженъ подчиниться человѣку.

Что касается духовнаго развитія, можно сказать что ребенокъ пріобрѣтаетъ въ это время наиболѣе свѣденій. Дитя постепенно знакомится съ свойствами внѣшнихъ, чувственныхъ предметовъ. Оно убѣждается въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра. Его ощущенія превращаются

въ созерцанія. Сначала ребенокъ ощущаетъ свѣтъ, который обнаруживаетъ ему существованіе внѣшнихъ предметовъ. По этому ребенокъ одинаково тянется за далекими, какъ и за близкими предметами. Но осязаніе научаетъ его судить о разстояніяхъ. Онъ привыкаетъ къ глазомѣру и вообще относитъ внутреннія ощущенія къ соотвѣтствующимъ предметамъ. Въ этомъ же возрастѣ ребенокъ узнаетъ, что предметы матеріальные оказываютъ сопротивленіе.

При переходѣ отъ дѣтскаго къ *отроческому* возрасту, ребенокъ вступаетъ въ болѣе разнообразныя отношенія къ міру. Онъ убѣждается въ самостоятельности внѣшняго міра, но въ тоже время онъ самъ начинаетъ чувствовать свою самостоятельность, свое преобладаніе надъ міромъ, и потому онъ начинаетъ пробовать свои силы въ этомъ отношеніи. Ребенокъ дѣлается способнымъ къ такому практическому отношенію къ міру, потому что у него выростаютъ *зубы*, онъ начинаетъ *стоять*, *ходить* и *говорить*. Ребенокъ прежде всего учится стоять прямо. Это положеніе свойственно одному человѣку и есть плодъ его воли; человѣкъ стоитъ только тогда, когда того хочетъ, — въ противномъ случаѣ онъ падаетъ; стоячее положеніе есть слѣдствіе привычки, потому что воля привыкаетъ дѣйствовать въ одномъ направленіи. Способность ходить дѣлаетъ отношеніе человѣка къ внѣшнему міру еще свободнѣе: человѣкъ подчиняетъ себѣ разстояніе и перемѣняетъ свое мѣсто. Наконецъ, способность говорить даетъ человѣку возможность схватывать общія отношенія вещей и сознавать всеобщность своей собственной личности, именно говорить отъ лица своего *я*. Эта способность сознавать свою личность составляетъ чрезвычайно важный шагъ въ развитіи ребенка: ребенокъ противополагаетъ себя внѣшнему міру и начинаетъ чувствовать свою самостоятельность. Эта послѣдняя обнаруживается тѣмъ, что ребенокъ начинаетъ *играть* предметами внѣшняго міра. Но ребенокъ поступаетъ наиболѣе разумно, когда онъ разбиваетъ свою игрушку.

Переходя отъ игрушекъ къ серьозному *ученію*, ребенокъ становится *отрокомъ*. Въ это время дѣти дѣлаются любо-

пытными, охотно слушаютъ сказки; они стараются пріобрѣсть представленія, которыя не встрѣчаютъ въ окружающей дѣйствительности. Но что всего важнѣе, ребенокъ начинаетъ сознавать, что онъ не то, что онъ *долженъ* быть, — онъ сильно желаетъ сдѣлаться взрослымъ, онъ старается подражать старшимъ. Дѣти духовно питаются ощущеніемъ своего непосредственнаго единства съ родителями; но они чувствуютъ потребность сдѣлаться большими, и эта потребность способствуетъ ихъ развитію. Воспитаніе возможно вслѣдствіе этого внутренняго стремленія дѣтей къ образованію. Но ребенокъ еще не способенъ къ размышленію; хотя онъ стремится къ высшей ступени развитія, онъ не имѣетъ однакожъ опредѣленной общей цѣли, а беретъ себѣ примѣръ тамъ, гдѣ его находитъ, и подчиняется авторитету. Мальчикъ дѣлаетъ своимъ идеаломъ того или другаго человѣка и старается подражать ему; его собственная сущность является ему въ этой непосредственной, конкретной формѣ. По этому мальчику необходимо задавать уроки и требовать, чтобы онъ зналъ ихъ; и онъ самъ чувствуетъ, что эти уроки стоятъ выше его. При воспитаніи должно тщательно поддерживать это чувство. Тѣ педагоги очень ошибаются, которые хотятъ превратить ученіе въ игру для ребенка и требуютъ, чтобы наставникъ старался принаровляться къ дѣтскому уму, вмѣсто того чтобы возвышать умъ учениковъ до уровня науки. При такомъ воспитаніи у человѣка можетъ на всю жизнь остаться презрительный взглядъ на науку. Точно также нѣкоторые неразсудительные педагоги требуютъ, чтобы дѣтей съизмала пріучали къ резонерству о преподаваемыхъ предметахъ; но эта метода можетъ имѣть тѣ же печальныя послѣдствія и пріучить къ вредной самоувѣренности. Конечно, необходимо развивать мышленіе дѣтей; но достоинство науки не должно приносить въ жертву ихъ незрѣлому, легкомысленному разсудку.

Одну изъ сторонъ воспитанія составляетъ *надзоръ* (zucht). Ребенку нельзя позволять дѣйствовать по своему усмотрѣнію; онъ долженъ повиноваться, чтобы научиться повелѣвать. Повиновеніе есть начало мудрости; воля ребенка еще не установилась, она еще не свободна и независима, потому

что онъ еще не умѣетъ различать истиннаго и должнаго; повинуясь волѣ наставниковъ, онъ исполняетъ требованія разумной воли и мало по малу усвоиваетъ себѣ эти требованія. Нѣтъ ничего хуже въ воспитаніи, какъ предоставлять дѣтямъ полный просторъ въ ихъ дѣйствіяхъ и, тѣмъ болѣе, оправдывать въ ихъ глазахъ этотъ произволъ. При такой системѣ воспитанія, они пріучаются исполнять всѣ свои прихоти, считать себя выше и умнѣе всѣхъ, и становятся эгоистами; а эгоизмъ есть корень всѣхъ золъ. Отъ природы дитя нельзя назвать ни добрымъ, ни злымъ; оно еще не умѣетъ различать добра отъ зла. По этому странно было бы принимать это невѣденіе, или эту невинность за идеалъ и желать ея возврата. Это состояніе продолжается не долго и не имѣетъ никакой цѣны. Вскорости обнаруживаются въ ребенкѣ эгоистическія, злыя побужденія; надзоръ долженъ сломить ихъ и искоренить эти начатки зла.

Другую сторону воспитанія составляетъ *ученіе.* Оно справедливо начинается ученіемъ азбуки, потому что буквы составляютъ наиболѣе отвлеченные знаки, доступные уму дитяти. Азбука есть плодъ отвлеченнаго ума, и многіе народы, напр. Китайцы, не могли возвыситься на высоту такого отвлеченія. Языкъ есть элементъ воздушный, въ одно и тоже время духовный и чувственный. Знакомясь съ нимъ, умъ ребенка пріучается отвлекаться отъ непосредственныхъ и чувственныхъ предметовъ и освоивается съ общими мыслями. Элементарное преподаваніе развиваетъ въ ребенкѣ способность къ мышленію, и въ этомъ состоитъ его великая заслуга. Но мысль ребенка требуетъ конкретныхъ *представленій.* Дѣйствительность вызываетъ въ его душѣ одни образы; онъ узнаетъ свойства предметовъ вещественныхъ и духовныхъ, подмѣчаетъ ихъ взаимныя отношенія, но не проникаетъ въ ихъ внутреннюю связь. Это знаніе доступно только зрѣлому уму. Но нельзя отрицать въ ребенкѣ способности понимать, хотя и не вполнѣ, связь явленій природы и духа. Нельзя сказать, чтобы ребенку вовсе были недоступны истины религіи и права, и чтобы эти предметы не должны были входить въ первоначальное преподаваніе. Нѣкоторые утверждаютъ, что это послѣднее должно огра-

начиваться предметами, доступными чувствамъ и возбуждающими дѣятельность ума, и что оно должно избѣгать всякихъ отвлеченныхъ представленій и мыслей. Но уже въ древности думали иначе и не долго занимали умъ ребенка одними чувственными предметами. Духъ новаго времени еще болѣе возвышенъ надъ матеріальною природою и еще болѣе сосредоточенъ въ самомъ себѣ. Поэтому необходимо рано знакомить умъ ребенка съ представленіями о сверхъ чувственныхъ предметахъ. Въ этомъ отношеніи *школа* несравненно полезнѣе семейства. Въ семействѣ любятъ и любуются ребенкомъ, какъ онъ есть и каковъ бы ни былъ его нравъ. Въ школѣ, напротивъ, не даютъ никакой цѣны особенностямъ ребенка; здѣсь онъ долженъ трудиться и вести себя нравственно, чтобы заслужить одобреніе; здѣсь не довольствуются любовью, но критикуютъ и оцѣниваютъ ребенка на общихъ основаніяхъ; умъ его образуется при помощи преподаванія, установленнаго на твердыхъ правилахъ; и вообще воспитанникъ подчиняется общему порядку, который воспрещаетъ много невинныхъ своеобразностей, потому что онѣ не могутъ быть дозволены всѣмъ. Такимъ образомъ школа служитъ переходомъ отъ семейства къ гражданскому обществу. Но ребенокъ еще не можетъ уяснить своихъ отношеній къ школѣ, и его время дѣлится между ученіемъ и забавами.

Съ наступленіемъ возмужалости въ отрокѣ начинаетъ пробуждаться жизнь *рода* и ищетъ себѣ удовлетворенія. Въ этомъ періодѣ отрокъ становится *юношею*. Юноша стремится къ общимъ, субстанціальнымъ цѣлямъ; онъ дѣлаетъ своимъ идеаломъ уже не того или другаго человѣка, но освобождаетъ свой идеалъ отъ всякихъ случайныхъ его проявленій. Но идеалы юноши—идеалы любви, дружбы или общественнаго устройства — имѣютъ болѣе или менѣе субъективный характеръ. А потому эти идеалы противоположны дѣйствительности, и юноша стремится осуществить ихъ и уничтожить эту противоположность. Эти идеалы вдохновляютъ юношу и побуждаютъ его къ дѣятельности, къ подвигамъ; онъ воображаетъ себя призваннымъ и способнымъ преобразовать міръ, или по крайней мѣрѣ устроить его и предот-

вратить его паденіе. Мечтая о своихъ идеалахъ, юноша не замѣчаетъ что эти идеалы, въ ихъ существенныхъ чертахъ, воплощены и осуществлены въ дѣйствительности. Ему кажется, что міръ не осуществляетъ эти идеалы, но измѣняетъ имъ. Онъ чувствуетъ, что міръ не признаетъ ни его идеаловъ, ни его личности. Такимъ образомъ юноша, въ противоположность отроку, становится во враждебное отношеніе къ міру. На первый взглядъ кажется, что юноша, занятый своими идеалами, благороднѣе и безкорыстнѣе взрослаго человѣка, заботящагося о своихъ частныхъ, временныхъ интересахъ. Но взрослый человѣкъ признаетъ недостаточными свои непосредственныя побужденія и свои личные взгляды; онъ уже не занятъ своимъ собственнымъ развитіемъ, но освоился съ разумнымъ теченіемъ дѣйствительности и посвящаетъ ей свою дѣятельность. Юноша необходимо приходитъ къ этому результату. Онъ долженъ образовать себя и сдѣлаться способнымъ къ осуществленію своихъ идеаловъ. Испытывая свои силы въ этомъ отношеніи, онъ становится *зрѣлымъ человѣкомъ*.

Юноша переходитъ отъ своихъ идеаловъ къ дѣятельности въ гражданскомъ обществѣ, и этотъ переходъ сначала тяжелъ для него и кажется ему переходомъ къ безплодному филистерству. До тѣхъ поръ его мысль была занята общими предметами и онъ всего болѣе заботился о самомъ себѣ; дѣлаясь взрослымъ человѣкомъ онъ долженъ вступить въ жизнь практическую, долженъ заниматься мелочами и трудиться для другихъ. Этотъ переходъ неизбѣженъ, потому что практическая дѣятельность необходимо дробится и совершается въ сферѣ единичностей. Но этотъ переворотъ въ направленіи дѣятельности всегда болѣе или менѣе болѣзненъ, и человѣкъ, не видя возможности непосредственно осуществить свои идеалы, можетъ впасть въ ипохондрію. У большей части людей слѣды этого настроенія едва замѣтны, но едва ли кто совершенно избѣгаетъ его. Чѣмъ позднѣе оно приходитъ, тѣмъ симптомы его сильнѣе. Слабыя натуры не могутъ освободиться отъ него во всю жизнь. При такомъ болѣзненномъ настроеніи, человѣкъ не хочетъ пожертвовать своею субъективностію, онъ не можетъ побѣдить своего отвращенія отъ

дѣйствительности, и дѣлается относительно неспособнымъ къ дѣятельности, и эта неспособность можетъ превратиться въ дѣйствительную неспособность. По этому если человѣкъ не хочетъ погибнуть, онъ долженъ признать что міръ независимъ и живетъ самостоятельною жизнію; онъ долженъ подчиниться условіямъ, имъ налагаемымъ, и долженъ умѣть взять отъ него себѣ то, что ему нужно. Юноша думаетъ обыкновенно, что только *нужда* заставляетъ его войдти въ такую сдѣлку съ міромъ. Но въ сущности такое отношеніе къ міру есть не вынужденное, но самое разумное отношеніе. Все разумное обладаетъ властію достаточною для того, чтобы осуществляться въ дѣйствительности, и осуществлено въ ней; оно не такъ безсильно, чтобы должно было ожидать своего осуществленія. Въ мірѣ осуществляется разумъ; неразумный случай господствуетъ только на его поверхности. Если человѣкъ, дѣлаясь взрослымъ, считаетъ себя независимымъ, то міръ имѣетъ одинаковое или тѣмъ большее право требовать признанія своей самостоятельности и своей способности обходиться безъ посторонней помощи. Зрѣлый человѣкъ поступаетъ очень разумно, когда онъ отказывается отъ плана вполнѣ преобразовать міръ и стремится осуществить свои личныя цѣли, желанія и интересы, примыкая къ міру. И при такомъ положеніи ему остается достаточный просторъ для почтенной, обширной и творческой дѣятельности. Міръ разуменъ по своей сущности; но его теченіе не останавливается, оно не замираетъ; его жизнь—какъ всякая жизнь—вѣчно воспроизводится; она стремится къ самосохраненію и въ то же время движется впередъ. Дѣятельность мужа должна быть посвящена этому поддержанію существующаго и прогрессивному движенію міра. Съ одной стороны зрѣлый человѣкъ производитъ только то, что уже существуетъ. Но съ другой стороны его дѣятельность должна быть прогрессивная. Этотъ прогрессъ совершается массами и дѣлается замѣтенъ только тогда, когда сумма успѣха стала значительною. Когда человѣкъ, послѣ пятидесятилѣтней дѣятельности, оглянется на свое прошедшее, онъ замѣтитъ несомнѣнный прогрессъ. Убѣдившись въ этомъ, равно какъ и въ разумности міра, онъ перестаетъ сожалѣть о раз-

рушеніи своихъ идеаловъ. Все, что есть истиннаго въ этихъ идеалахъ, входитъ въ содержаніе практической дѣятельности, и взрослый человѣкъ долженъ отказаться только отъ не истинныхъ, пустыхъ отвлеченій, къ нимъ примѣшивающихся. Какъ бы ни были разнообразны его занятія, по своему существу они должны быть справедливы, нравственны, религіозны,—и эти качества одинаковы для всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Чему бы ни была посвящена практическая дѣятельность людей, они вездѣ могутъ принести пользу и заслужить уваженіе, если ихъ дѣятельность сообразна съ тѣми требованіями, которыя свойственны сферѣ, избранной ими случайно, по ихъ произволу, или по внѣшней необходимости. Съ этою цѣлію, юноша, дѣлаясь взрослымъ человѣкомъ, долженъ закончить свое образованіе, изучить свое призваніе, и во-вторыхъ онъ долженъ рѣшиться самому заботиться о своемъ существованіи, трудясь для другихъ. Одно образованіе еще недостаточно: юноша становится зрѣлымъ человѣкомъ, когда онъ самъ заботится о своихъ временныхъ нуждахъ;— такъ точно народы становятся совершеннолѣтними только тогда, когда они научаются сами блюсти свои матеріальные и духовные интересы.

Взрослый человѣкъ, посвятившій себя практической жизни, можетъ быть недоволенъ состояніемъ міра и можетъ потерять надежду на лучшій порядокъ вещей; тѣмъ не менѣе онъ освоивается со своимъ индивидуальнымъ положеніемъ и привыкаетъ къ нему и къ своимъ занятіямъ. Онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ отдѣльными, постоянно мѣняющимися и болѣе или менѣе новыми предметами. Но всѣ эти предметы подчинены общимъ правиламъ, общимъ законамъ. Чѣмъ продолжительнѣе дѣятельность человѣка, тѣмъ яснѣе становятся для него эти общія правила. Такимъ образомъ онъ въ совершенствѣ изучаетъ свое занятіе и вполнѣ свыкается со своимъ назначеніемъ. Существенная сторона его занятій дѣлается вполнѣ ему привычна, и только несущественныя, индивидуальныя ея видоизмѣненія представляютъ ему что нибудь новое. Его дѣятельность совершенно *сообразна* его цѣли; она уже не находитъ никакого сопротивленія въ предметахъ, къ которымъ прикасается,—и вслѣд-

ствіе этого она теряетъ свою жизненность. Противоположность между субъектомъ и объектомъ исчезаетъ, и субъектъ перестаетъ интересоваться послѣднимъ. Духовная жизнь подавляется привычкою, точно также какъ дѣятельность организма ослабѣваетъ физически—и человѣкъ дѣлается старцемъ.

Въ *старческомъ* возрастѣ человѣкъ не интересуется міромъ; онъ отказался отъ надежды осуществить идеалы, нѣкогда ему дорогіе, и вообще онъ не надѣется встрѣтить что-нибудь новое въ будущемъ, потому что все что можетъ случиться уже извѣстно ему въ существенныхъ, общихъ чертахъ. Умъ его занятъ этими общими результатами и прошедшимъ, которое помогло ему сдѣлать эти выводы. Живя преимущественно воспоминаніями прошедшаго и плодами своей опытности, онъ легко забываетъ мелочи настоящаго и случайныя, произвольныя имена и названія; но въ тоже время онъ помнитъ мудрые результаты своего знанія и считаетъ себя обязаннымъ давать уроки младшимъ. Но эта мудрость, эта совершенно безжизненная гармонія субъективной дѣятельности съ міромъ, есть уже возвратъ къ дѣтству. Въ свою очередь, дѣятельность организма притупляется вслѣдствіе привычки и имѣетъ своимъ результатомъ отрицаніе живой индивидуальности,—*смерть*.

И такъ теченіе возрастовъ жизни есть рядъ измѣненій, вытекающихъ изъ понятія живаго организма и происходящихъ вслѣдствіе противоположности между единичностію и родомъ.

Говоря о различныхъ расахъ человѣческаго рода и о разнообразныхъ національностяхъ, мы должны были коснуться конкретнаго духа, еще не входящаго въ область изслѣдованій антропологіи. Тоже самое было необходимо и при изученіи различныхъ возрастовъ человѣческой жизни, потому что развитіе ихъ совпадаетъ съ развитіемъ человѣческаго духа.

§ 397.

2) Далѣе, недѣлимое противополагается самому себѣ, но ищетъ и находитъ самого себя въ другомъ недѣлимомъ;— отсюда происходитъ *отношеніе половъ*. Съ одной стороны женщина находитъ удовлетвореніе въ чувствѣ семейной привязанности, въ чувствѣ любви, и не возвышается ко всеобщимъ цѣлямъ государства, науки, искусства и проч. Съ другой стороны, мужчина стремится измѣнить своѐ положеніе и окружающую его обстановку; онъ полагаетъ себѣ всеобщія, объективныя цѣли, и ищетъ осуществить ихъ и привести ихъ въ гармонію со своимъ собственнымъ положеніемъ. Отношеніе половъ получаетъ свое духовное и нравственное значеніе въ *семействѣ*.

§ 398.

3) Когда *контроль* недѣлимаго противополагается его *непосредственной* душевной жизни,—происходитъ *пробужденіе*. Это естественное состояніе противоположно другому состоянію, въ которомъ душевная жизнь происходитъ безъ индивидуальнаго контроля,—состоянію *сна*.

Не мы дѣлаемъ это внѣшнее различіе между пробужденіемъ и сномъ. Пробужденіе есть не что другое какъ начинающійся контроль недѣлимаго надъ своимъ духовнымъ *бытіемъ*, или его самоp различеніе отъ этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого, бодрствованіе совпадаетъ съ самосознательною и разумною дѣятельностію духа, противополагающаго себѣ свои непосредственныя опредѣленія.

Сонъ подкрѣпляетъ эту дѣятельность не потому только что духъ отдыхаетъ отъ нея во время сна, но потому что

онъ возвращается тогда изъ міра опредѣленныхъ внѣшнихъ созерцаній, изъ разсѣянности и раздробленности занимающихъ его предметовъ, въ общую сущность субъективности, т. е. въ субстанцію всѣхъ этихъ опредѣленныхъ состояній, безусловно господствующую надъ ними (*).

Примѣч. Различіе между сномъ и бодрствованіемъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ и такъ сказать *докучныхъ* вопросовъ для философіи. Наполеонъ предложилъ этотъ вопросъ при посѣщеніи отдѣленія идеологіи въ Павійскомъ университетѣ.—Въ предыдущемъ параграфѣ мы говорили о бодрствованіи какъ отвлеченномъ или естественномъ состояніи и не входили въ разсмотрѣніе конкретной духовной дѣятельности, которая нераздѣльна съ нимъ, но должна быть излагаема ниже. Мы указали только на главное различіе между сномъ и бодрствованіемъ,—ибо конкретная дѣятельность бодрствующей души проявляется уже тогда, когда душа восходитъ на ступень сознанія, на ступень мыслящаго я, или даже на ступень разсудка.

Вопросъ о различіи между сномъ и бодрствованіемъ дѣлается запутаннѣе, когда обращаютъ вниманіе на *сны*—и не находятъ никакого различія между этими представленіями и представленіями бодрствующаго сознанія. Конечно если будутъ смотрѣть и на тѣ и на другія только какъ на *представленія*, то не найдутъ никакого различія между сномъ и бдѣніемъ и, не смотря на всѣ указываемыя различія, будутъ настаивать на томъ, что и тамъ и здѣсь мы находимъ одинаковыя представленія.

Различіе между тѣми и другими состоитъ въ слѣдующемъ. Въ бодрствующемъ состояніи душа восходитъ на ступень *сознанія и разсудка*, и потому она уже не погружается всецѣло въ свои представленія и образы. Эти послѣдніе, предоставленные самимъ себѣ, связаны совершенно внѣшнею связью и преимущественно слѣдуютъ другъ за другомъ по т. н. зако-

(*) См. ниже наше примѣч. къ § 399.—*Перев.*

намъ *ассоціаціи идей*, хотя въ нихъ и вмѣшиваются иногда категоріи разсудка. Но когда человѣкъ бодрствуетъ, его умъ или его я господствуетъ надъ этими образами: онъ умѣетъ дать надлежащее значеніе и надлежащее мѣсто каждому созерцанію. Человѣкъ довѣряетъ этимъ представленіямъ не потому только, что они принадлежатъ ему и различаются отъ его собственной личности,—но потому что они находятся въ связи съ другими представленіями, содержащимися въ его умѣ. Въ бодрствующемъ состояніи умъ довѣряетъ каждому отдѣльному представленію, ибо онъ сознаетъ, что это представленіе находитъ свое оправданіе во всѣхъ другихъ созерцаніяхъ и находится въ зависимости отъ нихъ. Онъ не всегда отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ; но самообладающая мысль необходимо содержитъ въ себѣ эту провѣрку однихъ впечатлѣній другими.

Чтобы уяснить себѣ это различіе между снами и представленіями бодрствующаго сознанія, мы можемъ напомнить то различіе между *субъективнымъ* и *объективнымъ значеніемъ* представленій, которое сдѣлалъ Кантъ. Извѣстно, что въ послѣднемъ случаѣ представленія связаны категоріями разсудка (отчего они получаютъ характеръ всеобщности и необходимости). Но не должно забывать, что умъ можетъ при этомъ и не давать себѣ отчета въ своей дѣятельности, т. е. не приводить къ сознанію тѣхъ категорій, которыя онъ прилагаетъ въ своихъ отправленіяхъ. Такъ мы уже не разъ замѣчали, что возвышеніе нашей души къ Богу не всегда облечено въ форму доказательствъ бытія Божія, хотя процессъ возвышенія нашего духа къ Богу въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковъ.

Приб. Въ смѣнѣ сна и бодрствованія мы находимъ совмѣстность тѣхъ особенностей душевной жизни, какія свойственны *теченію жизненныхъ возрастовъ и отношенію половъ*. Въ теченіи возрастовъ, индивидуальная душа испытываетъ рядъ подвижныхъ, другъ друга смѣняющихъ измѣненій; въ отношеніи половъ душевная жизнь одного пола противополагается душевной жизни другаго пола. Тамъ преобладаетъ *единство* субъекта, здѣсь—*постоянство различій*. Теперь,

индивидуумъ испытываетъ рядъ противоположныхъ состояній, которыя постоянно смѣняютъ другъ друга. Эти состоянія—*сонъ* и *бдѣніе*.

Говоря опредѣленнѣе, переходъ отъ отношенія половъ къ пробужденію состоитъ въ томъ, что каждое недѣлимое тожественно по своей природѣ съ недѣлимымъ другаго пола; а потому противоположность между двумя недѣлимыми превращается въ противоположность между двумя состояніями одного и того же недѣлимаго, между сномъ и бдѣніемъ. Въ жизни одного пола преобладаетъ страдательное подчиненіе своему душевному бытію; въ жизни другаго пола—дѣятельное отношеніе къ этому послѣднему; то, что было распредѣлено между двумя недѣлимыми, совмѣщается теперь въ одномъ субъектѣ. Сонъ есть то состояніе, когда душа перестаетъ различать элементы, входящіе въ ея собственное содержаніе. Бдѣніе есть выходъ изъ этого безразличнаго состоянія. Страдательная душевная жизнь еще сохраняется въ этой смѣнѣ; но она составляетъ принадлежность только одного изъ этихъ преходящихъ состояній, — сна; противоположное состояніе,—бдѣніе еще ограничено первымъ и также еще преходяще.

Впрочемъ, пробудившаяся душа еще не прилагаетъ своего контроля къ содержанію душевной жизни, обнаруживающемуся во время сна; оба эти состоянія еще смѣняютъ и исключаютъ другъ друга. Правда, бодрствованіе нераздѣльно съ собственно духовною дѣятельностію человѣка, съ дѣятельностію его ума и воли; но мы не говоримъ здѣсь объ этой дальнѣйшей дѣятельности бодрствующаго сознанія; здѣсь мы должны разсматривать сонъ и бдѣніе только какъ физическія состоянія, совершающіяся независимо отъ дѣятельности ума и воли. Духъ, какова бы ни была ступень его развитія, не можетъ однакожъ освободиться отъ состояній сна и бодрствованія,—и это потому что на низшей сту-

пени своего существованія онъ образуетъ душу и является подъ видомъ страдательнаго начала, опредѣляемаго природою и подчиненнаго ей. На этой ступени его бытія, пробужденіе духа совершенно не зависитъ отъ его самого и совершается безъ участія воли и мысли. Можно сказать, что человѣкъ пробуждается, когда субъективность (контроль) прорѣзываетъ, какъ молнія, непосредственное (неконтролируемое) существованіе духа. Пробужденіе можетъ быть также актомъ свободной воли (*); но здѣсь, въ антропологіи, мы должны разсматривать пробужденіе какъ фактъ природы; именно какъ такое состояніе, въ которомъ духъ, независимо отъ собственной дѣятельности, находитъ себя и противоположный ему міръ. Духъ, находя себя, прежде всего ощущаетъ свое бытіе, но еще не является въ формѣ ума и воли. Такъ какъ духъ еще не освободился отъ природы, то, пробуждаясь, онъ непосредственно находитъ себя и противоположный ему міръ, и останавливается на этой противоположности, на этомъ раздвоеніи.

Такъ какъ пробужденіе души, — ея противоположность самой себѣ и міру,—находится въ зависимости отъ природы, то оно совпадаетъ со смѣною дня и ночи. Человѣкъ естественно бодрствуетъ днемъ и спитъ ночью. Ночь затемняетъ разнообразіе вещей и душа погружается въ безразличное состояніе сна. Дневной свѣтъ обнаруживаетъ различія предметовъ и душа пробуждается для конкретной дѣятельности.

Сонъ и бодрствованіе совпадаютъ не только съ извѣстными физическими измѣненіями внѣшней природы, но и съ

(*) Произвольное пробужденіе никакъ не можетъ быть названо актомъ свободной воли. Когда человѣкъ желаетъ проснуться въ опредѣленное время, его забота и тревога его чувствъ не оставляютъ его и во снѣ, и онѣ заставляютъ его проснуться большею частію даже раньше предположеннаго срока.—*Перев.*

извѣстными отправленіями человѣческаго организма. Въ животномъ организмѣ должно различать его внутреннія отправленія отъ внѣшнихъ, посредствомъ которыхъ онъ приходитъ въ соотношеніе съ предметами, существующими внѣ его. Отправленія перваго рода Биша назвалъ отправленіями жизни *растительной*, а функціи втораго рода онъ назвалъ процессами жизни *животной*. Къ первымъ онъ относитъ отправленія системы воспроизведенія, — пищевареніе, кровообращеніе, отдѣленія, дыханіе. Эти отправленія продолжаются и у спящаго человѣка; они прекращаются только вмѣстѣ съ жизнію. Къ отправленіямъ жизни животной Биша причисляетъ отправленія системы чувствительной и раздражительной, или дѣятельность нервовъ и мускуловъ; оба эти рода внѣшнихъ отправленій, соотвѣтствующія теоретической и практической дѣятельности развитаго духа, прекращаются во время сна. Уже древніе изображали сонъ и смерть какъ братьевъ. Изъ всѣхъ функцій, посредствомъ которыхъ человѣкъ приходитъ въ соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ, во время сна продолжается только дыханіе, — это отвлеченное отношеніе къ самому безразличному элементу, воздуху. Всякое другое, болѣе конкретное отношеніе къ внѣшнему міру прекращается во время сна. Если человѣкъ обнаруживаетъ какую нибудь внѣшнюю дѣятельность во снѣ, то онъ боленъ. Она замѣчается напр. у лунатиковъ. Они ходятъ очень твердо; бывали примѣры, что они писали и запечатывали письма. Но чувство зрѣнія у лунатиковъ парализовано и глазъ находится въ каталептическомъ состояніи.

Итакъ въ отправленіяхъ жизни животной преобладаетъ смѣна покоя и дѣятельности, или такая же противоположность, какую мы встрѣчаемъ въ бдѣніи. Напротивъ, отправленія органической жизни постоянны и слѣдственно соотвѣтствуютъ безразличію души, составляющему особенность сна.

Различію между сномъ и бодрствованіемъ соотвѣтствуетъ не только различіе отправленій человѣческаго организма, но и самое *устройство* органовъ, помощію которыхъ совершаются эти отправленія. Органы жизни животной, или вообще

внѣшніе органы—глаза, уши, а также оконечности, ноги и руки — расположены *попарно* и симметрически, и замѣтимъ кстати, что эта симметрія дѣлаетъ ихъ способными сдѣлаться предметомъ искусства. Напротивъ, органы жизни органической, или *внутренніе* органы или вовсе *не парные* или парные, но не симметрическіе. Желудокъ у насъ одинъ. Правда, наши легкія состоятъ изъ двухъ половинъ, какъ сердце имѣетъ двѣ камеры; но сердце и легкія составляютъ уже такіе органы, посредствомъ которыхъ организмъ приходитъ въ соотношеніе со внѣшностію (потому что сердце прогоняетъ черезъ легкія кровь, которая окисляется вдыхаемымъ воздухомъ). Впрочемъ ни легкія, ни камеры сердца не представляютъ такой правильной симметричности, какую мы видимъ во внѣшнихъ органахъ.

Что касается до связи между сномъ или бодрствованіемъ и *духовною* дѣятельностію, о которой мы уже говорили въ предыдущемъ §, то мы можемъ прибавить слѣдующія замѣчанія. Какъ мы сказали, въ снѣ душа не различается ни въ самой себѣ, ни отъ внѣшняго міра. Опытъ подтверждаетъ, что такова отличительная черта сна. Когда наши ощущенія или представленія слишкомъ однообразны, мы засыпаемъ. Такъ равномѣрная качка, однообразный напѣвъ, журчаніе ручья наводятъ сонъ. Мы испытываемъ тоже самое, когда слушаемъ безсвязные, незанимательные разсказы. Нашъ духъ вполнѣ бодръ только тогда, когда онъ занятъ чѣмъ нибудь любопытнымъ, новымъ и серьознымъ, и когда эти предметы имѣютъ внутреннюю связь и не лишены мысли. Словомъ, онъ бодръ только тогда, когда онъ различаетъ отъ себя предметъ и въ тоже время сливается съ нимъ. Напротивъ, если духъ, требующій по своей природѣ различія и связи между предметами, не находитъ этихъ качествъ въ своихъ предметахъ, онъ остается равнодушенъ къ нимъ и впадаетъ въ свое безразличное единство, т. е. скучаетъ и засыпаетъ.

Изъ сказаннаго видно, что бодрствованіе рѣзко различается отъ сна и сновидѣній только въ томъ случаѣ, когда разсудокъ и разумъ поддерживаются въ напряженномъ со-

стояніи своими предметами. Мы можемъ очень скучать и на яву; и на оборотъ мы можемъ живо интересоваться чѣмъ нибудь и во снѣ. Но мысль и разсудокъ не участвуютъ въ сновидѣніяхъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы совершенно погружаемся въ свои представленія.

Итакъ нельзя сказать, чтобы въ бодрствующемъ состояніи мы были всегда заняты чѣмъ нибудь, а во снѣ ничѣмъ не заняты. Также точно нельзя сказать и того, чтобы наши представленія были всегда *яснѣе* во время бдѣнія, чѣмъ во время сна. Во первыхъ, это различіе число количественное, а мы должны обращать вниманіе на болѣе важное значеніе представленій; именно на ихъ истину. Во время бдѣнія мы убѣждаемся въ истинѣ нашихъ представленій, вникая въ ихъ взаимную связь и значеніе. Во вторыхъ, наши сновидѣнія бываютъ часто яснѣе и отчетливѣе нашихъ сознательныхъ представленій,—особенно въ болѣзненномъ состояніи, или при чрезмѣрномъ развитіи фантазіи.

Наконецъ нельзя сказать, чтобы человѣкъ *мыслилъ* только во время бодрствованія. Мышленіе составляетъ такую необходимую принадлежность человѣческой природы, что оно не прекращается и во время сна. Мышленіе составляетъ основу всѣхъ формъ нашего духа,—оно лежитъ въ основаніи нашихъ чувствъ, созерцаній и мыслей. Въ этомъ смыслѣ, оно не подчинено смѣнѣ сна и бодрствованія; оно не принадлежитъ исключительно этому послѣднему состоянію; оно возвышается надъ обоими этими состояніями, какъ общая дѣятельность человѣка. Но мышленіе составляетъ также одну изъ формъ духовной дѣятельности, *противоположную* другимъ формамъ духа. Мышленіе, въ этомъ смыслѣ, прекращается во снѣ и не участвуетъ въ сновидѣніяхъ. Такое мышленіе должно быть уже названо разсудкомъ или разумомъ,—и дѣятельность этихъ послѣднихъ проявляется только въ бодрствующемъ состояніи. Душа опредѣленно различается отъ внѣшняго міра и отъ своихъ естественныхъ опредѣленій только тогда, когда она восходитъ на ступень разсудка, потому что разсудокъ есть мысль, обладающая собою и свободно располагающая своими категоріями, т. е. совершенно независимая отъ внѣшняго міра. Достигши до такого

самообладанія, мысль не придаетъ исключительно субъективнаго значенія своимъ предметамъ, но разсматриваетъ ихъ какъ части одного объективнаго цѣлаго. Отличительную черту предметовъ внѣшняго міра составляетъ ихъ *необходимая* связь, или ихъ зависимость другъ отъ друга. Бодрствующая мысль открываетъ эту связь въ своихъ представленіяхъ, между тѣмъ какъ представленія, составляющія содержаніе нашихъ сновидѣній, лишены этой связи. Если въ бодрствующемъ состояніи я встрѣчаю предметъ, зависимость котораго отъ остальныхъ предметовъ я не могу открыть, то я могу спросить: вижу ли я его во снѣ, или на яву. Во снѣ наша мысль совершенно поглощена своими представленіями, и эти послѣднія не управляются категоріями разсудка. Такія представленія вырваны изъ ихъ общей связи съ остальными предметами нашего внутренняго міра и являются внѣ всякой связи. А потому наши сновидѣнія совершенно безсвязны, они перекрещиваются въ дикомъ безпорядкѣ; предметы теряютъ здѣсь всякую объективную, необходимую и разумную связь, —и соединяются совершенно внѣшнимъ, случайнымъ и субъективнымъ образомъ. Такъ звуки, которые мы слышимъ во снѣ, вызываютъ въ насъ рядъ представленій, совершенно несогласныхъ съ дѣйствительностію. Мы слышимъ напр. хлопанье двери, принимаемъ его за выстрѣлъ, и воображеніе рисуетъ намъ картину разбойничьей шайки. Или напр. ощущаютъ во снѣ стѣсненіе груди, и воображеніе рисуетъ домоваго. Эти ложныя представленія, возникающія во время сна, возможны потому, что духъ не обладаетъ собою не прилагаетъ своихъ понятій къ своимъ ощущеніямъ, созерцаніямъ и представленіямъ, не сравниваетъ ихъ между собою и потому не можетъ убѣдиться, имѣютъ ли они объективное значеніе, или не имѣютъ его. При болѣзненномъ развитіи фантазіи человѣкъ можетъ погружаться въ совершенно пустыя, субъективныя представленія и на яву; но если онъ не потерялъ разсудка, онъ знаетъ, что эти представленія не болѣе какъ представленія, ибо они противорѣчатъ остальнымъ предметамъ его внутренняго міра.

Въ сновидѣніяхъ рѣдко замѣчается согласіе между гре-

зами и дѣйствительностію. Но въ сновидѣніяхъ, бывающихъ до полуночи, мы видимъ иногда предметы, занимавшіе насъ въ теченіи дня. Въ полночь сонъ всего крѣпче, и это очень хорошо знаютъ воры; въ это время душа совершенно отчуждается отъ внѣшняго міра и погружается въ самое себя. Послѣ полуночи сны дѣлаются еще произвольнѣе, чѣмъ прежде. Случается однакожъ, что во снѣ мы иногда предугадываемъ такія вещи, которыя ускользаютъ отъ разсѣяннаго дневнаго сознанія. Такъ испорченная кровь можетъ вызывать во снѣ предчувствія болѣзни, о которой человѣкъ не думалъ въ бодрствующемъ состояніи. Точно также, ощущая запахъ тлѣющаго тѣла, мы можемъ видѣть во снѣ пожаръ, который случится нѣсколько дней позже, и на признаки котораго мы не обращали вниманія на яву.

Наконецъ мы должны замѣтить, что бодрствованіе есть извѣстное состояніе нашего организма; оно требуетъ напряженной дѣятельности души въ противоположность внѣшнему міру, а потому оно имѣетъ свою границу, свою *мѣру*. Дневная дѣятельность утомляетъ духъ и требуетъ успокоенія, сна; этотъ послѣдній въ свою очередь имѣетъ предѣлъ и долженъ смѣниться бодрствованіемъ. Во снѣ и бодрствованіи *смѣна* служитъ средствомъ, помощію котораго достигается *единство* индивидуальной души съ ея многообразными естественными опредѣленіями.

γ) *Ощущеніе.*

§ 399.

Сонъ и бдѣніе суть измѣнчивыя состоянія, *смѣняющіяся* въ безконечномъ прогрессѣ. Но, исключая себя взаимно, они даютъ и положительный результатъ. Бодрствующая (контролирующая) душа содержитъ въ себѣ опредѣленія своего непосредственнаго бытія; поэтому она *находитъ въ себѣ* эти опредѣленія и соотноситъ ихъ къ себѣ какъ ихъ субъекту. Она различаетъ отъ себя эти опредѣленныя и

особенныя состоянія, и въ то же время вмѣщаетъ ихъ въ своемъ простомъ единствѣ,—т.е. *ощущаетъ ихъ* (*).

Приб. Мы должны сдѣлать слѣдующее замѣчаніе о діалектическомъ переходѣ отъ пробужденія души къ ощущенію. Вслѣдъ за бдѣніемъ наступаетъ сонъ, и сонъ есть возвратъ отъ контроля къ неконтролируемой или непосредственной жизни души. Оба эти естественныя состоянія только смѣняютъ другъ друга, и ихъ смѣна представляетъ безконечный прогрессъ. Тѣмъ не менѣе, возвратъ отъ пробужденія къ сну показываетъ, что обѣ эти стороны должны дополнить одна другую. Такимъ образомъ сонъ и бдѣніе, смѣняясь, т.е. отрицая другъ друга, даютъ и положительный результатъ. Ихъ смѣна обнаруживаетъ намъ, что конкретная и неконтролируемая жизнь души, свойственная сну, и ея отвлеченный, ничѣмъ не наполненный контроль, наступающій съ пробужденіемъ, односторонни и неистинны въ ихъ раздѣльности, и должны совмѣщаться въ полномъ единствѣ. Смѣняя другъ друга, сонъ и бдѣніе стремятся къ этому сочетанію, но не могутъ достигнуть его; каждое изъ этихъ одностороннихъ состояній только переходитъ въ противоположную односторонность. Это сочетаніе осуществляется въ актѣ *ощущенія*.

Когда душа ощущаетъ что бы то ни было, она находитъ въ себѣ непосредственное, уже существующее опредѣленіе, которое не произведено ею, не зависитъ отъ нея и дано во внѣшнемъ или внутреннемъ чувствѣ. Но въ тоже время душа отрицаетъ это независимое опредѣленіе, вноситъ его въ свое обобщающее единство, или погружаетъ его въ свою всеобщность. Душа признаетъ, что это ощущеніе есть ея собственное состояніе, т. е. что ощущая что бы то ни было,

---

(*) Ощущенія, возбуждаемыя въ насъ внѣшними или внутренними стимулами, существуютъ въ насъ, либо ускользая отъ нашего вниманія, т.е. не подвергаясь нашему контролю; либо, напротивъ, сосредоточивая на себѣ нашъ контроль. Изъ предыдущаго видно, что Гегель только этимъ *контролируемымъ* ощущеніямъ усвоиваетъ названіе *ощущеній*, — и оставляетъ за первыми наименованіе естественныхъ опредѣленій души. Совокупность этихъ послѣднихъ составляетъ, по его выраженію, субстанцію душевной жизни (das substantielle Seyn der Seele, Substanz der Seele, Natur bestimmungen der Seele).— *Перев.*

она пребываетъ въ самой себѣ. Бодрствующая душа была субъектомъ отвлеченнымъ; теперь она наполняется тѣми опредѣленіями, которыя входятъ въ содержаніе души, погруженной въ сонъ. Когда душа ощущаетъ это содержаніе, она удостовѣряется въ своемъ господствѣ надъ нимъ, въ своемъ бодрствованіи; она не только противополагается своимъ внутреннимъ опредѣленіямъ, но и тожественна съ ними; т.е. существуетъ какъ субъектъ, какъ единство, господствующее надъ своимъ непосредственнымъ содержаніемъ. Душа является теперь какъ истинная *индивидуальность*. Она, какъ субъектъ, уже не отчуждается отъ своего непосредственнаго содержанія; она проникаетъ въ это разнообразное содержаніе, скрытое въ ней какъ возможность. Ощущая, душа усвоиваетъ себѣ это разнообразное содержаніе, она отрицаетъ противоположность между собою какъ субъектомъ и между своимъ непосредственнымъ содержаніемъ, контролирующая дѣятельность души уже не смѣняется отсутствіемъ контроля надъ естественными опредѣленіями души, какъ это было въ смѣнѣ пробужденія и сна. Напротивъ, душа овладѣваетъ этими послѣдними; проникаетъ въ нихъ, такъ что они теряютъ свое независимое бытіе, дѣлаются *призрачными* и вносятся, какъ опредѣленныя состоянія, въ единство самообладающей души. Въ актѣ ощущенія, душа обнаруживаетъ передъ собою одно изъ тѣхъ непосредственныхъ опредѣленій, которыя входятъ въ содержаніе ея всеобщаго начала. Животныя имѣютъ ощущенія, потому что они начинаютъ различать отъ себя содержаніе, или опредѣленія своей всеобщей природы. Напротивъ, существа неодушевленныя не имѣютъ ощущеній, потому что всеобщее начало не высвобождается въ нихъ изъ своихъ непосредственныхъ опредѣленій и не противополагается этимъ послѣднимъ. Такъ напр. когда вода подкрашена, мы различаемъ ея подкраску отъ нея самой. Еслибы вода могла различать свою всеобщую природу отъ своихъ особенныхъ опредѣленій, она была бы въ состояніи ощущать свое измѣненіе; потому что ощущеніе есть не что другое какъ различеніе особенной опредѣленности отъ всеобщаго начала, въ которомъ она содержится.

Можно сказать что, пробуждаясь, душа производитъ актъ *сужденія*, ибо она дѣлаетъ различіе между своимъ субъективнымъ и своимъ непосредственнымъ бытіемъ, хотя это различіе души какъ субъекта отъ внѣшнихъ ей состояній остается непосредственнымъ. Изъ того анализа ощущенія, который мы сдѣлали выше, видно, что актъ ощущенія соотвѣтствуетъ *силлогизму*. По этому ощущая что нибудь мы можемъ дѣйствительно удостовѣриться въ томъ, что мы бодрствуемъ. Въ самомъ дѣлѣ, пробуждаясь, мы сначала не можемъ опредѣленно различить себя отъ внѣшняго міра. Но какъ скоро мы получимъ нѣсколько ощущеній, это различіе дѣлается опредѣленнымъ. Чтобы совершенно сбросить дремоту и убѣдиться въ бодрствованіи, мы открываемъ глаза, ощупываемъ себя, т. е. стараемся удостовѣриться въ существованіи предметовъ, различающихся отъ насъ самихъ. Мы не довѣряемъ уже своему бодрствованію непосредственно, но стараемся убѣдиться въ немъ *черезъ посредство* ощущенія. Такъ напр. мы ощупываемъ предметъ и наше ощущеніе служитъ связью между предметами и нами самими. Когда душа убѣждается въ дѣйствительности своего ощущенія, она удостовѣряется какъ въ бытіи предмета, такъ и въ своемъ собственномъ бодрствованіи. Въ бодрствованіи душа отвлеченно противополагалась содержанію въ ней дремлющему; черезъ посредство ощущенія она приходитъ къ убѣжденію въ своемъ дѣйствительномъ тожествѣ съ этимъ послѣднимъ.

§ 400.

По своей *формѣ* ощущеніе есть смутное состояніе духа, которое еще не доходитъ до сознанія и разсужденія. Всѣ опредѣленныя ощущенія суть *непосредственныя* состоянія: ихъ содержаніе не анализировано умомъ, и субъектъ еще не противополагаетъ ихъ себѣ какъ свой объектъ; напротивъ, они составляютъ самыя *исключительныя*, самыя *своеобразныя* опредѣленія его природы.

Самое *содержаніе* ощущеній *ограничено* и преходяще, потому что оно имѣетъ чувственный, непосредственный, слѣдственно качественный и конечный характеръ.

Примѣч. Ощущеніе есть общая форма, въ которую способно облекаться всякое духовное содержаніе, и, если хотятъ, все содержаніе сознанія и разума имѣетъ своимъ *источникомъ* ощущеніе *и происходитъ* изъ него: потому что источникомъ и происхожденіемъ всякаго предмета служитъ та непосредственная форма, въ которой онъ первоначально является. Съ другой стороны, нравственныя, религіозныя и другія правила не должны существовать въ одной головѣ, но и въ ощущеніи, или въ сердцѣ. Если я имѣю какой нибудь предметъ только въ головѣ, или въ сознаніи, я отношусь къ нему какъ къ *внѣшнему*, объекту и, хотя онъ принадлежитъ мнѣ, онъ можетъ быть совершенно чуждъ мнѣ. Напротивъ, когда я ощущаю тотъ же предметъ, я вполнѣ проникаюсь имъ; хотя бы я имѣлъ о немъ только смутное понятіе, тѣмъ не менѣе онъ составляетъ мою неотъемлемую принадлежность. Въ этомъ случаѣ, мое я нераздѣльно связано съ своею субстанціею и съ наполняющимъ ее, опредѣленнымъ содержаніемъ Но когда я ограничиваюсь ощущеніемъ, моя мысль не восходитъ на степень сознательной мысли, или на степень свободнаго, разумнаго духа. Всѣ справедливо согласны въ томъ, что ощущенія всегда поверхностны и преходящи, и что человѣкъ, *вполнѣ преданный* какому бы то ни было дѣлу, т. е. человѣкъ съ волею, совѣстью и характеромъ, не долженъ руководствоватся одними ощущеніями, или сердцемъ, какъ совокупностію ощущеній, но долженъ быть привязанъ къ предмету своею мыслію и умомъ.

Нѣкоторые считаютъ главнымъ достоинствомъ человѣка то, чтобы онъ имѣлъ *доброе сердце*. Но едва ли нужно напоминать, что рѣшеніе о томъ, что́ справедливо, нравственно, истинно и проч., не можетъ быть предоставлено чувству и сердцу, что ссылаться въ этомъ случаѣ на чувство, значитъ ничего не доказать, или даже доказать противное. По крайней мѣрѣ всѣмъ извѣстно, что есть дурныя, безнравственныя, презрѣнныя чувства и сердца. Источникомъ такихъ чувствъ служитъ сердце, а не разумъ, какъ показываютъ слова: изъ сердца исходятъ злыя мысли, убійства, хулы и проч. Въ наше время теологія и философія дѣлаютъ чувство и сердце критеріумомъ добраго, нравственнаго и вы-

нуждаютъ напоминать такія тривіальныя истины, точно такъ какъ мы уже не разъ были принуждены напоминать о томъ, что чувство составляетъ общую принадлежность какъ человѣка, такъ и животныхъ, и что исключительную его способность, посредствомъ которой онъ различается отъ животныхъ, составляетъ *мышленіе*.

Приб. Хотя высшее содержаніе свободнаго духа можетъ принимать форму ощущенія, но эта форма, общая у человѣка и у животныхъ, недостаточна для такого содержанія. Такое содержаніе есть всеобщее, необходимое, оно имѣетъ объективное достоинство, между тѣмъ какъ всякое ощущеніе, по самой своей природѣ, исключительно свойственно субъекту и случайно. Каково бы ни было происхожденіе ощущенія, т. е. происходитъ ли оно изъ свободнаго внутренняго міра, или изъ міра внѣшняго, оно имѣетъ характеръ непосредственнаго существованія. Ощущенія, обязанныя своимъ происхожденіемъ внѣшнему міру, составляютъ, правда, состоянія души или внутреннія опредѣленія субъекта, но ихъ содержаніе еще сохраняетъ свою непосредственную форму. Точно также, содержаніе развитаго духа, будучи ощущаемо, облекается въ такую же непосредственную форму. Всѣ ощущенія, какъ состоянія непосредственныя, исключительны и отдѣльны. Это само собою очевидно въ ощущеніяхъ, относящихся къ внѣшнимъ предметамъ; но то же самое относится къ ощущеніямъ, происходящимъ изъ внутренняго міра. Когда содержаніе духа или разума, какъ напр. содержаніе права, нравственности облекается въ форму ощущеній, оно получаетъ характеръ свойственный всякому чувству, оно остается уединеннымъ и безсвязнымъ, т. е. оно принимаетъ тотъ же характеръ, какой имѣютъ наши внѣшнія ощущенія; такъ напр. мы всегда ощущаемъ только одинъ опредѣленный цвѣтъ предмета, хотя этотъ опредѣленный цвѣтъ и намекаетъ намъ на общее понятіе цвѣта, составляющаго одно изъ многихъ общихъ качествъ всякаго матеріальнаго предмета. Но мы не можемъ ощущать этихъ общихъ, всеобъемлющихъ началъ,—они открываются только передъ умомъ и передъ мыслію. Напротивъ, мы ощущаемъ только разобщенныя

качества предметовъ, и потому наши чувства необходимо *случайны* и субъективны по своей формѣ. Если мы говоримъ, что ощущенія несовершенны, потому что они имѣютъ субъективное значеніе, то мы не хотимъ этимъ сказать чтобы ихъ недостатокъ состоялъ въ томъ, что субъектъ усвоиваетъ себѣ ихъ содержаніе; мысля о чемъ нибудь, человѣкъ точно также признаетъ свою мысль своимъ собственнымъ опредѣленіемъ. Ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что они принадлежатъ къ непосредственнымъ, уединеннымъ, близкимъ къ природѣ состояніямъ субъекта,—а не внесены въ его свободную, всеобщую природу. Всѣ такія естественныя состоянія субъекта находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ предметовъ, они связаны съ извѣстнымъ пространствомъ и съ извѣстнымъ временемъ, они подвержены вліянію случайныхъ обстоятельствъ; они не вытекаютъ изъ самаго субъекта, они не подчинены строгому закону внутренней необходимости. Когда субъектъ ощущаетъ предметъ въ этой несовершенной формѣ, онъ случайно останавливается на тѣхъ или другихъ его чертахъ и примѣшиваетъ къ нему свои личные взгляды. Отсюда видно, что эти личныя чувства не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для сужденія о какомъ бы то ни было предметѣ. Кто хочетъ судить, опираясь на личныя ощущенія, тотъ не признаетъ всѣхъ общихъ началъ, тотъ отказывается отъ мышленія: онъ не хочетъ вникнуть въ сущность предмета и довѣряется своимъ пассивнымъ впечатлѣніямъ, которыя могутъ быть хороши и вѣрны, но точно также дурны и не вѣрны Итакъ все содержаніе духа не находитъ себѣ соотвѣтственнаго выраженія въ формѣ ощущеній и только искажается ею.

Кромѣ того, въ этой формѣ субъектъ не дѣлаетъ различія между собою и объектомъ; ощущающій субъектъ и ощущаемый предметъ еще безразличны здѣсь. Душа, на этой степени своего развитія, еще не овладѣла собою, еще не развилась, не сознаетъ своей противоположности съ объектомъ. Чтобы открыть эту противоположность, она должна взойти на ступень *сознанія*, на ступень отвлеченнаго я, или на ступень самообладающей мысли. Такая самообладающая мысль уже составляетъ предметъ феноменологіи.

Здѣсь, въ антропологіи, содержаніе ощущеній различается отъ единства души, и въ слѣдующихъ §§, мы увидимъ различныя формы этого единства.

§ 401.

Что касается до *содержанія* ощущеній, то душа, съ одной стороны, преднаходитъ непосредственныя опредѣленія своей *природы* и усвоиваетъ ихъ себѣ.

Съ другой стороны *душа*, которая существуетъ для себя, или—на болѣе высокой ступени развитія—я, какъ субъекъ *сознанія*, и наконецъ самый *духъ*—даютъ своимъ собственнымъ опредѣленіямъ чувственный характеръ и ощущаютъ ихъ.

Итакъ, можно различить ощущенія двоякаго рода; одни изъ нихъ составляютъ тѣлесныя состоянія (впечатлѣнія въ органѣ зрѣнія или во всякой другой части тѣла),—и душа возводитъ ихъ на степень ощущеній, когда вноситъ ихъ во *внутреннее* единство субъекта, т. е. соотноситъ ихъ къ самой себѣ, или *усвоиваетъ* ихъ. Другія проистекаютъ изъ духа, составляютъ его собственныя опредѣленія, — и духъ долженъ воплотить ихъ въ тѣлѣ, чтобы найти ихъ какъ опредѣленія своей чувственной природы и ощущать ихъ. Такимъ образомъ субъектъ или душа получаетъ опредѣленное содержаніе.

Что касается до ощущеній перваго рода, то они подраздѣляются соотвѣтственно различнымъ органамъ чувствъ. Ощущенія втораго рода, проистекающія изъ самаго духа, должны подраздѣляться такимъ же образомъ, потому что духъ, переводя свои опредѣленія въ живое тѣло, воплощаетъ каждое такое опредѣленіе въ какой нибудь *особенный* органъ или какую нибудь особенную систему тѣла.

Примѣч. Ощущеніе есть не что другое, какъ выраженіе индивидуальной жизни духа въ тѣлѣ, въ его органахъ. Каждый органъ чувства есть цѣлая обособившаяся система, служащая одной цѣли. Эти органы суть слѣдующіе: 1) такъ какъ общія *физическія* свойства тѣлъ совершенно равнодушны другъ къ другу и существуютъ независимо одни отъ другихъ, то для усвоенія ихъ существуютъ два *разные* органа чувствъ: органъ

зрѣнія, воспринимающій различныя видоизмѣненія *свѣта* (сравн. § 317 и слѣдующ.) и органъ *слуха*, воспринимающій видоизмѣненія *звука* (§ 300); 2) *химическія* свойства тѣлъ тѣснѣе связаны между собою; по этому для ихъ усвоенія существуютъ два очень близкіе органа: органъ *обонянія* и *вкуса*, (§ 321, 322); 3) наконецъ для воспринятія самаго общаго свойства тѣлъ, ихъ тяжести, а также ихъ теплоты (§ 303) и ихъ очертанія (§ 310), существуетъ одинъ общій органъ— органъ *осязанія*. Общимъ центромъ этихъ органовъ у всякаго развитаго, ощущающаго животнаго служитъ мозгъ, около котораго они группируются.

Что касается до органовъ, или цѣлыхъ системъ, въ которыхъ воплощаются внутреннія ощущенія, то у насъ еще нѣтъ науки, которая изслѣдовала бы ихъ взаимную связь. Эта связь должна была бы составлять предметъ *психической физіологіи*. Правда, мы знаемъ что нѣкоторыя физическія ощущенія вызываютъ въ насъ *пріятное* или *непріятное* чувство; точно также что нѣкоторые цвѣта, звуки, запахи и проч. невольно принимаются нами какъ *символы* извѣстныхъ чувствъ и проч. Но всего этого недостаточно. Психическая физіологія должна была бы, наоборотъ, раскрыть связь между внутренними движеніями духа, и преимущественно страстями, и между тѣми органами тѣла, въ которыхъ онѣ *воплощаются*. Она должна была бы объяснить, почему напр. гнѣвъ выражается стѣсненіемъ груди, біеніемъ сердца, движеніемъ мускуловъ (т. е. раздражительной системы тѣла); почему мышленіе, умственныя занятія отзываются чувствомъ тяжести въ головѣ, въ мозгу, въ этомъ центрѣ чувствительной системы тѣла (*). Она должна была бы полнѣе изслѣдовать, почему замѣчается такая зависимость между субъективными настроеніями души и физическими явленіями, напр. слезами, измѣненіями голоса, рѣчи, смѣхомъ, вздохами и другими уже болѣе патогномоническими и физіономическими явленіями. Обыкновенно, физіологія здороваго человѣка разсмат-

(*) Усиленная производительность каждаго органа требуетъ его усиленной дѣятельности, усиленнаго прилива крови; приливающая кровь сдавливаетъ нервные центры, и естественно, что въ нихъ является чувство тупой боли, усталости, изнеможенія.—*Перев.*

риваетъ участіе органовъ въ общемъ теченіи органической жизни; но они служатъ также выраженіемъ жизни духовной, и съ этой точки зрѣнія роль ихъ еще недостаточно понята.

Приб. Ощущенія обязаны своимъ существованіемъ или внѣшнему міру, или внутреннему міру души. По этому можно различать *внѣшнія* и *внутреннія* ощущенія. Ощущенія перваго рода составляютъ исключительно предметъ антропологіи; напротивъ, что касается до послѣднихъ, то содержаніе ихъ должно быть разсматриваемо въ психологіи; здѣсь мы будемъ говорить только о ихъ воплощеніи въ тѣлѣ.

Мы получаемъ *внѣшнія* ощущенія черезъ посредство различныхъ *органовъ чувствъ*. Здѣсь субъектъ находится въ зависимости отъ внѣшнихъ предметовъ, потому что его органы принимаютъ впечатлѣнія отъ этихъ послѣднихъ. По этому эти ощущенія различаются соотвѣтственно различнымъ органамъ чувствъ. Каждый такой органъ предназначенъ для одной цѣли и служитъ къ воспринятію впечатлѣній извѣстнаго рода. Такъ напр. органъ зрѣнія воспринимаетъ разнообразныя видимыя свойства предметовъ. Каждое одушевленное недѣлимое способно воспринимать самыя разнообразныя ощущенія черезъ посредство своихъ органовъ, — и въ этомъ уже обнаруживается его всеобщая природа. Если бы я былъ способенъ видѣть одинъ синій цвѣтъ, то я былъ бы качественно ограниченъ имъ. Всѣ предметы неорганической природы дѣйствительно ограничены такимъ образомъ. Напротивъ, существа одушевленныя возвышаются, по своей всеобщей природѣ, надъ своими опредѣленіями и потому они дѣлаютъ различіе между цвѣтами и видятъ разнообразные цвѣта, подходящіе подъ одно общее понятіе цвѣта.

Наши ощущенія соотвѣтствуютъ различнымъ физическимъ и химическимъ свойствамъ тѣлъ, необходимость которыхъ указана нами въ философіи природы. Эти ощущенія получаются нами черезъ посредство особыхъ, совершенно независимыхъ органовъ чувствъ, потому что самые чувственные предметы и ихъ свойства внѣшни одни другимъ; а внутреннія ощущенія, теряя взаимную связь, точно также принимаютъ чувственный характеръ.

Тѣмъ не менѣе, философія должна показать, почему мы

имѣемъ *пять* органовъ чувствъ, — не болѣе и не менѣе, — и почему именно тѣ, какіе мы находимъ въ дѣйствительности. Это потому, что органы чувствъ соотвѣтствуютъ самому понятію сложнаго матеріальнаго тѣла. Три момента этого понятія, единичныя, особенныя и общія свойства тѣлъ воспринимаются соотвѣтствующими тремя родами чувствъ, къ которымъ легко сводятся тѣ пять органовъ, которые обыкновенно различаются у человѣка. Отдѣльнымъ (наиболѣе отвлеченнымъ) *физическимъ* свойствамъ тѣлъ соотвѣтствуютъ чувства одного разряда — чувства зрѣнія и слуха. Особеннымъ (тѣснѣе связаннымъ) *химическимъ* свойствамъ тѣлъ соотвѣтствуютъ чувства втораго разряда — чувства обонянія и вкуса. Наконецъ *общему* (цѣльному) свойству матеріальныхъ тѣлъ — тяжести — соотвѣтствуетъ одно чувство—осязаніе.

Но моменты понятія не существуютъ отдѣльно, а потому каждый изъ этихъ органовъ чувства образуетъ цѣлую полную систему. Чувства перваго разряда воспринимаютъ самыя отвлеченныя свойства тѣлъ, слѣдственно самыя несходныя и другъ другу внѣшнія свойства. По этому самыя эти чувства не имѣютъ между собою ничего общаго, они совершенно независимы;—таковы чувства *зрѣнія* и *слуха*. Зрѣніе воспринимаетъ свѣтъ—этотъ общій, совершенно безразличный элементъ; слухъ воспринимаетъ звукъ, какъ такое общее свойство, которое свободно отдѣляется отъ матеріальнаго тѣла. Чувства втораго разряда воспринимаютъ *химическія* свойства тѣлъ, обнаруживающіяся вслѣдствіе химическихъ процессовъ, именно вслѣдствіе разложенія и растворенія тѣлъ. Вслѣдствіе двойственности этихъ процессовъ существуютъ два органа этихъ чувствъ—органъ *обонянія* и *вкуса*. Въ первомъ случаѣ тѣло матеріально улетучивается или испаряется; во второмъ оно химически растворяется. Наконецъ къ третьему разряду принадлежитъ одинъ органъ — органъ *осязанія*, потому что этотъ органъ воспринимаетъ самое полное свойство матеріальнаго тѣла,—его тяжесть.

Разсмотримъ подробнѣе органы нашихъ чувствъ.

Органъ *зрѣнія* воспринимаетъ то общее физическое свой-

ство, которое мы называемъ свѣтомъ. Свѣтъ наполняетъ собою пространство; онъ недѣлимъ, какъ самое пространство; онъ не представляетъ никакой постоянной опредѣленности, онъ распространяется неограниченно въ пространствѣ, не сосредоточиваясь въ матеріальный центръ, въ самобытное тѣло. Самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакихъ различій, онъ составляетъ прямую противоположность ограниченнымъ матеріальнымъ тѣламъ; можно сказать что онъ есть отрицаніе матеріальнаго тѣла, — не матеріальная матерія. Въ самомъ дѣлѣ, свѣтъ не оказываетъ сопротивленія, онъ не имѣетъ предѣла, онъ распространяется до безконечности въ пространствѣ, не имѣетъ тяжести и абсолютно легокъ. Его противоположность составляетъ *мракъ*, и отъ смѣшенія свѣта и мрака происходятъ различные цвѣта. Глазъ воспринимаетъ впечатлѣнія свѣта, мрака и различныхъ цвѣтовъ. Свѣтъ образуетъ среду, въ которой глазъ различаетъ цвѣта предметовъ. Органъ зрѣнія ограничивается однимъ этимъ качествомъ тѣла, оставляя въ сторонѣ всѣ другія качества матеріальнаго тѣла. Вслѣдствіе этого мы можемъ видѣть отдаленные отъ насъ предметы. Черезъ посредство зрѣнія мы относимся къ предметамъ такъ сказать теоретически, а не практически. Мы оставляемъ ихъ неприкосновенными и стараемся только уловить ихъ общія, отвлеченныя качества. Зрѣніе не имѣетъ дѣла до собственно матеріальныхъ качествъ тѣла, и потому его называютъ самымъ благороднымъ чувствомъ. Но потому самому зрѣніе есть одно изъ самыхъ несовершенныхъ чувствъ: глазъ видитъ только одну поверхность тѣлъ, ихъ широту и высоту, но не можетъ обнять ихъ пространственнаго наполненія; чтобы уловить всѣ протяженія тѣла и всю его фигуру, мы должны смотрѣть на него съ разныхъ сторонъ. Вначалѣ глазъ не различаетъ глубины, а слѣдственно и разстоянія тѣлъ и всѣ предметы являются ему на одной плоскости, такъ что онъ не можетъ различить близкихъ предметовъ отъ отдаленныхъ. Только тогда, когда мы убѣдимся черезъ посредство осязанія что глубинѣ соотвѣтствуетъ тѣнь, мы научаемся видѣть глубину тамъ, гдѣ видимъ тѣнь. Точно также мы судимъ и о бóльшемъ или меньшемъ разстояніи предметомъ не вслѣд-

ствіе непосредственныхъ показаній зрѣнія, а вслѣдствіе сравненія величины видимыхъ предметовъ.

Свѣтъ, доступный чувству зрѣнія, совершенно однообразенъ. Напротивъ звукъ есть общее качество, чрезвычайно разнообразное, соотвѣтственно различнымъ предметамъ, отъ которыхъ онъ исходитъ; онъ такъ-сказать обнаруживаетъ намъ внутреннюю природу предмета. Это качество узнается нами чрезъ посредство *слуха*. Зрѣніе имѣло дѣло съ пространствомъ и съ его физическимъ наполненіемъ—свѣтомъ. Напротивъ, слухъ имѣетъ дѣло со временемъ и его физическимъ наполненіемъ—звукомъ. Когда тѣло звучитъ, оно движется или сотрясается во времени; оно можетъ не перемѣнять своего относительнаго мѣста, но его части механически движутся; здѣсь пространственное отношеніе соединяется съ временнымъ элементомъ, т. е. тѣло перестаетъ существовать равнодушно въ пространствѣ и обнаруживаетъ въ движеніи или звукѣ свою внутреннюю природу. Но это состояніе преходяще, и частички тѣла, пришедшія въ колебаніе, по истеченіи нѣкотораго времени снова возвращаются въ покойное состояніе. Средою, въ которой распространяется звукъ, служитъ не одинъ воздухъ, но и другія — жидкія и твердыя тѣла, которыя даже болѣе способны проводить звукъ. Такъ приложивши ухо къ землѣ, нерѣдко можно было слышать выстрѣлы, которые не были слышны въ воздухѣ.

Чрезъ посредство чувствъ втораго разряда, мы узнаемъ *реальныя*, химическія свойства тѣлъ. Впрочемъ эти чувства обнаруживаютъ ихъ тогда, когда тѣло разлагается или растворяется, т. е. подвергается химическому процессу. Тѣла разрушаются внѣшними, случайными обстоятельствами, но они разлагаются и уничтожаются также вслѣдствіе своего химическаго состава, хотя это разложеніе повидимому обусловливается внѣшними причинами. Такъ подъ вліяніемъ воздуха всѣ животные и растительные продукты незамѣтно улетучиваются и испаряются. Чувства, посредствомъ которыхъ мы узнаемъ свойства тѣлъ, обнаруживающіяся при ихъ разложеніи, суть чувства *обонянія* и *вкуса*. Но обоняніе узнаетъ качества, являющіяся при простомъ механическомъ испареніи и улетученіи тѣлъ. Напротивъ, чувство

вкуса требуетъ опредѣленнаго химическаго процесса разложенія, который вызываетъ ощущенія сладкаго, горькаго, щелочнаго, кислаго и соленаго вкуса.—Чувство вкуса требуетъ непосредственнаго соприкосновенія съ предметами, тогда какъ обоняніе не требуетъ такого соприкосновенія, какъ мы это уже видѣли въ чувствѣ слуха и тѣмъ болѣе въ зрѣніи.

Къ третьему разряду чувствъ принадлежитъ, какъ мы уже видѣли, одно чувство—*осязаніе*. Оно преимущественно сосредоточено въ пальцахъ. Это чувство полнѣе всѣхъ прочихъ. Чрезъ посредство его мы узнаемъ не одни отвлеченыя физическія свойства тѣлъ, и не одни химическія свойства, обнаруживающіяся при ихъ разложеніи,—но узнаемъ предметъ въ его цѣлости. Только черезъ посредство этого чувства мы убѣждаемся въ существованіи отдѣльныхъ и независимыхъ предметовъ, намъ противоположныхъ, и тѣмъ самымъ убѣждаемся въ собственномъ существованіи. Осязаніе обнаруживаетъ намъ *тяжесть* тѣлъ, — т. е. искомый центръ, который тѣло находитъ въ самомъ себѣ, не подвергаясь разложенію, а напротивъ оказывая матеріальное сопротивленіе.

Вообще осязаніе открываетъ матеріальность тѣлъ. Къ матеріальнымъ свойствамъ тѣлъ относятся, кромѣ тяжести, степень ихъ сцѣпленія—твердость, мягкость, упругость, ломкость, шероховатость, гладкость. Кромѣ этихъ особенныхъ свойствъ матеріальныхъ тѣлъ, осязаніе обнаруживаетъ ихъ общее качество—теплоту.

Наконецъ, осязаніе обнаруживаетъ полную фигуру тѣлъ, со всѣми ихъ тремя измѣреніями. Вообще оно открываетъ всѣ механическія качества предметовъ.

Кромѣ этихъ *качественныхъ* различій, каждое чувство различается и въ *количественномъ* отношеніи, т. е. въ силѣ или слабости ощущеній. Количественная опредѣленность ощущеній есть величина напряженная, потому что каждое ощущеніе есть простое состояніе. Такъ напр. давленіе, производимое извѣстною массою на органы осязанія, вызываетъ простое ощущеніе, хотя степень этой простой величины соотвѣтствуетъ числовымъ величинамъ, мѣрамъ, фунтамъ и

проч. Но изслѣдованіе этого количественнаго видоизмѣненія ощущеній не представляетъ никакого особеннаго интереса, потому что ихъ количественное опредѣленіе нераздѣльно съ качественнымъ значеніемъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ каждое ощущеніе имѣетъ свою *мѣру*; когда оно переступаетъ за эту мѣру, оно становится слишкомъ сильнымъ и болѣзненнымъ; а въ противномъ случаѣ оно дѣлается слишкомъ слабымъ и незамѣтнымъ.

Для насъ важнѣе связь между внѣшними ощущеніями и внутренними движеніями души. Субъектъ не остается совершенно равнодушенъ къ своимъ ощущеніямъ. Мы уже видѣли что каждое ощущеніе должно имѣть свою мѣру. Субъектъ опредѣляетъ эту мѣру; онъ болѣе или менѣе чувствителенъ къ своимъ впечатлѣніямъ; слѣдовательно онъ воздѣйствуетъ на внѣшнее ощущеніе, — и это воздѣйствіе образуетъ зачатокъ или зерно его внутреннихъ ощущеній. Этимъ внутреннимъ воздѣйствіемъ субъекта на внѣшнія ощущенія, или опредѣленіемъ ихъ необходимой мѣры, ощущенія человѣка болѣе или менѣе различаются отъ такихъ же ощущеній животныхъ. Такъ животныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ ощущать существованіе такихъ предметовъ, которые еще недоступны чувствамъ человѣка. Такъ напр. говорятъ, что верблюды ощущаютъ за нѣсколько миль присутствіе источниковъ и рѣкъ.

Но опредѣленіе мѣры ощущеній не составляетъ единственнаго рода воздѣйствія субъекта. Это послѣднее обнаруживается еще болѣе въ различныхъ движеніяхъ *духа*, соотвѣтствующихъ данному ощущенію. Здѣсь мы не можемъ разсматривать всѣхъ духовныхъ явленій этого рода. Такъ напр. ощущенія раждаютъ въ себѣ пріятное или непріятное чувство. Но эти чувства всегда сопряжены съ рефлексіею; они являются тогда, когда мы сравниваемъ внѣшнія ощущенія съ требованіями своей природы. Если они согласуются съ этими послѣдними, они пріятны намъ; въ противномъ случаѣ они непріятны.—Точно также различныя ощущенія способны вызывать въ насъ тѣ или другія *побужденія*. Но мы будемъ говорить объ этихъ послѣднихъ ниже, когда будемъ разсматривать практическія чувства.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе на *безсознательную* связь между внѣшними впечатлѣніями и движеніями самаго духа. Эта связь обусловливаетъ такъ называемыя *настроенія* нашего духа. Мы встрѣчаемъ нѣчто подобное у животныхъ, точно также какъ замѣчаемъ у нихъ различіе между пріятными и непріятными ощущеніями и различныя побужденія, вызываемыя этими ощущеніями. Но всѣ эти явленія принимаютъ у человѣка особенный, нравственный характеръ, хотя эти состоянія, съ той точки зрѣнія, на которой мы разсматриваемъ ихъ въ настоящій моментъ, еще происходятъ въ немъ безъ участія сознанія. Говоря объ общей связи между природою и человѣческимъ духомъ, мы уже замѣтили, что явленія природы вызываютъ въ немъ различныя настроенія. Но эти явленія были еще слишкомъ общи и неопредѣленны и потому они еще не были ощущаемы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Теперь мы разсматриваемъ именно эту связь между внѣшними ощущеніями и вызываемымъ ими настроеніемъ человѣка. Внѣшнія ощущенія производятъ эти настроенія, потому что человѣкъ даетъ имъ собственное внутреннее значеніе, хотя это послѣднее еще не сознано умомъ. Такимъ образомъ эти ощущенія становятся *символическими*. Собственно говоря, здѣсь еще нѣтъ символа, въ истинномъ значеніи этого слова; потому что символъ является тогда, когда мы различаемъ внѣшній предметъ и даемъ ему отъ себя внутренній смыслъ, или угадываемъ этотъ смыслъ. Напротивъ когда какое нибудь впечатлѣніе вызываетъ въ насъ то или другое настроеніе, мы не приписываемъ ему самостоятельнаго значенія и не отдаемъ себѣ отчета въ его смыслѣ. Это ощущеніе можно назвать символическимъ только по аналогіи съ предметами этого рода.

Обращаясь къ указаннымъ нами явленіямъ, мы замѣтимъ, что всѣмъ извѣстны симпатіи нашего духа къ извѣстнымъ ощущеніямъ, имѣющимъ какъ бы символическую природу,— какъ напр. къ извѣстнымъ цвѣтамъ, звукамъ, запахамъ, вкусамъ и другимъ свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ осязанія.—

Такъ есть солидные, веселые, пламенные, холодные, скорбные и мягкіе *цвѣта*. Поэтому извѣстные цвѣта служатъ зна-

ками для выраженія нашего духовнаго настроенія. Для выраженія печали, грустнаго, мрачнаго настроенія духа служитъ цвѣтъ мрака или тьмы, не просвѣтленной свѣтомъ, именно безцвѣтный *черный* цвѣтъ. Этотъ цвѣтъ означаетъ также торжественность и солидность, потому что онъ неизмѣнчивъ, не имѣетъ случайныхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Напротивъ того бѣлый цвѣтъ, чистый, свѣтлый и веселый, приличенъ душевной простотѣ и наивной невинности. Другіе цвѣта имѣютъ болѣе разнообразное значеніе. *Пурпуръ* издавна считается царскимъ цвѣтомъ, потому что этотъ цвѣтъ есть самый яркій и наиболѣе поражаетъ глазъ. Свѣтлый и темный цвѣтъ смѣшаны въ немъ равномѣрно, не смотря на ихъ совершенную противоположность. *Голубой* цвѣтъ также представляетъ смѣшеніе свѣта и темноты, но болѣе приближается къ пассивному темному цвѣту, и потому онъ служитъ символомъ кротости, женственности, любви и вѣрности; поэтому живописцы почти всегда изображаютъ Богоматерь въ синемъ одѣяніи. *Желтый* цвѣтъ есть символъ беззаботной веселости, но точно также символъ желчной зависти. Мода оказываетъ большое вліяніе на выборъ цвѣтовъ въ одеждѣ, но въ этомъ выборѣ замѣтенъ также разумный смыслъ. *Блескъ* или матоватость цвѣта также имѣютъ нѣчто символическое. Первый соотвѣтствуетъ веселому настроенію, которое свойственно блестящему положенію человѣка; напротивъ люди съ простымъ и спокойнымъ характеромъ, отвергающіе прикрасы, предпочитаютъ матовые цвѣта. Даже бѣлый цвѣтъ бываетъ болѣе или менѣе блестящимъ или матовымъ, смотря по различію тканей, полотна, бумаги или шелка, и у многихъ народовъ видно вниманіе къ символическому значенію этихъ тканей.

Подобно цвѣтамъ, *звуки* также вызываютъ въ насъ соотвѣтственное настроеніе. Особенно это относится къ звукамъ человѣческаго *голоса*, потому что внутреннія движенія души обнаруживаются преимущественно въ голосѣ. Поэтому съ благозвучнымъ голосомъ мы невольно соединяемъ представленіе о красотѣ души, и на оборотъ грубый голосъ заставляетъ насъ предполагать грубость чувства. Въ первомъ случаѣ звукъ возбуждаетъ нашу симпатію, а въ послѣднемъ—

нашу антипатію Слѣпые особенно чутки къ символическому значенію голоса; увѣряютъ, будто они угадываютъ физическую красоту человѣка по благозвучію его голоса, и рябоватость—по легкому носовому произношенію (*).

До сихъ поръ мы разсматривали связь между внѣшними ощущеніями и внутренними чувствами субъекта. Мы видѣли, что субъектъ не остается равнодушенъ къ своимъ ощущеніямъ, но воздѣйствуетъ на нихъ. Это замѣчается какъ у животныхъ, такъ еще болѣе у человѣка. Душа человѣка наполнена не однимъ внѣшнимъ, но и собственнымъ внутреннимъ содержаніемъ. Чтобы ощущать это содержаніе, съ одной стороны нуженъ внѣшній поводъ, а съ другой стороны необходимо воплощеніе этого содержанія, его перенесеніе въ область чувства; если содержаніе внѣшнихъ чувствъ вызывало въ насъ извѣстныя настроенія, вслѣдствіе своей символической природы, то здѣсь происходитъ обратное отношеніе. Внѣшнія впечатлѣнія дѣлаются символическими, т. е. приводятся въ соотношеніе съ внутренними ощущеніями субъекта. Наоборотъ, —эти послѣднія необходимо дѣлаются внѣшними, воплощаются въ тѣло, потому что они составляютъ опредѣленія души, которая погружена въ тѣло,—и вслѣдствіе того они сами переносятся на органы тѣла. Когда мы разсматриваемъ внутренія ощущенія души, независимо отъ ихъ воплощенія, мы беремъ ихъ отвлеченно, мы смотримъ на нихъ извнѣ. Но субъектъ долженъ самъ ощущать, и чтобы ощущать ихъ—онъ долженъ первоначально воплотить ихъ. Онъ можетъ ощущать ихъ только тогда, когда они различаются отъ него и въ тоже время тожественны съ нимъ. Субъектъ достигаетъ этого различія и этого тожества со своимъ внутреннимъ ощущеніемъ, какъ скоро онъ воплотитъ ихъ. Это воплощеніе совершается въ цѣлой системѣ органовъ нашего организма. Какъ внѣшнія такъ и внутреннія ощущенія доходятъ къ душѣ черезъ посредство тѣла. Тѣло оживляется душою, оно не имѣетъ самостоятельнаго бытія,

(*) Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что оспа можетъ оставлять такіе же неизгладимые слѣды на слизистой оболочкѣ носовыхъ полостей, какъ и на кожѣ.—*Перев.*

оно не можетъ оказывать сопротивленія душѣ, оно подчинено ей, проникнуто ею. Вслѣдствіе такого единства, ощущенія могутъ воплощаться и необходимо воплощаются въ нашемъ организмѣ, и движенія души непосредственно становятся движеніями тѣла.

Можно различить два рода внутреннихъ ощущеній.

Одни изъ нихъ выражаютъ опредѣленное состояніе или опредѣленное отношеніе *единичнаго* субъекта; таковы напр. *гнѣвъ*, *месть*, *зависть*, *стыдъ* или *раскаяніе*.

Другія являются вслѣдствіе отношенія субъекта къ какому нибудь *общему* началу;—къ праву, нравственности, къ прекрасному и истинному.

Тѣ и другія ощущенія, какъ мы уже замѣчали, имѣютъ то общее между собою, что они составляютъ состоянія отдѣльнаго субъекта, которыя онъ ощущаетъ, находя ихъ въ себѣ. Съ одной стороны они могутъ сближаться между собою, — когда наши представленія о правѣ, нравственности имѣютъ чисто субъективный характеръ, — или наоборотъ, когда ощущенія отдѣльнаго субъекта проистекаютъ изъ какого нибудь общаго начала. Съ другой стороны они могутъ болѣе и болѣеросходиться между собою, — если представленіе субъекта о правѣ, нравственности освобождаются отъ личныхъ и случайныхъ примѣсей и восходятъ на степень общихъ началъ. Но по мѣрѣ того какъ эти внутреннія ощущенія единичнаго субъекта преобразуются въ общія начала, они болѣе и болѣе теряютъ чувственный характеръ ощущеній и возвышаются въ область чистыхъ понятій.

Мы уже сказали, что въ антропологіи мы не можемъ разсматривать собственнаго *содержанія* внутреннихъ ощущеній. Подобно тому какъ содержаніе внѣшнихъ ощущеній разсматривается въ философіи природы, которая показываетъ его разумную необходимость, точно также содержаніе внутреннихъ ощущеній будетъ составлять предметъ психологіи— или третьей части ученія о субъективномъ духѣ, и здѣсь мы можемъ только вскользь упомянуть о немъ. Здѣсь мы должны изучить воплощеніе внутреннихъ ощущеній и притомъ такое воплощеніе, которое совершается непроизвольно, безъ

участія воли, какъ это бываетъ въ *мимическихъ тѣлодвиженіяхъ*. Мимика будетъ разсматриваема нами впослѣдствіи: она предполагаетъ, что духъ уже господствуетъ надъ тѣломъ, что онъ сознательно выражаетъ свои внутреннія ощущенія во внѣшности. Здѣсь этого еще нѣтъ. Въ настоящемъ случаѣ мы должны разсмотрѣть непосредственный переходъ внутренняго ощущенія во внѣшнее бытіе. Правда, посторонніе свидѣтели могутъ иногда угадать по этимъ внѣшнимъ признакамъ, или по этому внѣшнему знаку, внутреннее чувство, волнующее человѣка; но во всякомъ случаѣ это выраженіе своего чувства не входитъ здѣсь въ намѣреніе субъекта.

Чтобы выразить свои чувства передъ другими людьми посредствомъ мимики, человѣкъ пользуется внѣшними органами своего тѣла, или органами жизни животной, какъ назвалъ ихъ Биша. Напротивъ, непроизвольное воплощеніе внутреннихъ ощущеній субъекта совершается преимущественно во внутреннихъ органахъ тѣла, въ т. н. благородныхъ внутренностяхъ, и субъектъ ощущаетъ это вліяніе своихъ чувствъ на свой организмъ, хотя оно можетъ остаться незамѣтнымъ для другихъ лицъ.

Въ языкѣ встрѣчается множество извѣстныхъ всякому выраженій, указывающихъ на эту связь между ощущеніями и соотвѣтственными органами, и нельзя сказать, чтобы эти выраженія произошли вслѣдствіе вѣковаго заблужденія.—Вообще можно замѣтить, что всѣ внутреннія ощущенія оказываютъ то благопріятное, то вредное или даже гибельное вліяніе на душу и на весь организмъ. Веселое настроеніе духа поддерживаетъ здоровье, а печаль разрушаетъ его. Сильное и внезапное горе обнаруживаетъ физическое вліяніе на жизненныя отправленія и можетъ окончиться смертію, или потерею разсудка. Сильная и нечаянная радость также опасна; она производитъ такое рѣзкое противорѣчіе между прежнимъ и новымъ состояніемъ субъекта, такое раздвоеніе его внутренняго міра, что организмъ можетъ не вынести этого кризиса, и такой переломъ можетъ кончиться смертью или помѣшательствомъ ума. Человѣкъ съ развитымъ характеромъ менѣе подверженъ опасностямъ такого исхода, потому что его духъ болѣе освободился отъ неотразимаго вліянія

случайныхъ впечатлѣній и пріобрѣлъ независимость; напротивъ, неразвитый человѣкъ, бѣдный опытомъ и мыслію, стоящій близко къ природѣ, не можетъ восторжествовать надъ подавляющимъ вліяніемъ сильной и неожиданной печали.

Но даже и въ томъ случаѣ, кагда эти душевныя потрясенія не оказываютъ своего возбуждающаго или подавляющаго вліянія въ такой крайней степени, они обнаруживаютъ большее или меньшее дѣйствіе на весь организмъ, потому что всѣ органы и системы тѣла находятся въ тѣсной связи. Впрочемъ различныя внутреннія ощущенія имѣютъ специфическое отношеніе къ нѣкоторымъ особеннымъ органамъ и преимущественно сосредоточиваются въ нихъ. Исключенія не опровергаютъ этого общаго правила. Отдѣльные случаи, въ которыхъ замѣчается непривычная связь, должны быть приписаны безсилію природы, и нельзя сказать чтобы та связь, которая наблюдается постоянно, была чисто случайна. Такъ гнѣвъ ощущается въ груди, и было бы странно утверждать, что онъ точно также можетъ быть ощущаемъ въ брюшной полости или въ головѣ. Уже языкъ замѣняетъ слово храбрость выраженіемъ *сердце*; или, разумѣя умъ, мы часто обозначаемъ его словомъ: *голова*. Но никто не скажетъ: сердце, когда будетъ говорить объ умѣ. Наука должна объяснить необходимую связь между извѣстными внутренними ощущеніями и физіологическимъ значеніемъ органа, въ которомъ они воплощаются. Мы кратко упомянемъ о главныхъ явленіяхъ этого рода. — Всѣмъ извѣстно, что *грусть*,—это состояніе, въ которомъ душа, ощущая свое безсиліе, заключается въ самой себѣ, производитъ разстройство въ органахъ брюшной полости, т. е. въ системѣ воспроизводительныхъ органовъ, черезъ посредство которыхъ поддерживается жизнь всѣхъ органовъ тѣла и единство всего живаго организма.— Напротивъ, *храбрость* и *гнѣвъ* суть такія состоянія, въ которыхъ субъектъ вступаетъ въ борьбу со внѣшними враждебными силами, возмущающими и оскорбляющими его; а потому они сосредоточиваются въ груди, въ сердцѣ, какъ центрѣ кровеносной, или раздражительной (мышечной) системы, выгоняющемъ кровь наружу. Въ гнѣвѣ сердце бьется

сильнѣе, кровь горячится, бросается въ лицо, мускулы напрягаются. При гнѣвѣ, а преимущественно при досадѣ,—когда гнѣвъ не высказывается извнѣ, а подавляется субъектомъ,—можетъ разлиться желчь, отдѣленіе которой принадлежитъ одному изъ органовъ воспроизводительной системы, и можетъ произойдти желтуха. Впрочемъ желчь составляетъ возбуждающее, раздражающее (смолистое, горючее) начало, которымъ пищеварительная система, какъ-бы въ гнѣвѣ, воздѣйствуетъ на принятую пищу; вмѣстѣ съ водянистымъ сокомъ поджелудочной железы, желчь способствуетъ къ растворенію, и всасыванію пищи.—*Стыдъ*, близкій къ гнѣву, обнаруживается также въ кровеносной системѣ. Это состояніе есть какъ бы начинающаяся легкая досада человѣка на самаго себя; потому что стыдъ выражаетъ недовольство человѣка самимъ собою, при которомъ человѣкъ старается подавить несоотвѣтствующее его внутреннимъ требованіямъ проявленіе его чувства. При такомъ стремленіи духа къ господству надъ внѣшнимъ явленіемъ, кровь бросается въ лицо. Человѣкъ краснѣетъ и оправляется. Напротивъ, въ *испугѣ*, человѣкъ отступаетъ передъ чуждою властію, которая кажется ему непреодолимою; а потому кровь отливаетъ отъ лица, человѣкъ блѣднѣетъ и дрожитъ. Таковъ общій законъ, хотя здѣсь встрѣчаются неправильности и, по капризу природы, есть люди которые блѣднѣютъ отъ стыда и краснѣютъ отъ гнѣва.—Наконецъ, когда человѣкъ *мыслитъ*, онъ ощущаетъ это отправленіе въ головѣ, въ мозгу, въ этомъ органѣ чувствительной системы тѣла, въ которой сосредоточиваются всѣ ощущенія человѣка.

До сихъ поръ мы говорили о такихъ внѣшнихъ проявленіяхъ душевныхъ движеній, которыя были необходимы, чтобы субъектъ могъ ощущать ихъ, или которыя обнаруживали эти движенія. Но есть другія проявленія, черезъ посредство которыхъ субъектъ *освобождается* отъ своихъ внутреннихъ чувствъ.

Такимъ освобожденіемъ отъ внутреннихъ ощущеній служитъ смѣхъ, еще болѣе — слезы, вздохи и всхлипыванія, и вообще *голосъ*, пока онъ не сложился въ членораздѣльные звуки, т. е. пока онъ не преобразовался въ *рѣчь*.

Довольно трудно понять связь этихъ физіологическихъ явленій съ соотвѣтствующими имъ движеніями души.

Что касается до душевныхъ настроеній, вызывающихъ названныя нами явленія, — мы *смѣемся*, когда встрѣчаемъ неожиданное противорѣчіе въ явленіи,—т. е. когда явленіе непосредственно переходитъ въ противоположное и уничтожается само собою. Впрочемъ если такое происшествіе случится съ нами самими, мы оскорбляемся своею неудачей и *плачемъ*. Когда мы видимъ, что кто нибудь гордо входитъ въ комнату и нечаянно падаетъ, мы можемъ засмѣяться, потому что съ нимъ случилось происшествіе, совершенно противное его ожиданію, — и эта діалектика невольно вызываетъ смѣхъ. Въ *комедіяхъ* мы вообще смѣемся, когда сами-по-себѣ ничтожныя цѣли производятъ обратное дѣйствіе. Напротивъ въ *трагедіи* существенныя цѣли приходятъ въ столкновеніе и разрушаютъ другъ друга. Созерцая комическое происшествіе зритель удовлетворяется и успокоивается, потому что онъ убѣждается въ ничтожности всякой ограниченной цѣли и ощущаетъ свое превосходство надъ нею, или торжество полной индивидуальности надъ односторонними формами ея существованія. Вотъ почему онъ выноситъ изъ комедіи свѣтлое настроеніе.

Но насъ должна особенно интересовать физіологическая сторона, соотвѣтствующая этому душевному настроенію. Мы сказали, что субъектъ чувствуетъ себя удовлетвореннымъ, созерцая комическое происшествіе: его духъ бросаетъ свѣтлый лучь на комическое явленіе. Соотвѣтственно тому лицо какъ бы сіяетъ когда мы веселы; кромѣ того, душа признаетъ себя непричастною смѣшному происшествію или предмету и отталкиваетъ его отъ себя; этотъ духовный актъ находитъ свое выраженіе въ смѣхѣ, въ шумномъ, прерывающемся выдыханіи.

Впрочемъ, естественный смѣхъ, о которомъ мы говоримъ въ антропологіи, имѣетъ много нечувствительно смягчающихся ступеней. Начиная съ пошлаго, неудержимаго, громкаго хохота пустаго или грубаго человѣка, онъ доходитъ до кроткой улыбки благородной души, до улыбки просвѣчивающей сквозь слезы. Такимъ образомъ онъ болѣе и бо-

лѣе освобождается отъ своей естественности и наконецъ улыбка становится мимическимъ движеніемъ, т. е. проявленіемъ свободной воли. Вотъ почему по смѣху можно безошибочно заключить о степени образованія человѣка. Рефлектирующій человѣкъ рѣдко или вовсе не смѣется громкимъ, шумнымъ смѣхомъ. Разсказываютъ, что Периклъ никогда не смѣялся съ тѣхъ поръ, какъ посвятилъ себя общественнымъ дѣламъ. Кто много смѣется, тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ свою пустоту и безразсудство, и обнаруживаетъ что онъ глухъ къ истинно важнымъ и великимъ интересамъ, что онъ считаетъ ихъ чуждыми и внѣшними для себя.

Смѣху противоположенъ *плачь*. Человѣкъ веселъ, когда онъ доволенъ собою и чувствуетъ себя выше комическаго предмета; тогда онъ смѣется. Напротивъ человѣкъ сокрушается, когда онъ ощущаетъ *разладъ* съ самимъ собою,—отъ чего бы ни произошелъ этотъ послѣдній,—и тогда онъ плачетъ. Слезы можно назвать критическимъ отдѣленіемъ. Человѣкъ не только проявляетъ въ слезахъ свое горе, но и освобождается отъ него посредствомъ слезъ. По этому при сильномъ душевномъ страданіи слезы оказываютъ благотворное вліяніе на здоровье; напротивъ, если горе не изливается въ слезахъ, здоровье и жизнь субъекта могутъ подвергнуться опасности. Горе есть чувство ѣдкаго, разрушительнаго противорѣчія, и оно разрѣшается водянистымъ, индиферентнымъ потокомъ слезъ. Отсюда спасительное вліяніе слезъ. Слезы текутъ изъ глазъ,—и это потому что глазъ не есть только органъ зрѣнія, воспринимающій впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ. Глазъ преимущественно служитъ также выраженіемъ души; въ выраженіи глазъ отпечатлѣвается мимолетный образъ души, какъ бы навѣянный ея дыханіемъ; — по этому люди обыкновенно всматриваются въ глаза, чтобы короче узнать другъ друга. Когда человѣкъ печаленъ, душа его подавлена, горе омрачаетъ его душу, бросаетъ въ нее темный лучь, и болѣе или менѣе разрушаетъ его внутреннее согласіе съ самимъ собою. При такомъ состояніи души, глаза мутятся, покрываются влагою, и эти измѣненія могутъ имѣть самое вредное вліяніе на органы зрѣнія, такъ что человѣкъ можетъ ослѣпнуть.

Наконецъ внутреннія ощущенія еще полнѣе обнаруживаются и человѣкъ освобождается отъ нихъ посредствомъ *голоса*. Смѣхъ есть не что другое какъ шумное выдыханіе воздуха. При плачѣ отдѣляется реальный продуктъ—слезы. Звуки голоса—это безтѣлесные продукты чувственнаго органа; голосъ есть самое соотвѣтственное выраженіе души ея движеній. Звукъ исчезаетъ, какъ только онъ родился. Ощущеніе, выливаясь въ звуки голоса, обнаруживается и въ тоже время стихаетъ и замираетъ. Вотъ почему волненія души усмиряются быстрѣе и вѣрнѣе, когда они могутъ быть излиты въ звукахъ голоса. Римляне очень хорошо знали эту силу голоса, и потому на похоронахъ они нанимали плакальщицъ, и этимъ способомъ они становились равнодушнѣе къ своей печали.

Звуки голоса могутъ служить знакомъ настроенія души, и по нимъ можно заключить объ этомъ послѣднемъ. Въ этомъ смыслѣ голосъ и преимущественно членораздѣльная рѣчь есть продуктъ ума и воли, и служитъ выраженіемъ этой послѣдней. Но въ антропологіи мы разсматриваемъ голосъ какъ невольное выраженіе нашихъ ощущеній, которое можетъ и не дойти до членораздѣльности звуковъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ много оттѣнковъ. Ощущенія животныхъ выражаются только въ такихъ звукахъ, въ крикахъ страданія и радости, и у многихъ животныхъ такіе крики вырываютси только при самой сильной боли. Выраженіе человѣческаго голоса сложнѣе. Человѣкъ создаетъ *членораздѣльную рѣчь*, онъ облекаетъ свои внутреннія ощущенія въ *слова*, даетъ имъ совершенную опредѣленность и въ тоже время дѣлаетъ ихъ своимъ предметомъ, который становится внѣшнимъ и чуждымъ ему.

Человѣкъ освобождается самымъ полнымъ образомъ отъ своихъ внутреннихъ ощущеній посредствомъ *рѣчи*. Вотъ почему при погребеніи нельзя не считать полезными погребальныхъ пѣсенъ, визитовъ дѣлаемыхъ родственникамъ и т. п. Какъ ни тягостны они въ иныхъ случаяхъ, они оказываютъ благотворное вліяніе; вслѣдствіе частыхъ разговоровъ о понесенной утратѣ, печаль выходитъ изъ глубины души, она становится предметомъ, о которомъ человѣкъ

дѣлается способенъ размышлять и слѣдственно освобождается отъ нея. Поэты отдѣлываются отъ волнующихъ ихъ чувствъ стихами; Гёте часто сбрасывалъ свое горе, изливая его въ стихотвореніи.

Впрочемъ въ антропологіи мы забѣгаемъ впередъ, когда говоримъ о членораздѣльной рѣчи, по скольку она служитъ выраженіемъ и средствомъ для освобожденія отъ внутреннихъ ощущеній.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о физіологическомъ значеніи голоса. Голосъ происходитъ вслѣдствіе сотрясенія гортанныхъ связокъ при выдыханіи. А потому онъ связанъ съ сокращеніемъ грудобрюшной преграды (діафрагмы) и съ движеніемъ собственныхъ органовъ дыханія. Онъ превращается въ членораздѣльные звуки посредствомъ органовъ рта, которые исполняютъ двойное назначеніе. Съ одной стороны они служатъ для принятія пищи и первоначальнаго превращенія ея въ питательные соки организма; а съ другой стороны они не только способствуютъ этому внутреннему претворенію внѣшняго матеріала, но даютъ также окончательное образованіе звукамъ рѣчи, какъ внѣшнему выраженію внутреннихъ движеній души.

§ 402.

Ощущенія суть непосредственныя и преднаходимыя, а потому *единичныя* и *преходящія* опредѣленія, или измѣненія, вносимыя въ обобщившее единство индивидуальности. Но эта послѣдняя не ограничивается усвоеніемъ однихъ вновь представляющихся ощущеній. Душа есть цѣлость другъ на друга вліяющихъ ощущеній;—она соотноситъ къ себѣ всю совокупность заронившихся въ нее опредѣленій, — и тогда она есть *чувствующая душа*.

Примѣч. Разговорный языкъ не дѣлаетъ строгаго различія между словами: ощущеніе и чувствованіе. Впрочемъ мы не говоримъ: ощущеніе права, самоощущеніе и т. п., а говоримъ: чувство права, самочувствіе. По этому можно сказать, что

ощущенія суть непосредственныя *находимыя* состоянія души, при чемъ сама душа остается страдательною. Напротивъ чувство болѣе обозначаетъ *самобытную* дѣятельность души, сопряженную съ актомъ ощущенія.

Приб. Въ предыдущемъ § мы окончили первую часть антропологіи. Сначала мы разсматривали качества души или ея непосредственныя опредѣленія. Слѣдя за внутреннимъ развитіемъ своего предмета, мы дошли до *ощущеній* индивидуальной души. Въ актѣ ощущенія душа вноситъ въ себя свои опредѣленныя состоянія, усвоиваетъ ихъ себѣ и существуетъ для себя. Теперь мы должны перейти къ трудной, но интересной — *второй* части антропологіи; здѣсь душа противополагается всей цѣлости дремлющаго въ ней содержанія, или противополагается ею усвоеннымъ и слѣдственно ея собственнымъ опредѣленіямъ, такъ что, ощущая ихъ, она въ тоже время достигаетъ до самочувствія. Ощущенія какъ такія отличались тѣмъ, что они соотвѣтствовали единичному предмету, ихъ вызвавшему; теперь же душа чувствуетъ свою *цѣлость*, хотя эта послѣдняя сохраняетъ чисто субъективное значеніе. Здѣсь душа находится въ разладѣ съ самой собою и потому сюда относятся различныя *болѣзненныя* состоянія *души*. Душа, въ этой сферѣ, частію свободна, частію несвободна: она еще не освободилась отъ тѣла, еще подчинена природѣ. Но въ тоже время она начинаетъ освобождаться отъ тѣла, отъ подчиненности природѣ. Она стоитъ на средней ступени развитія между состояніемъ дремлющей души, погруженной въ природу (въ тѣло) и между свободнымъ сознаніемъ. Мы разсмотримъ теперь какимъ образомъ душа возвышается на эту *среднюю ступень* своего развитія.

Когда мы *ощущаемъ*, мы всегда ощущаемъ отдѣльные и случайные предметы, которые непосредственно даны намъ и предстоятъ передъ нами; и въ тоже время мы признаемъ, что эти предметы образуютъ нашъ собственный внутренній міръ.—Какъ скоро мы возвысимся на ступень *сознанія*, мы обращаемъ свою мысль на *внѣшній міръ*, который составляетъ одну объективную цѣлость, одинъ кругъ разнообразныхъ и сложныхъ предметовъ, взаимно связанныхъ между

собою. Когда я сознаю предметъ, я также ощущаю его, но этотъ предметъ мною ощущаемый составляетъ звено въ общей связи вещей, мысль переступаетъ за этотъ предметъ и связываетъ его съ предметами отдѣльными и не подлежащими непосредственному чувству. Сознаніе не ограничено предметами непосредственно ему представляющимися и можетъ переноситься къ предметамъ отдаленнымъ, напр. къ странамъ извѣстнымъ ему только по описаніямъ. Сознаніе освобождается отъ матеріала ощущеній, оно облекаетъ этотъ чувственный матеріалъ въ форму всеобщности, опускаетъ въ немъ все случайное и несущественное и извлекаетъ одно существенное; такимъ образомъ оно возводитъ его въ форму представленій и мыслей. Эта операція можетъ быть болѣе или менѣе личною, субъективною, произвольною и ложною; она можетъ привести къ совершенно фантастическимъ представленіямъ.

Середину между непосредственнымъ ощущеніемъ и между сознаніемъ, составляющимъ себѣ представленія о предметахъ, занимаютъ *предчувствія*, или душа, чувствующая все содержаніе, которое сокрыто въ ея цѣлости и всеобщности. Душа, на этой ступени своего развитія, составляетъ предметъ 2-ой части антропологіи. По видимому душа не могла бы ощущать то содержаніе, которое уже облечено въ форму всеобщности; потому что ощущенія, какъ мы знаемъ, всегда единичны и разрознены. Но предчувствія души не находятся въ зависимости отъ непосредственныхъ ощущеній, не вызываются чувственными, предстоящими предметами; а съ другой стороны они еще не возведены въ чистую форму всеобщей, сознанной мысли. Въ нихъ еще нѣтъ опредѣленнаго различія между единичнымъ и всеобщимъ, между ихъ субъективнымъ или объективнымъ значеніемъ. Здѣсь я ощущаю тѣ непосредственныя состоянія, которыя нахожу въ себѣ и я совершенно погруженъ въ нихъ. Я не дѣлаю никакого различія между мною и ощущаемыми мною состояніями; только возвысившись на ступень сознанія, я буду въ состояніи сдѣлать ихъ своимъ предметомъ. Здѣсь душа составляетъ субстанцію, а всѣ ея чувства или предчувствія образуютъ ея принадлежности (accidentia). Она носитъ ихъ въ

себѣ и образуетъ центръ всѣхъ своихъ ощущеній; она непосредственно господствуетъ надъ міромъ своихъ чувствъ.

Какимъ же образомъ совершается переходъ отъ ощущеній къ чувствамъ и предчувствіямъ? Во первыхъ должно замѣтить, что если мы и сдѣлали различіе между внѣшними и внутренними ощущеніями, то это различіе еще не сознано въ самой душѣ. Душа еще находится въ простомъ единствѣ со своими ощущеніями; она погружается въ нихъ и не дѣлаетъ различія между собою и внѣшними предметами. Тѣмъ не менѣе душа вмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти по видимому разъединенныя ощущенія и связываетъ ихъ собою. Когда мы созерцаемъ внѣшній міръ, мы не вникаемъ мыслію въ его различія; но мы видимъ, что этотъ міръ конкретенъ, что онъ слагается изъ различныхъ объектовъ и что каждый такой объектъ въ свою очередь очень сложенъ и разнообразенъ по своему содержанію. Точно также и душа не сознаетъ всего разнообразнаго содержанія, образующаго ея внутренній міръ, и не вникаетъ въ него; но тѣмъ не менѣе она соотноситъ его къ самой себѣ и соединяетъ его въ своемъ единствѣ. Это содержаніе, эти предшествующія ощущенія дремлютъ въ ней, не будучи пріурочены къ извѣстному пространству и времени; но они не исчезаютъ въ ней безъ слѣда, а сохраняются и *могутъ* при извѣстныхъ обстоятельствахъ выйдти изъ своего мрака; душа можетъ снова чувствовать ихъ присутствіе, какъ скоро связь между ними снова укрѣпится, какъ скоро душа будетъ ощущать свое присутствіе въ нихъ, или ихъ присутствіе въ душѣ. Она можетъ и не ощущать ихъ присутствія: тогда они остаются погребены въ ней. Впрочемъ такое сбереженіе ощущеній не должно смѣшивать съ сознательнымъ усвоеніемъ созерцаній и представленій. Въ первомъ случаѣ душа сберегаетъ впечатлѣнія и ощущенія, безсознательно закравшіяся въ нее. Въ послѣднемъ случаѣ она, напротивъ того, сознательно усвоиваетъ себѣ внѣшній предметъ.

Но душа сберегаетъ и сохраняетъ въ себѣ не одни *предшествовавшія* ощущенія. Какъ живые индивидуумы, мы являемъ собою цѣлый *міръ*, безконечно разнообразный по своему содержанію и связанный безчисленными нитями со

всѣмъ насъ окружающимъ. Эти отношенія могутъ не доходить до степени ясныхъ ощущеній и представленій, они могутъ мѣняться безъ нашего вѣдома; но они всегда существуютъ въ насъ и наполняютъ всякую живую человѣческую душу. Душа безконечно богата содержаніемъ такого рода, и ее можно назвать цѣлымъ самостоятельнымъ міромъ, или *душою міра*, обособившеюся въ данномъ индивидуумѣ. Но эта душа принадлежитъ единичному субъекту, ея содержаніе опредѣлено и *ограничено;* и потому всякій человѣкъ смотритъ на міръ съ своей исключительной, *индивидуальной* точки зрѣнія,—или относится къ нему сообразно условіямъ своей индивидуальности. Душа не чужда внѣшнему міру. Совокупность отношеній, въ которыя поставленъ человѣкъ, составляетъ необходимую для него почву онъ тѣсно сростается съ нею, и она такъ важна что человѣкъ не можетъ вынести частой и насильственной ея перемѣны,—точно такъ какъ дерево сохнетъ, когда часто обрываютъ его листья, хотя они по видимому внѣшни ему. Конечно люди, достигшіе нѣкоторой самостоятельности, богатые жизненною опытностію, легче выносятъ потерю того, что составляло необходимую принадлежность ихъ существа, ихъ внутренняго міра; напротивъ, люди выросшіе въ болѣе простыхъ условіяхъ находятся въ большей зависимости отъ среды; они часто не переносятъ разлуки съ родиною и страдаютъ тоскою по ней, подобно растеніямъ, могущимъ расти только на отеческой почвѣ. Однакожъ и болѣе сильныя натуры не могутъ обойтись безъ извѣстнаго круга внѣшнихъ отношеній и связей, или—такъ сказать—безъ извѣстнаго клочка міра. Такой индивидуальный міръ составляетъ необходимую принадлежность всякой живой души и даетъ ей опредѣленность и индивидуальность.

Но душа человѣка не только связана съ природою; она имѣетъ собственно ей принадлежащее содержаніе, и она противополагаетъ себѣ, какъ единичному субъекту, всю совокупность этого содержанія, образующаго ея индивидуальный міръ. Это содержаніе сберегается въ ней безсознательно и она стремится привести его къ ясному сознанію. Но пока душа не развилась до ступени сознанія, она не даетъ этому

содержанію никакихъ объективныхъ опредѣленій, она не дѣлаетъ его своимъ объектомъ, не относитъ его *внѣ* себя какъ самостоятельный міръ. Она ощущаетъ его какъ свой *внутренній міръ*. Здѣсь еще нѣтъ противоположности между ея содержаніемъ и ею самою. Чтобы превратить свои *субъективныя чувства* въ свой *сознанный объектъ*, душа должна сдѣлаться сознаніемъ или мыслящимъ субъектомъ,—и впослѣдствіи мы увидимъ, что мыслящій субъектъ есть я, которое имѣетъ самаго себя своимъ предметомъ: оно отрицаетъ самобытное значеніе своего индивидуальнаго міра съ его разнообразнымъ непосредственнымъ содержаніемъ, оно даетъ этому содержанію простое, общее значеніе, такъ что и сознающій субъектъ и сознаваемый объектъ облечены въ одинакую форму всеобщей мысли, и всеобщая мысль субъекта относится въ объектѣ только къ самой себѣ. Мысль освободившись такимъ образомъ отъ непосредственнаго содержанія и явившись какъ отвлеченная мысль, можетъ уже признать самостоятельное существованіе этого содержанія внѣ ея.

Итакъ мы должны прослѣдить тотъ путь, посредствомъ котораго душа освобождается отъ своего непосредственнаго субстанціальнаго содержанія, овладѣваетъ самою собою, осуществляетъ свое понятіе и является какъ простой субъектъ, соотносящійся къ самому себѣ, или какъ сознающее Я. Чтобы возвыситься на эту ступень, душа является въ трехъ формахъ, которыя могутъ быть напередъ указаны здѣсь.

Вопервыхъ, душа, въ своихъ *чувствахъ* и *предчувствіяхъ*, узнаетъ свою тѣсную связь съ природою. Въ недавнее время обратили вниманіе на удивительныя явленія этого рода. Чтобы понять ихъ, мы должны помнить, что здѣсь душа находится въ непосредственномъ, безразличномъ единствѣ съ объективнымъ міромъ.

Во вторыхъ душа впадаетъ въ болѣзненное состояніе, въ *помѣшательство*; въ этомъ состояніи, душа частію уже владѣетъ собою, частію еще не можетъ вполнѣ овладѣть своимъ міромъ; она смотритъ на него съ своей *особенной*,

исключительной точки зрѣнія и находится въ разладѣ съ самой собою.

Наконецъ, въ 3-хъ, душа достигаетъ господства надъ естественнымъ элементомъ, надъ своимъ тѣломъ; она дѣлаетъ его средствомъ, служащимъ ея цѣлямъ. Она даетъ объективное бытіе своему внутреннему, безтѣлесному содержанію.

Этимъ путемъ душа восходитъ на ступень *сознанія*, или является какъ отвлеченно свободный субъектъ, какъ мыслящее Я.

Разсматривая эти формы души, мы должны будемъ, какъ прежде, касаться другихъ болѣе высокихъ ступеней развитія духа,—потому что онѣ обнаруживаювъ свое дѣйствіе уже и въ субъективныхъ чувствахъ человѣческой души.

b. Чувствующая душа.

§ 403.

Чувствующее недѣлимое вмѣщаетъ въ себѣ какъ въ субъектѣ, или какъ простомъ всеобщемъ единствѣ, всю совокупность индивидуальныхъ ощущеній. Она наполнена разнообразнымъ содержаніемъ; но должна овладѣть имъ и господствовать надъ нимъ. Чувствующая душа уже не находится въ такой внѣшней зависимости, какъ прежде; она болѣе сосредоточилась въ самой себѣ; но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она должна сдѣлаться вполнѣ самостоятельнымъ и свободнымъ субъектомъ.

Примѣч. Душа, а тѣмъ болѣе духъ, есть *простой субъектъ*. Это значитъ, что она *отрицаетъ* все свое *реальное* содержаніе, но тѣмъ не менѣе *оберегаетъ* и вмѣщаетъ его въ себѣ, хотя оно и не существуетъ. Такъ наша памятъ безсознательно сораняетъ въ себѣ множество представленій. Каждый индивидуумъ безконечно багатъ ощущеніями, представленіями, знаніями, мыслями и проч. тѣмъ не менѣе онъ, какъ мыслящее *Я*, есть *простой субъектъ*,—или неопредѣленное вмѣстилище, въ которомъ все это сбережено, хотя и не су-

ществуетъ въ данный моментъ. Но когда я вспоминаю о какомъ нибудь представленіи, я вызываю его къ дѣйствительному существованію въ моемъ сознаніи. Во время болѣзни намъ случается вспоминать предметы и вещи, которыя мы считали давно забытыми, потому что они въ теченіи многихъ лѣтъ не представлялись нашему сознанію. Мы не владѣли ими все это время и быть-можетъ они снова ускользнутъ отъ насъ по истеченіи болѣзни, и все же они были и продолжаютъ существовать въ нашемъ духѣ. Человѣкъ не можетъ знать, сколько свѣдѣній *находится въ немъ;* хотя многія изъ нихъ кажутся забытыми, тѣмъ не менѣе они безсознательно скрыты въ немъ, хотя и не достигаютъ до отчетливаго существованія въ его мысли (*).

Какъ бы ни было разнообразно и ново содержаніе сознанія, оно есть *простой субъектъ.* Точно также, вначалѣ мы представляемъ себѣ, что наше тѣло сложно, что его части внѣшни другъ другу и внѣшни для нашей души. Но душа объемлетъ въ себѣ тѣло, и — чувствуя состоянія этого послѣдняго — она остается простымъ субъектомъ. Какъ наши разнообразныя и реальныя представленія не нарушаютъ единства нашей мысли, нашего Я, точно также разрозненность и дробность тѣла исчезаютъ въ чувствующей душѣ. Ощущенія суть *непосредственныя* опредѣленія, или естественныя и тѣлесныя состоянія души; но эти раздѣльныя и разнообразныя чувственныя состоянія перестаютъ быть такими для души, какъ и для мысли; они не составляютъ предѣла для души, потому что душа есть не что другое какъ существующее понятіе, — или единство тѣла. Она всюду присутствуетъ въ своемъ тѣлѣ; она связываетъ его въ себѣ и образуетъ его средоточіе. Какъ тѣло есть *одно* представленіе и всѣ его члены и органы сливаются въ это одно *простое* понятіе, точно также тѣло и всѣ его различныя состоянія находятъ свою связь и свое *истинное единство* въ

(*) Аналогическія явленія замѣчаются и въ физіологическомъ отправленіи другихъ частей нервной системы. Общее болѣзненное состояніе часто сосредоточивается въ т. н. предрасположенныхъ органахъ; т. е. нервныя нити и узлы этихъ (внѣшнихъ или внутреннихъ) органовъ повторяютъ тѣ функціи, которыя они однажды совершали. Такъ являются привычныя тупыя или острыя боли, судорожныя движенія, измѣненія отдѣленій и т. п. — *Перев.*

чувствующей душѣ. Душа, говоря отвлеченно, объемлетъ въ себѣ всю природу; каждая индивидуальная душа вмѣщаетъ въ себѣ свой *особенный міръ*, которымъ она наполнена, и этотъ міръ составляетъ ея неотъемлемую принадлежность.

§ 404.

Каждая индивидуальная душа есть своеобразный міръ и наполнена собственнымъ внутреннимъ содержаніемъ. Это содержаніе еще не составляетъ внѣшняго объекта, какъ въ сознаніи; оно состоитъ изъ ощущеній, воспринятыхъ душою. Въ этомъ случаѣ душа есть субъектъ, и совокупность ея ощущеній составляетъ не столько ея объектъ, сколько ея сказуемое. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя вновь представляются душѣ, но о тѣхъ, которыя усвоены индивидуумомъ и образуютъ его внутренній, *особый міръ*. Содержаніе этого міра безсознательно дремлетъ въ душѣ человѣка.

Примѣч. Чувства, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, составляютъ темныя состоянія души, потому что они не доходятъ до степени ясныхъ и отчетливыхъ представленій. Для насъ не столько важно ихъ содержаніе, сколько самая ихъ *форма*, потому что въ это *состояніе* могутъ снова облекаться ясные продукты сознанія и разсудка (§ 880). Когда болѣе высокія формы развитія духа нисходятъ на эту низшую, болѣе отвлеченную ступень существованія, онѣ находятъ въ ней не соотвѣтственное себѣ проявленіе и образуютъ *болѣзнь*.

Мы должны разсмотрѣть здѣсь вопервыхъ явленія свойственныя этой ступени развитія души — въ ихъ первоначальномъ видѣ, и вовторыхъ тѣ же явленія—по скольку они составляютъ болѣзненныя состоянія духа; понять эти послѣднія можно только изучивши первыя.

α) Чувствующая душа въ ея непосредственности.

§ 405.

1) Вначалѣ чувствующій индивидуумъ, въ его *непосредственномъ* состояніи, есть не самобытный и самообладающій, а *страдательный* субъектъ. По этому онъ подчиняется влія-

нію другаго субъекта, или индивидуума; (такъ утробный младенецъ находится въ психической зависимости отъ матери). Въ этомъ состояніи душа будетъ не самобытною субстанціею, а зависимымъ предикатомъ другой личности; эта послѣдняя будетъ оказывать на нее неотразимое вліяніе, и ее можно будетъ назвать *геніемъ* другаго субъекта.

Примѣч. Непосредственную форму этого отношенія представляетъ связь матери съ утробнымъ младенцемъ. Эта связь не есть ни исключительно органическая, ни исключительно духовная, — но связь *психическая*, т. е. единство между душою матери и младенца. Здѣсь существуетъ еще одна душа,—хотя уже раздѣленная между двумя недѣлимыми. Душа матери обнимаетъ въ себѣ оба недѣлимыя, она есть единственный субъектъ ихъ обоихъ. Она обнаруживаетъ непосредственное вліяніе на ребенка, потому что этотъ послѣдній еще не есть самобытный субъектъ.

Можно сказать, что мать есть *геній* ребенка. Геній есть не что другое какъ самобытный духовный субъектъ, опредѣляющійся свободно; онъ проникаетъ одухотворенную, но еще не развитую и потому страдательную субстанцію другаго недѣлимаго. Такъ называемый «геній» есть не предрасположеніе, не зародышь извѣстнаго характера, образа жизни и вообще всей духовной дѣятельности человѣка, но индивидуальность, своеобразно проявляющаяся и обнаруживающая свою дѣятельность во всѣхъ случаяхъ жизни.

Съ точки зрѣнія анатоміи и физіологіи, утробный младенецъ находится въ извѣстной матеріальной связи съ матерью. Онъ окруженъ оболочками, пуповина и дѣтское мѣсто связываютъ его съ организмомъ матери. Не смотря на эту органическую, матеріальную отдѣльность, онъ находится въ совершенной зависимости отъ психической жизни матери. Такъ напр. извѣстно, что сильныя душевныя волненія, тѣлесныя поврежденія матери и т. п. отражаются на ребенкѣ и передаются ему. Кромѣ этого, въ моментъ зачатія, психическая жизнь матери не передается зародышу а дѣлится между ею и развивающимся ребенкомъ, такъ что болѣзненныя расположенія, физическія особенности, темпераментъ, характеръ, таланты, идіосинкразіи и проч. съ самаго начала переходятъ къ ребенку.

Такое же раздвоеніе замѣчается въ растительномъ царствѣ, въ односѣменодольныхъ растеніяхъ.

Спорадическіе случаи такого можно сказать *магическаго* отношенія замѣчаются и между взрослыми людьми, духовная дѣятельность которыхъ развилась на степень сознательной умственной дѣятельности.—напр. между друзьями, между слабонервными подругами (у которыхъ это отношеніе можетъ перейдти въ болѣзненное, т. н. магнитическое состояніе), между супругами, членами одного семейства и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ душа со своими неясными ощущеніями подчиняется вліянію другаго субъекта.

Но, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, она должна найти свою субъективность въ самомъ недѣлимомъ,—и такою субъективностію является развитое ясное сознаніе, восходящее на ступень разсудка и разума. Сознаніе подчиняетъ себѣ неясныя чувства души,—оно образуетъ разумную и свободно опредѣляющуюся субъективность этой его первоначальной субстанціи, изъ которой оно само развилось. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этого зерна, изъ всей совокупности этихъ дремлющихъ въ душѣ чувствъ складывается т. н. натура человѣка, его безсознательный темпераментъ и проч. Въ свою очередь, всѣ результаты сознательной дѣятельности человѣка,—его нравственныя правила, его отношенія къ другимъ лицамъ, вытекающія изъ его общественнаго положенія, его привязанности и проч.,—входя въ привычку (о которой мы будемъ говорить ниже),—облекаются въ простую форму непосредственной жизни чувства. Итакъ душа, живущая непосредственною жизнію чувства, есть цѣлый самобытный міръ. Вся эта жизнь чувства различается отъ сознательной жизни духа, отъ его нравственныхъ симпатій, умственныхъ интересовъ, отъ міросозерцанія человѣка и проч. Всѣ такія сознательныя отношенія человѣка суть продукты размышленія. Въ противоположность этимъ сознательнымъ отношеніямъ, первоначальное направленіе его индивидуальности, выражающееся во всемъ складѣ его чувствъ, называютъ также *геніемъ* человѣка,—потому что это направленіе имѣетъ существенное вліяніе на рѣшенія и дѣйствія человѣка, которыя по видимому суть результатъ размышленія, соображенія, сознательнаго исполненія намѣреній, цѣлей и т. п. Вся совокуп-

ность этихъ чувствъ образуетъ также то, что называютъ *жизнію сердца*. Мы говоримъ, что у человѣка болѣе развитъ разсудокъ чѣмъ сердце, когда онъ смотритъ на вещи и дѣйствуетъ повинуясь холоднымъ разсчетамъ ума, и настойчиво преслѣдуетъ свои цѣли, будутъ ли то великія и общеполезныя цѣли, или мелкія и эгоистическія. Напротивъ мы говоримъ, что у человѣка преимущественно развито сердце, когда онъ даетъ волю своимъ чувствамъ, хотя бы ограниченнымъ, и кладетъ на всѣ свои мысли и дѣйствія печать своей индивидуальности. Впрочемъ можно сказать, что такая своеобразность есть не столько проявленіе генія, сколько пустое геніальничанье, обозначаемое выраженіемъ: *indulgere genio*.

Приб. Чувствующая душа, въ ея непосредственномъ состояніи, погружена, какъ мы сказали выше (см. §. 402. Приб.). въ *грезы* и *предчувствія*, обличающія ея тѣсную связь съ природою. Теперь мы разсмотримъ подробнѣе эту ступень развитія человѣческой души. Прежде мы замѣтили, что духъ уже развившійся до степени сознанія и разсудка можетъ снова нисходить до низшей формы своего бытія, до грезъ и предчувствій, когда онъ впадаетъ въ болѣзненное состояніе (§. 404. Примѣч.). Обѣ эти формы могутъ болѣе или менѣе существовать совмѣстно и перекрещиваться между собою, потому что онѣ только различаются, но не доходятъ до рѣзкой и исключительной противоположности, характеризующей сумасшествіе, о которомъ мы будемъ говорить ниже, Здѣсь духъ еще не становится въ противорѣчіе съ самимъ собою, но свободное ясное сознаніе еще продолжаетъ свою дѣятельность въ неразрывной связи съ этою темною субъективною жизнію души. Эту связь можно, пожалуй, назвать *магическою*, потому что магическое отношеніе есть такое отношеніе, въ которомъ внутренній элементъ обнаруживаетъ, безъ всякаго посредствующаго звена, свое вліяніе во внѣшности.

Здѣсь можно кстати сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ *магическихъ явленіяхъ* вообще. Высшимъ магическимъ явленіемъ могло бы показаться дѣйствіе духа на духъ. Но вліяніе ума и мысли не можетъ быть названо непосредственнымъ. Чтобы мысль могла обнаружить свое дѣйствіе, она

нуждается въ посредствѣ слова, или мимики,—равно какъ въ дѣятельномъ участіи мысли или созерцанія другаго субъекта. Взрослые оказываютъ болѣе непосредственное вліяніе на умъ ребенка; но и здѣсь это вліяніе обнаруживается черезъ участіе сознательной мысли и возникающей самостоятельной умственной дѣятельности этого послѣдняго. Въ томъ же смыслѣ, между взрослыми, сильный характеръ оказываетъ магическое вліяніе на слабый характеръ. Такъ напр. *Кентъ* чувствуетъ невольную привязанность къ несчастному *Лиру*, потому что въ его лицѣ есть что-то такое, что—какъ онъ выражается — онъ охотно назвалъ бы господиномъ. Точно также, когда одну французскую королеву обвиняли въ томъ, что она околдовала своего супруга, она отвѣчала что она не прибѣгала ни къ какому другому магическому средству, кромѣ того, какимъ природа надѣлила сильный характеръ въ отношеніи къ слабому (*).—

Такое же *повидимому* непосредственное дѣйствіе человѣкъ обнаруживаетъ и на *животныхъ*, которыя, какъ извѣстно, часто не могутъ вынести его взгляда.

Но въ старину не довольствовались такими засвидѣтельствованными примѣрами и полагали, что человѣкъ можетъ обнаруживать магическое, т. е. непосредственное вліяніе и на предметы неодушевленные, напр. на солнце и луну, равно какъ и на другихъ людей; это вліяніе приписывали чародѣйству, общенію съ злыми духами, и думали что волшебникъ, обладающій такими чарами, дѣйствуетъ по внушенію злаго духа.

Единственный примѣръ магическаго, т. е. совершенно непосредственнаго вліянія на природу представляетъ вліяніе индивидуальнаго духа на его собственное тѣло, которое безпрекословно и покорно исполняетъ его волю (**).

(*) Эти замѣчанія такъ безотговорочно отвергаютъ всякія бредни о т. н. магнитическихъ явленіяхъ, что должно удивляться какъ авторъ могъ пытаться оправдать эти послѣднія. Ниже мы возвратимся къ этимъ замѣчаніямъ.—*Перев.*

(**) Въ сущности и этого отношенія нельзя назвать магическимъ — если разумѣть подъ этимъ имсемъ непосредственное вліяніе на чуждый объектъ. Между духомъ и тѣломъ нѣтъ дуализма, и потому вліяніе одной органической дѣятельности на другую не можетъ быть названо магическимъ.—*Перев.*

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ непосредственной или магической дѣятельности духа,—если хотятъ назвать ее этимъ именемъ,—прочіе разсказы въ этомъ родѣ принадлежатъ къ баснямъ. Такъ напр. мечтали о первобытномъ состояніи человѣка, въ которомъ онъ магически, т. е. непосредственно, безъ помощи размышленія, зналъ законы внѣшней природы, свою собственную истинную сущность, равно какъ и природу божества,—и зналъ эти предметы несравненно совершеннѣе, чѣмъ знаетъ ихъ теперь. Этотъ вымыселъ противенъ какъ здравому разуму, такъ и преданію Знаніе истинны сдѣлалось доступно человѣку только тогда, когда онъ разорвалъ свое непосредственное единство съ природою. Также ничтожными оказываются басни о великихъ астрономическихъ и другихъ знаніяхъ первобытнаго человѣка. *Мистеріи* были, безспорно, остатками прежнихъ знаній: —въ самыя раннія и грубыя времена можно найти слѣды инстинктивной дѣятельности разума. Но такія инстинктивныя произведенія человѣческаго разума, не возведенныя въ форму мысли, не могутъ служить доказательствомъ первобытныхъ научныхъ свѣдѣній. Они по необходимости были результатомъ непосредственныхъ ощущеній и созерцаній, а не научной дѣятельности мысли; потому что наука есть плодъ долгаго историческаго развитія духа.

Такова сущность такъ называемыхъ магнитическихъ явленій. Въ атропологіи, которая изслѣдуетъ непосредственную зависимость тѣла отъ души, мы можемъ различать двоякаго рода явленія, сюда относящіяся.

Первую форму такой непосредственной, еще безраздѣльной жизни души составляютъ тѣ явленія, о которыхъ говорится въ настоящемъ параграфѣ. Эта форма составляетъ низшую ступень душевной жизни; она нисколько не нарушаетъ высшей, сознательной жизни духа, — а напротивъ того составляетъ одно изъ постоянныхъ отправленій человѣческаго организма, также свойственное здоровому человѣку, какъ напр. прорѣзываніе зубовъ. Она ни мало не составляетъ болѣзненнаго, ненормальнаго явленія. Такая противоположность между исключительнымъ субъективнымъ воззрѣніемъ субъекта и объективною дѣятельностію его сознанія

замѣчается уже въ сумасшествіи.— Кромѣ того, здѣсь еще не можетъ быть рѣчи объ отношеніи двухъ самостоятельныхъ личностей: такое отношеніе составляетъ вторую форму магическихъ явленій, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ §.

Эта первая форма содержитъ явленія троякаго рода: 1. сны, 2. утробную жизнь младенца и 3. связь между нашею сознательною жизнію и темною жизнію сердца,—или тѣмъ что называютъ «геніемъ» человѣка.

1. *Сны*. Говоря о *пробужденіи* души, о различіи между сномъ и бодрствованіемъ, мы уже должны были коснуться сновидѣній и объяснить ихъ значеніе. Поверхностные изслѣдователи не видѣли никакого различія между сномъ и бодрствованіемъ въ отношеніи къ духовной дѣятельности,— и мы должны были показать существенное различіе между явленіями духовной жизни, замѣчаемыми во время сна и во время бодрствованія. Но сны собственно должны быть разсматриваемы въ настоящемъ мѣстѣ, потому что здѣсь душа, въ своихъ грезахъ и предчувствіяхъ, начинаетъ прозрѣвать въ ощущенія и чувства, зароненныя въ нее природою. Мы не станемъ повторять того, что мы сказали о чисто субъективномъ характерѣ сновъ и объ отсутствіи въ нихъ всякой объективной, разсудительной связи (см. § 396. Приб.). Мы прибавимъ только, что въ нихъ являются не одни преходящіе и безсвязные аффекты, но что въ этомъ состояніи душа гораздо полнѣе, чѣмъ во время бодрствованія, ощущаетъ всю общность, всю цѣлость своей индивидуальной жизни,—прошедшей, настоящей и будущей. Вотъ почему разсматривая душу, погруженную въ ощущеніе самой себя, мы должны были прежде всего коснуться сновъ.

2. *Жизнь утробнаго младенца*. Въ сновидѣніяхъ, индивидуумъ достигаетъ до самочувствія; онъ относится къ самому себѣ какъ независимый субъектъ. Напротивъ утробный младенецъ не имѣетъ никакой самостоятельности, онъ находится въ совершенной зависимости отъ матери. Душа ребенка еще не достигла до самообладанія; она относится къ другому индивидууму, который объемлетъ ее въ себѣ. Разсудокъ видитъ необъяснимое чудо въ этой связи, потому что онъ

не можетъ понять единства различій. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь существуетъ нераздѣльная связь двухъ недѣлимыхъ, изъ которыхъ одно совершенно проникаетъ собою другое. Первое недѣлимое есть дѣйствительный, самообладающій субъектъ; второе уже имѣетъ зачатокъ самостоятельности и мало по малу приближается къ полной духовной независимости. Но философская мысль безъ труда уразумѣваетъ эту связь. Дѣйствительно, пассивная душа ребенка не можетъ оказать никакого противодѣйствія душѣ матери и вполнѣ подчиняется ея вліянію. Доказательствомъ такого психическаго вліянія служатъ т. н. *родимыя пятна* и другія подобныя явленія. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій могутъ происходить отъ чисто органическихъ причинъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ физіологическихъ явленій этого рода зависятъ отъ душевныхъ движеній матери и слѣдственно обязаны своимъ существованіемъ причинамъ психическимъ. Говорятъ, бывали случаи, когда при переломѣ руки матери, или при сильномъ ушибѣ, заставлявшемъ ее опасаться такого перелома, или наконецъ при видѣ перелома и отъ происшедшаго оттого испуга, рождались дѣти съ поврежденными руками (*).—Подобные примѣры слишкомъ извѣстны и мы не будемъ умножать ихъ. Такое воплощеніе внутреннихъ движеній матери объясняется частію пассивною слабостію зародыша, частію тѣмъ что во время беременности, когда мать живетъ не для одной себя, но распространяетъ свою жизнь и на ребенка, ея ощущенія дѣлаются особенно сильны и живы. Это вліяніе душевныхъ ощущеній на ребенка замѣчается и во время кормленія грудью: непріятныя душевныя волненія портятъ молоко матери и дѣйствуютъ вредно на кормимаго ею ребенка. Что касается до отношенія родителей къ взрослымъ дѣтямъ, бывали случаи, что родители и дѣти, долго не видавшіе и не узнававшіе другъ друга, чувствовали безсознательное, магическое влеченіе другъ къ другу. Но нельзя сказать, чтобы это чувст-

(*) Должно замѣтить, что здѣсь выбранъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ примѣровъ психическаго вліянія матери на ребенка, потому что органическія поврежденія младенца, слѣдующія за механическими поврежденіями, ушибами матери и т. п. происходять, конечно, отъ тѣхъ же механическихъ причинъ. *Перев.*

во было общимъ и *необходимымъ*; напротивъ, отцы иногда убивали своихъ сыновей, или сыновья своихъ родителей въ сраженіяхъ, хотя бы они могли избѣжать этого, если бы могли почувствовать свое родство.

3. *Отношеніе человѣка къ его генію.* Третья форма, въ которой проявляется цѣлостная жизнь чувствующей души, есть отношеніе недѣлимаго къ его генію. Подъ именемъ генія мы должны разумѣть особенныя качества человѣка, отъ которыхъ зависитъ направленіе его дѣятельности во всѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ его жизни и, слѣдственно, его судьба. Я могу различить въ себѣ два элемента: во первыхъ, занимая извѣстное положеніе въ обществѣ, я имѣю представленія о предметахъ, *общія* мнѣ съ другими, и руководствуюсь общеобязательными правилами; во вторыхъ, мой внутренній характеръ опредѣляется совершенно особеннымъ, одному мнѣ свойственнымъ образомъ. Эта особенность моего характера составляетъ мою судьбу; отъ приговоровъ этого оракула зависятъ всѣ рѣшенія человѣка, потому что внутренній характеръ человѣка проявляется во внѣшнихъ объективныхъ дѣйствіяхъ. Если положенія и обстоятельства, въ которыхъ человѣкъ находится, даютъ его судьбѣ то, а не другое направленіе,—то это зависитъ не отъ нихъ однихъ, не отъ ихъ своеобразности, и не отъ общей природы человѣка, но главнымъ образомъ отъ его особеннаго характера. Въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ извѣстный человѣкъ поступаетъ иначе, чѣмъ сотни другихъ людей; какія нибудь обстоятельства могутъ дѣйствовать магически на одного человѣка, между тѣмъ какъ они не выводятъ другаго изъ его обычной колеи. Слѣдственно обстоятельства, соединяясь съ внутреннимъ характеромъ человѣка, производятъ особенный и болѣе или менѣе случайный результатъ, такъ что окончательный характеръ человѣка слагается частію изъ внѣшнихъ обстоятельствъ и всѣмъ общихъ условій, частію изъ собственныхъ, особенныхъ, внутреннихъ задатковъ.—Конечно, человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется также общими соображеніями и основаніями; но эти послѣднія всегда подчиняются чувству, и оттого дѣйствія людей бываютъ очень различны. Такимъ образомъ даже бодрствующее со-

знаніе, повинующееся общимъ правиламъ и требованіямъ разсудка, находится въ зависимости отъ сферы чувства, или отъ того, что мы называемъ геніемъ человѣка. Эту зависимость человѣка отъ его генія можно сравнить съ зависимостію утробнаго младенца отъ матери, или съ страдательнымъ состояніемъ души, которая невольно отдается своимъ индивидуальнымъ чувствамъ и представленіямъ—въ сновидѣніяхъ. Но между этими состояніями чувствующей души есть и различіе. Въ сновидѣніяхъ душа была погружена въ самое себя. Въ отношеніи ребенка къ матери мы видимъ двойственность душевной жизни. Зависимость человѣка отъ его генія совмѣщаетъ въ себѣ обѣ эти формы,—потому что геній есть нѣчто самостоятельное и независимое отъ человѣка, подобно душѣ матери, но въ тоже время онъ составляетъ его нераздѣльную принадлежность, подобно тому какъ душа нераздѣльно связана съ міромъ ея сновидѣній.

§ 406.

2) Когда та *форма*, или то *состояніе*, которое характеризуетъ жизнь чувства, подчинитъ себѣ самосознательную, разумную, духовную дѣятельность человѣка, она будетъ составлять *болѣзнь*. Въ этомъ случаѣ недѣлимое относится къ разнообразному содержанію своего духа *безъ посредства* размышленія; это состояніе различается отъ сознательнаго отношенія къ этому содержанію, такъ что недѣлимое теряетъ сознаніе о своихъ сложныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Сюда относится *магнитическій сомнамбулизмъ* и другія подобныя состоянія.

(*Примѣч. перевод.* Что касается до прибавленія (извлеченіе изъ котораго мы сдѣлаемъ ниже) и примѣчанія къ настоящему §., мы выпускаемъ большую ихъ половину, по совершенному недостатку въ нихъ критики. Ложность фактовъ, которые авторъ пытается объяснить, въ настоящее время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію для всякаго знакомаго съ физіологіею и не заслуживаетъ опроверженія. Въ болѣзненномъ состояніи человѣкъ можетъ утрачивать господство разсудка надъ своими чувствами, давать волю этимъ послѣднимъ и погружаться въ

мечты своего разстроеннаго воображенія. Но все это не составляетъ такъ называемаго ясновидѣнія, не даетъ способности угадывать далекія происшествія,—или переноситься въ чужую душу и читать ея мысли. Человѣкъ какъ членъ природы живетъ ея жизнію, можетъ напр. предчувствовать перемѣну метеорологическихъ явленій, когда болятъ его раны и т. п. А какъ существо сознательное, онъ находится въ сознательномъ общеніи съ другими духовными особями, и только мысль его способна, путемъ размышленія и вѣроятности, угадывать ихъ душевное состояніе. Съ своей стороны, онъ можетъ передавать свои чувства и представленія другимъ лицамъ не иначе, какъ возбуждая ихъ къ умственной самодѣятельности—изображеніемъ, звукомъ, словомъ и иными средствами, дѣйствующими на мысль черезъ посредство чувствъ.

Авторъ сознавалъ эту истину и мы выпишемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ опускаемаго нами *прибавленія*, обнаруживающія здравое пониманіе дѣла.

Во-первыхъ-общія замѣчанія о занимающемъ насъ предметѣ:

« **Въ предыдущихъ формахъ, говоритъ Гегель, сознаніе человѣка совершенно не обнаруживало своей дѣятельности. Теперь эта сознательная жизнь противополагается темной жизни чувства. Отсюда происходитъ нѣкоторое раздвоеніе въ существѣ человѣка и это раздвоеніе составляетъ болѣзнь. Въ физическихъ болѣзняхъ одинъ какой нибудь органъ или цѣлая ихъ система нарушаютъ общую гармонію жизни; иногда вся дѣятельность организма сосредоточивается на этомъ органѣ, превращая его въ болѣзненный наростъ. Такая же болѣзнь происходитъ и тогда, когда душа съ ея темными чувствами выходитъ изъ подъ власти сознанія, пріобрѣтаетъ нѣкоторую независимость, присвоиваетъ себѣ ту дѣятельность, которая по праву принадлежитъ одному сознанію. Тогда духъ, утратившій могущество надъ жизнію чувства, теряетъ самообладаніе, ниспадаетъ на эту низшую ступень и дѣлается неспособенъ анализировать представляющіяся ему внѣшнія впечатлѣнія, и проникать въ дѣйствительную, объективную связь вещей. — Духъ можетъ нисходить на такую**

ступень, потому что душа съ ея самостоятельнымъ міромъ есть тотъ же самый духъ, только на первоначальной ступени своего развитія. Духъ перестаетъ такимъ образомъ двигаться въ элементѣ свободной, всеобщей мысли, и ошибочно принимаетъ свои субъективныя видѣнія за дѣйствительные предметы. Такая душевная болѣзнь не только похожа на болѣзнь физическую, но болѣе или менѣе сопровождается ею, потому что духовная дѣятельность не можетъ совершаться иначе, какъ при посредствѣ матеріальнаго органа; оттого когда происходитъ болѣзненное разъединеніе въ духовной дѣятельности, то такое же болѣзненное напряженіе происходитъ въ матеріальномъ органѣ.

Такое раздвоеніе между сознательною дѣятельностію ума и жизнію души происходитъ во многихъ болѣзняхъ. Почти всякая болѣзнь можетъ дойти до такого болѣзненнаго раздвоенія (или до бреда). Но мы назовемъ только главныя болѣзни этого рода. Сюда относятся: снохожденіе, каталепсія , отроческій періодъ женскаго развитія, беременность , также Виттова пляска, равно какъ и мгновенія приближающейся *смерти*, когда здравое сознаніе постепенно ослабѣваетъ, между тѣмъ какъ низшая жизнь души мало по малу беретъ перевѣсъ (*). — Такое же раздвоеніе можетъ быть обусловливаемо причинами политическими и религіозными. Знаменитымъ примѣромъ такой душевной экзальтаціи служитъ Жанна Д' Аркъ, въ которой замѣчается частію патріотическое одушевленіе чистой, простой души,—частію болѣзненная экзальтація.»

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній авторъ переходитъ къ самому содержанію такихъ. нерѣдко неожиданно проявляющихся чувствъ, знаній, видѣній и проч.

« Во-первыхъ, что касается до предугадыванія и ощущенія *внѣшнихъ предметовъ* природы, нѣкоторые люди чувствуютъ присутствіе воды и метталовъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ

(*) Въ самомъ дѣлѣ, умирающіе нерѣдко въ забытьи высказываютъ такія чувства, симпатіи и антипатіи, которыя они скрывали при жизни,—и которыя, при ослабленномъ сознаніи, невольно напрашиваются имъ на языкъ.—*Примѣч. Перев.*

земли. *Аморетти* увѣряетъ, что онъ видѣлъ до 400 такихъ, большею частію здоровыхъ субъектовъ. Другіе ощущаютъ такимъ же образомъ присутствіе *соли*, потому что большой запасъ этой послѣдней раждаетъ въ нихъ чувство дурноты и одышку.

Далѣе, что касается до собственнаго, *внутренняго* содержанія души, — бываютъ случаи, когда душа воспоминаетъ такіе предметы, которые были давно ею забыты и которые она не въ состояніи припомнить во время бодрствованія. Это бываетъ во многихъ болѣзняхъ. Одни снова получаютъ во время болѣзни способность говорить на такомъ языкѣ, которому они учились въ молодости, но на которомъ они не могутъ объясняться во время бодрствованія. Или люди, привыкшіе легко говорить только на народномъ (напр. нижненѣмецкомъ) нарѣчіи, во время болѣзни свободно говорятъ на языкѣ образованнаго класса (напр. на верхне-нѣмецкомъ). Другіе безошибочно припоминаютъ вещи, которыя они когда-то читали, но не учили наизустъ. Такъ одинъ больной въ бреду прочелъ длинный отрывокъ изъ Юнговыхъ ночей, который онъ, очнувшись, не могъ вспомнить (*).

« Больные ощущаютъ иногда, въ какомъ-то летаргическомъ забытьи, общее настроеніе своего душевнаго и тѣлеснаго состоянія. Эти ощущенія достигаютъ большей или меньшей степени ясности и опредѣленности. Странно было бы ожидать отъ такихъ больныхъ (или отъ такихъ ясновидящихъ, какъ ихъ называютъ,) какихъ нибудь опредѣленныхъ показаній относительно ихъ болѣзни, если они не учились медицинѣ и не имѣютъ свѣдѣній о человѣческомъ организмѣ. Показанія такихъ больныхъ будутъ всегда противорѣчить анатоміи и физіологіи. Напротивъ эти больные съ трудомъ будутъ переводить свои неясныя болѣзненныя ощущенія на языкъ ясныхъ понятій. Они всегда будутъ принаровлять свои

(*) Явленія этого рода находятъ себѣ легкое объясненіе въ горячешномъ состояніи, въ волненіи крови, при которомъ напрягается дѣятельность мозга и психическихъ его отправленій, такъ что эти послѣднія вызываютъ къ бытію такія впечатлѣнія, которыя въ спокойномъ состояніи организма остаются въ человѣкѣ какъ возможность и не достигаютъ дѣйствительнаго существованія (сравн. наше примѣч. къ стр. 133).—*Перев.*

ощущенія къ своимъ болѣе или менѣе сбивчивымъ и невѣрнымъ представленіямъ.

« Какъ различны ощущенія *физическихъ* болѣзненныхъ состояній у такихъ больныхъ, такъ различны и ихъ *душевныя* ощущенія, — столько-же относительно ихъ формы, сколько относительно ихъ содержанія. Въ этомъ болѣзненномъ состояніи выступаютъ наружу сокровенные инстинкты души; а потому благородныя натуры видятъ блаженные сны, передъ ними раскрывается вся полнота лучшей стороны человѣка и нерѣдко представляется имъ подъ видомъ покровительствующаго генія. Натуры низкія обнаруживаютъ въ этомъ состояніи всю свою низость и неудержимо увлекаются ею.»

Выпишемъ еще нѣсколько строкъ объ этомъ такъ называемомъ ясновидѣніи, изъ выпущеннаго нами *Примѣчанія* къ настоящему §.

« Чтобы составить себѣ правильное понятіе о явленіяхъ этого рода, говоритъ авторъ, должно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1. Всякій человѣкъ имѣетъ опредѣленное отношеніе къ дѣйствительному міру и къ другимъ людямъ, вращается въ извѣстной сферѣ интересовъ. Общность всѣхъ этихъ отношеній образуетъ неотъемлемую часть человѣческаго существа, — и выше мы назвали ее *геніемъ* человѣка. Эта сфера ускользаетъ до нѣкоторой степени изъ подъ власти мысли и воли человѣка и когда онъ отдается своимъ непосредственнымъ чувствамъ, онъ утрачиваетъ свою духовную свободу. Изъ этого слѣдуетъ, что т. н. ясновидящіе не могутъ выйдти изъ тѣснаго круга своихъ привычныхъ интересовъ и отношеній или изъ своего *ограниченнаго индивидуальнаго міра*. Чтобъ вращаться въ области научныхъ свѣдѣній, философскихъ понятій и общихъ истинъ, должно выйдти изъ темной области чувствъ и возвыситься до свободнаго сознанія, или до мышленія. А потому безразсудно ожидать отъ ясновидящихъ откровенія какихъ либо высокихъ идей.

2. Человѣкъ находящійся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, вноситъ свѣтъ сознанія и разсудка въ этотъ внутренній міръ своей души. Онъ сознаетъ свое отношеніе къ этому

внутреннему міру, а равно и къ *міру внѣшнему*, изъ котораго первый произошелъ; онъ умѣетъ приводить явленія внѣшняго міра въ разумную связь и зависимость другъ отъ друга. Когда онъ хочетъ привесть въ исполненіе свои субъективныя намѣренія, планы и проч., онъ наблюдаетъ ихъ отношеніе къ внѣшнему міру, къ тѣмъ *средствамъ*, при помощи которыхъ онъ можетъ осуществить ихъ въ дѣйствительности, идущей своимъ размѣреннымъ ходомъ (сравн. § 398. Примѣч.).

Человѣкъ находится въ совершенной зависимости отъ этого внѣшняго міра; его душа сплѣтена изъ нитей, теряющихся въ этомъ мірѣ,—и всѣ чувства, которыя человѣкъ имѣетъ, состоятъ не изъ чего другаго какъ изъ этихъ самыхъ нитей; когда порываются эти нити, онъ впадаетъ въ изнурительныя болѣзни и дѣлается равнодушенъ къ окружающей дѣйствительности, если не поддержитъ его религія, разсудокъ и сила характера. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлается болѣе независимъ и рѣже впадаетъ въ тѣ болѣзненныя состоянія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. —Въ доказательство этой тѣсной связи съ внѣшнимъ міромъ можно привести общеизвѣстные случаи, когда оставшіеся въ живыхъ послѣ смерти любимыхъ родственниковъ, друзей и проч. умираютъ, или впадаютъ въ изнурительныя болѣзни. (Такъ Катонъ не могъ жить, когда погибла римская республика, потому что его кругозоръ не былъ ни шире, ни выше окружавшей его дѣйствительности). Сюда же относится тоска по родинѣ и т. п.

3. Въ этихъ болѣзненныхъ состояніяхъ (въ магнитическомъ снѣ, каталепсіи и другихъ болѣзняхъ, какъ напр. во время женскаго развитія, близости смерти и проч.), сознаніе человѣка и его отношеній къ наполняющему его внѣшнему міру остается темнымъ, и душа погружается въ сонъ; а потому душа, погружаясь въ этотъ свой внутренній міръ, живетъ *жизнію чувства*. Сознаніе, сохраняющее въ нѣкоторой мѣрѣ свою привычную, разсудочную дѣятельность, созерцаетъ и связываетъ содержаніе этого міра, но оно не превращаетъ его во внѣшній объектъ, въ предметъ міра дѣйствительнаго. Такой субъектъ есть монада, приводящая къ

сознанію свой внутренній міръ,—или онъ есть геній, созерцающій самого себя.»

Вотъ все, что заслуживаетъ быть сохраненнымъ изъ довольно обширнаго трактата Гегеля о предметѣ, насъ занимающемъ, именно о *душѣ, какъ цѣлости индивидуальныхъ чувствъ*.

Но нельзя оставить безъ возраженія нѣкоторыхъ, самыхъ существенныхъ его положеній, при помощи которыхъ онъ ищетъ оправдать такія явленія, ложность которыхъ не подлежитъ, какъ мы сказали, никакому сомнѣнію. Эти положенія нисколько не вяжутся съ основными началами антропологіи и только подрываютъ, въ людяхъ мало-знакомыхъ съ идеями автора, довѣріе къ его общимъ началамъ, какъ будто исходя изъ нихъ, можно оправдывать такія вещи, какъ ясновидѣніе и явленія животнаго магнитизма.

Замѣчательную черту ясновидящаго знанія, говоритъ Гегель въ томъ же примѣчаніи, составляетъ то, что оно не нуждается ни въ какихъ посредствахъ, чтобы знать и созерцать факты міра дѣйствительнаго; геній человѣка безпрепятственно погружается въ самую сущность вещей, не имѣя надобности восходить до нея рядомъ ступеней и условій неизбѣжныхъ для бодрствующаго сознанія, и не останавливаясь передъ тѣми предѣлами, которые полагаются индивидууму его личнымъ положеніемъ. Вотъ почему это знаніе можно назвать *ясновидѣніемъ*. — Впрочемъ это ясновидѣніе всегда остается болѣе или менѣе смутнымъ; его содержаніе не доходитъ до степени отчетливыхъ и связныхъ представленій,— а потому оно можетъ подвергаться всѣмъ случайностямъ чувства, воображенія и проч. По этому нельзя рѣшить, чего больше въ видѣніяхъ ясновидящихъ, правды или безсознательной лжи; и было бы безразсудно полагать что въ этомъ состояніи духъ возвышается и дѣлается способенъ открывать общія идеи.»

Авторъ заключаетъ эти размышленія слѣдующими словами: « для разсудка и рефлексіи, *понимать*— значитъ узнавать рядъ посредствующихъ звеньевъ, связывающихъ одно явленіе или фактъ съ другими явленіями или фактами,—или проникать въ такъ называемый естественный порядокъ вещей, т. е.

порядокъ , соотвѣтствующій основнымъ законамъ разсудка (напр. отношенію причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія и проч.). Напротивъ, полу-сознательная жизнь чувства, замѣчаемая въ болѣзняхъ нами исчисленныхъ, есть непосредственная жизнь и *непосредственное знаніе*; здѣсь субъектъ не дѣлаетъ различія между субъективнымъ и объективнымъ значеніемъ своихъ видѣній, онъ не различаетъ себя отъ предметовъ внѣшняго міра и относится къ нему иначе чѣмъ въ актѣ сознательнаго мышленія. Между ними нѣтъ противоположности, но есть самая тѣсная связь. Чтобы понять такую связь, должно выкинуть изъ ума представленіе о совершенной раздѣльности лицъ между собою и внѣшнимъ міромъ, и должно взять во вниманіе способность духа торжествовать надъ разобщенностію пространства и времени и надъ непроницаемостію матеріи.»

Опираясь на эти положенія, Гегель разсматриваетъ видѣнія отдаленныхъ предметовъ, событій прошедшихъ и будущихъ, способность непосредственно проникать въ душевное и тѣлесное состояніе другихъ субъектовъ и наконецъ явленія магнитическаго вліянія со всѣми курьезными диковинками, обыкновенно передаваемыми по этому поводу простодушными людьми или шарлатанами.

На это должно сказать, что, съ точки зрѣнія самаго автора, чувствующая душа есть низшая ступень развивающагося духа. Развитой духъ, или развитая индивидуальная мысль, нисходя на эту низшую ступень и отдаваясь произволу чувствъ, не можетъ однакожъ измѣнить кореннымъ условіямъ своей природы. Погружаясь въ свой внутренній міръ, человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ проникать въ происшествія и событія, не коснувшіяся прежде его души и не вошедшія въ число тѣхъ нитей, которыя связываютъ его съ внѣшнимъ міромъ. Вообще нѣтъ ничего противнѣе здравымъ философскимъ понятіямъ, какъ вырывать какую нибудь способность или дѣятельность изъ ея органической связи съ прочими способностями и дѣятельностями и надѣлять ее полною самостоятельностію. Такъ дѣлаютъ естествоиспытатели съ различными свойствами матеріи;

въ этомъ не разъ упрекаетъ Гегель; но точно такъ поступаетъ самъ онъ въ настоящемъ случаѣ съ непосредственною жизнію чувства. Въ развитіи духа, какъ оно изображается Гегелемъ, область чувствъ лежитъ между двухъ крайнихъ полюсовъ,—между *ощущеніемъ* и сознательнымъ *мышленіемъ*. Относительно этого послѣдняго авторъ выше замѣтилъ, что духъ, развившійся изъ природы, является до крайности неблагодарнымъ (als souveraine Undankbarkeit), потому что онъ отрицаетъ самостоятельное существованіе той сферы, изъ которой онъ произошелъ. Тѣмъ не менѣе, эта высшая, по видимому простая, всеобщая дѣятельность духа, движущаяся въ элементѣ самой себя, существуетъ и проявляется только въ условіяхъ, налагаемыхъ на нее природою и физическою организаціею человѣка. Какъ мыслительная дѣятельность не можетъ совершаться иначе какъ при посредствѣ матеріальнаго органа, точно также она требуетъ совмѣстнаго или предварительнаго дѣйствія органовъ чувства и низшихъ психическихъ отправленій организма—ощущенія, созерцанія, представленія и проч. Словомъ, она можетъ совершаться только въ предѣлахъ, поставляемыхъ человѣку его духовно-тѣлесною природою. «Все содержаніе сознанія и разума, говорилъ выше Гегель (см. §. 400. Примѣч.) имѣетъ своимъ *источникомъ* ощущеніе и *происходитъ* изъ него, — потому что источникомъ и происхожденіемъ всякаго предмета служитъ та непосредственная форма, въ которой онъ первоначально является.» Такимъ же образомъ въ логикѣ онъ сказалъ, что спекулятивная философія только по недоразумѣнію отвергала положеніе: *nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu* (§. 3. Примѣч.) Ощущеніе составляетъ такое же неизбѣжное условіе для дѣятельности чувства, какъ и для дѣятельности сознательной мысли. Мы видѣли, что разнообразное содержаніе

ощущеній усвоивается нами, западаетъ въ нашу душу и образуетъ наполняющій ее внутренній міръ. Поэтому, въ соотвѣтствіе съ предыдущимъ, можно постановить правило: *nihil est in sentimento, quod non prius fuerit in sensu*. Такимъ образомъ субъективныя видѣнія человѣка не выходятъ изъ законовъ его духовной и физической организаціи. Понятно напр. что человѣкъ, который приводитъ къ сознанію свой внутреный міръ и ежедневно имѣетъ дѣло съ самимъ собою; можетъ вообразить себѣ его двойника (въ т. н second-sight). Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но переноситься мыслію и чувствомъ онъ можетъ только въ такія событія и происшествія внѣшняго міра, которыя дошли до его глаза, слуха и т. п.

Что касается до психической связи между независимыми индивидуумами, естественна тѣсная связь и вліяніе матери на утробнаго младенца, потому что этотъ послѣдній составляетъ часть ея существа,—не болѣе какъ одинъ изъ ея органовъ. Но какъ скоро ребенокъ родился, онъ становится существомъ, живущимъ собственною жизнію, существомъ вполнѣ самостоятельнымъ тѣлесно и духовно. По этому всякій человѣкъ способенъ только *самъ* воспринимать впечатлѣнія, поражающія органы его чувствъ, и читать мысли, рождающіяся въ его мозгу. Никто другой не можетъ переноситься непосредственно въ душу человѣка; онъ можетъ дѣлать о ея состояніи только *заключенія*, основанныя или на внѣшнихъ признакахъ, его выражающихъ, или на аналогіи, на собственномъ опытѣ, на представленіи того, каково было бы его собственное состояніе въ данныхъ обстоятельствахъ, отчего люди всегда готовы судить о другихъ по самимъ себѣ, и т. п.

Такимъ же образомъ передача собственныхъ чувствъ и представленій отъ одного-субъекта другому можетъ совершаться

только при посредствѣ умственной самодѣятельности этого послѣдняго. Душевное настроеніе человѣка постоянно находится подъ вліяніемъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ его чувствами; къ числу такихъ впечатлѣній относятся и различныя проявленія чувствъ и мыслей другихъ людей. Но созерцаніе безмолвной сцены всегда вызываетъ въ насъ недоумѣніе и смущеніе, если эта сцена для насъ не осмыслена, если мы не можемъ проникнуть въ ея мысль. Только тогда, когда въ нашемъ умѣ раждается *мысль* соотвѣтствующая видѣнному или слышанному, эта мысль способна вызвать въ насъ то или другое настроеніе. Такимъ образомъ разсказы о симпатіяхъ объясняются очень естественно вліяніемъ нашихъ собственныхъ мыслей на наше душевное состояніе: такимъ же образомъ, не махинаціи и манипуляціи магнитизера способны расположить душу къ откровенности, къ болтливости, но тѣсный дружескій кружокъ или тому подобное; не они вызываютъ видѣнія и фантазіи, а экзальтація разстроенной нервной системы, устрашающая обстановка и т. п.,—точно также какъ чтеніе поражающихъ разсказовъ, или различные физическіе и лекарственные дѣятели и т. д.

Человѣкъ часто не можетъ выносить пристальныхъ взглядовъ другаго, чувствовать антипатію къ человѣку весьма мало ему извѣстному,—но это потому что эти взгляды, одинъ видъ человѣка раждаютъ въ немъ быть-можетъ несознанную мысль, или непріятное чувство, которое большею частію напоминаетъ такія же чувства, сопровождавшія первое знакомство съ человѣкомъ, или почему-либо вызываетъ воспоминаніе о подобномъ же чувствѣ.

Такимъ образомъ вліяніе одного человѣка на другаго никогда не бываетъ непосредственное; оно всегда совершается черезъ посредство собственныхъ мыслей и представленій, вызываемыхъ въ субъектѣ обстоятельствами и средствами, *способными породить ихъ*. Если бываютъ случаи общаго настроенія цѣлой массы людей, когда—какъ выражаются—чувство перебѣгаетъ точно электрическая искра отъ одного къ другому, то это также потому что извѣстныя обстоятельства вызываютъ въ каж-

домъ одно и тоже *умственное* настроеніе, такъ что передача совершается не черезъ зараженіе и магическое дѣйствіе, а черезъ самодѣятельность мысли въ каждомъ отдѣльномъ недѣлимомъ).

β) *Самочувствіе.*

§ 407.

1) Душа недѣлимаго необходимо различается въ самой себѣ; съ одной стороны она имѣетъ разнообразныя *чувства*, а съ другой стороны она соотноситъ ихъ къ самой себѣ какъ къ *субьекту*. Субъектъ признаетъ ихъ *своими собственными* опредѣленіями. Онъ погружается въ тѣ или другія особенныя ощущенія, которыя онъ вноситъ въ свое внутреннее единство. И такъ всякій разъ когда субъектъ имѣетъ какое нибудь *особенное чувство*, въ немъ пробуждается *самочувствіе*.

§ 408.

2) Самочувствіе какъ духовное состояніе нераздѣльно съ *непосредственными* опредѣленіями природы или тѣла; самыя чувства суть особенныя опредѣленія души, и потому они связаны съ извѣстными органами тѣла. Поэтому, когда сознательная дѣятельность субъекта принимаетъ эту форму, т. е. когда субъектъ погружается въ какое нибудь *особенное* опредѣленіе своего духа и теряетъ сознаніе о его связи съ остальными элементами духа, онъ впадаетъ *въ болѣзнь*. Въ здоровомъ состояніи духа, субъектъ сознаетъ свое индивидуальное положеніе и свою связь съ внѣшнимъ міромъ; онъ наблюдаетъ правильныя отношенія между предметами внѣшняго міра и располагаетъ свою дѣятельность согласно всѣмъ этимъ условіямъ. Но какъ скоро онъ погружается въ какое нибудь особенное состояніе духа, онъ не приводитъ свои представленія и свои мысли объ этихъ предметахъ въ ту связь и зависимость, какую они должны имѣть въ субъектѣ, какъ маломъ мірѣ. Въ этомъ случаѣ систематическая цѣлость сознанія находится *въ противорѣчіи* съ тою особен-

ною неподвижною опредѣленностію духа, которая утратила свою связь и свою зависимость отъ прочихъ мыслей и представленій. Это состояніе есть *сумасшествіе*.

Примѣч. Изслѣдуя сумасшествіе, мы принуждены уже касаться развитаго сознанія, потому что субъектъ, который погруженъ въ свое чувство и въ которомъ пробудилось самочувствіе, различается только степенью своего развитія отъ самосознающаго субъекта. Когда самосознаніе нисходитъ на эту низшую ступень, свобода его субъективной мысли находится въ противорѣчіи съ тѣмъ особеннымъ содержаніемъ, которое теряетъ свою зависимость отъ прочихъ мыслей и представленій, и дѣлается постояннымъ чувствомъ субъекта; оно нераздѣльно отъ его самочувствія. Свободный духъ самъ-по-себѣ былъ бы неспособенъ подвергаться этой болѣзни. Прежняя метафизика смотрѣла на духъ только какъ на *вещь*. Хотя такое опредѣленіе духа очень недостаточно, тѣмъ не менѣе духъ, какъ вещь, *погруженъ въ тѣло*, онъ проявляется *въ его непосредственныхъ состояніяхъ*,—и вотъ почему онъ можетъ впадать въ ограниченное, конечное состояніе, выражающееся сумасшествіемъ. Духъ впадаетъ въ это состояніе, по скольку онъ связанъ съ тѣломъ,— и вотъ почему сумасшествіе есть болѣзнь психическая, т. е. духовная и тѣлесная вмѣстѣ. Она можетъ происходить вслѣдствіе разстройства какъ души, такъ и тѣла, и исцѣляется то духовными, то лекарственными средствами.

Въ здоровомъ, трезвомъ состояніи духа, человѣкъ сознаетъ внутреннюю связь представленій и мыслей, образующихъ его индивидуальный міръ. Онъ господствуетъ надъ своими ощущеніями, представленіями, желаніями, склонностями и проч. и приводитъ ихъ въ надлежащую зависимость другъ отъ друга. Его душа властвуетъ какъ *индивидуальный геній* надъ всѣмъ этимъ *частнымъ* содержаніемъ. Она приводитъ въ систематическую зависимость все это содержаніе, которое теряетъ свою связь въ сновидѣніяхъ. Напротивъ въ сумасшествіи человѣкъ такъ-сказать имѣетъ сновидѣнія во время бодрствованія, потому что эти сны нераздѣльны съ его самочувствіемъ.—Когда мы заблуждаемся, мы дѣлаемъ послѣдовательную ошибку въ нашихъ умозаключеніяхъ, повинующихся закону необходимости.

Но въ данномъ случаѣ часто трудно различить гдѣ кончается заблужденіе и начинается сумасшествіе. Такъ предаваясь какой нибудь сильной, но мелочной страсти, напр. ненависти, человѣкъ теряетъ самообладаніе, онъ дѣйствуетъ слѣпо, наперекоръ благоразумію, такъ что можетъ показаться безумнымъ. Впрочемъ, въ сумасшествіи сознательная свобода духа уступаетъ мѣсто *неподвижному* чувству или ощущенію, которое составляетъ непосредственное состояніе духа, надъ которымъ субъектъ теряетъ всякую власть.

Къ числу предметовъ, ускользающихъ такимъ образомъ изъ подъ власти субъекта, относятся эгоистическія движенія сердца, тщеславіе, гордость и другія страсти,—фантазіи, надежды,—любовь и ненависть. Въ сознательномъ, здоровомъ состояніи духа эти немощи, эти непосредственныя побужденія природы скрыты, — хотя они живутъ въ сердцѣ, потому что сердце, предоставленное самому себѣ или своимъ естественнымъ инстинктамъ, всегда эгоистично. Но въ сумасшествіи они ускользаютъ изъ подъ власти ума и общихъ теоретическихъ или нравственныхъ началъ; они выдвигаются вопреки и наперекоръ лучшимъ и сознательнымъ началамъ, въ тоже время живущимъ въ человѣкѣ. Здѣсь беретъ перевѣсъ злой генiй человѣка, т. е. это состояніе есть бѣдственное и печальное раздвоеніе человѣческаго существа.

Вотъ почему самое леченіе этой болѣзни должно быть *психическое*; но не должно терять изъ виду , что сумасшествіе есть не отвлеченная *потеря* ума, — т. е. разсудка, воли и вмѣняемости, но именно сумасшествіе (въ этимологическомъ значеніи этого слова),—т. е. раздвоеніе еще сохраняющихся умственныхъ силъ. Такъ физическая болѣзнь есть не отвлеченная или полная потеря здоровья (такою была бы смерть),—а противорѣчіе нормальному отправленію организма. Мы обязаны *Пинелю* большою признательностію за распространеніе человѣколюбиваго , т. е. кроткаго и вмѣстѣ разумнаго обращенія съ больными;—онъ смотритъ на больнаго какъ на разумное существо, и потому старается дѣйствовать на него психическими средствами , вспомоществующими лекарственнымъ средствамъ, дѣйствующимъ на физическій организмъ , который

можетъ выздоровѣть, хотя и находится въ болѣзненномъ состояніи.

Приб. Для поясненія этого параграфа можно замѣтить слѣдующее:

Уже прежде (въ приб. къ §. 402) мы сказали, что сумасшествіе составляетъ одну изъ ступеней, посредствомъ которыхъ душа, находящаяся въ борьбѣ съ ея непосредственными чувствами, восходитъ на ступень *сознанія*, — т. е. на ступень *простаго самообладающаго субъекта*, который господствуетъ надъ разнообразнымъ содержаніемъ мысли и сознаетъ его. И такъ, сумасшествіе составляетъ извѣстную форму, или ступень въ развитіи души. Но не должно думать чтобы каждая душа, или каждое сознаніе должно было пройдти черезъ это состояніе крайняго раздвоенія съ самимъ собою. Утверждать это было бы также нелѣпо, какъ напр. сказать, что философія права утверждаетъ, будто всякій человѣкъ долженъ сдѣлаться преступникомъ, потому что она разсматриваетъ преступленіе какъ одно изъ явленій человѣческой воли. Человѣческій духъ, въ своемъ общемъ развитіи, долженъ восторжествовать надъ такими крайностями, каковы сумасшествіе и преступленіе; но не во всякомъ человѣкѣ онѣ достигаютъ своего крайняго выраженія,—а остаются на степени *ограниченностей*, *заблужденій*, *странностей*, — и легкихъ проступковъ. Этого достаточно, чтобы оправдать нашъ взглядъ на сумасшествіе какъ на извѣстную ступень въ развитіи души.

Что касается до самой сущности сумасшествія, мы уже указали ее, когда говорили о различіи его отъ т. н. магнитическихъ состояній, составляющихъ первую степень чувствующей души (въ приб. къ § 405). Въ сумасшествіи, темные, естественные инстинкты души уже не смѣшиваются съ ея сознательною жизнію—но являются въ рѣзкой противоположности съ этою послѣднею. Мы разсмотримъ здѣсь это состояніе подробнѣе, чтобы подтвердить сказанное нами и показать, почему, разсмотрѣвши сомнамбулизмъ и другія подобныя состоянія, мы должны были перейдти къ сумасшествію.

Въ душѣ, какъ мы знаемъ, существуетъ внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны она есть индивидуальный, единичный субъектъ; — а съ другой стороны она живетъ общею жизнію природы, жизнію субстанціи. Это противорѣчіе должно привести къ полной противоположности этихъ двухъ сторонъ. Въ сомнамбулизмѣ субъективная жизнь души была нераздѣльна отъ ея естественныхъ инстинктовъ. Въ сумасшествіи субъективная жизнь души становится въ рѣзкое противорѣчіе съ естественнымъ ходомъ вещей; здѣсь душа смотритъ на внѣшній міръ съ своей особенной, исключительной, а потому формальной и пустой субъективной точки зрѣнія и не замѣчаетъ противорѣчія между воображаемою и дѣйствительною связью предметовъ. Душа отдѣлилась отъ внѣшняго міра, но еще не успѣла дать своей субъективной мысли внутреннюю полноту и гармонію съ объективнымъ міромъ. Она достигаетъ этой полноты и этой гармоніи только тогда, когда восходитъ на ступень разумнаго, *мыслящаго* сознанія. Когда я сдѣлался существомъ *разумнымъ*, *мыслящимъ*, я не только сознаю *себя* и придаю объективное значеніе моимъ *субъективнымъ мыслямъ*,—но въ тоже время я свободно отношусь къ этому *объекту* и провѣряю связь наполняющихъ его предметовъ. Чтобы достигнуть такого свободнаго отношенія къ своему внутреннему міру, я не долженъ относиться страдательно къ своимъ *непосредственнымъ чувствамъ* и *ощущеніямъ*, но я долженъ привести ихъ въ согласованіе съ остальными своими знаніями и представленіями, долженъ дать имъ необходимую связь и зависимость въ объективномъ сцѣпленіи событій, — я долженъ умѣть отдѣлять ихъ отъ себя и самому освобождаться изъ подъ власти непосредственныхъ впечатлѣній и чувствованій. Но въ томъ случаѣ, который мы теперь разсматриваемъ, душа еще не можетъ восторжествовать надъ своими независимыми ощущеніями. Она непосредственно довѣряетъ своимъ субъективнымъ впечатлѣніямъ и приписываетъ имъ внѣшнее, объективное значеніе. Сумасшедшій можетъ правильно понимать разумную, объективную связь между предметами, но только тогда, когда онъ выходитъ изъ круга своего умопомѣшательства. Въ немъ существуютъ какъ бы двѣ личности:

одна дѣйствуетъ разумно, сознательно, разсудительно: она остается средоточіемъ своего *объективнаго* міра. Другая остается погруженною въ свои исключительныя субъективныя ощущенія, которымъ она ошибочно придаетъ объективное значеніе. Сумасшедшіе обнаруживаютъ свое здравое пониманіе вещей во многихъ случаяхъ: такъ они знаютъ иногда, что находятся въ домѣ умалишенныхъ, они узнаютъ своихъ надсмотрщиковъ, сознаютъ что ихъ окружаютъ сумасшедшіе, часто смѣются надъ взаимными причудами; они исполняютъ разныя работы и даже ихъ самихъ назначаютъ надсматривать надъ другими умалишенными. Но въ тоже время они на яву имѣютъ сновидѣнія и погружены въ одно какое нибудь представленіе, которое по видимому несовмѣстимо съ ихъ здравымъ пониманіемъ остальныхъ вещей. Этотъ сонъ на яву имѣетъ нѣчто схожее съ сомнамбулизмомъ; но между этими двумя состояніями есть и различіе. Въ сомнамбулизмѣ обѣ личности, совмѣщающіяся въ одномъ индивидуумѣ, совершенно раздѣльны; двойство личностей, или двойство сознанія — сомнамбулическаго и бодрствующаго—обнаруживается здѣсь въ двухъ различныхъ состояніяхъ. Напротивъ, въ сумасшествіи, обѣ личности проявляютъ себя не въ двухъ разныхъ состояніяхъ, но въ томъ же самомъ состояніи. Эти повидимому несовмѣстимыя личности, эти двѣ различныя жизни — жизнь души и жизнь яснаго сознанія—взаимно соприкасаются и знаютъ одна о другой. Слѣдовательно сознаніе сумасшедшаго даетъ въ себѣ мѣсто своей совершенной противоположности, — безсознательной жизни души. Сумасшедшій не можетъ восторжествовать надъ этою послѣднею; онъ не можетъ привести къ единству то раздвоеніе, которому онъ подвергается. Здѣсь субъектъ не можетъ возстановить своего внутренняго согласія и гармоніи съ самимъ собою; въ своемъ собственномъ умѣ онъ дѣлится на двѣ противоположныя личности.

Мы должны еще опредѣленнѣе разсмотрѣть эту разорванность, это тожество духа въ его противоположностяхъ.

Во первыхъ, душа погружается здѣсь уже въ болѣе развитыя формы духа, нераздѣльнаго отъ природы, чѣмъ тѣ

формы, которыя представлялись намъ доселѣ. Во вторыхъ, единство субъекта, торжествующее надъ этими ограниченными состояніями души, тоже болѣе развито и болѣе конкретно, чѣмъ тѣ формы душевнаго единства, которыя мы имѣли случай разсматривать до сихъ поръ.

Итакъ, во первыхъ, непосредственныя состоянія, въ которыя погружена душа сумасшедшаго, выше тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній и ощущеній; которыя составляли до сихъ поръ предметъ нашихъ изслѣдованій.

Во вторыхъ, съ одной стороны, въ сумасшествіи душа погружается въ какое нибудь ощущеніе, *безъ участія разсудка и разума*. Такъ, не будучи сумасшедшими, мы иногда добровольно налагаемъ на себя нѣкоторыя обременительныя *тягости*. Но мы становимся сумасшедшими, когда подвергаемъ себя тѣмъ же самымъ непріятностямъ, хотя онѣ нисколько не оправдываются никакою разумною цѣлію. Напр. нельзя не считать сумасшествіемъ путешествія Индійцевъ ползкомъ на четверенькахъ, предпринимаемыя ими въ отдаленныя страны.

Но съ другой стороны то душевное состояніе, въ которое погружена душа въ сумасшествіи, обнаруживаетъ также *участіе разсудка*. Мы разсмотримъ эту тѣсную связь между противоположными видами жизни духа, чтобы показать различіе этого состоянія отъ *заблужденій* и *странностей*, свойственныхъ здоровому, разумному сознанію человѣка.

Чтобы объяснить ихъ разницу, мы напомнимъ слѣдующее. Душа еще не дѣлаетъ различія между субъективнымъ и объективнымъ значеніемъ своихъ ощущеній. Но какъ скоро она восходитъ на ступень *сознанія*, она противополагаетъ свою мысль внѣшнему міру. Въ сущности эти два міра тожественны (еще Спиноза сказалъ, что *ordo rerum atque idearum idem est*); но разсудокъ признаетъ, что они противоположны и независимы. Вотъ почему сознаніе, размышляя о мірѣ, встрѣчаетъ въ немъ одни конечные и случайные предметы, которые внѣшни другъ другу и не имѣютъ никакой связи между собою. Всѣ эти предметы, въ ихъ

непосредственности, разобщены, случайны, даны извнѣ и преднаходятся мыслію. Я превращаю весь этотъ матеріалъ данный ощущеніями—въ мои *представленія* и въ тоже время придаю ему значеніе *внѣшняго предмета*. Но какъ скоро я обращаю на него дѣятельность моего *разсудка* и *разума*, я перестаю смотрѣть на него какъ на совокупность безсвязныхъ и случайныхъ предметовъ, я стараюсь привести его части во взаимное соотношеніе, поставить ихъ въ зависимость другъ отъ друга и понять его необходимость. Когда я поступаю такимъ образомъ, я нахожусь *въ своемъ умѣ*—и то содержаніе, которое наполняетъ меня, получаетъ объективное значеніе. Во всѣхъ нашихъ *теоретическихъ* стремленіяхъ, мы ищемъ дать предмету нашего изслѣдованія эту форму необходимости; мы покоряемся той же необходимой послѣдовательности и въ нашихъ *практическихъ* дѣйствіяхъ. Такъ если я хочу перевесть мои субъективныя цѣли и интересы, т. е. исходящія отъ меня самого представленія, въ міръ объектовъ—и если я хочу дѣйствовать со смысломъ, я долженъ составить вѣрное и правильное представленіе о томъ внѣшнемъ матеріалѣ, который долженъ послужить мнѣ для осуществленія моихъ намѣреній. Но этого еще мало: чтобы дѣйствовать со смысломъ, я долженъ также составить себѣ вѣрное и правильное представленіе о самомъ себѣ, т. е. о своемъ индивидуальномъ положеніи въ мірѣ, о своемъ отношеніи къ вещамъ и лицамъ и т. п.

Конечно я могу *ошибаться* въ моемъ сужденіи о самомъ себѣ и о внѣшнемъ мірѣ. Люди неразсудительные имѣютъ много пустыхъ субъективныхъ представленій и неисполнимыхъ желаній, которыя они надѣются осуществить въ будущемъ. Они не думаютъ объ отношеніи своихъ цѣлей и интересовъ къ дѣйствительности, держутся одностороннихъ началъ и приходятъ въ *разладъ* съ міромъ. Но такое *заблужденіе*, такая *ограниченность* еще не составляютъ сумасшествія, коль скоро эти неразсудительные люди сознаютъ, что ихъ субъективныя намѣренія еще не перешли въ міръ объектовъ. Заблужденіе и неразсудительность переходятъ въ сумасшествіе, если человѣкъ убѣжденъ что его субъективныя представленія осуществлены въ дѣйствительности и

на этомъ основаніи отвергаетъ истинную, совершенно противную дѣйствительность. Сумасшедшіе также твердо вѣрятъ въ свои субъективныя представленія, какъ во внѣшній міръ; все ихъ бытіе, достовѣрность ихъ собственнаго существованія тѣсно связаны съ такими ложными представленіями, какъ напр. когда они принимаютъ себя за другаго человѣка и т. п. Если кто нибудь говоритъ вещи, противныя здравому смыслу, ему обыкновенно напоминаютъ о его индивидуальномъ положеніи, о всѣхъ его отношеніяхъ къ міру. Если онъ, не смотря на сознаніе этой внѣшней связи, продолжаетъ упорствовать въ своемъ ложномъ представленіи, то нельзя сомнѣваться въ его сумасшествіи.

Изъ предыдущаго видно, что сумасшедшій принимаетъ свои *пустыя представленія*, т. е. отвлеченныя возможности, за конкретныя и дѣйствительныя вещи: потому что, создавая себѣ такое представленіе, онъ не обращаетъ вниманія на свое конкретное положеніе въ дѣйствительномъ мірѣ. Такъ напр. если я, будучи далекъ отъ того чтобы быть королемъ, однакожъ принимаю себя за короля, то это ложное представленіе, противорѣчащее насущной дѣйствительности, обличаетъ сумасшествіе; ибо оно основано на той *неопредѣленной общей возможности* что человѣкъ вообще можетъ быть королемъ; вслѣдствіе чего я и принимаю себя за короля.

Но почему можетъ возникнуть во мнѣ такое особенное представленіе, несовмѣстимое съ моимъ дѣйствительнымъ положеніемъ? Потому что мое сознаніе вначалѣ совершенно отвлеченно, неопредѣленно и вслѣдствіе того открыто для всякаго возможнаго содержанія. На этомъ основаніи я могу представить себѣ самыя противоестественныя вещи, напр. я могу принимать себя за собаку (въ сказкахъ встрѣчаются же превращенія людей въ собакъ); или я могу вообразить себѣ что я способенъ летать, потому что мѣста для летанія довольно и другія живыя существа одарены этою способностію. Но если связь въ моихъ мысляхъ не порвалась, если я приму во вниманіе другія, мнѣ извѣстныя обстоятельства, напр. если я вспомню о своей тяжести, я увижу что мнѣ невозможно летать. Только человѣкъ способенъ разумѣть себя какъ такую отвлеченную сознательную личность (напр.

когда онъ говоритъ отъ лица своего Я) и вотъ почему онъ имѣетъ такъ сказать *преимущество* сумасшествія и умопомѣшательства. Но конкретное, развитое самосознаніе впадаетъ въ это болѣзненное состояніе только тогда, когда оно ниспадаетъ на ступень этого отвлеченнаго, страдательнаго, безсильнаго сознанія (Я = Я). Сошедши на эту ступень, самосознаніе теряетъ свою абсолютную власть надъ системою своихъ представленій, оно утрачиваетъ способность давать надлежащее мѣсто каждому новому впечатлѣнію, входящему въ душу, оно перестаетъ давать себѣ отчетъ въ каждомъ новомъ представленіи; оно само подчиняется особенному, субъективному представленію, оно теряетъ самообладаніе, и *выходитъ изъ себя,—сдвигается съ средоточія, опредѣленнаго ему его индивидуальнымъ положеніемъ.* Но сохраняя еще нѣкоторое сознаніе о своемъ положеніи, оно гнѣздится *въ двухъ центрахъ:* въ остаткахъ здороваго сознанія—и въ своемъ ложномъ представленіи.

Въ сумасшествіи, отвлеченное или всеобщее Я становится въ неразрѣшимое противорѣчіе съ отдѣльнымъ представленіемъ, порвавшимъ всякую связь съ остальными представленіями. Здѣсь утрачивается полнота сознанія и это послѣднее порабощено неподвижнымъ представленіемъ. Съ другой стороны, отвлеченное сознаніе съ неподвижнымъ представленіемъ, въ немъ утвердившимся, становится въ неразрѣшимое противорѣчіе съ объективнымъ міромъ. Разумъ, достигшій до полнаго пониманія предмета, справедливо утверждаетъ о себѣ: *что̀ я мыслю, то̀ истинно.* Сумасшедшій дѣлаетъ ложное примѣненіе изъ этого положенія и фактически дѣлаетъ его неистиннымъ.

Кстати здѣсь можно замѣтить, что разсудокъ оспариваетъ выше приведенное положеніе и утверждаетъ абсолютную противоположность между міромъ субъективныхъ мыслей и міромъ объектовъ. Но здравый смыслъ нашихъ ощущеній одинаково отвергаетъ и эту мнимую разсудительность и ту путаницу представленій, которая является въ сумасшествіи, потому что наши ощущенія фактически совмѣщаютъ въ себѣ субъективное значеніе съ значеніемъ объективнымъ. Но, какъ мы уже сказали, только разумъ, достигшій до истин-

наго пониманія вещей, даетъ этому единству его истинную форму. Только разумная мысль облекаетъ истинное содержаніе предметовъ въ истинную форму; въ ней мыслимое и сущее совершенно тожественны. Сумасшедшій приписываетъ своимъ субъективнымъ представленіямъ объективное значеніе; но эти представленія пусты и отвлеченны и потому они не соотвѣтствуютъ истинному содержанію дѣйствительнаго міра.

Мы уже сказали и повторяемъ опять что сумасшествіе есть *болѣзнь какъ духа такъ и тѣла*. Субъективныя состоянія получаютъ здѣсь значеніе непосредственныхъ объектовъ; они не возведены въ ясныя и связныя мысли. Субъектъ самочувствія, подвергающійся этой болѣзни, не возвышается до самосознанія; онъ остается погруженъ въ природу, въ тѣло и связанъ съ ними своимъ бытіемъ. Вотъ почему его непосредственныя чувства могутъ утвердиться въ немъ, порвать свою связь съ другими подобными состояніями; они получаютъ независимое объективное значеніе и потому самому связаны съ измѣненіями тѣла и его органовъ.

Мы уже отвѣчали на вопросъ: почему люди сходятъ съ ума. Мы видѣли, что самый этотъ вопросъ предполагаетъ существованіе болѣе высокой степени развитія духа, именно полное сознаніе, которое мы еще не разсматривали. Здѣсь мы должны рѣшить обратный вопросъ. Мы видѣли что душа была непосредственно тожественна съ ея индивидуальнымъ міромъ, что она была заключена въ свои собственныя опредѣленія. Спрашивается: почему душа выходитъ изъ этого состоянія отчужденія и замкнутости, почему она наполняется дѣйствительнымъ содержаніемъ противоположнаго ей міра и становится сознаніемъ, разсудкомъ и разумомъ. Слѣдующіе §§, заканчивающіе собою антропологію, дадутъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ началѣ антропологіи мы говорили, что мы должны были начать ученіе о субъективномъ духѣ съ духа, погруженнаго въ природу или въ тѣло. Какъ это обстоятельство, такъ и самое понятіе сумасшествія, изложенное выше съ достаточною полнотою, объясняютъ почему мы должны были разсматривать сумасшествіе прежде здороваго, разви-

таго сознанія, хотя оно предполагаетъ существованіе здороваго ума и есть не что другое какъ крайнее болѣзненное состояніе, до котораго онъ можетъ упадать. Мы должны были разсматривать это болѣзненное состояніе духа въ антропологіи, потому что въ немъ инстинктивная жизнь души, нераздѣльной отъ тѣла, беретъ перевѣсъ надъ конкретнымъ, разумнымъ сознаніемъ; естественно, что такая жизнь души, еще не освободившейся отъ тѣла, должна быть разсматриваема прежде развитаго и свободнаго духа.

Мы должны будемъ сдѣлать точно такой же переходъ отъ состоянія болѣе отвлеченнаго къ состоянію болѣе конкретному и способному возвратиться къ первому — въ философіи права. Въ этой наукѣ мы сначала разсмотримъ отвлеченное понятіе воли. Потомъ мы увидимъ осуществленіе этого отвлеченнаго понятія во внѣшнихъ формахъ бытія; эта область будетъ образовать область *права*. За тѣмъ мы разсмотримъ сосредоточеніе воли въ самой себѣ, т. е. сферу *нравственной дѣятельности лица*. Наконецъ мы дойдемъ до понятія полной воли, соединяющей въ себѣ оба эти отвлеченные момента; именно до понятія *воли, сообразной съ законами гражданственности*.

Въ этой высшей сферѣ мы также сначала разсмотримъ ту первоначальную форму гражданскаго союза, которая вытекаетъ изъ условій, налагаемыхъ самою природою,—именно *семейство*. Потомъ мы увидимъ элементъ разъединенія въ *гражданскомъ обществѣ*. Наконецъ мы найдемъ единство и истинное примиреніе этихъ одностороннихъ моментовъ въ *государствѣ*. Но не должно думать, чтобы государство являлось, по времени, позже права и нравственности, или чтобы семейство и гражданское общество предшествовали во времени государству. Напротивъ, гражданственность составляетъ основу права и нравственности,—и чтобы семейство и гражданское общество могли существовать въ ихъ развитомъ и благоустроенномъ видѣ, государство уже должно быть установлено. Но въ философскомъ развитіи гражданственности мы не можемъ начать съ государства, потому что начало должно быть по необходимости отвлеченное, тогда какъ государство составляетъ уже самую полную и

развитую форму гражданственности. По той же самой причинѣ нравственность должна быть разсматриваема прежде гражданственности, хотя она составляетъ только болѣзненное уклоненіе отъ нормъ, опредѣляемыхъ этою послѣднею (*). Потому же самому въ антропологіи мы должны были разсматривать поврежденіе ума прежде вполнѣ развитаго сознанія, ибо въ помѣшательствѣ субъектъ противополагаетъ неподвижное, отвлеченное представленіе болѣе развитымъ формамъ духа.

Этимъ мы заканчиваемъ наши общія замѣчанія о сущности или о понятіи сумасшествія.

Что касается до *различныхъ видовъ* поврежденія ума, то ихъ обыкновенно различаютъ, основываясь не на внутреннемъ ихъ значеніи, а на ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Но въ философскомъ изученіи это было бы недостаточно. Изслѣдуя самое разстройство ума, мы должны показать тѣ необходимыя и такъ сказать разумныя формы, въ которыхъ оно должно обнаруживаться. Чтобы опредѣлить, каковы должны быть виды умопомѣшательства, мы не можемъ обращать вниманія на содержаніе ложныхъ представленій, характеризующихъ это болѣзненное состояніе духа, потому что такія представленія могутъ быть очень разнообразны и совершенно случайны. Мы должны, напротивъ того, опредѣлить самыя формы, въ которыхъ обнаруживается разстройство ума. Мы уже видѣли что въ сумасшествіи духъ вообще погружается въ себя, заключается въ самомъ себѣ. Въ сомнамбулизмѣ духъ также замкнутъ въ себѣ; но въ сумасшествіи онъ разрываетъ послѣднюю непосредственную связь съ дѣйствительнымъ міромъ, онъ вполнѣ отчуждается отъ него.

(*) Извѣстно, какъ высоко ставилъ Гегель гражданственность и какъ низко онъ цѣнилъ нравственность, дающую болѣе простора совѣсти и индивидуальной свободѣ лица. Обыкновенно полагаютъ, что этимъ самымъ онъ хотѣлъ освятить существующій порядокъ и заставить лицо, безпрекословно преклониться предъ нимъ, Въ сущности идея гражданственности равносильна идеѣ *общаго* блага, *общихъ* интересовъ, *общихъ* выгодъ. Съ этой точки зрѣнія, эта идея будетъ конечно стоять выше идеи нравственности, разумѣя это слово въ смыслѣ *исключительности, своекорыстія и эгоизма.—Перев.*

Это погруженіе духа въ самого себя замѣчается во всѣхъ формахъ сумасшествія. Но когда духъ остается при этомъ совершенно неопредѣленнымъ и пустымъ, тогда раждается особенная форма сумасшествія, съ которой мы должны будемъ начать изслѣдованіе различныхъ видовъ умственнаго разстройства.

Вторая форма этого разстройства является тогда, когда духъ, погружаясь въ себя, останавливается на какомъ нибудь одномъ особенномъ представленіи, которому онъ ошибочно даетъ объективное значеніе.

Третья и послѣдняя форма этого умственнаго страданія происходитъ тогда, когда субъектъ сохраняетъ остатки здраваго сужденія, — когда онъ сравниваетъ свое ложное субъективное представленіе съ дѣйствительностію и вѣрнымъ пониманіемъ вещей и открываетъ рѣзкую противоположность между ними. Въ немъ рождается печальное ощущеніе своей внутренней дисгармоніи. Это раздвоеніе почти или вовсе ускользаетъ отъ вниманія помѣшаннаго во второй формѣ этого болѣзненнаго состоянія. Здѣсь, напротивъ, субъектъ съ бо́льшими или меньшими болѣзненными усиліями стремится возстановить единство своего ума и удержать его на томъ единственномъ средоточіи, которое свойственно субъекту, здраво понимающему свое индивидуальное положеніе въ дѣйствительномъ мірѣ.

Разсмотримъ эти три главныя формы сумасшествія нѣсколько подробнѣе:

1. Тупоуміе. Разсѣянность. Сумасбродство.

α) Первую форму умственнаго разстройства, отличающуюся неопредѣленнымъ погруженіемъ духа въ самого себя, составляетъ *тупоуміе*. Оно бываетъ различнаго рода. Случается врожденное тупоуміе. Оно неисцѣлимо. Сюда преимущественно относится такъ называемый *кретинизмъ;* это состояніе частію случается спорадически, частію бываетъ эндемическимъ въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ узкихъ долинахъ и въ болотистыхъ мѣстахъ. Кретины — это уродливые, увѣчные люди; они нерѣдко страдаютъ зобами, отличаются совершенно безсмысленнымъ выраженіемъ лица; умственныя способности у нихъ вовсе не развиты и рѣчь

ихъ нерѣдко ограничивается одними безсвязными и невнятными звуками. Но бываютъ случаи, когда человѣкъ впадаетъ въ это болѣзненное состояніе вслѣдствіе несчастія или своей собственной вины. *Пинель* приводитъ примѣръ такого врожденнаго тупоумія, которое приписывали сильному испугу матери во время ея беременности. Иногда тупоуміе бываетъ слѣдствіемъ бѣшенства и въ этомъ случаѣ оно представляетъ очень мало надежды на исцѣленіе. Нерѣдко также тупоуміе бываетъ слѣдствіемъ эпилепсіи или невоздержности.—Тупоуміе сопровождается иногда полнымъ параличнымъ состояніемъ какъ духа, такъ и тѣла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это состояніе бываетъ преходящимъ. Такъ напр. одинъ Англичанинъ впалъ въ совершенное равнодушіе ко всему окружающему: сначала къ политикѣ, потомъ къ своимъ дѣламъ и къ своему семейству; онъ сидѣлъ съ неподвижно устремленнымъ взоромъ, ничего не говорилъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и едва ли узнавалъ свою жену и дѣтей. Онъ выздоровѣлъ, когда другой человѣкъ, одѣтый какъ онъ, сѣлъ противъ него и повторялъ за нимъ всѣ его движенія. Это обстоятельство раздражило больнаго, приковало къ себѣ его вниманіе и вывело его изъ его апатіи.

β) *Разсѣянность*.—Другое видоизмѣненіе разсматриваемой нами болѣзни составляетъ *разсѣянность*. Больной теряетъ сознаніе о предметахъ его окружающихъ. Иногда это состояніе предшествуетъ полному сумасшествію. Но бываютъ поразительные случаи разсѣянности, далекой отъ умственнаго разстройства. Это бываетъ тогда, когда умъ занятъ глубокими изысканіями и остается равнодушенъ къ менѣе важнымъ предметамъ. Такъ однажды *Архимедъ* до того углубился въ какую-то математическую задачу, что забылъ обо всѣхъ остальныхъ предметахъ и послѣ нѣсколькихъ дней такого созерцанія, его должно было насильственно вывести изъ этого напряженнаго состоянія духа. Но въ собственно такъ называемой разсѣянности духъ погружается безпредметно въ самого себя, сознаніе остается недѣятельнымъ и оставляетъ безъ вниманія такія вещи, которыя должны были бы вызывать его воздѣйствіе. Въ случаяхъ этого рода, человѣкъ забываетъ иногда о существенныхъ

обстоятельствахъ дѣла и смотритъ на него съ односторонней точки зрѣнія. Между многими примѣрами, сюда относящимися, можно привести забавный разсказъ объ одномъ французскомъ графѣ, котораго парикъ повисъ на лампѣ и который отъ души смѣялся надъ этимъ приключеніемъ вмѣстѣ съ прочими присутствующими и оглядывался кругомъ, чтобы отыскать у кого сорванъ парикъ и кто остался съ лысою головою. Разсказываютъ, что Ньютонъ схватилъ однажды палецъ какой-то дамы, чтобы прижать имъ нагорѣвшую золу на своей трубкѣ. Такая разсѣянность можетъ быть слѣдствіемъ продолжительныхъ занятій и нерѣдко встрѣчается у ученыхъ, особенно въ отдаленное отъ насъ время. Но иногда разсѣянность происходитъ оттого, что люди стараются сохранить свое достоинство и потому заняты исключительно самими собою и забываютъ о томъ, что ихъ окружаетъ.

γ) Сумасбродство. Разсѣянности противоположно сумасбродство, при которомъ человѣкъ интересуется *всѣмъ* окружающимъ. Здѣсь больной не можетъ остановить своего вниманія на одномъ предметѣ и оно безпрестанно перебѣгаетъ съ одного предмета на другой. Въ большей части случаевъ эта болѣзнь не излѣчима. Этотъ видъ умственнаго разстройства отяготительнѣе всѣхъ другихъ. *Пинель* расказываетъ объ одномъ такомъ больномъ, умственныя способности котораго представляли совершенный хаосъ. По словамъ Пинеля, этотъ больной приближался къ нему и забрасывалъ его своею болтовнею. Тотчасъ послѣ этого онъ приступалъ къ другому. Когда онъ входилъ въ комнату, онъ все переворачивалъ, толкалъ и сдвигалъ столы и стулья безо всякой опредѣленной цѣли. Едва успѣвали отвесть глаза, онъ уже былъ на сосѣднемъ гуляньи и дѣйствовалъ также безцѣльно какъ и въ комнатѣ, болталъ, отбрасывалъ камешки, выдергивалъ траву, шелъ дальше и возвращался, не зная за чѣмъ. Сумасбродство происходитъ вслѣдствіе слабости разсудка, не могущаго сдержать смѣняющіяся представленія. Часто сумасбродные больные страждутъ также *бредомъ:* они не только забываютъ окружающіе предметы, но безсознательно извращаютъ ихъ.

Такова первая форма болѣзненнаго разстройства ума.

2. Вторая форма этого разстройства, собственно такъ называемое *помѣшательство* происходитъ тогда, когда духъ, будучи погруженъ въ себя, имѣетъ при этомъ какое нибудь *особенное* содержаніе, какое нибудь *неподвижное представленіе*. Въ прежнихъ формахъ сумасшествія, о которыхъ мы говорили, напримѣръ въ тупоуміи, духъ заключался въ себя, безо всякой опредѣленной мысли; здѣсь онъ точно также заключается въ свое неподвижное, ложное представленіе. Трудно сказать, гдѣ начинается собственное помѣшательство. Такъ напр. въ маленькихъ городахъ можно встрѣтить людей, особенно женщинъ, которыя до того погружены въ ограниченный кругъ своихъ частныхъ интересовъ и которымъ такъ привольно въ этой тѣсной сферѣ, что посторонній наблюдатель невольно спрашиваетъ себя, куда дѣвался ихъ умъ? Но сумасшедшимъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, человѣкъ становится тогда, когда онъ весь отдается какому нибудь одному субъективному представленію и принимаетъ его за дѣйствительный объектъ. Большею частію это состояніе происходитъ вслѣдствіе того, что человѣкъ недовольный дѣйствительностію заключается въ самого себя. Особенно часто причиною такого отчужденія души бываютъ *тщеславіе* и *гордость*. Духъ, исключительно занятый собою, не ладитъ съ дѣйствительнымъ міромъ и охотно отдается своимъ субъективнымъ представленіямъ. Отсюда недалеко до полнаго помѣшательства. Если въ этомъ уединившемся сознаніи есть жизнь, оно легко создаетъ себѣ какое нибудь ложное представленіе, подчиняется ему и принимаетъ его за дѣйствительный предметъ. Въ тупоуміи и въ сумасбродствѣ душа не могла остановиться ни на чемъ опредѣленномъ. Въ помѣшательствѣ душа обнаруживаетъ эту способность и тѣмъ самымъ доказываетъ, что она еще сохранила остатокъ *сознанія*, что душа различаетъ отъ себя свое, хотя бы ложное, представленіе. Съ одной стороны сознаніе крѣпко срослось здѣсь со своимъ ложнымъ представленіемъ; но съ другой стороны, по своей всеобщей природѣ, оно возвышается надъ этимъ частнымъ содержаніемъ. Вотъ почему помѣшанные, совершенно утратившіе способность свободнаго

отношенія къ предмету своего помѣшательства, сохраняютъ однакожъ способность къ здравымъ, послѣдовательнымъ сужденіямъ и дѣйствіямъ. При томъ помѣшанные обыкновенно очень недовѣрчивы, и вслѣдствіе того иногда трудно бываетъ съ перваго раза угадать разстройство ума и также не всегда можно съ увѣренностію сказать выздоровилъ ли больной и можно ли ему предоставить полную свободу.

Виды помѣшательства бываютъ очень различны, смотря по тѣмъ предметамъ, которыя занимаютъ собою вниманіе больнаго.

Къ неопредѣленнымъ видамъ помѣшательства относится *скука жизни*, если она произошла не вслѣдствіе потери любимыхъ и уважаемыхъ особъ, или измѣненія жизненныхъ отношеній. При неопредѣленномъ, безпричинномъ отягощеніи жизнію, больные не равнодушны къ жизни,—тогда они выносили бы ее,—но не способны продолжать ее; они колеблятся между привязанностію и отвращеніемъ ко всему что ихъ окружаетъ; они не могутъ освободиться отъ мысли, что жизнь невыносима и въ тоже время чувствуютъ влеченіе къ ней. Англичане чаще другихъ націй страдаютъ этимъ безпричиннымъ отвращеніемъ къ міру, также какъ и другими видами помѣшательства, быть можетъ потому что они вообще очень привязаны къ своимъ субъективнымъ особенностямъ. Скука жизнію является у нихъ преимущественно въ формѣ *меланхоліи;* въ этомъ состояніи духъ постоянно занятъ однимъ представленіемъ, составляющимъ его несчастіе, и не ищетъ освободиться отъ него помощію мышленія или практической дѣятельности. Изъ этого состоянія нерѣдко развивается непреодолимое стремленіе къ самоубійству. Иногда это стремленіе находитъ себѣ исходъ вслѣдствіе неожиданнаго потрясенія. Такъ разсказываютъ, что одинъ Англичанинъ хотѣлъ броситься въ Темзу; на него напали разбойники, онъ защищался до крайности и это обстоятельство пробудило въ немъ сознаніе достоинства жизни и разсѣяло его мысли о самоубійствѣ. Другой Англичанинъ повѣсился; слуга снялъ его и онъ не только полюбилъ жизнь, но сдѣлался скупъ по прежнему; отпуская своего слугу, онъ

вычелъ у него изъ жалованья два пенса, потому что слуга перерѣзалъ веревку безъ приказанія господина.

Этой неопредѣленной формѣ помѣшательства, убивающей всѣ жизненныя симпатіи, противоположны безчисленные виды умопомѣшательства, относящіеся къ одному какому нибудь предмету и соединенные съ живымъ интересомъ и даже со страстію къ нему. Предметы помѣшательства большею частію соотвѣтствуютъ той страсти, изъ которой они развились; но иногда они зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Первое замѣчается у тѣхъ помѣшанныхъ, которые воображаютъ себя Богомъ, королемъ и т. п. Второе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда больные принимаютъ себя за ячменное зерно, за собаку, или полагаютъ что у нихъ въ желудкѣ есть экипажъ съ колесами и т. п. Въ томъ и другомъ случаѣ больной не имѣетъ сознанія о противорѣчіи между его ложнымъ представленіемъ и дѣйствительностію. Это противорѣчіе замѣтно только для посторонняго наблюдателя; но самъ помѣшанный не страдаетъ чувствомъ своей внутренней разорванности.

3. Третью форму сумасшествія составляетъ *бѣшенство* или *безуміе*. Здѣсь самъ субъектъ сознаетъ въ себѣ двойство двухъ противоположныхъ видовъ сознанія. Онъ живо чувствуетъ разладъ между своимъ субъективнымъ представленіемъ и дѣйствительностію; но онъ не можетъ освободиться отъ преслѣдующей его мысли, онъ хочетъ во что бы то ни стало осуществить ее, или уничтожить дѣйствительность. Изъ сказаннаго видно, что безуміе не всегда есть плодъ пустаго воображенія. Оно можетъ развиться вслѣдствіе большаго несчастія, поражающаго человѣка, или вслѣдствіе насильственнаго переворота и кореннаго преобразованія самыхъ основъ общественной жизни; когда человѣкъ живетъ единственно въ прошедшемъ, онъ дѣлается неспособенъ принаровляться къ настоящему, онъ относится къ нему враждебно, хотя и не можетъ отвратить отъ него своихъ мыслей. Такъ многіе люди сдѣлались безумными въ эпоху французской революціи, при внезапномъ переворотѣ почти всѣхъ гражданскихъ отношеній. Тоже несчастіе развивается въ громадныхъ размѣрахъ вслѣдствіе религіозныхъ причинъ, когда

человѣка преслѣдуетъ сомнѣніе въ томъ, угоденъ ли онъ Богу.

Безуміе всегда сопровождается чувствомъ внутренняго раздора. Но оно можетъ обнаруживаться тихою *грустію*, или напротивъ *бѣшенствомъ*, т. е. возмущеніемъ разума противъ неразумія, либо—на оборотъ—послѣдняго противъ перваго. Въ самомъ дѣлѣ, это несчастное состояніе вызываетъ или *ипохондрическое* настроеніе духа, мучимаго воображаемыми вымыслами и причудами, — или *недовѣрчивое*, хитростное, завистливое и злое расположеніе духа, озлобленнаго противъ окружающей дѣйствительности и противъ людей, стѣсняющихъ волю больнаго. И на оборотъ люди избалованные, привыкшіе къ своеволію или сумасбродно своенравные, легко дѣлаются безумными, когда требуютъ отъ нихъ исполненія общихъ разумныхъ правилъ и когда они не въ состояніи ни покориться этимъ требованіямъ, ни обойдти или уничтожить эту препону.—На каждаго человѣка находятъ минуты злости; но человѣкъ нравственный или по крайней мѣрѣ умный, умѣетъ подавлять ихъ. Но въ безуміи какое нибудь особенное представленіе беретъ перевѣсъ надъ разумнымъ сознаніемъ, и потому здѣсь неудержимо обнаруживаются всѣ особенности субъекта; врожденныя и привитыя размышленіемъ наклонности сбрасываютъ иго законовъ нравственнаго общежитія, вытекающихъ изъ понятія истинной всеобщей воли; темныя подземныя силы души выходятъ наружу. Въ безуміи озлобленность часто переходитъ въ манію вредить другимъ и даже въ стремленіе къ убійству, которое рождается внезапно и заставляетъ убивать даже любимыхъ людей, не смотря на отвращеніе къ убійству.

Но какъ мы уже сказали, озлобленность безумныхъ не исключаетъ нравственныхъ и соціальныхъ чувствъ; напротивъ безумные очень легко переходятъ отъ одной крайности къ другой, и потому эти чувства могутъ достигнуть высшей напряженности. Пинель говоритъ, что онъ ни гдѣ не встрѣчалъ болѣе нѣжныхъ супруговъ и отцовъ, какъ въ домѣ умалишенныхъ.

Съ физической стороны замѣчена связь между сумасшествіемъ и измѣненіями природы, особенно временами года.

Очень жаркое лѣто и очень холодная зима оказываютъ значительное вліяніе на умалишенныхъ. Преходящія безпокойства и волненія замѣчаются у больныхъ при приближеніи грозъ и при внезапныхъ перемѣнахъ погоды. Относительно возрастовъ сдѣлано замѣчаніе, что безуміе никогда не является ранѣе 14 лѣтъ отъ роду. Что касается до индивидуальности больныхъ, опытъ показываетъ, что приступы бѣшенства бываютъ сильнѣе у черноволосыхъ особъ, чѣмъ у блондиновъ. Наконецъ ни наружныя, ни анатомическія наблюденія не могли рѣшить, есть ли какая нибудь постоянная связь между этою болѣзнію и разстройствомъ нервной системы.

Лѣченіе сумасшествія. Послѣднее обстоятельство, котораго мы должны еще коснуться, разсматривая сумасшествіе и безуміе, это—лѣченіе этихъ болѣзней. Оно бываетъ двоякое: физическое и психическое. Медицинскія средства иногда оказываются достаточными для излѣченія этой болѣзни; но большею частію требуется содѣйствіе психическихъ средствъ, которыми въ свою очередь иногда можно ограничиться. Вѣрныхъ медицинскихъ средствъ, полезныхъ во всѣхъ случаяхъ, нѣтъ. Обыкновенно употребляютъ разныя эмпирическія и слѣдственно всегда болѣе или менѣе невѣрныя средства. Въ старину въ Бедламѣ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ сряду, давали всѣмъ больнымъ безъ разбора слабительныя; но теперь признано, что это средство не приноситъ никакой пользы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сумасшедшимъ помогали такія вещи, которыя могли бы произвесть эту болѣзнь у здоровыхъ людей, какъ напр. паденіе на голову. Увѣряютъ, что знаменитый *Монфоконъ* страдалъ въ молодости слабоуміемъ и вылѣчился такимъ образомъ.

Какъ бы то ни было, главное мѣсто принадлежитъ психическому лѣченію. Оно недѣйствительно въ тупоуміи, но приноситъ существенную пользу въ умопомѣшательствѣ и безуміи, потому что въ этихъ болѣзненныхъ состояніяхъ умственныя способности еще сохраняютъ нѣкоторую энергію, и вмѣстѣ съ ложнымъ представленіемъ, подчиняющимъ себѣ сознаніе больнаго, остается способность правильно и здраво судить объ остальныхъ предметахъ; искусный психіатръ мо-

жетъ съ пользою употребить въ дѣло эту способность, чтобы заставить ее восторжествовать надъ болѣзненнымъ разстройствомъ ума. Пинелю, сочиненіе котораго относится къ лучшимъ, какія только есть въ этомъ родѣ, принадлежитъ та заслуга, что онъ основалъ свое лѣченіе именно на этомъ остаткѣ здраваго ума у помѣшанныхъ и безумныхъ, и сообразно ему устроилъ самые пріюты умалишенныхъ.

При психическомъ лѣченіи умалишенныхъ должно прежде всего стараться снискать ихъ *довѣріе*. Это удается потому что умалишенные суть однакожъ разумныя существа. Съ этою цѣлью должно обходиться съ ними прямо, не позволяя себѣ однакожъ открыто нападать на пунктъ ихъ помѣшательства. Пинель приводитъ примѣръ такого удачнаго образа дѣйствія, имѣвшаго счастливый исходъ. Одинъ больной, отличавшійся прежде кротостію характера, сошелъ съ ума; такъ какъ онъ буянилъ и могъ вредить другимъ, то принуждены были запереть его; это раздражило больнаго до того, что было необходимо связать его, отчего онъ впалъ въ еще большее бѣшенство. Его привезли въ больницу умалишенныхъ. Надзиратель вступилъ съ нимъ въ спокойный разговоръ, не сталъ оспаривать его превратныхъ мыслей, успокоилъ его, приказалъ развязать, самъ отвелъ его въ новое помѣщеніе и, продолжая поступать такимъ образомъ, въ короткое время вылѣчилъ больнаго.

Снискавши довѣріе больныхъ, должно стараться внушить имъ *уваженіе* къ своимъ требованіямъ и заставить ихъ считать эти требованія справедливыми и обязательными. Умалишенные чувствуютъ свою умственную слабость и свою зависимость отъ разумныхъ людей. А потому ихъ можно пріучить къ повиновенію. Научаясь уважать своего медика, больной дѣлаетъ усиліе надъ своимъ умомъ и возвращаетъ ему сознаніе справедливости и разумности. Пока онъ не достигъ до этого, отъ него должно требовать исполненія разумныхъ предписаній. Такъ нельзя позволять, чтобы больной произвольно голодалъ, или ломалъ вещи, его окружающія. Тѣхъ больныхъ, которые предаются гордымъ и надменнымъ мечтамъ, должно заставить почувствовать свою

зависимость, что конечно не всегда легко, въ особенности у лицъ высоко поставленныхъ въ обществѣ, какъ напр. это было съ англійскимъ королемъ Георгомъ III. Пинель разсказываетъ одинъ такой случай, который заслуживаетъ быть переданнымъ. Въ сумасшедшій домъ привезли однажды больнаго, который принималъ себя за Мухаммеда. Онъ былъ очень гордъ и напыщенъ, требовалъ себѣ поклоненія и ежедневно изрекалъ нѣсколько приговоровъ, присуждавшихъ изгнаніе или смерть, и вообще страшно шумѣлъ. Ему не противорѣчили, но запретили шумѣть; когда онъ не хотѣлъ слушаться, его заперли и старались уговорить. Онъ обѣщалъ исправиться; но едва его выпустили, онъ снова поднялъ шумъ. Тогда съ нимъ поступили строже, заперли его вновь и объявили ему, что ему не будетъ пощады. Но жена надзирателя, какъ было уговорено, смягчилась его настоятельными просьбами и, взявши съ него обѣщаніе не злоупотреблять свободою, потому что это навлекло бы на нее непріятности, она дала ему свободу. Съ этого времени онъ былъ тихъ. Когда на него находили минуты бѣшенства, одного взгляда надзирательницы было достаточно, чтобы заставить его удалиться въ свою комнату и не безпокоить другихъ. Уваженіе къ этой женщинѣ и сила воли взяли верхъ и онъ выздоровилъ по истеченіи шести мѣсяцевъ.

Вообще, хотя обращеніе съ умалишенными можетъ иногда потребовать строгости, но, какъ видно изъ предыдущаго примѣра, съ ними должно быть снисходительными, помня что ихъ разсудокъ не вполнѣ потерянъ. Прибѣгая къ силѣ, должно наблюдать, чтобы она во всѣхъ случаяхъ имѣла значеніе *справедливаго* наказанія. Умалишенные еще различаютъ добро и правду, они знаютъ что не должны вредить другимъ. Если они сдѣлали дурной поступокъ, ихъ можно вразумить. Ихъ вина должна быть *вмѣняема* имъ и должна подвергать ихъ *взысканію*, при чемъ необходимо объяснять имъ справедливость положеннаго наказанія. Это пробуждаетъ ихъ лучшіе инстинкты и они пріобрѣтаютъ довѣріе къ своимъ *собственнымъ* нравственнымъ силамъ. Обхожденіе съ добрыми людьми довершаетъ ихъ выздоровленіе. Напротивъ, жесткое, надмѣнное, презрительное обращеніе оскорб-

ляетъ нравственное чувство больныхъ и они легко впадаютъ въ раздраженіе и въ бѣшенство.

Помѣшанныхъ, особенно на религіозныхъ предметахъ, должно удалять отъ всего, что могло бы поддерживать и усиливать ихъ помѣшательство. Напротивъ, должно стараться обратить ихъ мысли на другіе предметы и заставить ихъ забыть свои превратныя представленія. Съ этою цѣлію необходимо требовать отъ нихъ умственныхъ и тѣлесныхъ занятій; *работа* отвращаетъ ихъ вниманіе отъ ихъ превратныхъ мыслей и приковываетъ его къ дѣйствительности. Такъ въ Шотландіи одинъ фермеръ прославился изцѣленіемъ умалишенныхъ, хотя все его лѣченіе состояло въ томъ, что онъ запрягалъ по шести человѣкъ больныхъ въ плугъ и заставлялъ ихъ работать до совершеннаго утомленія.

Изъ числа средствъ, дѣйствующихъ на тѣло, оказались полезны *качели*, — особенно у больныхъ, наклонныхъ къ буйству. Качанье на качеляхъ заставляетъ кружиться голову и разгоняетъ неподвижное представленіе больнаго.

Часто также больные выздоравливали вслѣдствіе сильныхъ и *внезапныхъ* потрясеній, дѣйствовавшихъ на *представленія* больнаго. Умалишенные становятся, правда, очень недовѣрчивы, когда замѣчаютъ что ихъ хотятъ отвратить отъ ихъ неподвижныхъ мыслей. Но въ тоже время они неразсудительны и легко поддаются нечаянности. По этому нерѣдко ихъ можно излѣчить, по видимому соглашаясь съ ихъ превратнымъ убѣжденіемъ и обманомъ увѣривши ихъ, что они освободились отъ своего мнимаго страданія. Такъ одинъ Англичанинъ воображалъ, что у него въ желудкѣ есть возъ сѣна съ четверней лошадей. Докторъ увѣрилъ его, что онъ ощупалъ этотъ возъ съ лошадьми, пріобрѣлъ довѣріе больнаго, уговорилъ его принять средство, могущее уменьшить его страданіе и далъ ему рвотное; когда больнаго стало рвать, его подвели къ окну и въ это время, по распоряженію врача, изъ воротъ дома выѣхалъ возъ съ сѣномъ; больной увѣрился, что этотъ возъ вышелъ вмѣстѣ съ рвотой и выздоровилъ.

Въ другихъ случаяхъ больныхъ заставляли дѣлать вещи,

фактически опровергавшія ихъ ложныя убѣжденія, и этимъ излѣчивали ихъ. Такъ одинъ больной жаловался на то, что его ноги стеклянныя; врачь подговорилъ мнимыхъ разбойниковъ напасть на него,—больной убѣдился, что его ноги очень могутъ служить ему и выздоровилъ. Другой больной считалъ себя умершимъ, оставался безъ движенія и не хотѣлъ принимать пищи; его положили въ гробъ и опустили въ могилу, гдѣ уже стоялъ гробъ, въ которомъ лежалъ другой человѣкъ. Этотъ послѣдній сначала притворялся мертвымъ, но, оставшись наединѣ съ помѣшаннымъ, онъ приподнялся, выразилъ свою радость что у него нашелся товарищъ, наконецъ всталъ и принялся за принесенныя кушанья; когда помѣшанный удивился этому, онъ отвѣчалъ что онъ уже давно умеръ и лучше знаетъ, какъ живутъ мертвые. Больной успокоился, сталъ ѣсть и пить, и выздоровилъ.

Бывали примѣры, что помѣшательство излѣчивалось удачнымъ *словомъ*, дѣйствовавшимъ на умъ больнаго,—или удачною *остротою*. Одинъ помѣшанный считалъ себя за святаго духа; но его помѣшательство прошло, когда другой сумасшедшій сказалъ ему: какъ ты можешь быть святымъ духомъ? Святый духъ—это я. Другой больной, бывшій часовщикомъ, воображалъ что онъ невинно казненъ, что судья въ раскаяніи приказалъ возвратить ему голову, но что по ошибкѣ ему приставили чужую, худшую и ни на что не способную голову. Однажды онъ защищалъ легенду, передававшую разсказъ о св. Діонисіѣ, который поцѣловалъ свою собственную отрубленную голову; другой сумасшедшій возразилъ ему: « глупецъ, чѣмъ же поцѣловалъ ее св. Діонисій, развѣ пяткою? » Этотъ вопросъ до того поразилъ безумнаго часовщика, что онъ совершенно изцѣлился отъ своего помѣшательства. Но такія остроты могутъ только тогда изцѣлить помѣшательство, когда оно утратило свою силу.

γ) *Привычка*.

§ 409.

Когда сомочувствіе погружено въ особенныя чувства (или ощущенія, желанія, влеченія, страсти и предметы, могущіе

удовлетворить ихъ), оно не различается отъ нихъ. Но, въ сущности, субъектъ есть простое соотношеніе къ самому себѣ; его форму составляетъ всеобщность, (въ которой тѣ особенныя состоянія находятъ свою истину). Субъектъ, живущій жизнію чувства, долженъ существовать какъ такая всеобщность: тогда эта всеобщность существуетъ для себя и различается отъ всѣхъ особенныхъ состояній недѣлимаго. Эта всеобщность не даетъ никакого опредѣленнаго наполненія ощущеніямъ, желаніямъ и проч., и здѣсь не мѣсто разсматривать ея содержаніе. Эта всеобщность есть отвлеченная всеобщность. Вслѣдствіе этого *особенныя* состоянія субъекта суть также только *непосредственныя* опредѣленія души, погруженной *въ тѣло*.—До сихъ поръ душа составляла субстанцію тѣла (§ 389). Теперь она сосредоточивается въ самой себѣ, различаетъ себя отъ тѣла какъ его простое единство, т. е. принимаетъ форму *субъекта*.

Примѣч. Душу, какъ отвлеченный субъектъ, должно отличать отъ сознательной мысли, какъ всеобщаго субъекта, который имѣетъ предметомъ самого себя, въ той же всеобщей формѣ (Я=Я). Первая есть только еще идеальное, или не матеріальное единство тѣла.

Мы уже видѣли, напримѣръ, что пространство и время, разумѣемыя какъ отвлеченныя формы внѣшности, или какъ пустое пространство и время, суть не болѣе какъ субъективныя формы, свойственныя созерцающему субъекту. Такимъ же точно образомъ, если мы мысленно выдѣлимъ изъ души всѣ разнообразныя части и органы тѣла, которыми она наполнена, т. е. если мы опустимъ ея непосредственное содержаніе, то у насъ останется *чистое бытіе*, соотносящееся къ самому себѣ и свойственное еще безсознательно созерцающему субъекту. Но изъ этой основы, изъ этой субстанціи, принявшей форму субъекта, впослѣдствіи *разовьется сознаніе*; теперь она еще ограничена тѣломъ; но когда она совершенно освободится отъ этого послѣдняго, она явится какъ вполнѣ свободный субъектъ, т. е. какъ сознаніе.

§. 410.

Когда душа существуетъ какъ отвлеченная всеобщность, или какъ отвлеченное *бытіе*, ея особенныя чувства и состоянія также получаютъ способность существоватъ *непосредственно* или независимо отъ нея, т. е. она дѣлается къ нимъ равнодушна и они, какъ говорятъ, входятъ *въ привычку*:

Душа *владѣетъ* опредѣленіями этого рода; она перестаетъ ощущатъ ихъ, перестаетъ различаетъ ихъ отъ себя и соотносить ихъ къ себѣ, она не погружается въ нихъ, но содержитъ ихъ и живетъ въ нихъ, не ощущая и не сознавая ихъ, потому что не интересуется и не занята ими. Обладая этими формами, она дѣлается способна къ дѣятельности и занятіямъ другаго рода, требующимъ участія ощущенія или мысли.

Чтобы душа усвоила себѣ эти особенныя, тѣлесныя опредѣленія или чувства, необходимо *повтореніе* ихъ; а чтобы привычка укоренилась, необходимо *упражненіе*. Потому что привычка, какъ отвлеченная всеобщность души, или какъ всеобщность рефлексіи (§ 175), слагается изъ совокупности однихъ и тѣхъ же особенныхъ ощущеній, дающихъ одинъ простой результатъ.

Примѣч. Изслѣдуя жизнь духа, трудно объяснить себѣ происхожденіе привычки, также какъ и происхожденіе памяти. Но привычка есть механическая сторона самочувствія, также какъ память есть механическая сторона ума. Индивидуальныя качества, измѣненія, претерпѣваемыя субъектомъ въ теченіи возрастовъ, сонъ и бдѣніе, всѣ эти явленія существуютъ отъ природы и, можно сказать, врожденны. Привычка дѣлается второю природою, вслѣдствіе механическаго повторенія нашихъ чувствъ, впечатлѣній, желаній и проч. Привычку справедливо называютъ *второю природою*. Она производитъ измѣненія въ непосредственныхъ явленіяхъ души, погруженной въ тѣло,—и потому она есть *природа*. Но эти явленія суть результатъ собственной дѣятельности души; когда чувства, представленія, одинаковыя мысли и опредѣленія воли часто повторяются, они отражаются на нашемъ тѣлѣ, проникаютъ его и оставляютъ въ

немъ неизгладимые слѣды. Вотъ почему эта природа есть *вторая* природа.

Явленія, происходящія вслѣдствіе привычки, воплощаются въ тѣлѣ, и потому человѣкъ не властенъ надъ ними; онъ—рабъ ихъ. Но въ тоже время эти явленія получаютъ, вслѣдствіе привычки, способность существовать *независимо*; а потому душа дѣлается свободна отъ нихъ, она перестаетъ соотноситься къ нимъ и можетъ не интересоваться, не заниматься ими; т. е. она сама дѣлается независима отъ нихъ.—Безспорно, привычка поробощаетъ человѣка; съ точки зрѣнія формы это всегда справедливо, потому что привычка вкореняется въ тѣло и ускользаетъ отъ свободной воли; напротивъ, съ точки зрѣнія содержанія, привычки порабощаютъ человѣка только въ томъ случаѣ, если онѣ дурны или противны другимъ, болѣе высокимъ цѣлямъ, къ которымъ субъектъ долженъ стремиться. Но могутъ существовать привычки, вполнѣ соотвѣтствующія требованіямъ нравственности и общежитія.

Какъ бы то ни было, когда ощущенія входятъ въ привычку, человѣкъ дѣлается *свободенъ* отъ нихъ. Это освобожденіе бываетъ различнаго рода: 1) человѣкъ можетъ сдѣлаться равнодушенъ къ своему *непосредственному* ощущенію. Такъ онъ можетъ сдѣлаться *равнодушенъ* къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ (къ холоду, жару, усталости, вкусу и проч.), или къ вліяніямъ, дѣйствующимъ на душу, напр. къ несчастію и т. п.—Въ этихъ случаяхъ ощущенія и чувства остаются внѣшними и непосредственными; они внесены въ общее бытіе души, но душа остается отвлеченною и недѣятельною, потому что они не побуждаютъ ее къ самочувствію, къ сознанію, размышленію, практическому рѣшенію и проч.

2) Человѣкъ дѣлается равнодушенъ къ *удовлетворенію*; привычка удовлетворенія притупляетъ желанія, влеченія и проч. Этимъ способомъ человѣкъ разумно освобождается отъ нихъ. Насиліе надъ самимъ собою, не освобождаетъ отъ нихъ и неразумно по своему содержанію. Но само собою разумѣется что не должно забывать ограниченности влеченій и средствъ, способныхъ удовлетворить ихъ, и слѣдственно, что ихъ должно подчинять контролю разумной воли.

3) Привычка превращается въ *механическую ловкость*. Въ этомъ случаѣ душа не отчуждается отъ своихъ чувствъ, но воплощаетъ свои субъективныя цѣли въ тѣло, подчиняетъ его себѣ и безпрепятственно движется въ немъ. Вначалѣ эти субъективныя цѣли находятъ свое ограниченіе въ тѣлѣ, какъ непосредственномъ и внѣшнемъ бытіи; душа, какъ сомостоятельный субъектъ, не можетъ непосредственно и свободно воплощать ихъ въ тѣлѣ, но должна предварительно подчинить его себѣ. Каждое опредѣленное ощущеніе должно быть воплощено въ извѣстномъ органѣ тѣла (§ 401) и каждая опредѣленная цѣль можетъ быть приведена въ исполненіе только извѣстною системою тѣла.—При такомъ воплощеніи идеальныя опредѣленія души, ея представленія, рѣшенія воли и проч. переходятъ изъ состоянія возможности въ дѣйствительность, или изъ души какъ субстанціи тѣла—въ опредѣленный органъ какъ принадлежность этой общей субтанціи.—Когда ловкость въ какомъ нибудь дѣлѣ пріобѣтена, тѣло становится покорнымъ орудіемъ души; представленія, напр. рядъ нотъ, свободно и безпрепятственно проявляются въ соотвѣтственномъ органѣ тѣла.

Всѣ виды и ступени духовной дѣятельности могутъ такимъ образомъ дѣлаться привычными. Такъ напр. внѣшнее, *вертикальное* положеніе тѣла есть результатъ привычки. Оно есть результатъ постояннаго проявленія воли, но уже дѣйствующей безсознательно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ стоитъ только потому, что онъ этого хочетъ и до тѣхъ поръ пока хочетъ. Точно также актъ *зрѣнія* есть результатъ сложной привычки, въ которой безсознательно участвуютъ многія умственныя отправленія, — ощущеніе, сознаніе, созерцаніе, разсудокъ и проч. Чтобы *мыслить* свободно и двигаться въ чистомъ элементѣ мысли, также должно имѣть привычку и навыкъ: единичный субъектъ долженъ имѣть и непосредственно находить въ своемъ умѣ выработанныя мышленіемъ опредѣленія. Только сдѣлавши эту привычку, я становлюсь существомъ дѣйствительно мыслящимъ. Но и при такой привычкѣ къ отвлеченному, повидимому чистому мышленію, самый актъ мышленія остается связанъ съ физическими функціями тѣла; непривычка и долгое занятіе мышленіемъ производятъ головную боль. Привычка уменьшаетъ это ощущеніе, потому что физіологическое отправленіе безъ

труда совершается по желанію души. Привычка, относящаяся къ дѣятельности самаго духа, выражается въ *припоминаніи* и въ *памяти*. Но о нихъ мы будемъ говорить ниже.

Обыкновенно не умѣютъ цѣнить истинныхъ благодѣяній привычки и, напротивъ того, отзываются о ней презрительно, какъ о чемъ то безжизненомъ, случайномъ и индивидуальномъ. Конечно и совершенно случайныя вещи могутъ входить въ привычку; привычка къ жизни дѣлаетъ незамѣтнымъ приближеніе смерти, или даже —говоря отвлеченно—есть самая смерть. Но, съ другой стороны, всякій индивидуальный субъектъ вполнѣ усвоиваетъ себѣ высшія формы духовной жизни и дѣятельности только тогда, когда онѣ вошли въ привычку, т. е. когда онѣ составляютъ нераздѣльную часть его души, или принадлежатъ ему какъ субъекту. Другими словами, эти формы,—напр. религіозныя, нравственныя начала и проч.—не должны оставаться въ немъ какъ задатокъ, какъ расположеніе, и не должны извнѣ затрогивать его чувства, представленія, или оставаться безплодными отвлеченіями, независимыми отъ его дѣйствій и поступковъ; напротивъ онѣ должны проникать все его бытіе.

Въ антропологіи и психологіи также рѣдко разсматриваютъ привычку потому ли что считаютъ ее не заслуживающею внимательнаго разбора, или быть-можетъ потому что ея анализъ очень труденъ.

Приб. Мы легко составляемъ себѣ представленіе о привычкѣ, но труднѣе сказать въ чемъ именно она состоитъ. Поэтому мы постараемся подробнѣе объяснить здѣсь ея происхожденіе.

Во-первыхъ мы должны показать логическую связь между сумасшествіемъ, которое мы разсматривали выше, и привычкою. Мы уже сказали, что въ безуміи душа стремится возстановить гормонію между своимъ неподвижнымъ представленіемъ и здоровымъ, цѣлостнымъ сознаніемъ. Это стремленіе можетъ привести или не привести къ желаемому исходу. Слѣдовательно единичный субъектъ можетъ достигнуть или не достигнуть до гармоніи и свободы своего самочувствія; это зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Но самочувствіе вообще не можетъ оставаться нераздѣльно связано съ

однимъ какимъ нибудь частнымъ опредѣленіемъ; оно должно освободиться отъ него и душа должна господствовать надъ всѣми своими особенными состояніями. По своему понятію она есть единство, превышающее всѣ свои исключительныя опредѣленія; она не можетъ быть ограничена ни однимъ изъ нихъ, и должна подчинить ихъ своей власти. Тогда все, чтó есть въ ней непосредственнаго, независимаго, становится ея свойствомъ, ея моментомъ. Она абсолютно отрицаетъ всѣ эти ограниченія и является какъ свободное начало индивидуальности.

Такимъ началомъ былъ уже *геній* въ его отношеніи къ человѣческой душѣ. Но геній былъ началомъ внѣшнимъ, потому что это отношеніе представляло намъ связь двухъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ, изъ которыхъ одно было господствующее, другое—подчиненное и зависимое. Между этими двумя личностями не было противоположности, не было противорѣчія, такъ что геній, это опредѣленное начало индивидуальности, свободно и безпрепятственно проявлялъ свое вліяніе въ другомъ индивидуумѣ.

Но въ сумасшествіи субъектъ впалъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою; онъ ощущалъ совершенное раздвоеніе своего существа. Его торжество надъ своимъ раздвоеніемъ, надъ своею разорванностію есть *привычка*. Въ сумасшествіи душа была порабощена своимъ субъективнымъ представленіемъ и сдвинута съ ея средоточія, опредѣляемаго ея индивидуальнымъ положеніемъ въ дѣйствительности. Въ привычкѣ душа совершенно усвоиваетъ себѣ внѣшнее, разобщенное содержаніе; она до того сживается съ нимъ, что движется въ немъ легко и свободно.—Имѣя *ощущенія*, всегда случайныя и преходящія, душа должна погружаться въ нихъ, теряться въ ихъ содержаніи, такъ сказать отчуждаться отъ самой себя, забывая объ остальныхъ своихъ представленіяхъ, мысляхъ и проч. Тоже самое должно сказать и обо всѣхъ другихъ видахъ ея дѣятельности, коль скоро они еще не вошли въ привычку. Пріобрѣтши привычку къ чему бы то ни было, человѣкъ перестаетъ подчиняться случайному ощущенію, представленію, желанію и проч., онъ сохраняетъ самообладаніе, или дѣйствуетъ сообразно своему

характеру, сообразно условіямъ, выработаннымъ или налагаемымъ на него имъ самимъ. Другими словами, онъ остается свободенъ въ своемъ дѣйствіи. Впрочемъ это одинаковое, постоянное отношеніе къ предметамъ привычки не вытекаетъ изъ конкретнаго общаго начала, которое есть уже разультатъ свободной дѣятельности мысли. Напротивъ душа остается равнодушна къ своимъ привычнымъ ощущеніямъ и только ихъ повтореніе производитъ тотъ отвлеченный общій результатъ, который мы зовемъ « *силою привычки* ».

Вотъ почему эти повторныя впечатлѣнія ускользаютъ отъ воли субъекта и подчиняютъ его себѣ. Хотя человѣкъ дѣлается независимъ отъ предметовъ своихъ привычекъ, онъ въ тоже время остается рабомъ ихъ. Привычки образуютъ вторую природу; онѣ не похожи на непосредственныя, преходящія ощущенія чувственной природы человѣка; за то онѣ вкореняются въ нее, какъ будто бы онѣ были врожденными; онѣ становятся независимыми отъ души; онѣ ускользаютъ отъ свободной дѣятельности духа—и вотъ почему мы разсматриваемъ ихъ въ антропологіи.

Итакъ душа торжествуетъ надъ своею разорванностію, надъ своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ; она овладѣваетъ собою, противополагаетъ себѣ свое тѣло, которое прежде было непосредственно тожественно съ нею, даетъ ему независимое бытіе и въ тоже время обнаруживаетъ свою власть надъ нимъ. Слѣдовательно мы должны разсматривать здѣсь не противоположность между неопредѣленнымъ внутреннимъ единствомъ души вообще и внѣшнимъ міромъ, который она преднаходитъ. Мы должны разсмотрѣть господство души надъ тѣломъ. Чтобы вполнѣ освободиться, чтобы взойти на ступень сознанія, душа должна предварительно овладѣть тѣломъ. Безспорно индивидуальная душа уже обладаетъ тѣломъ отъ природы: человѣкъ живетъ, пока живъ его организмъ; этотъ послѣдній не чуждъ ему, онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность самой идеи человѣка, онъ есть внѣшнее осуществленіе его понятія; черезъ его посредство человѣкъ связанъ съ остальнымъ міромъ. И кстати сказать, нѣтъ ничего пустѣе представленія, будто для человѣка совершенно излишне его тѣло, потому что это послѣднее

только принуждаетъ его заботиться объ удовлетвореніи его физическихъ потребностей, только отвлекаетъ его отъ чисто духовной жизни и дѣлаетъ его неспособнымъ къ истинной свободѣ. Напротивъ, всякій хотя бы не мыслящій, но вѣрующій въ простотѣ своего сердца человѣкъ свободенъ отъ такихъ пустыхъ представленій, потому что онъ ежедневно проситъ Бога, вѣчнаго Духа, объ удовлетвореніи своихъ тѣлесныхъ потребностей. Но философія показываетъ, что духъ только тогда сознаетъ себя въ своей всеобщности, когда онъ противополагаетъ себѣ матеріальный міръ,—будетъ ли то его собственный организмъ, или вообще весь внѣшній міръ,—и возвращается къ единству съ нимъ, торжествуя надъ этою мнимою противоположностію. Естественно что духъ еще теснѣе связанъ съ своимъ собственнымъ тѣломъ, чѣмъ съ остальнымъ внѣшнимъ міромъ. Вслѣдствіе этой необходимой связи между ними, душа не ограничивается только *отрицаніемъ* тѣла, при чемъ она сама становится *конечною*,—но примиряется съ нимъ.

Первоначально человѣкъ долженъ заботиться о *непосредственной* гармоніи между душою и тѣломъ. Онъ не долженъ, конечно, дѣлать его исключительнымъ предметомъ своихъ занятій, какъ это дѣлаютъ атлеты и канатные плясуны; но онъ долженъ радѣть о немъ, долженъ беречь его, заботиться о его здоровьи и крѣпости; онъ не долженъ относиться къ тѣлу презрительно и враждебно. Въ случаѣ небреженія или злоупотребленія своимъ физическимъ здоровьемъ, человѣкъ ставитъ себя въ зависимость отъ тѣла и подчиняется ему. Тогда оно само относится къ человѣку отрицательно и враждебно, возмущается противъ него и мститъ его духу. Напротивъ, когда онъ удовлетворяетъ требованіямъ своей физической организаціи, его душа свободна въ своемъ тѣлѣ.

Но душа не можетъ остановиться на этомъ *непосредственномъ* единствѣ съ тѣломъ. Такая непосредственная гармонія противорѣчитъ самому понятію души. Назначеніе души—*придти, путемъ отрицанія, къ единству съ тѣломъ*. Впослѣдствіи мы увидимъ что душа дѣйствительно приходитъ

къ такому единству, которое есть результатъ собственной дѣятельности духа; она превращаетъ тѣло въ покорное и искусное орудіе, способное служить цѣлямъ духа. Этимъ она исполняетъ свое назначеніе: она вступаетъ во владѣніе тѣломъ, находитъ въ немъ самое себя и тѣло становится принадлежностію, вполнѣ соотвѣтствующею коренной основѣ души, именно свободному духу. Вообще человѣкъ относится къ міру черезъ посредство тѣла. Если онъ хочетъ безпрепятственно осуществлять свои цѣли, онъ долженъ такъ преобразовать свое тѣло, чтобы оно сдѣлалось способно переводить его субъективныя намѣренія въ объективность. Отъ природы тѣло неспособно служить цѣлямъ духа; напротивъ оно отправляетъ одни функціи животной жизни. Но эти органическія отправленія совершаются безъ участія духа. Духъ долженъ самъ заботиться о томъ, чтобы тѣло сдѣлалось способно повиноваться ему. Животное повинуется инстинктамъ и его тѣло непосредственно исполняетъ все, требуемое идеею животнаго; напротивъ человѣкъ долженъ самъ приложить стараніе къ тому, чтобы сдѣлаться властелиномъ своего тѣла. Вначалѣ силы души дремлютъ и сама она не даетъ никакого опредѣленнаго направленія дѣятельности тѣлесныхъ органовъ. Чтобы дать такое направленіе, необходимо *упражненіе*. Сначала тѣло не повинуется, дѣйствуетъ невѣрно, сила его движеній то не достигаетъ предположенной цѣли, то превышаетъ ее. Чтобы найдти надлежащую мѣру, человѣкъ долженъ обращать вниманіе на разнообразныя условія, налагаемыя тою средою, въ которой онъ хочетъ осуществить свою цѣль и соразмѣрять съ ними силу своихъ движеній. Вотъ почему самый талантъ не можетъ обойтись безъ знанія техники, если онъ хочетъ найдти должное выраженіе своимъ идеямъ.

Когда такія тѣлесныя отправленія повторяются часто по волѣ духа, они дѣлаются болѣе и болѣе сообразны его цѣлямъ, потому что душа ближе знакомится со всѣми необходимыми обстоятельствами и условіями, освоивается со своими проявленіями и дѣлается болѣе и болѣе способна непосредственно воплощать свои внутреннія опредѣленія; тѣло болѣе и болѣе становится ея собственностію, ея послушнымъ инстру-

ментомъ. Такимъ образомъ устанавливается непосредственное, такъ сказать магическое вліяніе души на тѣло.

Упражняясь въ дѣйствіяхъ этого рода, человѣкъ пріобрѣтаетъ въ нихъ навыкъ, сохраняетъ ихъ въ своей памяти и въ своей мысли. Въ тоже время онъ выводитъ изъ своей опытности *общее правило*, которое онъ передаетъ другимъ. Общій результатъ, вытекающій изъ этихъ частныхъ условій, можетъ быть чрезвычайно *простъ*, такъ что исполняя какое нибудь дѣло, вошедшее въ привычку, мы уже не сознаемъ всѣхъ многочисленныхъ элементовъ, изъ которыхъ этотъ результатъ сложился. Примѣромъ этому можетъ служить письмо. Когда мы учимся писать, мы принуждены обращать вниманіе на множество мелкихъ условій. Но какъ скоро мы пріобрѣли навыкъ въ этомъ занятіи, мы такъ овладѣваемъ всѣми этими мелочами, такъ обнимаемъ ихъ своею мыслію, что мы уже не вспоминаемъ объ нихъ и обращаемъ свое вниманіе только на то, чтȯ есть въ нихъ главнаго и общаго. Итакъ навыкъ состоитъ въ томъ, что мы сосредоточиваемъ свое вниманіе на предметѣ, интересуемся имъ, и въ тоже время отвращаемъ свое вниманіе отъ предмета, равнодушны къ нему;—мы усвоиваемъ себѣ предметъ и въ тоже время дѣлаемся чужды ему; — съ одной стороны наша душа совершенно проникаетъ въ свои опредѣленія, а съ другой оставляетъ ихъ на собственный произволъ, отчего они становятся механическими и безсознательными.

c. Душа существующая въ дѣйствительности.

§ 411.

Когда душа проникла и усвоила себѣ тѣло, она существуетъ какъ *единичный* субъектъ и тѣло есть только внѣшность субъекта, его предикатъ, его *внѣшнее выраженіе*. Тѣло уже не имѣетъ значенія само по себѣ, оно получаетъ значеніе какъ выраженіе души. *Душа существуетъ въ дѣйствительности*, когда внутренній элементъ тожественъ со внѣшностію и подчинилъ ее себѣ. Тѣло есть образъ души; душа

чувствуетъ въ немъ свое присутствіе и даетъ себя чувствовать черезъ его посредство. Какъ художественное произведеніе души, тѣло имѣетъ *человѣческое*, патогномоническое и физіономическое значеніе.

Примѣч. Душа человѣческая обнаруживаетъ себя во первыхъ въ вертикальномъ положеніи тѣла, далѣе въ ловкости рукъ, какъ самаго совершеннаго инструмента, въ игрѣ лица, въ улыбкѣ, плачѣ и проч. Она разливаетъ свое отраженіе по всему тѣлу и даетъ чувствовать, что это послѣднее есть внѣшность высшей природы. Это отраженіе очень неопредѣленно, неуловимо, потому что тѣло есть все таки непосредственный и внѣшній предметъ; оно служитъ самымъ несовершеннымъ и неполнымъ *знакомъ* души и не можетъ выразить ея *общаго начала.* Животнымъ доступны одни внѣшнія, тѣлесныя проявленія духа въ человѣкѣ. Но человѣкъ видитъ въ нихъ только *первые* проблески духа, который находитъ свое полное выраженіе въ *словѣ* и *рѣчи.* Хотя духъ уже начинаетъ обнаруживать себя во внѣшности, когда отпечатлѣвается въ тѣлѣ, но эти проявленія духа всегда болѣе или менѣе *случайны*, такъ что нельзя придавать никакого особеннаго значенія такъ называемымъ физіономическимъ и патогномоническимъ признакамъ. По этому старанія создать особую науку физіономику и даже краніоскопію были совершенно пусты. Такъ изъ внѣшняго вида минераловъ или растеній (т. н. *signatura rerum*) нельзя заключить о ихъ цѣлебныхъ свойствахъ.

Приб. Послѣдній отдѣлъ антропологіи, какъ мы уже сказали въ обзорѣ этой науки (см. § 390), составляетъ *душа, осуществляющаяся въ дѣйствительности.* Сперва мы разсматривали душу погруженную въ тѣло, непосредственно и нераздѣльно связанную съ *врожденными качествами.* Потомъ мы видѣли, что душа уединилась какъ субъектъ и противопоставила себѣ свои непосредственныя опредѣленія или свои *чувства.* Наконецъ душа торжествуетъ надъ этою противоположностію, дѣлаетъ тѣло своимъ собственнымъ выраженіемъ,—т. е. *осуществляется въ дѣйствительности.*

Переходною ступенью является здѣсь понятіе *привычки.* Привычныя дѣйствія и явленія становятся *независимыми*,

внѣшними, — и въ тоже время душа безпрепятственно проникаетъ въ тѣло и подчиняетъ его своей власти. Такимъ образомъ душа миритъ противоположность между собою и тѣломъ, или между *внутреннимъ* элементомъ и *внѣшнимъ*. Какъ скоро это единство установилось, сдѣлалось какъ будто непосредственнымъ, мы называемъ его *осуществленіемъ души въ дѣйствительности*, или дѣйствительнымъ существованіемъ души.

Здѣсь мы говоримъ уже не о физіологическихъ отправленіяхъ организма, а также и не о невольномъ воплощеніи ощущеній въ извѣстные органы тѣла, но о свободныхъ проявленіяхъ души восторжествовавшей надъ ея противоположностію съ тѣломъ.

Непроизвольныя воплощенія внутреннихъ ощущеній, которыя мы разсматривали въ концѣ перваго отдѣла антропологіи (§ 401) замѣчаются какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Свободныя проявленія души, о которыхъ мы теперь говоримъ, налагаютъ такую своеобразную духовную печать на тѣло человѣка, что онъ гораздо больше различается отъ животныхъ этимъ духовнымъ выраженіемъ, чѣмъ всѣми другими различіями, существующими отъ природы. Со стороны его физической организаціи человѣкъ мало отличается отъ обезьяны; но духовная печать, лежащая на его тѣлѣ, дѣлаетъ его болѣе близкимъ къ другимъ животнымъ, имѣющимъ низшую организацію, чѣмъ къ обезьянѣ.

Духовнымъ выраженіемъ преимущественно запечатлѣно *лицо*, потому что голова есть главное мѣстопребываніе духа. Остальное тѣло служитъ преимущественно для отправленій животной жизни и потому образованные народы прикрываютъ его изъ чувства стыда. Но и здѣсь духъ обнаруживаетъ себя въ различныхъ *позахъ тѣла*. По этому художники классической древности, которые изображали духовныя движенія преимущественно по скольку они отражаются во внѣшности, обращали особенное вниманіе на позы и положенія изображаемыхъ лицъ. Духовное выраженіе лица достигается игрою личныхъ мускуловъ, или т. н. *игрою физіономіи*. Такія же запечатлѣнныя духомъ движенія въ осталь-

номъ тѣлѣ образуютъ собственно такъ называемую *мимику*. Вообще духъ преимущественно обнаруживаетъ себя въ *вертикальномъ положеніи тѣла*, которое свойственно одному человѣку, потому что даже орангъ-утангъ стоитъ не иначе какъ съ помощію палки. Это положеніе не есть врожденное, оно не существуетъ отъ природы, человѣкъ выпрямляется вслѣдствіе энергіи своей воли; впослѣдствіи, когда онъ привыкаетъ къ этому положенію, онъ уже не дѣлаетъ никакихъ усилій воли; но оно тѣмъ не менѣе постоянно зависитъ отъ нея, — иначе человѣкъ мгновенно упадетъ. Искусныя движенія *рукъ* и *пальцевъ* также свойственны одному человѣку; ни одно животное не имѣетъ такого совершеннаго орудія для внѣшней дѣятельности. Человѣческая рука, это орудіе изъ орудій, способна исполнять самыя разнообразныя проявленія воли. Мимическія движенія мы обыкновенно дѣлаемъ сначала пальцами, потомъ всею рукою и наконецъ всѣмъ тѣломъ.

Интересно разсмотрѣть значеніе игры лица и мимики. Однакожъ не всегда легко сказать, почему мы приписываемъ извѣстное символическое значеніе нѣкоторымъ физіономическимъ и мимическимъ движеніямъ и почему мы связываемъ извѣстный смыслъ съ такими движеніями. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ. Наклоненіе головы означаетъ согласіе, потому что мы выражаетъ этимъ свое подчиненіе. Когда мы хотимъ выразить свое уваженіе, мы кланяемся. Но Европейцы всегда наклоняютъ только верхнюю частѣ тѣла, потому что они не отказываются отъ своей самостоятельности. Напротивъ восточные народы простираются передъ своимъ господиномъ на землю; они не осмѣливаются смотрѣть ему въ глаза, потому что это значило бы выразить свою независимость, между тѣмъ какъ одинъ господинъ имѣетъ право свысока опускать свои взоры на раба и слугу. Качаніе головы означаетъ отрицаніе, потому что оно намекаетъ на шаткость и нетвердость. Закинуть голову, значитъ выразить презрѣніе, считать кого нибудь ниже себя. Вздернуть носъ, значитъ показать отвращеніе, какъ будто къ дурному запаху. Морщить лобъ, значитъ досадовать на кого нибудь, сосредоточиваться въ самомъ себѣ. Мы вытягиваемъ

лицо, когда обманулись въ своемъ ожиданіи, потому что въ этомъ случаѣ мы теряемся и наши силы слабѣютъ. Но главнымъ выраженіемъ нашихъ чувствъ служитъ окружность рта, потому что изъ него исходитъ рѣчь, сопровождаемая разнообразными движеніями губъ.—Далѣе, когда что нибудь изумляетъ и поражаетъ насъ, мы всплескиваемъ руками надъ головою, какъ будто хотимъ отвратить ударъ отъ своей головы. — Когда мы обѣщаемъ что нибудь исполнить, мы подаемъ руку въ знакъ согласія и единства. Не менѣе выразительна *походка*, или движеніе нижнихъ конечностей. Во всякомъ случаѣ она должна быть сдержанная, т. е. должна выражать преобладаніе духа надъ тѣломъ. По походкѣ можно однакожъ узнать не только благовоспитанность, но также характеръ и нравъ человѣка, напр. небрежность, притворство, тщеславіе, льстивость и проч.,—или привычку къ порядочности, скромность, разсудительность, откровенность и т. д.; по походкѣ мы легко различаемъ людей другъ отъ друга.

Впрочемъ у образованнаго человѣка, игра физіономіи и мимика менѣе рѣзки, чѣмъ у необразованнаго. Образованный человѣкъ умѣетъ подавлять свои чувства и страсти, и потому онъ держитъ себя спокойнѣе извнѣ и соблюдаетъ среднюю мѣру въ свободномъ проявленіи своихъ ощущеній. Напротивъ, человѣкъ необразованный не умѣетъ владѣть собою и, чтобы быть понятнѣе, онъ прибѣгаетъ къ излишнимъ тѣлодвиженіямъ, которыя нерѣдко переходятъ въ гримасы и становятся смѣшными. Въ гримасѣ движеніе души вполнѣ воплощается во внѣшности; каждое чувство проникаетъ здѣсь весь составъ человѣка и исключительно поглощаетъ его собою, какъ это бываетъ у животныхъ. Человѣкъ образованный не расточителенъ въ игрѣ физіономіи и въ тѣлодвиженіяхъ; онъ находитъ достойное и вполнѣ достаточное средство для выраженія своихъ чувствъ въ *рѣчи*. Рѣчь способна выразить и передать всѣ оттѣнки представленій и мыслей; въ этомъ отношеніи древніе доходили даже до крайности; актеры всегда надѣвали у нихъ маски; они довольствовались неподвижнымъ характеристическимъ выраженіемъ маски и отказывались отъ живой игры лица.

Силою привычки эти произвольныя движенія становятся механическими и совершаются безъ участія воли. Наоборотъ нѣкоторыя непроизвольныя воплощенія нашихъ ощущеній, о которыхъ мы говорили выше (§ 401), могутъ совершаться сознательно и свободно. Сюда относится напримѣръ *голосъ*. Преобразуясь въ рѣчь, онъ перестаетъ быть невольнымъ проявленіемъ внутреннихъ движеній души. Точно также, когда мы смѣемся надъ кѣмъ нибудь, нашъ смѣхъ дѣлается произвольнымъ. Вздохъ большею частію также зависитъ отъ нашей воли. Вотъ почему мы разсматривали движенія, служащія выраженіемъ нашей души, въ двухъ мѣстахъ: во перыхъ—когда мы говорили объ ощущеніяхъ и во вторыхъ — въ настоящемъ мѣстѣ. Тамъ мы уже замѣтили, что нѣкоторыя непроизвольныя движенія близки къ явленіямъ физіономическимъ и патогномоническимъ, которыя теперь занимаютъ насъ. Между явленіями здѣсь упомянутыми можно сдѣлать такое различіе, что явленія патогномоническія служатъ преимущественно выраженіемъ преходящихъ страстей, а физіономическія явленія — выраженіемъ характера и, слѣдственно, вообще чего-то болѣе постояннаго. Впрочемъ первыя нечувствительно переходятъ во вторыя, когда страсти не проходятъ быстро, но укореняются въ человѣкѣ. Такъ продолжительный гнѣвъ запечатлѣвается на лицѣ, ханжество проникаетъ во все существо и налагаетъ неизгладимую печать на лицо и весь составъ человѣка.

Физіономія каждаго человѣка имѣетъ нѣчто особенное, своеобразное,—нѣчто пріятное или непріятное,—и обличаетъ силу или слабость характера. Мы привыкли дѣлать свои заключенія о людяхъ съ перваго взгляда. Но при этомъ всегда можно ошибиться, потому что внѣшность имѣетъ характеръ непосредственности; она болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ духу, но это соотвѣтствіе не полно, такъ что благопріятная или неблагопріятная внѣшность могутъ скрывать за собою нѣчто такое, что̀ не обнаруживается съ перваго вида. Вотъ почему часто злоупотребляютъ библейскимъ выраженіемъ: остерегайся того, на кого Богъ наложилъ свою печать. Не должно забывать что сужденіе, основанное на внѣшнемъ выраженіи физіономіи, есть *непосредственное* сужденіе; оно можетъ быть

истинно, но можетъ быть и ложно. Прежде питали совершенно неосновательное уваженіе къ физіономикѣ, которую хотѣлъ создать *Лафатеръ*, и ожидали отъ нея особенной пользы для такъ называемаго знанія людей. Теперь эта наука справедливо потеряла довѣріе. Узнать человѣка можно гораздо вѣрнѣе не изъ его внѣшности, а изъ его *поступковъ*. Даже самая *рѣчь* можетъ служить не столько къ тому чтобы обнаруживать, сколько къ тому чтобы скрывать мысли человѣка.

§ 412.

Матерія потеряла свое значеніе для души. Душа существуетъ самостоятельно, различаетъ себя отъ своего непосредственнаго состоянія, противополагаетъ его себѣ какъ свое тѣло и свободно воплощается въ немъ. Когда душа противополагаетъ себѣ свои тѣлесныя состоянія, но признаетъ ихъ своими собственными опредѣленіями, она перестаетъ быть духомъ, погруженнымъ въ *непосредственныя формы бытія*, т. е. *душою*. Въ самомъ дѣлѣ, когда душа *привыкла* къ своимъ ощущеніямъ и когда ея самочувствіе *наполнено* внутреннимъ содержаніемъ, она совмѣщаетъ въ своемъ идеальномъ единствѣ всѣ свои опредѣленія, она внесла ихъ въ свой внутренній элементъ и составляетъ безконечное соотношеніе съ собою. Какъ скоро свободная всеобщность существуетъ независимо, душа пробуждается въ новой формѣ бытія: она является какъ Я.—Я, эта отвлеченная всеобщность, имѣетъ предметомъ самого себя. Оно есть *мыслящее Я* или *субъектъ*. Но должно замѣтить, что Я, какъ субъектъ, исключаетъ изъ себя цѣлость своихъ природныхъ опредѣленій, — какъ свой объектъ, или какъ *внѣшній ему міръ*. Субъектъ находится въ сотношеніи съ этимъ міромъ и возвращатся отъ него къ самому себѣ. Такой субъектъ есть *сознаніе*.

Приб. Мы видѣли, какимъ образомъ душа воплощается въ тѣло; но это не значитъ чтобы всякое различіе между ними исчезало. Напротивъ самая природа духа требуетъ, чтобы это различіе сохраняло свою силу. По этому тѣло,

какъ элементъ природы, совершаетъ свои органическія отправленія самостоятельно, независимо отъ души. Тѣло, повинующееся своимъ собственнымъ законамъ, только испытываетъ вліяніе души. Въ свою очередь душа ощущаетъ эту ограниченность ея власти, она сосредоточивается въ самой себѣ и отчуждается отъ тѣла. Сосредоточиваясь въ самомъ себѣ, духъ освобождается отъ непосредственнаго бытія и является какъ отвлеченная *сущность*, — какъ *Я*. — Мы уже видѣли, что душа есть самообладающій субъектъ, и потому она носитъ въ себѣ задатокъ, изъ котораго можетъ развиться сознательная, всеобщая мысль, или Я. Но субъектъ погруженный въ тѣло, т. е. нераздѣльный отъ своихъ непосредственныхъ опредѣленій, еще не есть Я. Я есть всеобщій, простой субъектъ, который имѣетъ предметомъ самого себя; другими словами, онъ соотносится къ самому себѣ какъ къ простому и всеобщему объекту.

Этотъ простой, всеобщій субъектъ приходитъ къ сознанію о самомъ себѣ только въ формѣ Я=Я. Мы уже говорили, что въ природѣ всеобщее, стремясь къ такому освобожденію, достигаетъ его не иначе, какъ уничтожая единичность; это освобожденіе не полно. Душа погруженная въ тѣло также содержитъ только задатокъ, изъ котораго развивается свободный духъ. Такой свободный субъектъ есть *Я*. Когда душа пробуждалась отъ сна, она ощущала разрозненныя впечатлѣнія, не имѣвшія никакой связи между собою. Теперь духъ пробуждается для болѣе высокой дѣятельности; духъ, какъ молнія, озаряетъ душу погруженную въ тѣло, онъ проникаетъ въ ея внутреннюю сущность и приводитъ эту послѣднюю къ своему сознанію.

Слѣдивши за развитіемъ духа въ антропологіи, мы видѣли что все оно стремится къ этой цѣли. Если мы бросимъ общій взглядъ на это развитіе, мы найдемъ что душа *животнаго* погружена въ одни отдѣльныя и ограниченныя ощущенія. Душа *человѣка* возвышается надъ ограниченнымъ содержаніемъ ощущеній, которыя противорѣчатъ ея безконечной природѣ, и торжествуетъ надъ ними; обращая ихъ въ *привычныя* состоянія, она усвоиваетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ

принадлежностію своей всеобщей, цѣлостной природы.— Такимъ образомъ она наполняется содержаніемъ, имѣющимъ общій характеръ, признаетъ его своею собственностію, а съ другой стороны преобразуетъ тѣло въ свободное выраженіе ея самой. Этимъ путемъ она является, въ лицѣ индивидуума, какъ *всеобщность имѣющая предметомъ самое себя;* она освободилась отъ тѣла и образуетъ *отвлеченную, въ самой себѣ замкнутую цѣлость.*

Геній, о которомъ мы говорили выше, оказываетъ свою власть на другое недѣлимое; онъ дѣйствуетъ *извнѣ* и потому самому только *внутренно.* Теперь душа осуществила свои опредѣленія въ тѣлѣ, дала имъ бытіе; но она усвоила это послѣднее: слѣдственно *субъектъ, созерцая свой предметъ, созерцаетъ самого себя.*

Я есть именно это *само-созерцаніе.*

В

Феноменологія духа.

Сознаніе.

§ 413.

Сознаніе есть ступень рефлексіи, или *отношенія* духа, и наука о сознаніи есть наука о *явленіяхъ* духа. Наше Я есть безконечное соотношеніе духа съ самимъ собою;—но духъ, на ступени сознанія, признаетъ себя *духомъ субъективнымъ*, онъ только *увѣренъ въ собственномъ бытіи*. Непосредственное тожество естественной души возвысилось на ступень чистаго, идеальнаго тожества; это послѣднее дѣлаетъ содержаніе первой *предметомъ* своей рефлексіи. Чистая, свободная мысль противополагаетъ себѣ свою опредѣленность, именно естественную жизнь души, подъ видомъ свободнаго, *самостоятельнаго объекта*. Вначалѣ, наше я имѣетъ сознаніе объ этомъ *внѣшнемъ ему* объектѣ. И такъ, наше я остается тожественно съ собою, соотносясь къ своему объекту; Я есть оно само и въ тоже время переступаетъ за противоположный ему объектъ, потому что этотъ объектъ перестаетъ быть для него инымъ. Оно составляетъ только *одну* сторону отношенія и въ тоже время оно образуетъ *полное* отношеніе; оно похоже на *свѣтъ*, который обнаруживаетъ себя и свое противоположное.

Приб. Какъ мы сказали въ предъидущемъ §, наше Я есть всеобщая мысль, которая опредѣлена индивидуально и которая тожественна со своею опредѣленностію, или со своимъ различающимся содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно *отрицательно* соотносится къ самому себѣ; и потому, съ одной стороны, оно есть отвлеченное всеобщее начало, которое не наполнено никакимъ содержаніемъ; а, съ другой стороны, оно есть отвлеченная, простая единичность. Не мы сами дѣлаемъ это различіе между противоположными моментами сознанія; напротивъ, наше я само различаетъ себя отъ

самого себя, потому что оно есть всеобщая единичность. Это не такая единичность, которая исключала бы изъ себя всякое различіе; напротивъ, единичность противополагаетъ себѣ самое себя и потому она есть всеобщее начало.

Но, какъ отвлеченная, еще не наполненная единичность, Я есть только *бытіе*. По этому мое я нераздѣльно связано съ моимъ бытіемъ. Мое бытіе ничѣмъ не различается отъ самого меня. Съ одной стороны, я могу сдѣлать различіе между моимъ бытіемъ и моимъ я; потому что бытіе есть *абсолютно непосредственная*, *неопредѣленная*, *безграничная* категорія; напротивъ, Я есть *мысль*, которая *различается отъ самой себя* и дѣлается *непосредственною*, отрицая свое различіе. Но съ другой стороны, нельзя не признать, что бытіе и мышленіе тожественны, потому что мышленіе возвращается изъ состоянія посредственности къ непосредственности, или изъ различія къ совершенному единству съ собою. Итакъ, я есть бытіе, или содержитъ въ себѣ бытіе какъ свой моментъ. Когда я противополагаю себѣ это бытіе и въ тоже время сознаю, что оно тожественно со мною, я *сознаю* свое бытіе, или абсолютно *увѣренъ* въ своемъ бытіи. Не должно представлять себѣ, чтобы эта увѣренность въ своемъ бытіи была только *свойствомъ* нашего я и чтобы это послѣднее могло существовать и безъ этого свойства. Напротивъ, наше я нераздѣльно съ увѣренностію въ своемъ бытіи, или лучше сказать, оно есть не что другое, какъ эта самая увѣренность, потому что оно различается въ самомъ себѣ и признаетъ свое тожество съ различающимся предметомъ, т. е. имѣетъ сознаніе о самомъ себѣ. Я также тѣсно связано съ достовѣрностію своего бытія, какъ воля связана съ свободою. Первая составляетъ самую природу нашего я, какъ послѣдняя составляетъ природу воли. Но отвлеченная увѣренность въ своемъ бытіи соотвѣтствуетъ только низшей, *субъективной формѣ* свободы, или *произволу*; только увѣренность въ существованіи *объективной истины* соотвѣтствуетъ *дѣйствительной* свободѣ воли.

Итакъ, вначалѣ наше я, которое убѣждено въ своемъ бытіи, есть только *субъективный духъ*, *свободная*; но *отвлеченная мысль;* оно еще никакъ не опредѣлено, оно отри-

цаетъ всякое ограниченіе. По этому, когда оно различается отъ самого себя, или когда оно отталкиваетъ себя отъ самого себя этотъ различающійся предметъ различается отъ него только по формѣ, и не образуетъ дѣйствительнаго содержанія. Но, какъ мы видѣли въ логикѣ, всякое отвлеченное различіе дѣлается дѣйствительнымъ различіемъ, восходящимъ до противоположности. Въ антропологіи мы видѣли, что субъектъ или душа составляетъ безсознательное единство духовнаго и естественнаго элемента. Напротивъ, наше я сохраняетъ увѣренность въ своемъ бытіи и сознаніе своей субъективной свободы; по этому себѣ, какъ сознательной мысли, оно противополагаетъ объектъ, какъ самостоятельную *цѣльность*, или какъ *предметъ*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этотъ предметъ образуетъ тѣло, вообще природа. Итакъ, съ одной стороны, существуетъ наше я, какъ отвлеченный, субъективный духъ, который различается отъ самого себя, но еще ни чѣмъ не наполненъ. Это наполненіе, или содержаніе привходитъ извнѣ и принадлежитъ внѣшнимъ предметамъ. Но, въ сущности, этотъ предметъ есть собственная опредѣленность сознательной мысли, ибо наше я есть единство себя и своего инаго; по этому оно необходимо *соотносится* со своимъ предметомъ и возвращается отъ предмета къ самому себѣ, т. е. оно есть *рефлексія*. Другими словами, наше я переступаетъ за свой предметъ, оно предугадываетъ свое тожество съ нимъ; т. е. соотносясь къ иному, оно остается при себѣ самомъ, или, созерцая иное, оно сохраняетъ увѣренность, что это иное нераздѣльно съ его собственнымъ бытіемъ. Когда я имѣю сознаніе о самомъ себѣ, я имѣю сознаніе о предметѣ, который мнѣ противоположенъ и который въ тоже время сохраняется во мнѣ и тожественъ со мною.

Вотъ почему мы сравнили наше *я* со *свѣтомъ*. Свѣтъ обнаруживаетъ себя и свое противоположное, именно *мракъ*; и онъ можетъ обнаружить себя не иначе, какъ обнаруживши свое противоположное. Точно также, я обнаруживается передъ самимъ собою только тогда, когда оно обнаруживаетъ передъ собою свое иное, подъ видомъ независимаго объекта.

Изъ сказаннаго видно, что сознаніе стоитъ выше души, погруженной въ тѣло. Первое вступаетъ въ борьбу со внѣшними предметами, тогда какъ послѣдняя находится, такъ сказать, въ дѣтскомъ единствѣ съ природою; она порабощена ею и потому она впадаетъ въ тѣ болѣзненныя состоянія духа, которыя мы разсматривали въ антропологіи.

§ 414.

Вначалѣ, тожество духа съ самимъ собою, или наше я, есть только формальное, отвлеченное тожество. Подъ видомъ *души*, духъ составлялъ всеобщую субстанцію; теперь онъ сосредоточился въ себѣ, опредѣлился какъ субъективный духъ, и соотносится къ содержанію этої субстанціи какъ къ своему отрицанію, какъ къ своему не-я. И такъ, сознаніе есть, какъ и всякое другое отношеніе, *противорѣчіе* между двумя сторонами, которыя независимы одна отъ другой и въ тоже время тожественны. Я есть *сущность* *) духа; а, по отношенію къ сущности, всякое непосредственное существованіе его (или всякая ступень его бытія) есть призракъ; слѣдственно, различныя ступени сознанія суть только *явленія* духа (*).

Приб. Сознательный духъ, или *отвлеченное я* отрицаетъ, или исключаетъ изъ себя свой предметъ. По этому, субъективная мысль есть мысль неопредѣленная, поверхностная, не абсолютная. Вслѣдствіе этого, сознаніе находится въ *противорѣчіи* съ самимъ собою; съ одной стороны оно признаетъ, что предметъ находится въ немъ самомъ; а съ другой стороны, что предметъ находится *внѣ* его и независимъ, подобно тому какъ *мракъ* независимъ отъ *свѣта*. Сознаніе убѣждено, что его предметъ внѣшенъ ему, *данъ* извнѣ, что онъ имѣетъ *непосредственное бытіе*, а не *поставленъ* самимъ я; оно еще не предугадываетъ, что предметъ тожественъ съ духомъ, и что онъ получилъ независимое существованіе вслѣдствіе того, что духъ раздвоился въ себѣ и противопоставилъ его самому себѣ. Это извѣстно только намъ, по-

---

(*) По этому наука о сознаніи есть наука о *явленіяхъ* духа, или *феноменологія* духа.—*Перев.*

тому, что мы уже знаемъ *идею* духа и съ ея точки зрѣнія смотримъ на отвлеченное сознаніе.

§ 415.

Вначалѣ, я видитъ въ себѣ только формальное тожество мысли; по этому оно полагаетъ, что дальнѣйшее развитіе сознанія (которое обусловливается *діалектическимъ* движеніемъ понятія) зависитъ не отъ его собственной дѣятельности, а отъ измѣненій *независимаго* объекта. Оттого, сознаніе видоизмѣняется согласно видоизмѣненію даннаго предмета и его развитіе обусловливается по видимому измѣненіемъ въ значеніи его объекта. Субъектъ сознанія, или *я*, есть мысль; логическое развитіе объекта приводитъ къ *единству субъекта и объекта*, къ ихъ абсолютной связи, такъ что субъектъ признаетъ объектъ своимъ собственнымъ опредѣленіемъ.

Примѣч. Можно сказать, что Кантъ смотрѣлъ на духъ только какъ на сознаніе; по этому его философія есть въ сущности феноменологія духа, а не философія духа. Она изслѣдуетъ только конечныя формы мысли и воли; она противополагаетъ нашему сознанію независимый и недоступный ему объектъ, который остается совершенно неопредѣленнымъ, и называетъ его: «*вещью самою по себѣ.*» Въ своей «критикѣ способности сужденія,» Кантъ составляетъ правильное понятіе объ *идеѣ* духа, какъ единствѣ субъекта и объекта, о *созерцающемъ разсудкѣ,* объ идеѣ природы и проч.; но онъ снова утверждаетъ, что эта идея есть только субъективная мысль (maxime), являющаяся въ сознаніи (сравн. § 58 во введеніи къ Логикѣ). Рейнгольдъ справедливо сказалъ, что философія Канта есть не что другое, какъ теорія *сознанія*, или, какъ онъ выражается, *способности представленія.* *Фихте* стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Онъ противополагаетъ нашему я — не-*я*, которое составляетъ *предметъ* нашего я, или является въ нашемъ *сознаніи.* Кантъ и Фихте остановились на понятіи субъективнаго духа, который противополагается своему предмету, и не дошли до истиннаго *понятія духа*, въ его *независимости* и *свободѣ.*

Что касается до философіи *Спинозы*, мы должны замѣтить, что наше понятіе духа стоитъ выше субстанціи Спинозы, по-

тому что духъ есть Я, свободный субъектъ, который различаетъ себя отъ своей опредѣленности. Это саморазличеніе есть основное опредѣленіе духа, и потому философію духа не слѣдуетъ смѣшивать съ спинозизмомъ.

Приб. 1. Дальнѣйшее развитіе сознанія есть продуктъ его собственной дѣятельности; при этомъ сознаніе обнаруживаетъ отрицательное вліяніе на объектъ и измѣняетъ его; но самое сознаніе убѣждено, что это измѣненіе совершается безъ его участія, и что тѣ опредѣленія, которыя оно даетъ предмету, принадлежатъ единственно этому послѣднему и даны въ немъ самомъ.

Приб. 2. Въ философіи Фихте, *Я* не можетъ восторжествовать надъ противоположностію съ *не-я*. Оно не достигаетъ до *истиннаго* единства съ этимъ послѣднимъ, но вѣчно *стремится* къ этому единству, и это потому что Я и не-я признаны абсолютными въ ихъ раздѣльности и конечности.

§ 416.

Сознаніе имѣетъ цѣлію сдѣлать явленіе духа тожественнымъ съ его сущностію; *оно должно превратить увѣренность духа въ самомъ себѣ—въ объективную истину*. Духъ, на ступени сознанія, конеченъ, потому что онъ есть только формальное соотношеніе съ собою, — *достовѣрность своего бытія*. Хотя онъ признаетъ объектъ *своимъ* объектомъ, т. е. вноситъ его въ отвлеченную всеобщность своего Я, тѣмъ не менѣе объектъ имѣетъ по видимому независимое и внѣшнее содержаніе.

Приб. Обыкновенно не дѣлаютъ различія между *достовѣрностію* и *истиною*. Такъ называютъ *истиннымъ* все, что *достовѣрно*, т. е. всякое субъективное представленіе, которое согласуется съ его объектомъ, — какъ бы дурно и недостаточно ни было содержаніе такого представленія. Но въ философіи должно различать *истинное* отъ *достовѣрнаго*. На ступени сознанія, духъ увѣренъ въ собственномъ бытіи; но эта достовѣрность *неистинна:* потому что духъ, въ этомъ состояніи, *противорѣчитъ самому себѣ*. Съ одной стороны онъ убѣжденъ, что не выходитъ изъ среды самого себя, или находится *при себѣ самомъ;* а съ другой стороны онъ

увѣренъ, наоборотъ, что его предметъ совершенно *противоположенъ* ему. Духъ долженъ разрѣшить это противорѣчіе, и оно само стремится къ этому результату. Субъектъ, который увѣренъ въ собственномъ бытіи, не долженъ находить свое ограниченіе въ объектѣ; субъективный элементъ долженъ получить объективное значеніе. И наоборотъ, предметъ долженъ сдѣлаться *моимъ* предметомъ не потому только, что онъ сознанъ отвлеченною мыслію, но потому что все его содержаніе есть результатъ мысли. Разумъ, *вѣрующій* въ самого себя, уже предугадываетъ, что эта цѣль будетъ достигнута. Но она дѣйствительно достигается разумомъ познающимъ, или *мыслящимъ знаніемъ*.

§ 417.

Ступени, посредствомъ которыхъ эта увѣренность превращается въ истину, суть слѣдующія:

а) *Сознаніе* какъ такое, которое противоположно объекту.

b) *Самосознаніе*, которое имѣетъ предметомъ самое я.

с) *Единство сознанія и самосознанія*, единство, благодаря которому духъ сознаетъ, что онъ самъ составляетъ содержаніе своего предмета, и что онъ опредѣленъ въ себѣ и для себя;—это *разумъ, понятіе духа*.

Приб. *Сознаніе* восходитъ на ступень *разума* посредствомъ *трехъ* ступеней, которыя указаны въ настоящемъ §. Эти ступени вытекаютъ изъ самого *понятія* предмета, которое тожественно какъ въ субъектѣ, такъ и въ объектѣ. По этому мы можемъ смотрѣть на эти ступени какъ на опредѣленія понятія, или какъ на сужденія.

1) Мы уже замѣтили, что *самое сознаніе*, или *отвлеченное я* смотритъ на это дѣло иначе. Въ самомъ дѣлѣ сознаніе, по мѣрѣ своего развитія, отрицаетъ независимость предмета, являвшагося ему какъ *не-я;* предметъ перестаетъ быть *непосредственнымъ, внѣшнимъ и единичнымъ*, потому что наша мысль даетъ ему форму *всеобщности* и вноситъ его въ свой собственный, *внутренній* элементъ. Другими словами, мысль усвоиваетъ себѣ *свои собственныя* опредѣ-

ленія, находимыя въ предметѣ, но она полагаетъ, что только усвоиваетъ себѣ внѣшній *объектъ*.

2) Такимъ образомъ наше *я* дѣлаетъ своимъ объектомъ *себя;* т. е *сознаніе* восходитъ на ступень *самосознанія*. Духъ сознаетъ, что онъ самъ властвуетъ и развивается въ объектѣ. На ступени сознанія, мы сознавали это;—на ступени самосознанія, духъ самъ сознаетъ это. — Самосознаніе дѣлаетъ сознаніе своимъ *предметомъ*, т. е. *противополагается* ему; но въ тоже время, оно содержитъ его какъ свой моментъ. Вслѣдствіе этого, самосознаніе отталкиваетъ себя отъ самого себя, противополагаетъ себѣ *другое* самосознаніе, дѣлаетъ его своимъ объектомъ; этотъ объектъ тожественъ съ нимъ и въ тоже время независимъ. Сначала этотъ объектъ составляетъ *другое, непосредственное, единичное я,*— или другая самосознательная личность.

3) Но когда объектъ теряетъ характеръ *исключительности* и *единичности*, онъ дѣлается *всеобщимъ объектомъ*, тожественнымъ съ понятіемъ или идеею.—Такимъ образомъ самосознаніе перестаетъ *противополагать* себѣ сознаніе, оно снова дѣлается *тожественно* съ нимъ. Такое *самосознающее я* есть *абсолютно свободный разумъ*, который *узнаетъ самого себя въ объективномъ мірѣ*.

Мы должны замѣтить, что *разумъ*, который является здѣсь какъ третья и послѣдняя ступень сознанія, не составляетъ результата, возникшаго изъ внѣшнихъ и чуждыхъ ему элементовъ. Напротивъ, онъ лежитъ въ основаніи сознанія и самосознанія; онъ есть ихъ *первобытный источникъ;* онъ отрицаетъ односторонность обѣихъ этихъ формъ и является какъ ихъ *первобытное единство* и ихъ *истина*.

a. Сознаніе какъ такое

α) *Чувственное сознаніе.*

§ 418.

Въ *непосредственномъ* сознаніи, духъ непосредственно убѣждается въ бытіи своего предмета. Самый предметъ не-

зависимъ, соотносится съ самимъ собою и есть какой нибудь *единичный* предметъ. Это—*чувственное сознаніе*.

Примѣч. Когда сознаніе приходитъ въ соотношеніе со своимъ предметомъ, оно переноситъ на него категоріи отвлеченной мысли, или отвлеченнаго я,—и признаетъ ихъ за опредѣленія самого предмета (§ 415). По этому чувственное сознаніе занимается *непосредственными* предметами и ихъ *качествами, существующими вещами, единичными объектами* и проч. По видимому оно есть самое богатое матеріаломъ, но оно есть самое бѣдное мыслями. Все разнообразное содержаніе его дано чувствами, оно образуетъ матеріалъ сознанія (§ 414). Это тѣ свойства и качества, которыя душа находитъ въ себѣ отъ природы, какъ мы это видѣли въ антропологіи. Душа, сосредоточиваясь въ самой себѣ, т. е. являясь какъ сознательный субъектъ (или я), противопоставляетъ себѣ этотъ матеріалъ и признаетъ, что онъ существуетъ *непосредственно*.

Въ моей «*феноменологіи духа*» я сказалъ, что предметъ чувственнаго сознанія составляютъ единичные объекты, существующіе въ пространствѣ и времени, т. е. *здѣсь* и *теперь*. Но эти опредѣленія составляютъ, собственно, предметъ созерцанія. Здѣсь мы должны смотрѣть только на отношеніе предмета къ *сознанію*. — Какъ мы сказали, предметъ является здѣсь *внѣшнимъ* для сознанія; намъ еще нѣтъ дѣла до того, что онъ внѣшенъ самому себѣ, т. е. существуетъ въ связи съ другими предметами въ пространствѣ и времени.

Приб. Первую ступень духа, составляющаго предметъ феноменологіи, образуетъ *сознаніе*. Оно является въ трехъ формахъ: 1) какъ *чувственное* сознаніе, 2) какъ *наблюденіе* и 3) какъ *разсудокъ*.

Эти формы слѣдуютъ одна за другою въ логическомъ порядкѣ.

1) Сначала объектъ есть *непосредственный* и *сущій*. Въ этомъ видѣ представляется онъ *чувственному* сознанію. Но эта непосредственность не истинна; отъ нея должно перейдти къ *существенной* сторонѣ объекта.

2) Чувственное сознаніе переходитъ въ *наблюденіе*, когда оно дѣлаетъ своимъ предметомъ *сущность* вещей. Съ этой

точки зрѣнія, оно приводитъ *единичныя* вещи въ связь со всеобщимъ началомъ; — но ограничивается тѣмъ, что сближаетъ ихъ; оно не узнаетъ истинной связи между единичными предметами и ихъ всеобщимъ началомъ, оно *спутываетъ* ихъ.

3) Это противорѣчіе ведетъ къ третьей ступени сознанія,— къ *разсудку*. Разсудокъ разрѣшаетъ это противорѣчіе, признавая что предметъ есть *проявленіе* независимаго *внутренняго начала*. Всякій живой организмъ представляетъ проявленіе внутреннихъ силъ. По этому изученіе жизни составляетъ шагъ къ *самосознанію*. Изучая живой организмъ, мы приходимъ къ заключенію, что *объектъ* есть выраженіе *субъективнаго* элемента. Сознаніе убѣждается, что оно составляетъ *сущность* предмета. По этому оно сосредоточивается въ самомъ себѣ и дѣлаетъ себя своимъ предметомъ.

Очертивши эти три ступени сознанія, мы обращаемся къ *чувственному* сознанію.

Чувственное сознаніе характеризуется не тѣмъ, что объектъ дѣлается доступенъ намъ черезъ посредство *чувствъ*,— это бываетъ и на другихъ ступеняхъ сознанія; но тѣмъ что оно разсматриваетъ объекты,—будутъ ли они внѣшніе или внутренніе,—въ ихъ *непосредственности* и, во вторыхъ, какъ *независимые* и *ему противоположные*. Здѣсь мысль непосредственная и единичная относится къ непосредственному и единичному предмету. Все *частное* содержаніе чувственныхъ предметовъ, напр. ихъ запахъ, вкусъ, цвѣтъ и проч. составляетъ, какъ мы видѣли (§ 401), предметъ *ощущенія*. Кромѣ того, всѣ чувственные предметы внѣшни самимъ себѣ, т. е. существуютъ разрозненно въ пространствѣ и времени; эти опредѣленія ихъ узнаются, какъ мы увидимъ, *созерцаніемъ* (§ 448). По этому на долю чувственнаго сознанія собственно остается одно опредѣленіе предмета какъ *вещи*; такъ что оно соединяетъ во едино разнообразное содержаніе ощущеній и признаетъ, что вещь существуетъ независимо во внѣшности. Оно сознаетъ эту непосредственную, единичную вещь,—которая является случайно сознанію и также быстро исчезаетъ изъ него: вообще, вещь является ему, со всѣми

своими свойствами, какъ данная; и сознаніе не рѣшаетъ вопроса о томъ, откуда-она произошла, отчего она имѣетъ извѣстныя свойства и истинна ли она.

Изъ сказаннаго видно, что *непосредственное* или *чувственное* сознаніе не соотвѣтствуетъ *всеобщему* содержанію *права, нравственности* и *религіи*. Эта форма можетъ только исказить такое содержаніе, потому что она превращаетъ необходимое, вѣчное, безконечное, внутреннее въ конечное, разрозненное и внѣшнее самому себѣ. Въ новое время допускали *непосредственное* знаніе о Богѣ; но такое знаніе по необходимости ограничивается тѣмъ, что Богъ *есть*,—что онъ существуетъ *внѣ* насъ,—и что чувство признаетъ въ немъ такія-то свойства. Такое, мнимо религіозное сознаніе имѣетъ своимъ результатомъ случайныя увѣренія о природѣ божества, которое отнесено за предѣлы міра.

§ 419.

Чувственный предметъ измѣняется, дѣлается *инымъ*. Самый предметъ, какъ *вещь*, имѣетъ *многія свойства*, а какъ единичный предметъ—*многія сказуемыя*. Отсюда являются многочисленныя соотношенія и связи предмета съ самимъ собою и съ другими существованіями,—или *всеобщія опредѣленія*. Эти логическія опредѣленія имѣютъ своимъ источникомъ самую *мысль*, или самое *Я*. Но это послѣднее полагаетъ, что самое явленіе, или самый предметъ измѣнился такимъ образомъ. Когда предметъ получилъ эти опредѣленія, чувственное сознаніе сдѣлалось *наблюденіемъ*.

Приб. Предметъ, составляющій содержаніе чувственнаго сознанія, развивается по законамъ *діалектики*. Чувственное сознаніе полагаетъ, что его предметъ есть какой нибудь *единичный* предметъ. Но вмѣстѣ съ этимъ оно должно допустить существованіе другихъ единичныхъ предметовъ. Единичный предметъ *исключаетъ* изъ себя всѣ другіе предметы,—но потому самому онъ находится въ связи съ ними, онъ переступаетъ за свой собственный предѣлъ, онъ является въ зависимости отъ другихъ предметовъ, онъ находитъ въ нихъ свое основаніе, т. е. содержитъ ихъ въ самомъ себѣ. Итакъ,

мысль, разсматривавшая *непосредственный единичный* предметъ, необходимо должна перейдти къ разсматриванію его *связи съ другими* предметами, т. е. *рефлексіи*. Знаніе, имѣющее цѣлію такія опредѣленія предметовъ, есть *наблюденіе*.

β) Наблюденіе.

§ 420.

Когда сознаніе переступило за непосредственный чувственный предметъ, оно хочетъ узнать его связь съ другими предметами, его основаніе, его всеобщее опредѣленіе, т. е. оно хочетъ узнать его *въ его истинѣ* (*). Такимъ образомъ къ чувственнымъ предметамъ присоединяются опредѣленія мысли. Сознаніе дѣлается тожественно съ предметомъ не въ отвлеченномъ смыслѣ—какъ *убѣжденіе въ бытіи предмета*, а въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ,—какъ *знаніе предмета*.

Примѣч. Мы сказали, что *Кантъ*, въ своей философіи, разсматривалъ духъ какъ сознаніе. Говоря опредѣленнѣе, онъ дѣлаетъ предметомъ своихъ изслѣдованій *наблюденіе* (или *опытное знаніе*), т. е. ту форму, которую мысль принимаетъ *въ обыкновенномъ сознаніи* и *въ опытныхъ наукахъ*. Здѣсь, мысль дѣлаетъ точкою своего исхода наблюденіе или восприятіе разрозненныхъ чувственныхъ предметовъ и стремится узнать истину, разсматривая ихъ въ связи одни съ другими; съ этою цѣлію она размышляетъ о нихъ, приводитъ ихъ въ зависимость одинъ отъ другаго и старается вывесть ихъ необходимыя и и всеобщія опредѣленія.

Приб. Наблюденіе начинается съ собиранія отдѣльныхъ фактовъ, съ изслѣдованія чувственныхъ предметовъ. Но оно не ограничивается опредѣленіемъ запаха, вкуса, цвѣта и прочихъ свойствъ предмета; оно приводитъ эти единичныя свойства въ связь со *всеобщимъ началомъ*, не подлежащимъ непосредственному наблюденію. Оно ищетъ узнать то единство, которое лежитъ въ основаніи разрозненныхъ явленій.

(*) « Den Gegenstand *in seiner Wahrheit nehmen*, d. h. *wahrnehmen*. »

Такъ напр. оно объясняетъ *явленія* тѣми *силами*, отъ которыхъ они зависятъ. Такимъ же образомъ оно опредѣляетъ взаимныя отношенія, или связи между единичными вещами. Итакъ чувственное сознаніе только констатируетъ факты, оно разсматриваетъ вещи въ ихъ непосредственности. Напротивъ, наблюденіе изслѣдуетъ связь вещей, оно узнаетъ при какихъ обстоятельствахъ происходятъ извѣстныя явленія, т. е. начинаетъ открывать истинную сущность вещей. Но эти изслѣдованія еще недостаточны. Когда мы нашли какой нибудь предметъ, который можетъ служить объясненіемъ даннаго явленія, то онъ въ свою очередь требуетъ такого же объясненія, такъ что этимъ путемъ мысль необходимо переходитъ отъ одного предназодимаго предмета къ другому и впадаетъ въ безконечный прогрессъ.

Таково *опытное знаніе*. Оно дѣлаетъ своимъ принципомъ наблюденіе и опытъ. Но философія не можетъ удовольствоваться такими недостаточными объясненіями, которыя неизбѣжны въ эмпирическихъ наукахъ; она должна доказать *абсолютную необходимость вещей*.

Мы уже сказали, что сознаніе приписываетъ свое дальнѣйшее развитіе измѣненію въ опредѣленіяхъ своего объекта (§ 415). Въ настоящемъ случаѣ, сознаніе, приступая къ наблюденію, переходитъ отъ единичныхъ предметовъ къ ихъ общимъ соотношеніямъ, т. е. къ отношеніямъ мысли. Такимъ образомъ оно отрицаетъ противоположность между предметомъ и мыслію; мысль дѣлается сосредоточеннѣе въ самой себѣ, углубляется въ себя. Но сознаніе не перестаетъ думать, что мысль напротивъ только больше углубляется въ самый предметъ.

§ 421.

Знаніе, на этой ступени, не опредѣляетъ истиннаго отношенія единичныхъ предметовъ къ ихъ всеобщимъ опредѣленіямъ; потому что оно приписываетъ *независимое бытіе* единичнымъ предметамъ и только приводитъ ихъ въ соотношеніе со всеобщими опредѣленіями мысли. Оно безпрестанно противорѣчитъ самому себѣ: оно признаетъ, что *единичныя* вещи должны составлять единственное основаніе знанія, и

въ тоже время оно допускаетъ, что истинное основаніе и истинную сущность знанія составляютъ ихъ *всеобщія* опредѣленія, или опредѣленія мысли. То оно приписываетъ самостоятельность *единству вещи*, то признаетъ независимыми различныя ея *свойства* и называетъ ихъ матеріями (сравн. § 122 и слѣд.) и т. д. Собственно къ этой ступени знанія относятся всѣ противорѣчія, которыя свойственны конечнымъ предметамъ и которыя мы разсматривали въ логикѣ. Всѣ эти противорѣчія совмѣщаются здѣсь, потому что существованіе опредѣлено здѣсь какъ *объектъ* (§ 194 и слѣд.).

γ) *Разсудокъ*.

§ 422.

Путемъ наблюденія знаніе убѣждается, что предметъ есть только *явленіе* и что его общія соотношенія образуютъ его *внутреннюю сущность*, или независимую всеобщность. Эта послѣдняя составляетъ предметъ *разсудка*.—Пришедши къ этому понятію, знаніе отрицаетъ самостоятельность многоразличныхъ чувственныхъ предметовъ и опредѣляетъ самую сущность какъ отвлеченное тожество съ собою (высшее существо); но, съ другой стороны, сущность содержитъ въ себѣ все разнообразіе явленій и остается тожественна съ собою въ безпрерывной смѣнѣ этихъ явленій. Такимъ образомъ сущность составляетъ *законъ* явленій, ихъ всеобщій и непреходящій элементъ.

Приб. Въ предыдущемъ § мы видѣли, что наблюденіе противорѣчитъ самому себѣ: оно признаетъ, что различныя опредѣленія чувственныхъ предметовъ независимы одно отъ другаго и отъ единства вещи; и въ то же время оно принуждено допустить ихъ зависимость отъ этого послѣдняго. Оно разрѣшаетъ это противорѣчіе, признавая, что всѣ эти опредѣленія суть не что другое, какъ *проявленія* внутренняго, *существеннаго элемента*. Такимъ образомъ соотношеніе предмета съ самимъ собою и его соотношеніе съ иными предметами перестаетъ распадаться и предметъ является какъ *отношеніе въ самомъ себѣ*. Когда сознаніе перестаетъ наблюдать предметы въ ихъ непосредственной единичности и допускаетъ совмѣстное и независимое существованіе еди-

ничныхъ предметовъ и всеобщаго элемента, и ищетъ ихъ взаимную связь, т. е. когда оно возвышается къ понятію *внутренней сущности* предмета, то оно дѣлается *разсудкомъ*. Этотъ внутренній элементъ не подлежитъ чувствамъ, онъ тожественъ съ субъективною мыслію, и разсудокъ признаетъ, что онъ образуетъ истину предметовъ.

Сначала этотъ внутренній элементъ отвлеченно *тожественъ съ собою, не различается въ самомъ себѣ*. Таково напримѣръ понятіе *силы* или *причины*. Но внутренній элементъ, разсматриваемый въ его истинѣ, долженъ быть *конкретнымъ*, т е. долженъ *различаться въ самомъ себѣ*. Такъ опредѣленный, онъ составляетъ *законъ* явленій. Всякій законъ,—относится ли онъ ко внѣшней природѣ, или къ нравственному міру,—образуетъ *нераздѣльное единство* или *необходимую внутреннюю связь* различныхъ опредѣленій — Такъ напр. законъ необходимо соединяетъ *преступленіе* съ *наказаніемъ*. Преступникъ можетъ думать, что наказаніе совершенно чуждо его дѣйствію; но самое понятіе преступленія необходимо содержитъ въ себѣ понятіе о наказаніи. Точно также,—въ природѣ,—законъ, по которому движутся планеты, именно что квадраты временъ обращенія относятся между собою какъ кубы разстояній, составляетъ необходимое единство различныхъ опредѣленій. Конечно, только *разумъ*, или спекулятивная мысль можетъ вполнѣ понять это единство. Но разсудокъ уже открываетъ его въ разнообразіи явленій. Въ законахъ обнаруживается разумъ, живущій въ мірѣ. Вотъ почему законы родственны разсудку и, углубляясь въ нихъ, онъ дѣлаетъ своимъ предметомъ самого себя.

§ 423.

Законъ выражаетъ связь всеобщихъ неизмѣнныхъ опредѣленій, и потому его необходимость лежитъ въ немъ самомъ. Каждое опредѣленіе вытекаетъ изъ другаго, потому что они составляютъ опредѣленія одного и того же всеобщаго элемента. Итакъ между этимъ всеобщимъ и его опредѣленіями собственно нѣтъ никакого различія. Такимъ образомъ исчезаетъ взаимная независимость субъекта и объекта, которая была свойственна сознанію какъ такому. Я, или

сужденіе, имѣетъ такой предметъ, который уже не различается отъ него самого; — оно имѣетъ предметомъ самого себя, — и сознаніе сдѣлалось *самосознаніемъ*.

Приб. Какъ мы сказали въ предыдущемъ §, сущность закона состоитъ въ томъ, что онъ различается *въ самомъ себѣ*, т. е. что онъ образуетъ *тожество* различающихся опредѣленій. Тоже самое составляетъ и сущность субъективной мысли, или сущность разсудка. Законъ различается не отъ чего нибудь ему противоположнаго, но отъ самого себя; тоже самое бываетъ и тогда, когда наше я дѣлаетъ предметомъ самого себя, или когда оно сознаетъ себя. Итакъ когда разсудокъ, или сознаніе, открываетъ *законы*, то законъ составляетъ противообразъ его собственнаго бытія, и сознаніе восходитъ этимъ путемъ на ступень *самосознанія*.

Но какъ мы сказали (см. § 422. Приб.), разсудокъ не можетъ *понять*, почему законъ образуетъ единство различающихся опредѣленій. Онъ не можетъ вывести изъ него этихъ опредѣленій по закону діалектики. По этому онъ смотритъ на законъ какъ на что-то мертвое и не открываетъ согласія между дѣятельностію закона и дѣятельностію субъективной мысли.

Созерцая живой организмъ, сознаніе открываетъ тотъ процессъ, посредствомъ котораго различающіяся опредѣленія выдѣляются изъ первобытнаго единства и снова возвращаются къ нему; оно убѣждается, что различающіяся опредѣленія не имѣютъ независимаго бытія и *находятся* въ *зависимости*. Въ самомъ дѣлѣ, въ живомъ организмѣ внутренняя сущность не остается отвлеченною, она осуществляется во внѣшности; но она отрицаетъ самобытность непосредственныхъ, внѣшнихъ членовъ и органовъ и возстановляется какъ истинно непосредственное бытіе; — она даетъ себѣ чувственное, внѣшнее выраженіе и снова сосредоточивается въ самой себѣ; — она дѣлается матеріальною, но матеріальныя части остаются въ зависимости отъ ихъ единства и образуютъ моменты, или члены цѣлаго. Словомъ, жизнь есть *сама себѣ цѣль*; — она находитъ въ самой себѣ свои средства; — такъ что живой организмъ есть цѣлость различій

и каждое изъ этихъ послѣднихъ есть вмѣстѣ и цѣль и средство. Когда сознаніе разсматриваетъ это *живое* единство, развивающееся по закону *діалектики*, оно само возвышается на ступень *самосознанія*. Самосознаніе есть сознаніе о такомъ субъектѣ, который имѣетъ объектомъ самого себя, т. е. различается отъ самого себя. Этотъ субъектъ разумѣетъ себя какъ *я*, и оно есть истина живаго существа.

b. Самосознаніе.

§ 424.

Истину сознанія составляетъ самосознаніе; послѣднее есть основаніе, сущность перваго, такъ что, въ дѣйствительности, всякое сознаніе инаго предмета есть уже самосознаніе. Я сознаю, что предметъ принадлежитъ мнѣ: онъ есть мое представленіе; слѣдовательно, сознавая его, я сознаю самого себя.

Общимъ выраженіемъ самосознанія служитъ формула: Я = Я,— потому что самосознаніе есть отвлеченная свобода духа, его чистое тожество съ собою (*).—Я, взятое такимъ образомъ, не имѣетъ предмета; потому что когда оно само служитъ себѣ предметомъ, предметъ не различается отъ него.

Приб. Выраженіе: Я=Я уже содержитъ въ себѣ сущность *разума* или *свободной мысли.* Моя мысль дѣлается свободною, или я становлюсь существомъ разумнымъ, когда я сознаю свое я, или когда я сознаю, что всякій предметъ моего сознанія есть принадлежность моего я,—другими словами, что всякій объектъ есть звено съ системѣ моего собственнаго духа,—словомъ, что въ актѣ сознанія мое *я* тожественно съ *міромъ*, что міръ есть противообразъ меня самого, и на оборотъ, что въ моемъ сознаніи находится то, *что существуетъ* и что имѣетъ *объективное значеніе.*

(*) Эта формула не есть выраженіе *математическаго* равенства. Она обозначаетъ только самодѣятельность сознающаго субъекта, противополагающаго себѣ самого себя. Если бы выраженіе философскихъ понятій посредствомъ внѣшнихъ знаковъ вообще не было неумѣстно, мы сказали бы, что понятіе самосознанія — и вообще все понятіе духа, излагаемое Гегелемъ, — находитъ свое изображеніе въ слѣдующей формулѣ: Я $\rightleftarrows$ Я.—*Перев.*

Сущность нашего духа состоитъ именно въ томъ, что наше *я* тожественно со своимъ объектомъ. Но вначалѣ, или на ступени *непосредственнаго* и отвлеченнаго самосознанія, это извѣстно только намъ, потому что мы смотримъ на самосознаніе съ точки зрѣнія развитаго духа; самое самосознаніе еще не постигаетъ своей сущности. Оно сознаетъ, что его предметъ есть я; но оно еще не сознаетъ того, что это послѣднее есть Я=Я, т. е. что оно абсолютно свободно. Итакъ самосознаніе, само по себѣ, еще не составляетъ свободной мысли, оно еще не возвысилось къ сознанію своей свободы. Оно содержитъ въ себѣ возможность свободы; но его свобода еще не существуетъ въ дѣйствительности.

§ 425.

Отвлеченное самосознаніе представляетъ *первую* ступень, которая возвышается надъ сознаніемъ; оно еще нераздѣльно отъ сознанія внѣшняго и противоположнаго ему объекта; слѣдовательно оно совмѣщаетъ въ себѣ самосознаніе и сознаніе, т. е. противорѣчитъ самому себѣ. Такъ какъ сознаніе о внѣшнемъ предметѣ составляетъ пройденную ступень, когда самосознаніе опредѣлило себя въ формулѣ: Я=Я, то самосознаніе увѣрено въ несостоятельности внѣшняго объекта и потому оно *стремится* осуществить свою свободу, т. е. наполниться объективнымъ содержаніемъ, и наоборотъ освободиться отъ чувственныхъ опредѣленій, отъ данныхъ и внѣшнихъ объектовъ, и сдѣлать ихъ тожественными со своими собственными опредѣленіями. И то и другое достигается тогда, когда сознаніе дѣлается вполнѣ тожественно съ самосознаніемъ.

Приб. Отвлеченное сознаніе о самомъ себѣ еще недостаточно, потому что оно еще противоположно *сознанію* и не тожественно съ нимъ.

Въ *сознаніи*, наше *Я*, или наша *простая* мысль раздѣлена цѣлою бездною отъ разнообразнаго содержанія *міра*. Сознаніе несовершенно именно потому, что оно не разрѣшаетъ противоположности между мыслію и міромъ.—Напротивъ, хотя самосознаніе тожественно со своимъ предметомъ,

но оно несовершенно, потому что этотъ предметъ есть предметъ совершенно отвлеченный. Когда самосознающая мысль разумѣетъ себя какъ Я=Я, въ его предметѣ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ, истинныхъ различій.

Итакъ самосознаніе находится въ противорѣчіи съ самимъ собою, ибо оно есть и сознаніе о самомъ себѣ и сознаніе о внѣшнихъ объектахъ. Въ самомъ дѣлѣ, самосознаніе, въ своей отвлеченной, непосредственной формѣ, составляетъ *первую* ступень, которая возвышается надъ сознаніемъ; оно находится въ *зависимости* отъ него; оно составляетъ его *первое* отрицаніе. Но оно должно сдѣлаться абсолютнымъ отрицаніемъ его, т. е. оно должно *еще разъ* отринуть самого себя и сдѣлаться безконечнымъ утвержденіемъ перваго. Итакъ, въ своей непосредственной формѣ, оно возвысилось въ свой собственный, *внутренній* элементъ; но въ тоже время оно наполнено *внѣшними* ему объектами. Эти объекты составляютъ *не-я*. Такъ оно нераздѣльно съ сознаніемъ.

Самосознаніе стремится разрѣшить это противорѣчіе. Оно достигаетъ этого такъ, что даетъ своему предмету, — т. е. отвлеченному я, — дѣйствительное различіе и объективное значеніе; и на оборотъ, оно вноситъ объектъ въ свой собственный, внутренній элементъ и такимъ образомъ уничтожаетъ зависимость субъективной мысли отъ внѣшнихъ предметовъ. Оба эти движенія совпадаютъ въ одномъ процессѣ. Въ результатѣ этого процесса самосознаніе уже не противополагается сознанію, не связано съ нимъ внѣшнимъ образомъ, но проникаетъ его собою; оно разрѣшаетъ ихъ взаимную противоположность и содержитъ первое въ самомъ себѣ.

Чтобы достигнуть этой цѣли, самосознаніе является послѣдовательно въ трехъ формахъ:

1) Во первыхъ, въ своей непосредственной формѣ, самосознаніе принадлежитъ *единичному субъекту*. Оно есть сознаніе субъекта о самомъ себѣ и—въ тоже время—о внѣшнихъ объектахъ. Здѣсь субъектъ увѣренъ въ собственномъ бытіи и въ тоже время убѣжденъ, что его предметъ только повидимому независимъ, но въ сущности несостоятеленъ. Субъектъ, на этой ступени самосознанія, имѣетъ *желанія*.

2) Во вторыхъ, самосознающій субъектъ дѣлаетъ своимъ

предметомъ *другое я*; отсюда проистекаетъ взаимное отношеніе одного самосознающаго субъекта къ другому, и оба стремятся къ тому, чтобы ихъ личности были признаны.—Здѣсь самосознаніе перестаетъ быть единичнымъ; оно возвышается къ сознанію всеобщей связи между *особенными* субъектами.

3) Наконецъ противоположные субъекты нисколько не утрачивая своей самостоятельности, сознаютъ свое общее тожество. Такимъ образомъ самосознаніе восходитъ на послѣднюю ступень; оно становится *всеобщимъ*.

α) *Желаніе.*

§ 426

Самосознаніе, въ его непосредственной формѣ, есть самосознаніе *единичнаго* субъекта и является подъ видомъ *желанія*.—Въ самомъ дѣлѣ, субъектъ, въ этой формѣ, противорѣчитъ самому себѣ: его отвлеченное самосознаніе должно сдѣлаться объективнымъ; а наоборотъ, его непосредственныя опредѣленія, находящія свое выраженіе во внѣшнемъ объектѣ, должны сдѣлаться его собственными, субъективными опредѣленіями.—Такъ какъ самосознаніе убѣдилось въ своей свободѣ, то оно признаетъ объектъ несостоятельнымъ; а такъ какъ оно еще соотносится къ этому внѣшнему объекту, то оно признаетъ, что его субъективная свобода недостаточна. Вотъ почему оно стремится усвоить себѣ этотъ объектъ.

Приб. На первой ступени своего развитія сомосознаніе принимаетъ форму *желанія*. Здѣсь *желаніе* тожественно съ *влеченіемъ*, потому что субъектъ еще не руководствуется *мышленіемъ*, но относится ко внѣшнему объекту и стремится удовлетворить свое желаніе черезъ его посредство. Самосознаніе принимаетсъ форму желанія, потому что оно нераздѣльно съ сознаніемъ (какъ мы замѣтили въ предыдущемъ прибавленіи) и сознаетъ это внутреннее противорѣчіе въ самомъ себѣ. *Влеченіе* есть стремленіе разрѣшить внутреннее противорѣчіе субъекта и оно является всякій разъ, когда субъектъ содержитъ противорѣчіе,—когда онъ ощущаетъ свое внутреннее тожество и въ тоже время свою противо-

положность со внѣшнимъ объектомъ. Существа, не одаренныя жизнію, не имѣютъ стремленій, потому что они не могутъ вынести противорѣчія и уничтожаются, когда дѣлаются иными. Напротивъ существа одушевленныя и духовныя необходимо имѣютъ влеченія, потому что душа и духъ необходимо ощущаютъ или сознаютъ свое внутреннее противорѣчіе.—Мы сказали, что сущность самосознанія состоитъ въ томъ, что оно соотносится *къ самому себѣ*, что оно есть Я=Я. Но когда самосознаніе существуетъ въ *непосредственной*, т. е. *единичной*, *исключительной* формѣ, наиболѣе близкой къ *природѣ*, оно въ тоже время соотносится къ непосредственному, еще независимому, *внѣшнему* объекту, или къ *не—я*. По этому оно противорѣчитъ себѣ, оно внѣшне самому себѣ. Оно существуетъ только какъ субъективное самосознаніе, хотя по своему понятію оно должно быть единствомъ субъекта и объекта. Оно разрѣшаетъ это противорѣчіе, удовлетворяя своему желанію, потому что тогда оно приходитъ къ сознанію своего единства съ объектомъ, или своей цѣльности.

Въ самомъ дѣлѣ, самосознаніе, не смотря на свое внутреннее противорѣчіе, сознаетъ свою власть надъ объектомъ; оно знаетъ, что внѣшній, непосредственный объектъ не имѣетъ истинной реальности, что онъ несостоятеленъ, что онъ только повидимому независимъ, но въ сущности не заслуживаетъ и не можетъ существовать самостоятельно и долженъ подчиниться реальной власти субъекта.

§ 427.

Самосознаніе въ сущности тожественно съ предметомъ, и потому этотъ предметъ соотвѣтствуетъ его желанію и способенъ удовлетворить его. Самосознающее я своею собственною дѣятельностію, отвергаетъ односторонность субъекта и объекта; такимъ образомъ оно приходитъ къ сознанію ихъ тожества. Предметъ не состоятеленъ и признанъ какъ несостоятельный; по этому онъ не можетъ противопоставить никакого сопротивленія этой дѣятельности самосознанія. Онъ долженъ оказаться призрачнымъ,—такова его природа; и обнаруженіе этой призрачности принадлежитъ самосозна-

нію. Такимъ образомъ данный объектъ признается субъективнымъ опредѣленіемъ и, наоборотъ, субъективное опредѣленіе теряетъ свой односторонній характеръ и дѣлается объективнымъ.

Приб. Субъектъ имѣетъ неясное сознаніе о своемъ *тожествѣ со* внѣшнимъ объектомъ; онъ сознаетъ, что послѣдній *можетъ* удовлетворить его желаніе,—т. е. что онъ *соотвѣтствуетъ* желанію и потому самому возбуждаетъ его.—По этому субъектъ необходимо соотносится къ объекту. Субъектъ видитъ въ предметѣ *то, что недостаетъ ему самому*, онъ стремится пополнить свою собственную односторонность, ибо онъ убѣжденъ, что объектъ тожественъ съ нимъ, хотя находится внѣ его. Самосознаніе способно разрѣшить это противорѣчіе, потому что оно есть абсолютная дѣятельность; оно разрѣшаетъ его, овладѣвая предметомъ, который только повидимому самостоятеленъ; оно удовлетворяетъ своему желанію, истребляя объектъ и сохраняясь въ этомъ процессѣ, ибо оно ставитъ себя своею цѣлію. Объектъ долженъ уничтожиться, потому что субъектъ и объектъ существуютъ здѣсь въ непосредственномъ видѣ и они могутъ слиться только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ будетъ отрицаемъ; это отрицаніе необходимо выпадаетъ на долю безличнаго объекта. Удовлетворяя своему желанію, субъектъ приходитъ къ сознанію своего дѣйствительнаго тожества съ объектомъ, онъ одинаковымъ образомъ отрицаетъ односторонность субъекта и кажущуюся независимость объекта.

Когда желаніе уничтожаетъ объектъ, то можно подумать, что оно образуетъ внѣшнюю и чуждую ему власть. Но это несправедливо. Предметъ долженъ уничтожиться, потому что этого требуетъ самое *его* понятіе, или самая *его* природа; въ самомъ дѣлѣ, предметъ въ его *единичности* не соотвѣтствуетъ своему *общему понятію.*—Это понятіе *обнаруживается* въ самосознаніи субъекта. Когда самосознаніе уничтожаетъ объектъ, то онъ подчиняется власти своего собственнаго понятія, которое скрывается *внутри* его и по тому самому повидимому вліяетъ на него *извнѣ*.

Такимъ образомъ объектъ дѣлается субъективнымъ. Но въ

тоже самое время субъектъ уничтожаетъ свою собственную односторонность. Самосознаніе (или Я=Я) перестаетъ быть въ связи съ сознаніемъ внѣшняго объекта и опредѣленія субъекта получаютъ объективное значеніе.

§ 428.

Въ результатѣ этого процесса, личность переносится на объектъ, и дѣлается дѣйствительно свободною. Вначалѣ самосознаніе было *единичнымъ*,—и (съ внѣшней точки зрѣнія) оно остается такимъ по удовлетвореніи желанія, потому что оно отрицало безличный объектъ и истребило его. Желаніе вообще удовлетворяется тѣмъ, что *разрушаетъ* объектъ; оно *эгоистично*. Желаніе удовлетворяется единичнымъ и слѣдственно преходящимъ объектомъ; по этому въ самомъ удовлетвореніи лежитъ зародышъ новаго желанія.

Приб. Желаніе эгоистично и стремится къ *разрушенію*, а не къ *созданію* предмета. Въ тѣхъ случаяхъ, когда самосознающій субъектъ *создаетъ* предметъ, онъ беретъ готовый матеріалъ и даетъ ему *субъективную форму*. Но, на ступени желанія, самосознаніе разрушаетъ независимый объектъ, потому что оно не можетъ терпѣть его независимости; такимъ образомъ оно даже не даетъ ему ни какой субъективной формы.

Желаніе принадлежитъ единичному субъекту и относится къ единичному предмету; по этому самое удовлетвореніе его *преходяще* и уступаетъ мѣсто новому желанію; оно противорѣчитъ *общимъ* требованіемъ субъекта, но постоянно возвращается въ томъ же видѣ, потому что субъектъ въ своей непосредственности ощущаетъ одни единичныя желанія. Итакъ оно не достигаетъ своей цѣли и повторяется *въ безконечность*.

§.429.

Но (съ внутренней точки зрѣнія) когда я удовлетворяетъ свое желаніе и ощущаетъ свое преобладаніе надъ объектомъ, оно ощущаетъ, что его *для-себя бытіе*, или его *единичность* недостаточны. Оно отрицало *непосредственный* и единичный объектъ и потому оно возвысилось къ понятію *всеобщности*. Оно пришло къ тому результату, что самосознаніе должно

быть *тожественно* съ своимъ предметомъ. Когда самосознаніе судитъ такимъ образомъ, оно противополагаетъ себѣ самого себя, оно имѣетъ сознаніе о *свободномъ* объектѣ, оно сознаетъ въ немъ свою собственную личность, но эта личность остается внѣшнею ему.

Приб. Въ приб. къ предыдущ. §. мы сказали, что съ *внѣшней* точки зрѣнія, субъектъ, на ступени непосредственнаго самосознанія, не можетъ найдти окончательнаго удовлетворенія своему желанію; онъ снова впадаетъ въ свою односторонность, и эта скучная смѣна желанія и удовлетворенія повторяется въ безконечность. Но, съ *внутреней* точки зрѣнія, субъектъ, отрицая свою одностороннюю субъективность и внѣшній ему предметъ, отрицаетъ свои непосредственныя желанія—онъ возвышается надъ своею исключительною единичностію, — онъ понимаетъ, что его предметомъ должно быть самое я,—онъ перестаетъ относиться къ безличному объекту, а противополагаетъ себѣ *свободный* объектъ, подъ видомъ другой личности, другаго я,—и вмѣстѣ съ этимъ онъ перестаетъ стремиться къ разрушенію своего объекта.

β) *Взаимное признаніе личности.*

§ 430.

Самосознанію *непосредственно* противоположно другое самосознаніе, какъ иное противоположно другому иному. Когда я признаю его я, я признаю въ немъ свое собственное я; но въ тоже время это я существуетъ непосредственно и противоположно мнѣ какъ независимый объектъ. Самосознаніе начало съ того, что отвергло *единичность* субъекта; по этому оно признало существованіе многихъ *частныхъ* субъектовъ. Вслѣдствіе этого оно стремится существовать для другихъ какъ свободный субъектъ и требуетъ, чтобы другіе признали его такимъ.—Отсюда происходитъ процессъ *взаимнаго признанія личности*.

Приб. Самосознаніе, на первой ступени своего развитія, именно на ступени *желанія*, было непосредственное. Тоже самое должно сказать и о *второй* его ступени. Но непосредственное самосознаніе противорѣчитъ самому себѣ; съ одной

стороны, оба субъекта, соотносящіеся другъ къ другу, образуютъ одно *общее тожество*, такъ сказать одинъ свѣтъ,— потому что я есть всеобщее, всепроникающее начало; оно не имѣетъ границъ и связываетъ людей между собою. А, съ другой стороны, оба субъекта различны, непроницаемы другъ для друга и стремятся къ полной независимости.

§ 431.

Признаніе личности ведетъ къ *борьбѣ* между лицами. Лицо не можетъ сознавать себя въ другой личности, потому что эта другая личность имѣетъ независимое бытіе; по этому оно стремится истребить эту независимую личность. И наоборотъ, другіе могутъ признать мою личность только тогда, когда я подавлю свое непосредственное состояніе и явлюсь какъ дѣйствительно свободный субъектъ. Но это непосредственное состояніе есть тѣло личности, ея знакъ и орудіе; она ощущаетъ себя черезъ посредство тѣла, и другіе могутъ соотноситься къ ней только черезъ посредство тѣла.

Приб. Мы сказали, что субъектъ, въ своемъ непосредственномъ состояніи, противорѣчитъ самому себѣ. Съ одной стороны, онъ обладаетъ тѣломъ и слѣдственно представляетъ *вещь*, которая можетъ испытывать *насиліе* отъ другихъ лицъ. А съ другой стороны, онъ остается *свободнымъ* и требуетъ, чтобы другіе признали его духовную свободу. Это противорѣчіе разрушается, какъ скоро оба субъекта будутъ существовать какъ дѣйствительно свободныя лица и будутъ взаимно признавать эту *свободу* чужой личности. Въ самомъ дѣлѣ, каждый субъектъ *истинно* свободенъ только тогда, когда онъ тожественъ съ другими, т. е. когда онъ признаетъ, что другіе также свободны и уважаетъ ихъ свободу. Такая свобода тѣсно связываетъ людей между собою, тогда какъ *потребности* и *нужды* сближаютъ людей только внѣшнимъ образомъ. Люди должны искать такой общей связи. Но она невозможна, пока каждый преслѣдуетъ свои непосредственныя желанія и влеченія; эти послѣднія заставляютъ людей стремиться къ уничтоженію чужой личности. Человѣкъ не долженъ оставаться въ своемъ непосредственномъ состояніи; но онъ не можетъ терпѣть его и въ другихъ. По этому онъ

подвергаетъ опасности какъ свою собственную жизнь, такъ и жизнь другихъ лицъ, чтобы завоевать свою свободу. Въ самомъ дѣлѣ, только *борьба* между личностями ведетъ къ ихъ полной свободѣ. Недостаточно того, чтобы человѣкъ убѣждалъ себя въ своей свободѣ; онъ долженъ доказать, что онъ способенъ быть свободнымъ,—и для этого онъ долженъ подвергнуть опасности какъ свою, такъ и чужую жизнь.

§ 432.

Борьба за признаніе личности ведется на жизнь и смерть. Каждая личность подвергаетъ *опасности* жизнь другой личности, равно какъ и свою собственную жизнь. Но въ тоже время каждая личность заботится о сохраненіи своей жизни, потому что ея свобода существуетъ только до тѣхъ поръ, пока не утрачена жизнь. Отвлеченное, грубое отрицаніе непосредственнаго состоянія другой личности выражается убійствомъ, и оно разрѣшаетъ противорѣчіе съ одной стороны. Но цѣль этимъ не достигается, потому что лицо стремится къ тому, чтобы другіе признали его; слѣдственно смерть противника не соотвѣтствуетъ цѣли, а напротивъ имѣетъ своимъ результатомъ новое и болѣе глубокое противорѣчіе.

Приб. Въ борьбѣ за признаніе личности, человѣкъ доказываетъ свою свободу *смертію* противника. Уже подвергая опасности свою жизнь, оба противника отрицаютъ истину своего непосредственнаго существованія,—они доказываютъ что не дорожатъ своею жизнію. Но смерть фактически отрицаетъ непосредственность субъекта и даетъ торжество духу, или самосознанію. Однакожъ это торжество не полно,—оно есть отрицательное, а не положительное. Если въ борьбѣ за признаніе личностей погибаетъ одна сторона, то признаніе не достигнуто; личность противника, оставшагося въ живыхъ, не признана точно также какъ и личность убитаго. Смерть противника ведетъ къ новому и болѣе глубокому противорѣчію. Противники доказали свою способность къ свободѣ, вступивши въ борьбу другъ съ другомъ; но они не достигли своей цѣли, и личность остается по прежнему не признанною.

Чтобы предотвратить недоразумѣніе мы должны замѣтить,

что борьба за признаніе личностей, въ той крайней формѣ, о которой мы говоримъ, возможна только въ *естественномъ состояніи*, когда люди живутъ совершенно разрозненною жизнію. Она не можетъ имѣть мѣста ни въ гражданскомъ обществѣ, ни въ государствѣ, потому что то, къ чему стремятся лица, вступающія въ борьбу, уже осуществлено, когда эти послѣднія образуютъ общество и государство. Государство можетъ произойти вслѣдствіе завоеванія, или *насилія*; но сила не составляетъ его сущности; она ведетъ къ установленію разумныхъ законовъ и учрежденій. Сложившееся государство есть продуктъ народнаго духа, и въ немъ властвуютъ разумъ и законъ. Государство смотритъ на каждаго человѣка какъ на *разумное* и *свободное* существо. т. е. уважаетъ его какъ *лицо*. И каждый подданный, съ своей стороны, дѣлается достойнымъ такого положенія, когда онъ подавляетъ непосредственныя влеченія своей природы, когда онъ повинуется *всеобщей разумной волѣ*, или *закону*, т. е. когда онъ поступаетъ такъ, какъ должны поступать всѣ другіе, и уважаетъ ихъ свободу, требуя признанія своей собственной. Въ государствѣ, гражданинъ пользуется подобающею ему честію за то, что онъ исполняетъ общественную должность, занимается извѣстнымъ ремесломъ и вообще трудится. Онъ справедливо пользуется уваженіемъ, потому что его дѣятельность опирается на существенныя, всеобщія, объективныя начала. Этого еще нѣтъ въ естественномъ состояніи, гдѣ люди, чѣмъ бы они ни были и чѣмъ бы они ни занимались, хотятъ вынудить себѣ признаніе.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не должно смѣшивать борьбу за признаніе, составляющую необходимую ступень въ развитіи человѣческаго духа, съ *дуэлью*. Дуэли имѣли мѣсто не въ естественномъ состояніи человѣка, но въ болѣе или менѣе развитыхъ формахъ гражданскаго общества и государства. Какъ извѣстно, онѣ впервые явились въ феодальныхъ государствахъ. Въ этихъ послѣднихъ, юридическія отношенія были очень мало развиты. Рыцарь, что бы онъ ни дѣлалъ, хотѣлъ быть всегда чистымъ и правымъ. Дуэль должна была служить этому доказательствомъ. Хотя это кулачное право было облечено въ извѣстныя формы, но оно

основывалось на эгоизмѣ. Оно служило доказательствомъ не разумной свободы и гражданской чести, но грубости и нерѣдко безстыдства лица, которое хотѣло отстоять свою внѣшнюю честь, не смотря на порочность своихъ дѣйствій.

Дуэль не существовала у классическихъ народовъ древности. Имъ было совершенно чуждо притязаніе на честь, не оправдываемую ни какими заслугами, и на достоинство естественной личности субъекта. Они полагали свою честь въ служеніи общему благу, или государству. Въ новѣйшихъ европейскихъ государствахъ, дуэли суть не что другое, какъ *искусственный* возвратъ къ грубости среднихъ вѣковъ. Впрочемъ, въ старинныхъ арміяхъ дуэль могла, къ сожалѣнію, имѣть болѣе разумное значеніе: воинъ, выходившій на дуэль, хотѣлъ доказать, что можно и должно жертвовать жизнію не за одну плату, но и за другія, болѣе высокія цѣли.

§ 433.

Лицо также заботится о сохраненіи своей *жизни*, какъ и о признаніи своей *свободы*. Поэтому борьба за признаніе личности сначала приводитъ къ неравенству личностей,— къ одностороннему отрицанію личности. А именно, одна изъ борющихся личностей предпочитаетъ сохраненіе жизни; она остается единичною личностію, но жертвуетъ своимъ признаніемъ; напротивъ, другая личность достигаетъ своей цѣли и признается первою, подвластною ей личностію. Отсюда вытекаетъ *отношеніе господства и рабства*.

Примѣч. Соціальная жизнь человѣка *въ государствѣ* началась борьбою личностей и подчиненіемъ ихъ одному властелину. Но *сила* не служила основаніемъ *праву;* она была только необходимою и неизбѣжною ступенью при переходѣ отъ естественнаго состоянія человѣка, повинующагося своимъ желаніямъ, къ состоянію общественному. Другими словами, сила была только *явленіемъ*, ознаменовавшимъ историческое начало государствъ; но она не составляетъ *ихъ сущности*.

Приб. Отношеніе между господиномъ и рабомъ разрѣшаетъ противорѣчіе между *независимостію* субъекта и *тожеством*ъ различныхъ субъектовъ въ формѣ *рефлексіи*. Только рабъ отрицаетъ непосредственность своей личности, но гос-

подинъ сохраняетъ ее. Рабъ подчиняетъ свою волю волѣ господина, онъ исполняетъ цѣли этого послѣдняго. Съ своей стороны, господинъ не сообразуется съ волею раба, онъ заботится только о сохраненіи его жизни. Тожество обоихъ субъектовъ осуществляется здѣсь въ односторонней формѣ.

Обращаясь къ исторіи, мы можемъ замѣтить, что античные народы, Греки и Римляне, не могли возвыситься къ сознанію *абсолютной* свободы лица. Они не понимали, что всякій человѣкъ имѣетъ право на свободу, какъ человѣкъ *вообще*, или какъ *всеобщее Я*, какъ *разумный* и сознательный субъектъ. Они считали человѣка свободнымъ только тогда, когда онъ *рожденъ* свободнымъ. Они ставили свободу въ зависимость отъ природы. Вслѣдствіе этого, въ ихъ республикахъ существовало рабство, а въ Римѣ происходили кровавыя войны, потому что рабы старались сдѣлаться свободными и вынудить признаніе своего вѣчнаго человѣческаго права.

§ 434.

Такъ какъ господинъ долженъ заботиться о сохраненіи жизни раба, какъ средства къ господству, то ихъ потребности дѣлаются *общими* и они вмѣстѣ заботятся объ удовлетвореніи этихъ потребностей. Они перестаютъ истреблять предметы природы; напротивъ, они стараются пріобрѣсть, сохранить и создать новыя средства къ жизни, и имущество дѣлается связью, одинаково удовлетворяющею нужды господина и раба. Они заботятся, чтобы эти средства были *долговѣчны*, заботятся объ упроченіи своего будущаго благосостоянія, и такимъ образомъ забота о своихъ нуждахъ заставляетъ ихъ думать объ *общихъ цѣляхъ*.

§ 435.

Съ другой стороны, господинъ убѣждается, что рабъ и его трудъ служатъ только къ осуществленію его *единичной* свободы, и что эта свобода можетъ быть осуществлена не иначе, какъ принесеніемъ въ жертву единичной свободы, т. е. что его свобода достигнута подавленіемъ непосредственнаго состоянія личности. Въ свою очередь, рабъ под-

чиняетъ свою единичную и эгоистическую волю волѣ господина, отвыкаетъ отъ своихъ непосредственныхъ желаній, приноситъ въ жертву свою собственную личность и, научаясь страшиться господина, онъ учится мудрости. Такимъ образомъ это состояніе служитъ переходомъ ко *всеобщему самосознанію*.

Приб. Рабъ трудится не въ интересѣ своей собственной личности, но для удовлетворенія интересовъ своего господина; вслѣдствіе этого, его желанія дѣлаются болѣе *широкими*, они перестаютъ быть *эгоистическими* и вмѣщаютъ въ себѣ интересы *другой* личности. Воля раба стоитъ выше эгоистической воли господина, который не признаетъ личности перваго и самъ признанъ его несвободнымъ сознаніемъ. Рабъ, подчиняя свою исключительную волю волѣ своего господина, начинаетъ научаться истинной человѣческой свободѣ. Онъ отказывается отъ своихъ непосредственныхъ желаній, узнаетъ незаконность эгоизма, пріучается къ повиновенію, и все это должно составлять необходимый моментъ въ развитіи каждаго человѣка. Только тотъ, кто прошелъ эту школу, дѣлается разумнымъ, свободнымъ и способнымъ повелѣвать.

Итакъ рабство составляетъ необходимую ступень въ исторіи народовъ и естественно, какъ переходный моментъ народной жизни.

Но какъ мы сказали, повиновеніе раба составляетъ только *начало* свободы, потому что рабъ подчиняетъ свою личность не всеобщей разумной волѣ, но исключительной и случайной волѣ другаго субъекта. Здѣсь осуществляется только одинъ моментъ свободы—отрицаніе эгоистической личности. Свобода дѣлается истинною и положительною — вопервыхъ, когда рабъ освобождается отъ своей исключительной воли и отъ личности своего господина и сознаетъ *всеобщій разумъ*, независимый отъ частнаго произвола —и во вторыхъ, когда господинъ, имѣя *общія* потребности съ рабомъ и заботясь вмѣстѣ съ нимъ о ихъ удовлетвореніи, и сознавши, что рабъ отрицаетъ свою непосредственную, единичную волю, убѣ-

дится, что и самъ онъ долженъ подавить свой произволъ и подчинить свою собственную эгоистическую волю всеобщей волѣ, или закону.

γ) Всеобщее самосознаніе.

§ 436.

Когда самосознаніе взошло на ступень *всеобщаго* самосознанія, каждая личность сознаетъ свою свободу, признавая свободу другой личности; обѣ личности одинаково свободны, *абсолютно независимы*; но обѣ отрицаютъ свое непосредственное состояніе и свои желанія; поэтому онѣ не различаются одна отъ другой, имѣютъ общее самосознаніе, — которое имѣетъ объективное достоинство. Личности признаютъ себя взаимно, потому что каждая личность признана другою свободною личностію и сама признаетъ ея свободу.

Примѣч. На ступени всеобщаго самосознанія, субъектъ сознаетъ свое тожество съ объективнымъ, всеобщимъ началомъ, или съ *субстанціею* духа. Эта послѣдняя служитъ связующимъ началомъ личностей;—сюда относятся семейство, родина, государство и всѣ такъ называемыя добродѣтели — любовь, дружба, храбрость, честь, слава.

Но субъектъ, сознавая, что онъ долженъ осуществлять эти начала нравственности, можетъ противополагать имъ свою исключительную личность и заботиться о пустой чести, о пустой славѣ и проч.

Приб. Результатъ борьбы за признаніе личностей составляетъ третья ступень самосознанія,— *всеобщее самосознаніе.* Здѣсь свободному субъекту противополагается не подчиненная личность раба, но другая свободная и самосознательная личность. На этой ступени, свободные и независимые субъекты отрицаютъ свое *неравенство*, сознаютъ свое *общее человѣческое достоинство*, свою *свободу*, и убѣждаются въ своемъ *тожествѣ.* Господинъ еще не былъ свободенъ, потому что рабъ не былъ равенъ ему; онъ дѣлается истинно свободнымъ, когда рабъ перестаетъ быть рабомъ. На этой

ступени, свобода одного лица необходимо предполагаетъ свободу другаго и не существуетъ отдѣльно отъ нея: *я* свободенъ только тогда, когда я признанъ свободнымъ *другими;* и другіе свободны только потому, что признаны *мною*. Здѣсь духъ дробится на отдѣльныя личности. Эти лица свободны, самостоятельны, независимы и повидимому не имѣютъ ничего общаго; и въ тоже время они сознаютъ свое тожество, свою всеобщность.

Въ этой формѣ осуществляются всѣ идеи. Если захотятъ вникнуть въ содержаніе этого отношенія, то убѣдятся, какъ неосновательно мнѣніе, будто идея недоступна и отвлеченна. Идея, разумная и истинная по своему содержанію, есть единство понятія и дѣйствительности, или субъективнаго и объективнаго элемента. Это единство лежитъ въ основаніи всѣхъ видовъ нравственной дѣятельности человѣка. Оно лежитъ въ основаніи семейства,— гдѣ общее начало еще существуетъ въ формѣ частныхъ интересовъ; оно является въ любви къ отечеству,—гдѣ граждане дѣлаютъ своимъ предметомъ общія цѣли и интересы государства;— въ любви къ Богу;—точно также въ храбрости,—когда люди жертвуютъ своею жизнію общему дѣлу;—и наконецъ въ чести,—когда люди заботятся не о своей исключительной личности, но о существенныхъ, истинно всеобщихъ интересахъ и цѣляхъ.

§ 437.

При такомъ единствѣ сознанія и самосознанія, разнообразныя личности существуютъ независимо одна отъ другой. Но когда онѣ сознали свое тожество, онѣ различаются только тѣмъ, что ихъ много; или лучше сказать, онѣ уже не различаются между собою. Итакъ ихъ истину составляетъ самосознаніе, въ смыслѣ всеобщаго и объективнаго самосознанія, опредѣленнаго въ себѣ и самообладающаго.— Такое самосознаніе есть *разумъ*.

Примѣч. Въ § 213 мы видѣли, что *идея* есть единство понятія и дѣйствительности. Здѣсь идея или разумъ есть единство двухъ моментовъ: сознанія, или сознаннаго понятія, и внѣшняго объекта.

Приб. Результатъ всеобщаго самосознанія есть *сознанный разумъ*. Въ логикѣ, разумъ или идея предшествовали духу; здѣсь этотъ разумъ или эта идея сознаются духомъ. Въ логикѣ мы видѣли, что идея или разумъ есть единство понятія и дѣйствительности, или субъективнаго и объективнаго элемента. Всеобщее самосознаніе имѣетъ своимъ результатомъ такое единство, потому что здѣсь лица, независимыя и самостоятельныя, сознаютъ свое тожество съ объективнымъ, всеобщимъ началомъ. Возвысившись къ сознанію всеобщаго начала, личности отрицаютъ свою исключительность и исчезаютъ, или разрѣшаются въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро самосознающая личность возвысилась къ сознанію всеобщаго элемента, она перестаетъ быть самосознающею личностію, въ собственномъ или въ тѣсномъ смыслѣ этого слова;—потому что самосознаніе какъ такое ставило выше всего свою исключительную личность. Теперь самосознаніе отрицаетъ свою исключительность и возвышается на ступень *разума*.

И здѣсь *разумъ* означаетъ только отвлеченное и безсодержательное единство между самосознаніемъ и его объектомъ. Результатъ такого единства есть собственно не *истинное*, а *вѣрное* представленіе о предметѣ. Я составляю себѣ *вѣрное* представленіе о предметѣ, когда оно согласуется съ этимъ послѣднимъ, хотя бы самый предметъ не соотвѣтствовалъ своему понятію и не былъ истиненъ. Когда умъ сознаетъ *истинное* содержаніе предмета, онъ становится *разумомъ*, въ конкретномъ смыслѣ этого слова. Мы будемъ разсматривать разумъ, въ этомъ смыслѣ, въ концѣ развитія теоретическаго духа (§ 467). Тамъ субъективный и объективный элементы будутъ имѣть болѣе полное и конкретное значеніе, и разумъ, какъ единство этихъ моментовъ, будетъ исполненъ *содержанія*.

с. Разумъ.

§ 438.

Разумъ есть истина, опредѣленная и самообладающая; или простое тожество *субъективнаго* понятія и *объектив-*

наго, или всеобщаго понятія. По этому всеобщія опредѣленія разума находятся въ сознаніи какъ данный, но *всеобщій объектъ*, который проникаетъ каждое я и включаетъ его въ себѣ. А съ другой стороны онъ есть *чистое я*, или чистая форма, которая содержитъ въ себѣ объекты и вмѣщаетъ ихъ въ себѣ.

§ 439.

Итакъ, разумъ есть самосознаніе, которое признало, что его собственныя опредѣленія, или его собственныя мысли, совпадаютъ съ опредѣленіями сущности вещей. Образуя это тожество, разумъ есть не только абсолютная *субстанція*,— но *истина*, въ формѣ *знанія*. Его отличительная опредѣленность, или его внутренняя форма состоитъ въ томъ, что онъ есть чистое понятіе, которое существуетъ для себя, или чистое я,—знаніе о самомъ себѣ, какъ о безконечномъ всеобщемъ элементѣ. — Истина, которая обладаетъ знаніемъ о самой себѣ, есть *духъ*.

С.

Психологія.

Духъ.

§ 440.

Духъ составляетъ истину души и сознанія. Душа — эта простая, непосредственная цѣлость — достигла до сознанія; но теперь знаніе имѣетъ безконечную форму: оно не ограничивается внѣшнимъ содержаніемъ, не стоитъ въ отношеніи къ нему, какъ чуждому предмету, но есть знаніе о субстанціи, о цѣлости, субъективное значеніе которой совпадаетъ съ ея объективнымъ значеніемъ. Духъ имѣетъ предметомъ свое собственное бытіе и самъ даетъ себѣ свои опредѣленія.

Примѣч. Психологія разсматриваетъ способности духа, или виды его дѣятельности—созерцаніе, представленіе, воспоминаніе,—желаніе и проч. Она разсматриваетъ ихъ независимо отъ того содержанія, какое эти способности (способность представленія, мышленіе, желаніе, воля и проч.) получаютъ, когда онѣ *проявляются* въ дѣйствительности. Мы видѣли, что въ душѣ это содержаніе составляли опредѣленія природы; а въ сознаніи оно составляло независимый предметъ. Но если психологія не обращаетъ на него вниманія, то это не по произволу. Духъ, который образуетъ предметъ психологіи, самъ возвышается надъ природою и ея опредѣленіями, также какъ и надъ отношеніемъ сознанія къ внѣшнимъ предметамъ,—вообще надъ сферою матеріальною. По своему понятію, онъ свободенъ. Но онъ долженъ осуществить свою свободу въ дѣйствительныхъ формахъ, — и онъ достигаетъ этого въ теченіи своего психологическаго развитія. Непосредственныя формы его существованія уступаютъ, въ этомъ развитіи, мѣсто другимъ, болѣе полнымъ и истиннымъ формамъ. Такимъ образомъ онъ превращаетъ *свои* ощущенія въ созерцанія, свои созерцанія въ представленія, представленія въ мысли и т. д.

Приб. Свободный духъ, или духъ какъ духъ есть ра-

зумъ. Съ одной стороны, онъ есть чистая, безконечная форма мысли, или знаніе, не имѣющее себѣ предѣла; съ другой стороны, онъ имѣетъ себя своимъ предметомъ. Разумъ имѣетъ здѣсь предметомъ самого себя;—онъ убѣжденъ, что этотъ предметъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ разумныя опредѣленія объектовъ, что эти послѣднія не даны извнѣ и что они вполнѣ доступны ему. Духъ абсолютно убѣжденъ въ своемъ бытіи и не дѣлаетъ никакого различія между собою и своимъ предметомъ. Онъ убѣжденъ, что узнаетъ себя въ мірѣ, что міръ родственъ ему, что онъ есть плоть отъ его плоти, какъ Адамъ сказалъ о Евѣ, и что онъ долженъ искать въ мірѣ разумъ отъ своего собственнаго разума. Мы видѣли, что духъ, по своей сущности, есть единство субъективнаго и объективнаго элемента, или единство самосознающаго понятія и реальности. Такъ какъ духъ убѣжденъ въ своемъ бытіи, или такъ какъ онъ есть разумъ, имѣющій сознаніе о самомъ себѣ, то онъ сознаетъ тожество субъективнаго элемента съ объективнымъ; т. е. онъ сознаетъ, что его *объектъ* есть *понятіе* и что понятіе существуетъ въ *объективности*. Духъ соединяетъ въ себѣ *душу*—какъ субстанцію духа, или духъ въ его непосредственномъ состояніи,—и *сознаніе*, какъ духъ въ явленіи, или духъ, противополагающійся своей субстанціи. Всѣ опредѣленія духа субъективны, подобно опредѣленіямъ *души*,—и въ тоже время *объективны*, подобно предметамъ сознанія. Свободный духъ вноситъ *предметы* сознанія въ свой *собственный* элементъ, и на оборотъ онъ даетъ своимъ собственнымъ опредѣленіямъ объективное значеніе. Онъ различается отъ своего предмета и образуетъ *одну* сторону противоположности,—подобно *сознанію;* и въ тоже время онъ совмѣщаетъ въ себѣ *обѣ стороны* и образуетъ одну *цѣльность*,—подобно *душѣ*. Душа представляла истину въ цѣльной, но *непосредственной* и *безсознательной* формѣ; въ сознаніи—эта цѣльность дѣлилась на двѣ противоположныя стороны, на сознающее *Я* и на *внѣшній ему* объектъ. Напротивъ, свободный духъ есть *истина*, имѣющая *сознаніе о самой себѣ* (*).

(*) Люди, которые утверждаютъ, что нельзя знать истину, высказываютъ страшную хулу. Они сами не знаютъ, что говорятъ. Если бы они знали смыслъ

Но первоначально духъ сознаетъ истину не въ ея истинной формѣ. Сначала его предметъ есть предметъ отвлеченный: его субъективное значеніе совпадаетъ съ объективнымъ, но онъ еще не имѣетъ развитаго содержанія. Разумъ можетъ доказать, что его субъективное значеніе дѣйствительно совпадаетъ съ объективнымъ только тогда, когда онъ разовьетъ свои опредѣленія и явится какъ ихъ цѣлость, т. е. когда онъ разовьетъ свое истинное содержаніе.

§ 441.

Душа конечна, въ томъ смыслѣ что она существуетъ непосредственно, или опредѣлена отъ природы. Сознаніе конечно,—потому что оно имѣетъ внѣшній предметъ. Вначалѣ духъ также конеченъ: правда, онъ уже не имѣетъ внѣшняго предмета, но онъ находитъ въ себѣ опредѣленія и возвышается надъ ними только какъ непосредственный субъектъ, или какъ субъективное понятіе. Его понятіе и его реальность могутъ быть опредѣлены двоякимъ образомъ. Если принять, что его понятіе составляетъ неограниченный объективный разумъ, то его реальностію будетъ *знаніе* или умъ; — на оборотъ, если допустить, что его понятіе есть знаніе, то его реальностію будетъ самый *разумъ*, и самый актъ знанія будетъ состоять въ томъ, чтобы усвоить себѣ этотъ разумъ. Итакъ, конечность духа состоитъ въ томъ, что онъ не постигаетъ своей безконечной, разумной природы, — или въ томъ, что безконечный разумъ не вполнѣ обнаруживается передъ знаніемъ.—Разумъ безконеченъ, по-

---

своихъ словъ, они заслуживали бы, чтобы истина скрылась отъ нихъ навсегда. Спекулятивная философія и истинное религіозное чувство чужды такого отчаянія въ знаніи истины. Дантъ, этотъ благочестивый поэтъ и мыслитель, выразилъ такъ убѣдительно свою вѣру въ возможность знать истину, что мы позволимъ себѣ привести здѣсь его слова. Вотъ что онъ говоритъ въ четвертой пѣсни Рая, стихъ 124—130:

Jo veggio ben, che giammai non si sazia
  Nostro intelletto, se'l *ver* non lo illustra,
  Di fuor dal qual nessun vero si spazia.
Posasi in esso, come fera in lustra,
  Tosto che *giunto* l'ha; e giunger *puollo;*—
  Se non, ciascun disio sarebbe frustra.

тому что онъ абсолютно свободенъ; онъ существуетъ въ дѣйствительности, прежде знанія о самомъ себѣ, и вслѣдствіе этого знаніе кажется конечнымъ; но разумъ, въ своей дѣятельности, постоянно отрицаетъ свое непосредственное состояніе, постигаетъ самого себя и дѣлается самосознательнымъ разумомъ.

Приб. По своему понятію, свободный духъ образуетъ, какъ мы видѣли, полное единство субъективнаго элемента и объективнаго, или формы и содержанія; его дѣятельность есть абсолютная, безконечная и вѣчная. Свободный духъ, это—самосознательный разумъ. Такъ какъ онъ имѣетъ своимъ предметомъ самый разумъ, то онъ есть субъектъ, существующій совершенно независимо и свободно. Но единство субъективнаго и объективнаго элемента не должно составлять только сущность духа; напротивъ, духъ долженъ сознать это единство. Въ немъ должна господствовать полная и сознательная гармонія между знаніемъ и его предметомъ, или между формою и ея содержаніемъ. Нераздѣльность и неизмѣнность составляютъ его отличительныя качества. По этому можно сказать, что духъ *вѣченъ*. Ощущенія человѣка непосредственны, не очищены знаніемъ, они обусловливаются его природою, случайны, внѣшни самимъ себѣ и разрознены. Если есть безконечныя ощущенія и предметы природы, ихъ вызывающіе, то эта безконечность отвлеченна и имѣетъ свое основаніе не въ своемъ содержаніи, а въ своей формѣ. Напротивъ, духъ безконеченъ и вѣченъ въ смыслѣ реальномъ и конкретномъ, потому что онъ остается тожественъ со своимъ содержаніемъ. По этому человѣческій духъ есть подобіе божества; онъ составляетъ божественное начало въ человѣкѣ.

Но сначала духъ существуетъ въ непосредственной и слѣдовательно не истинной формѣ. Въ этой формѣ онъ не соотвѣтствуетъ своему понятію, или своему божественному первообразу; онъ, правда, божественъ по своей *сущности*, но онъ еще долженъ проявить эту сущность въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ непосредственномъ состояніи духъ есть разумное существо; но онъ еще не сознаетъ своей разумности. Въ этомъ состояніи, духъ непо-

средственно убѣжденъ въ своемъ бытіи, какъ единствѣ субъективнаго и объективнаго элемента, т. е. какъ бытіи разума. Онъ еще не сознаетъ *всѣхъ* разумныхъ опредѣленій своего предмета. Для этого, духъ долженъ освободить свой предметъ отъ той случайной, разрозненной и внѣшней формы, въ какой онъ первоначально является, и долженъ сознать, что этотъ предметъ составляетъ его собственное содержаніе. Пока духъ не возвысился къ этому сознанію, онъ есть *конечный* духъ; онъ еще не сознаетъ своего абсолютнаго тожества со своимъ предметомъ и еще *ограниченъ* имъ.

Но не должно думать, чтобы духъ не могъ освободиться отъ своей конечности. Онъ является въ этой формѣ, хотя, по своей сущности, онъ не перестаетъ быть безконечнымъ. Конечный духъ не истиненъ и противорѣчитъ самому себѣ; по этому онъ стремится возвыситься къ своей истинѣ. Эта борьба съ самимъ собою, это стремленіе за свой предѣлъ, составляетъ печать божественности въ человѣческомъ духѣ и образуетъ необходимую ступень въ процессѣ развитія вѣчнаго духа. Говорить, что есть духъ абсолютно ограниченный, это также нелѣпо, какъ сказать, что есть деревянное желѣзо. Безконечный духъ сначала является въ формѣ *души* и въ формѣ сознанія, т. е. въ конечныхъ формахъ; но онъ отрицаетъ эти формы, въ которыхъ сознаніе было противоположно душѣ и внѣшнимъ объектамъ. Свободный духъ сознательно отрицаетъ эту противоположность, и этимъ онъ различается отъ *сознанія*. Въ сознаніи развивалось мыслящее Я; но оно было убѣждено, что развитіе принадлежитъ, напротивъ, независимому объекту. Мы могли видѣть истину, потому что мы смотрѣли на сознаніе съ точки зрѣнія развитаго духа. Напротивъ, свободный духъ самъ сознаетъ, что онъ производитъ изъ себя свой предметъ, развиваетъ и измѣняетъ его, — т. е. что онъ дѣлаетъ объектъ своимъ субъективнымъ опредѣленіемъ и даетъ своему субъективному опредѣленію объективное значеніе. Сознаваемыя имъ опредѣленія предмета даны имъ самимъ, хотя они и нераздѣльны отъ предмета. Духъ не признаетъ въ себѣ никакого *непосредственнаго* содержанія. Говорили, что философія дол-

жна изучать «*факты сознанія*,» потому что они неизмѣнны и даны отъ природы. Конечно, *сознаніе* находитъ въ себѣ и въ природѣ много непосредственныхъ фактовъ. Но свободный духъ не долженъ оставлять эти факты такъ, какъ они ему представляются;- онъ долженъ понять, что эти факты (facta, Thatsachen) составляютъ продуктъ его собственной дѣятельности и поставлены имъ самимъ. Такъ только онъ можетъ объяснить ихъ.

§ 442.

Все дальнѣйшее движеніе духа есть *развитіе*. Потому что онъ признаетъ, что его предметъ и его цѣль есть разумность, т. е. что онъ долженъ самъ произвести всѣ свои опредѣленія. Когда онъ, своею дѣятельностію, осуществляетъ эту цѣль въ дѣйствительности, онъ только обнаруживаетъ свою сущность и является только въ *другой*, развитой формѣ.

Вначалѣ знаніе находитъ въ себѣ тѣ или другія непосредственныя опредѣленія: оно существуетъ только какъ *отвлеченная форма* мысли. По этому оно еще должно наполниться объективнымъ содержаніемъ и такимъ образомъ сдѣлаться свободнымъ знаніемъ.

Примѣч. Это развитіе не должно смѣшивать съ развитіемъ способностей, совпадающихъ съ развитіемъ души, о которомъ говорится въ антропологіи. *Кондильякъ* думалъ, что способности и силы души являются одна послѣ другой и обнаруживаются постепенно; онъ полагалъ, что слѣдя за этимъ *естественнымъ* происхожденіемъ ихъ, можно подмѣтить ихъ *возникновеніе* и *объяснить* ихъ. Такой методъ имѣетъ ту хорошую сторону, что старается понять необходимую связь этихъ способностей и объяснить, откуда происходятъ эти разнообразныя способности въ *единствѣ* духа. Но логическое отношеніе этихъ способностей у него извращено. Онъ справедливо отдаетъ первенство чувственнымъ впечатлѣніямъ и признаетъ ихъ исходною точкою знанія. Но онъ забываетъ, что эти чувственныя впечатлѣнія составляютъ исходную точку только въ актѣ эмпирическаго знанія, тогда какъ самый актъ знанія имѣетъ другую основу. Всѣ слѣдующія способности вытекаютъ у Кондильяка

изъ этой исходной точки и являются какъ *положительныя*. Но это несправедливо. Напротивъ, духъ въ своей дѣятельности отрицаетъ эту исходную точку, одухотворяетъ чувственный матеріалъ и измѣняетъ его первоначальную, разрозненную и безсвязную форму.

Кромѣ того, съ этой точки зрѣнія, способности духа, или такъ называемыя силы и проявленія его, имѣютъ равное достоинство, или служатъ только *средствами* другъ другу и различнымъ интересамъ души. Здѣсь не видно *конечной цѣли*, къ которой онъ стремится. Эту цѣль составляетъ самое понятіе духа. Духъ въ своей дѣятельности стремится овладѣть собою, т. е. онъ перестаетъ быть непосредственнымъ субъектомъ и осуществляетъ свое понятіе, являясь какъ свободный духъ. Всѣ такъ называемыя способности духа составляютъ ступени этого развитія. Разумное изслѣдованіе духа и его дѣятельности должно имѣть цѣлію прослѣдить ходъ этого развитія.

Приб. Духъ, на высшей ступени своего существованія, есть *знаніе*—или абсолютная форма, т. е. такая форма, которая сама даетъ себѣ свое содержаніе;—другими словами, такое понятіе, которое само даетъ себѣ свою реальность и имѣетъ себя своимъ предметомъ.

Вначалѣ кажется, будто содержаніе или предметъ знанія данъ извнѣ. Но духъ, возвысившись надъ этою первою ступенью, отрицаетъ тѣ внѣшнія ему и другъ другу формы, въ которыхъ первоначально являются ему внѣшніе предметы; онъ постигаетъ, что онъ самъ даетъ себѣ свои опредѣленія и что его идеальный элементъ служитъ источникомъ его реальнаго содержанія. Это отрицаніе его исходной точки составляетъ главный интересъ развитія духа, и на окончательной ступени этого развитія онъ является какъ форма, сама изъ себя наполняющаяся своимъ содержаніемъ.

Итакъ дѣятельность духа не ограничивается воспринятіемъ внѣшняго матеріала; напротивъ, его дѣятельность есть дѣятельность *творческая*. Но пока духъ остается *субъективнымъ*, продукты его дѣятельности также субъективны и противоположны опредѣленіямъ непосредственной дѣйствительности.

§. 443.

Сознаніе имѣло своимъ предметомъ предшествующую ступень,—душу (§ 413); въ свою очередь, *духъ* дѣлаетъ своимъ предметомъ сознаніе. А именно, на ступени сознанія, сознающее я было только *подразумѣвательно* тожественно со своимъ предметомъ (съ не-Я) (§ 415); духъ *признаетъ* это тожество, онъ сознаетъ себя какъ конкретную цѣлость. Всѣ его продукты, съ точки зрѣнія ихъ объективной разумности, должны быть *независимы отъ него*; а съ точки зрѣнія его свободы, они должны быть его собственными опредѣленіями.

Итакъ въ началѣ онъ содержитъ въ себѣ непосредственныя опредѣленія; эти опредѣленія суть независимыя и въ тоже время его собственныя опредѣленія. Слѣдовательно онъ долженъ во 1-хъ, найти въ себѣ *независимыя* опредѣленія и во 2-хъ, признать ихъ своими собственными опредѣленіями.

Иначе: духъ долженъ явиться въ слѣдующихъ формахъ:

а) *Духъ теоретическій*. Онъ долженъ отыскивать разумное содержаніе подъ видомъ своихъ непосредственныхъ опредѣленій и признать его своимъ собственнымъ содержаніемъ. Другими словами, онъ долженъ освободить знаніе отъ преднаходимаго содержанія, отъ своей отвлеченности; онъ долженъ признать, что это содержаніе и его опредѣленія суть его собственныя субъективныя опредѣленія.

b) Когда знаніе опредѣлено *въ себѣ и для себя*, т. е. существуетъ какъ свободный умъ, оно есть *воля* или *практическій духъ*. Вначалѣ эта воля есть формальная, т. е. непосредственная, которая руководствуется *своими* цѣлями.

с) Когда воля освободилась отъ исключительно-субъективныхъ цѣлей и признала объективное достоинство своего содержанія, духъ является какъ *свободный духъ*, имѣющій себя своимъ предметомъ.

Приб. Сознаніе относилось къ объектамъ непосредственно и потому оно не имѣло стремленія усвоить себѣ этихъ объектовъ. Напротивъ, духъ стремится овладѣть своимъ предметомъ.

1) Сначала объекты *чужды* ему, даны извнѣ, разрознены и случайны. Онъ усвоиваетъ ихъ, даетъ имъ субъективныя, всеобщія, необходимыя и разумныя формы. Измѣняя такимъ образомъ объекты, духъ отрицаетъ односторонность сознанія, которое относилось къ независимымъ объектамъ и признавало ихъ совершенно чуждыми субъекту. Этотъ духъ есть *духъ теоретическій*. Онъ стремится къ знанію, къ свѣдѣніямъ. Когда я пріобрѣлъ какія нибудь свѣдѣнія, я сознаю, что ихъ содержаніе независимо и имѣетъ объективное достоинство, и въ тоже время, что оно принадлежитъ мнѣ и слѣдственно имѣетъ субъективное значеніе. И такъ, здѣсь объекты уже не противоположны субъекту, какъ это было въ сознаніи.

2) *Практическій духъ* имѣетъ обратную точку исхода. Онъ не стремится усвоить себѣ независимый объектъ, какъ это дѣлалъ духъ теоретическій. Напротивъ, онъ стремится перевесть свои интересы и цѣли, и вообще свои субъективныя опредѣленія, въ объективность. Теоретическій духъ отрицалъ односторонность сознанія, которое находилось въ зависимости отъ данныхъ предметовъ. Практическій духъ отрицаетъ односторонность самосознанія, которое замкнуто въ субъектѣ.

Теоретическій и практическій духъ, которые дѣятельны въ противоположныхъ направленіяхъ, взаимно дополняютъ другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ ихъ противоположность не такъ рѣзка, какъ это кажется съ перваго взгляда. Теоретическій духъ также имѣетъ предметомъ свои собственныя опредѣленія и мысли, и наоборотъ цѣли разумной воли имѣютъ не одно исключительно—субъективное, но и общее, объективное значеніе. Оба эти вида духовной дѣятельности разумны; оба они различными путями приводятъ къ одному и тому же результату, къ единству субъективнаго и объективнаго элемента, составляющему сущность разума.

Впрочемъ, обѣ эти формы *субъективнаго* духа имѣютъ одинъ имъ общій недостатокъ: онѣ имѣютъ своею исходною точкою *противоположность* между субъектомъ и объектомъ и только въ концѣ своего развитія онѣ приводятъ эти элементы къ ихъ единству. Этотъ недостатокъ вытекаетъ изъ самой сущности духа, потому что духъ не есть существо косное и неподвижное; онъ есть чистая дѣятельность, онъ

самъ производитъ себя; сначала онъ является надъ видомъ субъекта, противоположнаго объекту, но въ теченіи своего развитія онъ отрицаетъ эту противоположность.

§ 444.

И теоретическій и практическій духъ принадлежатъ къ сферѣ *субъективнаго духа*. Нельзя сказать, чтобы первый былъ страдателенъ, а второй дѣятеленъ. Субъективный духъ дѣятеленъ, но всѣ его продукты суть формальныя опредѣленія.

Внутри себя, теоретическій духъ производитъ идеальный міръ и достигаетъ до отвлеченнаго самоопредѣленія мысли.— Воля, или практическій духъ поставляетъ себѣ свои собственныя цѣли, но эти цѣли суть чисто формальныя, ограниченныя и только повидимому всеобщія.

Такъ какъ субъективный духъ представляетъ единство души и сознанія, то *внѣшнія проявленія* субъективнаго духа суть *независимыя*, антропологическія, и въ тоже время они сообразны сознанію. По этому продуктъ теоретическаго духа есть *слово*, а продуктъ практическаго духа есть *наслажденіе* (а не дѣйствіе и нравственный поступокъ).

Примѣч. Психологія, какъ и логика, принадлежитъ къ числу наукъ, которыя сдѣлали наименѣе успѣховъ въ новѣйшее время и наименѣе извлекли пользы изъ общаго развитія философіи и вызванныхъ ею, болѣе глубокихъ требованій отъ всякой разумной науки. Послѣ Канта говорили, правда, что эмпирическая психологія должна служить основаніемъ метафизики. Но эмпирическая психологія только описываетъ и разлагаетъ факты сознанія, въ томъ видѣ, какъ ихъ находитъ. При томъ здѣсь смѣшиваютъ психологію съ антропологіею и феноменологіею духа, или наукою о сознаніи. Это требованіе нисколько не измѣнило впрочемъ обычнаго метода психологіи. Напротивъ, при такомъ взглядѣ, какъ въ психологіи, такъ и въ метафизикѣ и въ философіи вообще, перестали обращать вниманіе на *понятіе* предмета, или *истину*, т. е. перестали требовать, чтобы наука показала *необходимость* ея самобытнаго предмета.

Приб. Душа есть страдательная форма духа. Напротивъ, свободный духъ есть духъ дѣятельный, творческій. Не должно думать, чтобы теоретическій духъ былъ страдателенъ, а практическій дѣятеленъ. Съ перваго взгляда это кажется такъ. Теоретическій духъ повидимому воспринимаетъ существующіе предметы, а практическій производитъ предметы еще несуществующіе въ дѣйствительности. Но выше (§ 442. Приб.) мы уже замѣтили, что теоретическій духъ не ограничивается страдательнымъ воспринятіемъ внѣшнихъ и данныхъ объектовъ; онъ дѣятеленъ, потому что онъ отрицаетъ внѣшность и единичность этихъ предметовъ и возводитъ ихъ разумное содержаніе въ разумную форму. Напротивъ, практическій духъ въ извѣстномъ смыслѣ также страдателенъ, потому что содержаніе воли вначалѣ также дано ему, если не извнѣ, то въ самомъ субъектѣ; оно имѣетъ непосредственную форму, и еще не произведено свободною дѣятельностію разумной воли. Оно является такимъ только при посредствѣ *мыслящаго знанія*, т. е. при участіи *теоретическаго* духа.

Точно также не должно думать, чтобы умъ былъ *ограниченъ*, а воля была ни чѣмъ *неограничена*. Можно сказать, наоборотъ, что воля болѣе ограничена, потому что она вступаетъ въ борьбу со внѣшними матеріальными предметами, оказывающими ей сопротивленіе или же приходитъ въ столкновеніе съ волею другихъ лицъ. Напротивъ, умъ проявляется только въ *словѣ*, — этомъ летучемъ, преходящемъ, воздушномъ выраженіи мысли; онъ свободенъ въ своемъ выраженіи, онъ самъ достаточенъ для себя, — онъ самъ служитъ себѣ цѣлію, онъ божественъ; его результатъ есть понимающее знаніе, или полная свобода и полное примиреніе духа съ самимъ собою.

Впрочемъ, какъ умъ такъ и воля вначалѣ отвлеченны. Содержаніе обоихъ еще не согласуется съ содержаніемъ всеобщей, разумной мысли. Слѣдственно оно еще не истинно.

Теоретическій духъ усвоиваетъ себѣ предметъ. Но этотъ предметъ частію еще остается внѣшнимъ для духа. Субъективная форма мысли еще не вполнѣ проникаетъ собою предметъ, и духъ еще не сознаетъ того, что предметъ всецѣло произведенъ имъ самимъ. Наоборотъ, субъективное содер-

жаніе практическаго духа первоначально не имѣетъ объективнаго достоинства; оно имѣетъ непосредственную форму, принадлежитъ исключительно извѣстному субъекту и не имѣетъ всеобщаго, объективнаго и независимаго значенія.

Субъективный духъ достигаетъ своей цѣли и дѣлается *объективнымъ* когда онъ уничтожаетъ этотъ недостатокъ. Тогда его форма уже не противоположна его содержанію; субъективный элементъ тожественъ съ объективнымъ не въ отвлеченномъ, а въ конкретномъ, разумномъ смыслѣ. Духъ возвысился здѣсь къ сознанію своей идеи своей свободы; онъ не только сознаетъ, что субъективныя опредѣленія воли, по своей сущности, тожественны съ объективнымъ разумомъ,—но производитъ изъ себя міръ *внѣшней дѣйствительности*, въ которомъ осуществлена его свобода, или его идея.

a. Теоретическій духъ.

§ 445.

Умъ *предначодитъ* свои опредѣленія: въ своемъ непосредственномъ состояніи онъ начинаетъ съ этой кажущейся независимости своего содержанія. Но *знаніе* должно признать, что это содержаніе поставлено имъ самимъ. Съ точки зрѣнія формы, дѣятельность ума обнаруживается тѣмъ, что онъ *находитъ* разумъ; и онъ имѣетъ цѣлію — овладѣть своимъ понятіемъ, т. е. сдѣлаться *самоопредѣляющимся* разумомъ. При этомъ онъ постигаетъ разумность своего содержанія.

Такимъ образомъ формальное знаніе, или увѣренность ума въ собственномъ бытіи, восходитъ на ступень опредѣленнаго и конкретнаго знанія, потому что разумъ наполненъ конкретными опредѣленіями.

Самый ходъ этого развитія духа разуменъ. Каждая умственная дѣятельность (или такъ называемая способность духа) переходитъ въ слѣдующую, согласно требованіямъ самаго понятія духа. Знаніе опровергаетъ кажущійся фактъ, будто оно предначодитъ разумное содержаніе, — и это потому, что умъ убѣжденъ или вѣруетъ въ свою способность знать разумно, т. е. въ возможность усвоить себѣ разумъ, лежащій въ основаніи его самого и предмета.

Примѣч. Различая умъ и волю, часто несправедливо предполагаютъ, что они совершенно независимы другъ отъ друга; что воля можетъ обходиться безъ ума и что умъ можетъ дѣйствовать, не желая. Конечно, разсудокъ можетъ быть развитъ въ ущербъ сердцу, или сердце въ ущербъ разсудку и быть можетъ существуютъ безразсудные, но добрые люди, или безсердечные, но разсудительные люди. Но это показываетъ только то, что въ мірѣ есть мѣсто и для неистинныхъ и дурныхъ людей. Философія не должна принимать эти дѣйствительные или мыслимые факты за истину, она не должна принимать искаженіе человѣческой природы за ея сущность.

Далѣе говорятъ, что умъ получаетъ *впечатлѣнія* извнѣ, что онъ *воспринимаетъ* ихъ,—и что представленія рождаются вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ предметовъ, составляющихъ ихъ причину и проч. Всѣ эти выраженія противны логикѣ и неумѣстны въ философіи духа.

Но всего чаще говорятъ въ психологіи о *силахъ* и *способностяхъ души*, ума или духа. — *Способность* и *сила* есть не что другое, какъ извѣстное опредѣленное содержаніе, которому дана независимая форма (форма соотношенія съ собою). Правда, сила безконечна по своей формѣ, потому что въ ней тожественны внутреннее и внѣшнее (§ 136); но она конечна въ томъ смыслѣ, что ея содержаніе не имѣетъ никакой органической связи съ ея формою (тамъ же. Примѣч.). Когда превращаютъ различныя проявленія души въ самостоятельныя силы и смотрятъ на духъ какъ на совокупность такихъ силъ, то не видятъ въ немъ, точно также какъ въ природѣ, никакой разумной связи. Всѣ ступени его дѣятельности превращаются при этомъ въ *независимыя опредѣленности*, и духъ является какъ окаменѣвшій, механическій *аггрегатъ*. Тоже самое бываетъ и тогда, когда слова: способности, или силы, замѣняютъ выраженіемъ: *дѣятельности*. При *изолированіи* дѣятельностей духъ также представляется какъ сложный механизмъ, въ которомъ господствуетъ случайность.

Мы сказали, что дѣятельность ума или теоретическаго духа состоитъ въ *знаніи*. Это не значитъ, чтобы онъ *между прочимъ* познавалъ, но *кромѣ того* еще созерцалъ, представлялъ, воспоминалъ, воображалъ предметы и проч. Такой

взглядъ есть слѣдствіе изолированія дѣятельностей духа. Но этотъ взглядъ имѣетъ еще большее значеніе, потому что отъ него зависитъ рѣшеніе вопроса, возможно ли *истинное* знаніе, т. е. знаніе *истины*. Если оно невозможно, то мы не должны стремиться къ нему. Размышляя объ этомъ вопросѣ, можно смотрѣть на него съ различныхъ сторонъ, приводить различныя основанія за и противъ него,—и всѣ эти точки зрѣнія оцѣниваются и обсуживаются въ соотвѣтствующихъ имъ отдѣлахъ философіи. Чѣмъ болѣе разсудокъ отдаляется отъ существа дѣла и подходитъ къ нему извнѣ, тѣмъ шире разростается предметъ самъ по себѣ простой. — Здѣсь мы разсматриваемъ простое понятіе знанія, и оно можетъ дать намъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ общій вопросъ — *возможно* ли истинное знаніе и можемъ ли мы по произволу приступать къ знанію, или не приступать къ нему. Мы видѣли, что знаніе и умъ тожественны; сущность знанія соотвѣтствуетъ сущности ума; сущность этого послѣдняго составляетъ убѣжденіе въ бытіи разума, и умъ осуществляетъ свою сущность въ актѣ знанія. Слѣдственно нельзя допускать существованіе ума и въ тоже время признавать, что онъ можетъ по произволу приступать или не приступать къ знанію.—Далѣе: знаніе должно назвать истиннымъ, когда умъ осуществляетъ его, или овладѣваетъ его понятіемъ. Пришедши къ этому результату, умъ дѣлается конкретнымъ умомъ, или знаніемъ. Умъ достигаетъ этого результата, проходя ступени созерцанія, представленія, воспоминанія и проч.; всѣ эти дѣятельности сами по себѣ не имѣютъ смысла: всѣ онѣ стремятся къ одной общей цѣли—къ знанію. Когда ихъ изолируютъ, то находятъ, что онѣ могутъ быть полезны и могутъ служить средствами для другихъ цѣлей, кромѣ знанія; или что онѣ могутъ удовлетворять знанію сами по себѣ,—потому что каждая изъ нихъ доставляетъ наслажденіе человѣку, какъ напр. созерцаніе, воспоминаніе, фантазія. Конечно, всѣ эти изолированныя способности могутъ доставлять удовольствіе,—и если внѣшность предметовъ, или изолированность моментовъ разума, составляетъ основное опредѣленіе природы, то духъ можетъ оставаться на такой же низкой ступени развитія, частію по своему произволу, частію въ томъ случаѣ, когда онъ не развитъ, не образованъ и еще близокъ къ при-

родѣ. Но *истинное удовлетвореніе*, — въ этомъ никто не сомнѣвается, — могутъ дать только такія созерцанія, которыя проникнуты умомъ и духомъ, такія представленія, которыя разумны, такіе продукты фантазіи, которые запечатлѣны разумомъ и изображаютъ идею и т. д., — словомъ такія созерцанія и представленія, которыя нераздѣльны съ *знаніемъ*. Короче сказать, эти созерцанія, представленія и проч. даютъ *истинное удовлетвореніе* только тогда, когда они не изолированы, но составляютъ моменты одной цѣлости, именно самого знанія.

Приб. Какъ мы сказали въ Приб. къ § 441, духъ отрицаетъ односторонность души и сознанія. Но вначалѣ онъ самъ существуетъ въ непосредственной формѣ, — онъ имѣетъ внѣшній предметъ и, подобно сознанію, соотносится къ самобытному, преднаходимому разумному содержанію, независимому отъ него. Тѣмъ не менѣе мы видѣли, что духъ самъ существовалъ первоначально подъ видомъ души и сознанія; онъ отрицалъ ихъ и явился какъ единство субъективнаго и объективнаго элемента, онъ освободился отъ чуждаго ему предмета и сосредоточился въ самомъ себѣ. — По этому его дѣятельность состоитъ въ томъ, что онъ перестаетъ существовать какъ непосредственный духъ, перестаетъ относиться къ внѣшнему, непосредственному предмету, т. е. перестаетъ *преднаходить* свой объектъ.

Вначалѣ умъ существуетъ подъ видомъ *формальной, ненаполненной* мысли; онъ еще не имѣетъ *знанія*. Но онъ долженъ сдѣлаться знающимъ духомъ. Съ этою цѣлію онъ наполняется данными ему предметами, непосредственными и потому самому случайными, призрачными и неистинными. Умъ не ограничивается однакожъ этимъ воспринятіемъ непосредственно представляющихся объектовъ. Онъ очищаетъ предметы отъ чисто внѣшнихъ, случайныхъ и ничтожныхъ элементовъ. Сознаніе, какъ мы видѣли, полагало, что его развитіе зависѣло отъ самобытнаго измѣненія въ опредѣленіяхъ его объекта. Напротивъ, умъ или духъ самъ сознательно измѣняетъ свой объектъ и возводитъ его на ступень истины. Умъ усвоиваетъ себѣ внѣшній предметъ и въ тоже время усвоиваетъ себѣ самого себя. Это усвоеніе предмета

и сосредоточеніе духа въ самомъ себѣ идутъ совмѣстно. Предметъ, о которомъ духъ имѣетъ разумное знаніе, становится по тому самому разумнымъ по своему содержанію.

И такъ, умъ отнимаетъ случайную форму отъ предмета, узнаетъ его разумную природу, усвоиваетъ его субъекту,— и въ тоже время онъ преобразовываетъ субъективныя формы мысли въ объективныя и разумныя формы. — Такимъ образомъ отвлеченное, формальное знаніе становится конкретнымъ знаніемъ, которое наполнено истиннымъ содержаніемъ и слѣдственно имѣетъ объективное достоинство. Когда умъ достигъ этой цѣли, онъ осуществилъ свою сущность, —онъ сдѣлался истиннымъ *знаніемъ*. Истинное знаніе должно различать отъ *знанія эмпирическаго*. Это послѣднее свойственно уже сознанію. Но свободный духъ не довольствуется знаніемъ о предметѣ вообще и о его случайныхъ и внѣшнихъ опредѣленіяхъ. Онъ хочетъ узнать *опредѣленную сущность* предмета. Образованный человѣкъ часто дѣлаетъ это различіе между эмпирическимъ и истиннымъ знаніемъ, между знаніемъ о предметѣ и знаніемъ предмета. Такъ напр. говорятъ: мы *знаемъ*, что Богъ существуетъ, но не можемъ *узнать* его природу. Это значитъ, что мы имѣемъ неопредѣленное и отвлеченное представленіе о Богѣ, но что намъ не дано понять его опредѣленную, конкретную сущность. Тѣ, которые говорятъ такимъ образомъ, могутъ быть правы, если они говорятъ отъ своего лица. Теологи, которые признаютъ, что Богъ недоступенъ для знанія, наполняютъ свою науку всякаго рода посторонними, критическими и историческими изслѣдованіями и заставляютъ ее разростись до очень большихъ размѣровъ; но эта наука, тѣмъ не менѣе, излагаетъ одни внѣшности и опускаетъ истинное содержаніе своего предмета, которое не дается ея слабымъ силамъ; т. е. она отказывается отъ *истиннаго знанія*, потому что истинное знаніе состоитъ въ изученіи субстанціальнаго содержанія предмета, а не въ изложеніи внѣшнихъ обстоятельствъ. Эта наука стоитъ на ступени *сознанія* и не прибѣгаетъ къ помощи *ума*, въ истинномъ смыслѣ этого слова, или къ помощи такъ-называемой *познавательной способности*, — хотя это послѣднее выраженіе даетъ ложный

смыслъ уму, потому что представляетъ его только способнымъ къ знанію (*).

Чтобы обозрѣть послѣдующее развитіе ума отъ низшей его ступени до ступени истиннаго знанія, мы напередъ укажемъ здѣсь главныя изъ этихъ ступеней. — Вначалѣ умъ имѣетъ непосредственный объектъ Во вторыхъ—такой предметъ, который сдѣлался самобытнымъ и усвоенъ субъектомъ. Наконецъ, въ третьихъ, такой предметъ, субъективное значеніе котораго совпадаетъ съ его объективнымъ значеніемъ.

Отсюда происходятъ слѣдующія три ступени:

α) Знаніе, относящееся къ непосредственному, единичному, чувственному предмету; это—*созерцаніе.*

β) Умъ, который перестаетъ соотноситься къ единичному предмету, сосредоточивается въ самомъ себѣ и приводитъ объектъ въ связь со всеобщимъ началомъ; это — *представленіе.*

γ) Умъ, который уразумѣваетъ всеобщее, но опредѣленное начало, свойственное предметамъ; — или *мышленіе*, въ смыслѣ такой дѣятельности, которая относится къ существующимъ предметамъ и имѣетъ объективное значеніе.

Другими словами:

α) *Созерцаніе* есть непосредственное знаніе, или сознаніе, къ которому присоединилось убѣжденіе въ разумности и духовности его предмета. Оно само распадается на три формы:

1) Умъ начинаетъ съ *ощущенія* непосредственнаго матеріала.

2) *Вниманіе* отдаляетъ отъ себя предметъ и въ тоже время приковано къ нему.

3) Такимъ образомъ предметъ является уму съ его другъ другу внѣшними опредѣленіями; это — собственно т. н. *созерцаніе.*

β) Вторую ступень умственной дѣятельности составляетъ

(*) Все сказанное здѣсь относится къ протестантскимъ богословамъ, которые, по выраженію Гегеля, низводятъ содержаніе теологіи до *minimum* (см. *Логику, русск. перев.* стр. XV

представленіе. Въ ней можно различить три ступени: воспоминаніе,—силу воображенія,—и память.

γ) Наконецъ третью ступень этой сферы образуетъ *мышленіе*,—къ которому относятся разсудокъ, сужденіе и разумъ.

α) *Созерцаніе.*

§ 446.

Духъ подъ видомъ *души* имѣетъ естественныя или данныя самою природою опредѣленія. Въ формѣ *сознанія*, онъ относится къ этимъ опредѣленіямъ какъ къ *внѣшнему* объекту. Умъ преднаходитъ эти опредѣленія *въ самомъ себѣ*.

1) И такъ вначалѣ духъ глухо ощущаетъ въ себѣ эти тѣлесныя, *чувственныя состоянія*, которыя составляютъ весь матеріалъ его знанія. Духъ погруженъ въ свои *непосредственныя* состоянія; онъ существуетъ въ формѣ *единичнаго*, *субъективнаго*,—*чувствующаго* духа.

Примѣч. Говоря о душѣ, мы уже разсматривали *чувства*, какъ такія непосредственныя опредѣленія, которыя она *преднаходитъ* въ себѣ (§ 399 и слѣдующіе). Но тамъ мы обращали главное вниманіе на то, что онѣ составляютъ естественныя опредѣленія души. Здѣсь мы смотримъ на нихъ какъ на отвлеченныя опредѣленія, непосредственно существующія въ духѣ.

Приб. Мы уже два раза говорили о чувствѣ, но каждый разъ смотрѣли на него съ различной точки зрѣнія.

Во первыхъ мы разсматривали чувство въ антропологіи. Душа погружена въ природу, она есть дремлющій или спящій духъ. Пробуждаясь отъ своего сна, она находитъ въ себѣ опредѣленія, данныя въ ней отъ природы, и ощущаетъ ихъ. Отрицая свои ограниченныя ощущенія, она чувствуетъ свою цѣлость и становится самочувствіемъ. Такимъ образомъ она является какъ сознающее я, или какъ сознаніе.

Во вторыхъ мы разсматривали чувство въ феноменологіи духа. Здѣсь душа противополагаетъ себѣ опредѣленныя чувства, или сознаніе относится къ этому матеріалу какъ къ самостоятельному объекту.

Въ третьихъ, духъ есть единство души и сознанія. Сначала онъ также даетъ себѣ форму чувства. Но это послѣднее освободилось отъ тѣхъ одностороннихъ опредѣленій, которыя оно имѣло выше. Содержаніе чувства не имѣетъ уже ни односторонняго субъективнаго значенія, какъ это было въ душѣ, ни односторонняго объективнаго смысла, какъ это было въ сознаніи. Оно совмѣщаетъ въ себѣ эти значенія и духъ въ его дѣятельности имѣетъ цѣлію уразумѣть эту истину.

§. 447.

Всякое чувство, разсматриваемое съ точки зрѣнія его *формы*, есть *опредѣленное*, но простое состояніе. Поэтому, хотя б.. его содержаніе было самое совершенное и самое истинное, оно случайно и измѣнчиво. Но оно можетъ быть очень бѣдно и не истинно и по своему содержанію.

Примѣч. Обыкновенно предполагаютъ, что матеріалъ, составляющій содержаніе нашихъ чувствъ, служитъ источникомъ всѣхъ нашихъ представленій. Это справедливо; но не должно забывать, что этотъ матеріалъ не данъ извнѣ, а находится въ самомъ духѣ. Часто допускаютъ противное: говорятъ, что сознающій субъектъ противоположенъ объекту, что эта противоположность предшествуетъ простому чувству и что самостоятельные—внутренніе или внѣшніе—объекты производятъ тѣ или другія ощущенія.—Но мы уже не говоримъ здѣсь о сознаніи; мы разсматриваемъ развитый духъ, и такой духъ находитъ свои чувства въ самомъ себѣ.

Что касается до содержанія чувствъ, также привыкли думать, что *чувства*, по своему содержанію, *богаче мысли*,—особенно чувства нравственныя и религіозныя. Но всѣ чувства суть не что другое какъ опредѣленія самого духа, которыя онъ предначодитъ въ себѣ; поэтому все содержаніе духа или разума можетъ облекаться въ форму чувства. Только духъ, на этой ступени своего развитія, еще существуетъ въ формѣ исключительнаго субъекта, т. е. въ самой несовершенной и низшей формѣ,—а не въ формѣ свободной, или всеобщей мысли. Поэтому его содержаніе имѣетъ случайный, субъективный и

личный характеръ. Когда человѣкъ достигъ извѣстной степени образованія. т. е. когда онъ оцѣниваетъ вещи по ихъ достоинству, знаетъ ихъ взаимныя отношенія, ихъ истинное значеніе и проч., тогда его развитыя понятія облекаются въ форму чувства, и его ощущенія становятся болѣе развитыми и болѣе истинными.—Человѣкъ, къ какому бы предмету онъ ни относился, прежде всего относится къ нему черезъ посредство чувства. Этотъ предметъ вызываетъ въ немъ то или другое настроеніе, и его чувство полнѣе и обширнѣе одностороннихъ рѣшеній разсудка. Но это чувство можетъ также быть несовершенно и ограничено. Во всякомъ случаѣ оно есть чисто личное и субъективное состояніе. Если человѣкъ судитъ о чемъ бы то ни было на основаніи своего *непосредственнаго чувства*, а не на основаніи сущности дѣла и его понятія, или по крайней мѣрѣ на основаніи тѣхъ или другихъ общихъ началъ, выработанныхъ разсудкомъ, то съ нимъ нечего толковать, потому что онъ не хочетъ знать общихъ, разумныхъ принциповъ и довольствуется своею исключительною личностію и субъективностію.

Приб. Все содержаніе духа или разума первоначально облекается въ форму чувства. Всѣ наши представленія, мысли и понятія о предметахъ внѣшней природы, о правѣ, нравственности и религіи, развиваются изъ этой общей основы. И наоборотъ, развившись въ ясныя и отчетливыя формы мысли, они снова принимаютъ концентрированную форму ощущеній. Поэтому одинъ древній писатель справедливо сказалъ, что люди образовали своихъ боговъ изъ своихъ ощущеній и страстей. Но не должно думать, чтобы духъ, развивающійся изъ чувства, былъ первоначально *пустъ* и получалъ все свое содержаніе извнѣ. Это мнѣніе ложно. Умъ повидимому воспринимаетъ внѣшнее и чуждое ему содержаніе; но въ сущности это содержаніе разумно, тожественно съ духомъ и находится въ самомъ духѣ. Духъ въ своей дѣятельности отрицаетъ внѣшность этого содержанія въ немъ самомъ и въ тоже время его внѣшность и чуждость по отношенію къ духу.

§. 448.

2) При разнообразіи этихъ непосредственныхъ состояній, какъ и въ другихъ случаяхъ, духъ долженъ приходить въ *тожественное* соотношеніе съ ними, т. е. долженъ сосредоточивать на нихъ свое *вниманіе*; такимъ образомъ онъ со знаетъ ихъ; — *усвоиваетъ* ихъ себѣ, дѣлаетъ ихъ *своими* ощущеніями; но эта дѣятельность ума есть еще *формальная*.

Съ другой стороны, духъ признаетъ содержаніе своего чувства *независимымъ* отъ себя; но его бытіе есть бытіе отрицательное, противоположное духу. Духъ относитъ содержаніе своего ощущенія *внѣ себя*, отодвигаетъ его въ *пространство* и во *время*; духъ *созерцаетъ* его въ этихъ *формахъ*.—*Сознаніе* признавало, что его матеріалъ есть его предметъ, что этотъ предметъ только *относительно* противоположенъ ему. Но духъ даетъ ему разумное опредѣленіе, признавая, что его предметъ есть *иное его самого* (сравн. § 247 и 254).

Приб. Въ ощущеніи и чувствѣ, духъ еще непосредственно тожественъ со своимъ предметомъ. Умъ возвышается надъ этимъ простымъ единствомъ, отодвигаетъ отъ себя содержаніе своего чувства и въ то же время признаетъ его своимъ собственнымъ состояніемъ. Т е. онъ въ одно и тоже время отрицаетъ и возстановляетъ свое единство съ предметомъ, и такимъ образомъ овладѣваетъ содержаніемъ ощущенія. Этотъ актъ духа есть *вниманіе*. Безъ него невозможно овладѣть предметомъ. Духъ, обращая свое вниманіе на предметъ, погружается въ него, узнаетъ о существованіи предмета, если и не получаетъ опредѣленнаго понятія о предметѣ, потому что для этого необходимо болѣе полное развитіе духа. Вниманіе есть источникъ образованія. — Когда я обращаю вниманіе на предметъ, то этотъ предметъ не существуетъ только во мнѣ, но имѣетъ объективное, т. е. независимое значеніе. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ существуетъ и единство и различіе между субъектомъ и объектомъ; духъ сосредоточивается въ самомъ себѣ и въ тоже время тожественъ съ предметомъ. Вслѣдствіе этого вниманіе зависитъ отъ произвола субъекта:—онъ обращаетъ вниманіе на предметъ,

когда хочетъ того. Однакожъ, вниманіе есть дѣло не легкое. Оно требуетъ напряженія ума; чтобы овладѣть какимъ нибудь предметомъ, человѣкъ долженъ отвлечься отъ всѣхъ другихъ предметовъ, отъ тысячи вещей мелькающихъ въ его головѣ, отъ иныхъ интересовъ и даже отъ своей собственной личности. Онъ долженъ погрузиться въ предметъ, подавить суетность—которая стремится высказать свое сужденіе о предметѣ, не ознакомившись съ его сущностію; онъ долженъ предоставить предмету самому выразить свою сущность и слѣдить за нимъ, не нарушая его развитія собственною рефлексіею. И такъ чтобы сосредоточить свое вниманіе на предметѣ, необходимо во-первыхъ отказаться отъ собственныхъ притязаній и во-вторыхъ отдаться предмету. Эти условія необходимы для мышленія, хотя ихъ считаютъ излишними т. н. геніальные люди, которые убѣждены что имъ все извѣстно и что они обо всемъ могутъ судить. Это убѣженіе есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, возвратъ къ дикости. Необразованный человѣкъ не обращаетъ ни на что вниманія; мимо его проходятъ событія и факты, не обращая на себя его мысли.—Вниманіе укрѣпляется и расширяется образованіемъ. Такъ напр. ботаникъ замѣчаетъ въ одно и тоже время несравненно болѣе вещей въ данномъ растеніи, чѣмъ человѣкъ не учившійся ботаникѣ. Тоже самое относится и ко всѣмъ другимъ предметамъ знанія. Образованный человѣкъ тотчасъ схватываетъ всѣ отличительные признаки разсматриваемаго предмета; встрѣчая новое, онъ сравниваетъ его съ запасомъ своихъ воспоминаній.

Мы сказали, что во вниманіи существуетъ единство и различіе между субъектомъ объектомъ. Когда человѣкъ обращаетъ вниманіе на свое *чувство*, то здѣсь преобладаетъ единство между нимъ и объектомъ; обѣ стороны различаются здѣсь еще слишкомъ неопредѣленно. Но умъ старается установить это различіе и опредѣленно различить объектъ отъ субъекта. Отсюда происходитъ *созерцаніе*. Въ этой формѣ, наоборотъ, беретъ перевѣсъ различіе между субъектомъ и объектомъ.

Въ созерцаніи, содержаніе ощущенія получаетъ форму

независимаго объекта. Въ этомъ отношеніи должно различить *внутреннія* ощущенія отъ *внѣшнихъ*.

Что касается первыхъ, человѣкъ наиболѣе подчиненъ власти своихъ внутреннихъ аффектовъ. Но онъ освобождается изъ подъ власти этихъ впечатлѣній, если можетъ превратить свои ощущенія въ *созерцанія*. Такъ напр. когда поэтъ можетъ вылить волнующія его чувства радости или грусти въ объективную форму стихотворенія, онъ отдѣлывается отъ ощущеній, томившихъ его душу, и облегчаетъ ее, или совершенно освобождается нравственно. Повидимому онъ усиливаетъ власть этихъ впечатлѣній, разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ; но въ сущности онъ ослабляетъ ее, потому что эти ощущенія становятся предметными, или внѣшними ему Такъ Гёте писалъ своего *Вертера*, чтобы успокоить себя, между тѣмъ какъ читатели этого романа подчинялись его неотразимой власти. Образованный человѣкъ разсматриваетъ свои ощущенія со всѣхъ представляемыхъ ими сторонъ и потому онъ чувствуетъ ихъ глубже чѣмъ необразованный; но въ тоже время онъ болѣе господствуетъ надъ своими чувствами, потому что привыкъ вращаться въ элементѣ разумной мысли, стоящей выше ограниченныхъ ощущеній.

И такъ мы можемъ болѣе или менѣе отдѣлить отъ себя наши внутреннія ощущенія, смотря по тому насколько развито наше рефлективное и разумное мышленіе.

Напротивъ, что касается до внѣшнихъ ощущеній, мы способны болѣе или менѣе отдѣлять ихъ отъ себя, смотря по тому относятся ли эти ощущенія къ постояннымъ или къ преходящимъ предметамъ. Въ этомъ отношеніи, чувство слуха занимаетъ середину между обоняніемъ и вкусомъ, съ одной стороны, зрѣніемъ и осязаніемъ, съ другой стороны.

Чувство *обонянія* происходитъ вслѣдствіе испаренія или улетученія предмета, а *вкусъ* — вслѣдствіе его растворенія. Предметъ теряетъ, въ томъ и другомъ случаѣ, свою самостоятельность, исчезаетъ матеріально. Созерцаніе предмета исчезаетъ здѣсь со временемъ, и потому здѣсь труднѣе отнести ощущеніе изъ субъекта въ объектъ.

Мы легче переносимъ наше ощущеніе на объектъ въ чувствѣ *осязанія*, которое занято предметами оказывающими сопротивленіе, также какъ и въ чувствѣ *зрѣнія*, этомъ главномъ источникѣ созерцаній, которое занято предметами преимущественно постоянными, самобытными, въ идеальномъ и матеріальномъ смыслѣ, и ощущаетъ только одно свойство ихъ—цвѣтъ, при посредствѣ свѣта, оставляя неприкосновенною ихъ матеріальность.

Наконецъ *слухъ* воспринимаетъ одинъ звукъ предметовъ, т. е. сотрясеніе предмета, который однакожъ остается самостоятельнымъ. Поэтому впечатлѣнія слуха мы легче переносимъ на предметъ, чѣмъ впечатлѣнія вкуса и обонянія, но труднѣе чѣмъ впечатлѣнія зрѣнія. Мы слышимъ звукъ, потому что онъ долетаетъ до насъ, отдѣляясь отъ предмета, и мы легко приписываемъ его тому или другому предмету, сохраняющемуся въ своей цѣлости.

И такъ, въ актѣ созерцанія, мы отодвигаемъ отъ себя наше ощущеніе, мы превращаемъ ощущеніе въ независимый объектъ. Самое содержаніе ощущенія при этомъ не измѣняется; оно остается тоже—существуетъ ли оно въ нашемъ духѣ, или присвоено нами предмету. Въ духѣ еще нѣтъ такого содержанія, которое онъ могъ бы сравнивать съ содержаніемъ своего созерцанія. Въ актѣ созерцанія, внутреннее содержаніе духа превращается только во внѣшнее содержаніе, или содержаніе предмета. Дѣятельность ума первоначально выражается въ этомъ чисто-формальномъ измѣненіи содержанія ощущенія въ содержаніе объекта.

Здѣсь мы должны сдѣлать двоякаго рода замѣчаніе.— Во первыхъ, когда это содержаніе ощущенія превращается во внѣшній объектъ, оно дѣлается *внѣшнимъ въ самомъ себѣ*, между тѣмъ какъ всякій предметъ, въ его истинѣ, имѣетъ разумную или духовную природу.—Во вторыхъ, самъ духъ измѣняетъ такимъ образомъ свое ощущеніе; а потому онъ даетъ этому содержанію такую духовную или такую всеобщую, отвлеченную форму, какая совмѣстна съ непосредственнымъ внѣшнимъ предметомъ. Эта форма еще не имѣетъ никакого содержанія,—это не болѣе какъ отвлеченная форма *пространства* и *времени* (сравн. §. 254—259). И такъ пре-

вращая ощущенія въ созерцанія мы облекаемъ ихъ въ форму пространства и времени. Пространственные предметы стоятъ равнодушно одинъ возлѣ другаго и совмѣстны; предметы, существующіе во времени, находятся въ движеніи, слѣдуютъ одинъ за другимъ, рождаются и исчезаютъ, такъ что они существуютъ и въ тоже время содержатъ въ себѣ небытіе. Предметы, облеченные въ ту и другую форму, сходны между собою въ томъ, что они разрознены и въ тоже время непрерывны. Это потому, что самыя формы пространства и времени, въ которыя духъ облекаетъ свои предметы, суть отвлеченныя всеобщія формы, еще недостигшія до истиннаго развитія своихъ опредѣленностей.

Впрочемъ, хотя мы сказали, что духъ, созерцая предметы даетъ имъ формы пространства и времени, не должно думать, чтобы эти формы имѣли одно *субъективное значеніе*. Кантъ приписывалъ имъ такой смыслъ. Но вещи сами существуютъ въ пространствѣ и времени; эти формы не составляютъ только формъ, свойственныхъ нашей созерцательной способности; онѣ нераздѣльны отъ предметовъ и созданы безконечнымъ духомъ, или вѣчною творческою идеею. Духъ, превращая свои ощущенія во внѣшніе объекты, оказываетъ имъ ту честь, что даетъ имъ отвлеченныя формы пространства и времени, дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ предметными себѣ и въ тоже время усвоиваетъ ихъ себѣ. Но эти формы не составляютъ нашихъ исключительно субъективныхъ опредѣленій, какъ это утверждалъ субъективный идеализмъ; эти опредѣленія свойственны самимъ предметамъ.

Нѣкоторые приписываютъ какую-то особенную важность вопросу о *реальности* пространства и времени. Но пространство и время—это такія бѣдныя и поверхностныя опредѣленія, что предметы выигрываютъ очень мало отъ присутствія этихъ формъ и потеряли бы очень не много, если бы дѣло было иначе и если бы они ихъ лишились. Мысль, стремящаяся понять предметъ не останавливается на этихъ формахъ; она составляетъ о предметахъ болѣе конкретное понятіе, въ которомъ пространство и время составляютъ только моменты. Въ природѣ, пространство и время уступаютъ мѣсто болѣе истинной формѣ — матеріи (§ 261); съ своей стороны,

умъ, вникая въ сущность этихъ внѣшнихъ опредѣленій бытія, возвышается надъ ними и переходитъ къ болѣе конкретнымъ опредѣленіямъ предметовъ.

§. 449.

3) Когда умъ составляетъ единство этихъ двухъ моментовъ, т. е. когда онъ углубленъ въ себя, будучи погруженъ въ этотъ внѣшній и независимый матеріалъ, онъ является въ формѣ *созерцанія*.

Приб. Созерцаніе не должно смѣшивать съ *представленіемъ*, которое мы будемъ разсматривать ниже, и съ *сознаніемъ*, о которомъ мы говорили въ феноменологіи.

Что касается до отношенія созерцанія къ представленію, то эти формы духа имѣютъ то общее между собою, что и въ той и въ другой объектъ отдѣленъ отъ субъекта и въ тоже время принадлежитъ ему самому. Но въ созерцаніи эта принадлежность объекта субъекту еще подразумѣвается, а въ представленіи она признана. Въ созерцаніи преобладаетъ предметность содержанія; оно превращается въ представленіе, когда субъектъ сознаетъ, что это созерцаніе есть его собственное опредѣленіе.

Что касается до отношенія созерцанія къ сознанію, то, конечно, можно уже назвать созерцаніе непосредственнымъ или *чувственнымъ сознаніемъ* (см. § 418). Но если мы будемъ разумѣть созерцаніе въ собственномъ смыслѣ этого слова, оно будетъ различно отъ сознанія. Въ сознаніи, субъективная мысль совершенно отвлеченна и соотносится къ единичному объекту, распадающемуся на множество элементовъ. Напротивъ, созерцаніе есть мысль, сознающая что ея предметъ разуменъ; оно видитъ въ предметѣ не единичность, распавшуюся на множество элементовъ, но цѣльность, связывающую въ себѣ разнообразныя опредѣленія.—Въ этомъ смыслѣ Шеллингъ требовалъ, чтобы философія была основана на *разумномъ созерцаніи* своихъ предметовъ. Неразумное созерцаніе—это тоже, что сознаніе о внѣшнихъ, чувственныхъ предметахъ. Напротивъ истинное, разумное созерцаніе узнаетъ сущность предметовъ. Такъ талантливый историкъ живо созерцаетъ связь фактовъ и событій, которыя онъ

долженъ изобразить. Напротивъ, кто не обладаетъ историческимъ талантомъ, тотъ останавливается на отдѣльныхъ фактахъ и не замѣчаетъ ихъ общей связи. Поэтому какъ отъ ученыхъ, такъ и отъ философовъ справедливо требуютъ живаго созерцанія предмета. Для этого должно погрузиться въ предметъ всѣмъ своимъ существомъ,—духомъ, сердцемъ, душою,—вникнуть въ него и слѣдить за его собственнымъ развитіемъ. Когда мысль вникаетъ въ самую сущность предмета, она можетъ перейти къ частностямъ, вытекающимъ изъ его сущности: но отрѣшенныя отъ ихъ сущности, эти частности теряютъ всякое значеніе. Если изслѣдователь не приноситъ съ собою такого живаго созерцанія предмета, или утрачиваетъ его нить, тогда разсудокъ теряется въ безчисленныхъ подробностяхъ—опредѣленіяхъ и отношеніяхъ, свойственныхъ предмету; онъ прибѣгаетъ къ конечнымъ отношеніямъ причины и дѣйствія, внѣшней цѣли и средства и т. п., и разсѣкаетъ всякій живой предметъ—напр. растеніе или животное—на мертвыя составныя части; какъ ни умно онъ разсуждаетъ, онъ не постигаетъ истинной сущности предмета, именно той духовной связи которая соединяетъ всѣ разрозненныя части предмета.

Но умъ не можетъ остановиться на созерцаніи. Умъ стремится къ *знанію*, а созерцаніе еще не есть знаніе. Оно не узнаетъ необходимой связи между сущностію и ея опредѣленіями. Оно довольствуется отвлеченною сущностію предметовъ, внѣ которой падаютъ внѣшніе и случайные элементы. Созерцаніе есть только начало знанія. Аристотель разумѣлъ это самое, когда онъ сказалъ, что всякое знаніе начинается съ *удивленія*. Умъ убѣжденъ, что онъ найдетъ разумъ въ предметахъ, но вначалѣ эти предметы представляются ему во всемъ своемъ кажущемся неразуміи— и потому они внушаютъ къ себѣ удивленіе и почтеніе. Но философская мысль не должна останавливаться на удивленіи. Предметъ нельзя знать въ совершенствѣ, непосредственно созерцая его. Полное знаніе доступно только *чистой мысли* или разуму, движущемуся въ понятіяхъ. Только тотъ, кто развилъ въ себѣ способность къ этому мышленію, созерцаетъ предметъ всецѣло, со всѣми его опредѣленіями. Въ этомъ слу-

чаѣ созерцаніе составляетъ только ту простую форму, въ которой снова сосредоточиваются всѣ развитыя опредѣленія мысли. Только въ этомъ случаѣ первоначальное неопредѣленное созерцаніе предмета превращается въ цѣльное созерцаніе, въ которомъ предметъ является какъ систематическое, или органическое цѣлое. Вообще только образованный человѣкъ имѣетъ истинныя разумныя созерцанія, освобожденныя отъ массы случайныхъ элементовъ. Талантливый, образованный человѣкъ, созерцая какой нибудь предметъ, можетъ открыть его сущность, его истинную природу; но для этого необходимо размышленіе. Обыкновенно думаютъ, что поэтъ и всякій художникъ непосредственно созерцаютъ свои созданія. Но это несправедливо. Истинный поэтъ, создавая что нибудь, долженъ предварительно обдумать и размыслить о своемъ предметѣ. Только этимъ путемъ душа созданія выступаетъ изъ всѣхъ затемняющихъ ее внѣшнихъ событій и созданіе будетъ развито органически.

§ 450.

Умъ обращаетъ свое вниманіе на то, что созерцаніе есть его собственное внѣшнее состояніе; поэтому онъ высвобождается изъ этого непосредственнаго состоянія,—усвоиваетъ его себѣ и признаетъ, что созерцаніе—это единство матеріала и мысли—есть его *собственность*. Вслѣдствіе этого онъ пріобрѣтаетъ способность вспоминать это состояніе, хотя бы оно не повторялось и не представлялось ему вновь.

Приб. Созерцая что нибудь, мы отодвигаемъ предметъ отъ себя, относимъ его въ опредѣленное пространство и время,—эти формы свойственныя всѣмъ другъ другу внѣшнимъ предметамъ. Умъ погруженъ здѣсь во внѣшній матеріалъ, не раздѣленъ отъ него и не имѣетъ никакого другаго содержанія, съ которымъ онъ могъ бы сравнить созерцаемый предметъ. По этому созерцаніе можетъ совершенно подчинить насъ себѣ. Но умъ, какъ мы уже сказали въ приб. къ § 448, вникая въ сущность внѣшнихъ формъ предмета, возвышается надъ ними; онъ находитъ, что созерцаніе есть его собственное состояніе, онъ проникаетъ его собою, вно-

ситъ его въ самого себя, усвоиваетъ его себѣ, т. е. онъ сосредоточивается въ самомъ себѣ и становится свободнымъ. Усвоенное созерцаніе есть представленіе. Непосредственное созерцаніе исчезаетъ, но сохраняется въ духѣ; оно принадлежитъ прошедшему и въ тоже время настоящему. Когда созерцаніе превратилось въ представленіе, человѣкъ сберегаетъ его въ самомъ себѣ и *имѣетъ* въ себѣ это *минувшее* созерцаніе; (онъ говоритъ напр.: я и теперь еще вижу этотъ предметъ). Это созерцаніе можетъ быть названо исчезнувшимъ только относительно; здѣсь исчезло *непосредственное* созерцаніе и оно не есть то самое, которое въ настоящее время находится въ умѣ. Тѣмъ не менѣе, когда человѣкъ говоритъ: «я и теперь *вижу* это событіе, хотя оно давно прошло,» — то это событіе существуетъ въ его умѣ, оно принадлежитъ настоящему. Въ новѣйшихъ западноевропейскихъ языкахъ такое прошедшее время обозначается при помощи настоящаго времени вспомогательнаго глагола *имѣть* (напр.: ich *habe* Dies gesehen). Это выраженіе указываетъ на сосредоточенность духа новѣйшихъ народовъ въ самомъ себѣ, — оно произошло отъ того, что умъ обратилъ свое вниманіе какъ на то, что прошедшее исчезло въ своей непосредственности, такъ и на то, что оно сберегается въ духѣ.

β) *Представленіе.*

§ 451.

Представленіе есть усвоенное созерцаніе; по этому оно составляетъ середину между созерцаніемъ, или непосредственнымъ и преднаходимымъ состояніемъ ума, и между мыслію, или свободнымъ духомъ. Умъ признаетъ, что представленіе есть его собственное опредѣленіе, — но это опредѣленіе имѣетъ чисто-субъективный характеръ, потому что оно есть непосредственное опредѣленіе субъекта и не имѣетъ независимаго *бытія*. Дальнѣйшее развитіе ума состоитъ въ томъ, что онъ долженъ усвоить себѣ свое непосредственное представленіе, долженъ признать, что *созерцаніе* совершается *въ немъ самомъ;* а, съ другой стороны, онъ долженъ ли-

шить это содержаніе его субъективнаго характера, долженъ дать ему независимое бытіе и сознать свое присутствіе въ этомъ внѣшнемъ ему *бытіи*.

Однакожъ представленіе начинается съ созерцанія, или съ преднаходимаго матеріала; умъ еще различается отъ этого матеріала; по этому, сложные продукты его дѣятельности суть не что другое, какъ *синтезы* различныхъ представленій. Только мышленіе возводитъ эти представленія въ опредѣленія конкретнаго понятія.

Приб. Обыкновенно принимаютъ созерцаніе и — тѣмъ болѣе—различныя формы представленія за особенныя независимыя силы и способности души. Такъ въ человѣкѣ признаютъ кромѣ способности представленія еще силу воображенія и силу памяти, и думаютъ, что всѣ эти способности совершенно самостоятельны. Но психологія должна показать разумную связь этихъ формъ и видѣть въ нихъ ступени развитія ума.

Чтобы облегчить обзоръ этихъ ступеней, мы уже предварительно укажемъ здѣсь на ихъ характеристическія особенности.

αα) Первую ступень составляетъ *припоминаніе*, въ тѣсномъ смыслѣ слова; мы обозначаемъ этимъ именемъ независящее отъ нашей воли возникновеніе представленія о какомъ нибудь предметѣ, которое однажды уже было усвоено нашимъ умомъ. Содержаніе такого припоминаніи всегда очень отвлеченно. Оно совершенно тожественно съ содержаніемъ новаго непосредственнаго созерцанія; оно оправдывается этимъ послѣднимъ и, наоборотъ, содержаніе созерцаемаго предмета находитъ свое оправданіе въ этомъ представленіи. Умъ созерцаетъ это независимое содержаніе, но въ тоже время припоминаетъ его, т. е. признаетъ своимъ собственнымъ содержаніемъ. Такимъ способомъ оно превращается *въ образъ*.

ββ) Вторую ступень образуетъ сила *воображенія*. Умъ дѣлаетъ различіе между субъективнымъ содержаніемъ своего представленія и внѣшнимъ содержаніемъ вещи. Сила воображеніи вырабатываетъ свое собственное содержаніе: она мыслитъ о созерцаемомъ предметѣ, извлекаетъ его всеобщія

начала и даетъ ему опредѣленія, принадлежащія сознательной мысли. Воображеніе перестаетъ воспроизводить предметъ такъ, какъ онъ былъ воспринятъ въ умѣ; оно измѣняетъ его содержаніе, обобщаетъ его,—т. е. создаетъ *общія представленія*.—Здѣсь субъективная мысль противоположна объекту; по этому обѣ стороны не могутъ быть приведены къ единству непосредственнымъ образомъ, какъ это бываетъ тогда, когда мы припоминаемъ предметъ. Здѣсь необходимо возстановить ихъ гармонію. Умъ подводитъ внѣшнее содержаніе созерцанія подъ общее представленіе,—такъ что первое становится *знакомъ* такого представленія; — съ своей стороны, это послѣднее становится, черезъ посредство перваго, объективнымъ, внѣшнимъ представленіемъ, т. е. превращается въ образъ.

γγ) *Память* составляетъ третью ступень представленія. Умъ усвоиваетъ себѣ *знакъ*, воспринимаетъ его въ себя; — а съ другой стороны самый умъ черезъ это самое становится чѣмъ-то механическимъ, состоящимъ изъ внѣшнихъ другъ другу знаковъ. Это единство субъективнаго элемента и его внѣшняго выраженія служитъ переходомъ *къ мышленію*.

αα) *Припоминаніе*.

§ 452.

Сначала умъ усвоиваетъ себѣ созерцаніе; онъ вноситъ содержаніе чувства въ свой собственный элементъ,—въ свое собственное пространство и въ свое собственное время.

1) Когда содержаніе чувства освобождается отъ своей первоначальной непосредственности и отъ своей разобщенности, именно когда оно воспринято во всеобщности самого я,—оно составляетъ *образъ*. Образъ уже не имѣетъ такого полнаго содержанія, какъ созерцаніе; онъ образуется произвольно или случайно, и вообще онъ выдѣленъ изъ внѣшняго мѣста, изъ времени и изъ той непосредственной связи, въ которой находилось созерцаніе.

Приб. Умъ, по своей сущности, есть совершенно *всеобщее*

начало, усвоивающее себѣ всѣ внѣшнія формы бытія. Его формы, пространство и время, также суть совершенно *всеобщія* формы. По этому, когда умъ усвоиваетъ себѣ содержаніе чувства и превращаетъ его въ представленіе, онъ выдѣляетъ его изъ опредѣленной связи съ другими предметами въ пространствѣ и времени, или изъ той связи, которая дана въ ощущеніи и въ созерцаніи.

Отсюда, во первыхъ, происходитъ слѣдующее различіе между этими формами и припоминаніемъ:

Ощущать и созерцать предметъ можно только тогда, когда онъ существуетъ въ настоящемъ: напротивъ, гдѣ бы я ни находился, я могу представить себѣ предметъ самый отдаленный во внѣшнемъ пространствѣ и самый далекій во времени.

Во вторыхъ, всѣ событія въ мірѣ дѣлаются *долговѣчными* только тогда, когда они усвоены нашимъ представленіемъ и умомъ; напротивъ тѣ событія, которыя умъ не найдетъ достойными памяти, проходятъ безъ слѣда.

Впрочемъ представленія становятся долговѣчными только въ ущербъ той ясности и свѣжести, какими отличаются опредѣленныя непосредственныя созерцанія. Созерцаніе затемняется и теряетъ свой колоритъ, превращаясь въ образъ.

Здѣсь можно замѣтить, что различныя дѣятельности ума налагаютъ особый, субъективный характеръ на теченіе времени. Въ актѣ *созерцанія*, время кажется намъ краткимъ, когда мы созерцаемъ много предметовъ, и долгимъ — когда мы чувствуемъ недостатокъ внѣшняго матеріала и принуждены скучать, не будучи заняты ничѣмъ. Это потому что, созерцая, мы погружаемся въ предметы, и если время наполнено безпрерывно смѣняющимися предметами, оно кажется краткимъ; напротивъ, если ничто не прерываетъ его однообразія, оно кажется долгимъ. — Наоборотъ, въ актѣ *представленія*, когда нашъ умъ былъ занятъ разнообразнымъ содержаніемъ, намъ кажется что время шло очень долго; а когда мы имѣли мало занятія, намъ кажется что время прошло очень быстро.—Наконецъ, въ актѣ *припоминанія*, мы обращаемъ вниманіе на свои субъективные, внут-

ренніе образы,—и смотря по тому интересу, какой они представляютъ для насъ, мы судимъ о долготѣ или краткости времени.

§ 453.

2) Образъ преходящь; умъ, сосродоточивая на немъ свое вниманіе, самъ опредѣляетъ его время и его мѣсто, т. е. опредѣляетъ когда и гдѣ онъ существуетъ. Но умъ не только сознаетъ существованіе своихъ опредѣленій; онъ есть ихъ субъектъ и сберегаетъ ихъ въ себѣ; когда образъ *усвоенъ* имъ, онъ можетъ не существовать, но *безсознательно сохраняться въ умѣ.*

Примѣч. Умъ есть темный тайникъ, въ которомъ сберегается безконечное множество несознанныхъ образовъ и представленій.

Это потому что, по своему понятію, онъ конкретенъ. Такъ зерно содержитъ въ возможности тѣ опредѣленія, которыя, развившись, образуютъ различныя части растенія. Всеобщее начало содержитъ въ себѣ всѣ эти опредѣленія и, тѣмъ не менѣе, остается простымъ началомъ; только тѣ, которые не могутъ понять этого основнаго характера всякаго всеобщаго понятія, полагаютъ, что каждый родъ представленій сберегается въ особыхъ мѣстахъ и фибрахъ мозга; они думаютъ, что эти различныя группы представленій должны существовать отдѣльно однѣ отъ другихъ въ пространствѣ (*).

Но когда простое зерно развило свои опредѣленія, оно возвращается къ своей прежней простотѣ уже въ отдѣльномъ существованіи—въ зернѣ плода. Напротивъ, когда умъ разовьетъ заключающееся въ немъ содержаніе, его простое начало находитъ въ нихъ свое истинное осуществленіе. И такъ умъ есть безсознательное вмѣстилище представленій, — онъ есть дѣйствительно-существующее всеобщее начало, въ которомъ

(*) *Примѣч.* Вопросъ о локализаціи психическихъ явленій еще слишкомъ мало разработанъ, чтобы можно было голословно рѣшать его. Правда, физіологія нерѣдко забывала, что гистологическое единство органа свидѣтельствуетъ и о единствѣ отправленій. Тѣмъ не менѣе эти отправленія безъ сомнѣнія обособляются и видоизмѣняются соотвѣтственно своей исходной точкѣ, т. е. главнымъ образомъ соотвѣтственно узламъ спеціальныхъ чувствъ (см. Физіолог. Льюиса, русск. перев. 2-е изд. стр. 446—452).—*Перев.*

еще ничего не различено. Такое всеобщее начало предшествуетъ всѣмъ опредѣленнымъ представленіямъ.

Приб. Образъ есть мой образъ, онъ принадлежитъ мнѣ; но между нимъ и мною покамѣстъ еще нѣтъ ничего общаго. Онъ еще не возведенъ въ мысль, не составляетъ собственнаго опредѣленія моего ума. Напротивъ, подобно созерцанію, онъ независимъ отъ меня, онъ внѣшенъ для моей субъективной мысли. По этому я еще не имѣю власти надъ образами, спящими въ моемъ умѣ, я не могу вызывать ихъ по желанію. Никто не знаетъ, какъ много образовъ прошедшаго дремлетъ въ его духѣ; они случайно пробуждаются, но субъектъ не можетъ вызвать ихъ. Они принадлежатъ, но не подчинены ему.

§ 454.

3) Чтобы образъ, безсознательно сберегаемый въ умѣ, получилъ бытіе, для этого необходимо новое созерцаніе, которое бы вызвало его. *Припоминать*—значитъ соотносить образъ къ созерцанію, т. е. *подводить* непосредственное и единичное созерцаніе подъ всеобщую форму, т. е. подъ *представленіе*, имѣющее тоже содержаніе. Ощущая какое нибудь состояніе и созерцая его, умъ сознаетъ, что это состояніе и это созерцаніе уже *извѣстно* ему; и наоборотъ внутренній образъ находитъ свое *подтвержденіе* въ непосредственномъ содержаніи созерцанія.

Образъ скрывался въ тайникѣ ума, какъ его собственность; теперь умъ овладѣваетъ имъ какъ внѣшнимъ существованіемъ. Онъ различается отъ непосредственнаго созерцанія, и въ тоже время выдѣлился изъ того мрака, въ который онъ былъ погруженъ. Умъ получаетъ способность проявлять свое содержаніе и не нуждается уже во внѣшнемъ созерцаніи, чтобы давать бытіе этому содержанію. Этотъ синтезъ внутренняго образа и усвоеннаго созерцанія есть собственно *представленіе*, потому что внутреннее содержаніе получаетъ способность являться уму и существовать въ немъ.

Приб. Образы прошедшаго, сокрытые въ тайникѣ нашего духа, становятся нашею дѣйствительною собственностію,

когда мы встрѣчаемъ ихъ въ другой, ясной и пластической формѣ новыхъ дѣйствительныхъ созерцаній. При помощи этихъ послѣднихъ мы припоминаемъ, что образы, ими вызванные, уже знакомы намъ. Такъ напр. забывши образъ какого нибудь, однажды видѣннаго нами человѣка, мы узнаемъ его изъ тысячи другихъ людей, когда встрѣчаемъ его. Чтобы сохранить воспоминаніе о какомъ нибудь предметѣ, необходимо часто видѣть его. Сначала образъ вызывается не мною самимъ, а внѣшнимъ непосредственнымъ созерцаніемъ. Но при частомъ повтореніи образъ становится живымъ и яснымъ и я могу припоминать его, не нуждаясь для этого во внѣшнемъ созерцаніи. Этимъ путемъ созерцанія превращаются у дѣтей въ воспоминанія. Чѣмъ человѣкъ образованнѣе, тѣмъ менѣе онъ встрѣчаетъ совершенно новыхъ предметовъ и тѣмъ болѣе живетъ воспоминаніями. Почти всѣ предметы, которые онъ встрѣчаетъ, оказываются уже знакомыми ему въ своихъ существенныхъ чертахъ. Образованный человѣкъ преимущественно довольствуется своими образами и не чувствуетъ потребности въ непосредственныхъ созерцаніяхъ. Напротивъ, любопытная толпа всегда спѣшитъ туда, гдѣ можно видѣть что нибудь новое.

ββ) *Воображеніе.*

§ 455.

1) *Воображеніе*, или способность *воспроизводить образы* есть дѣятельная сила ума, овладѣвающаго своими образами; умъ выводитъ образы изъ самого себя и властвуетъ надъ ними. Образы возникаютъ въ немъ въ той совмѣстности (въ пространствѣ) и въ той послѣдовательности (во времени), въ какой они сбережены. Но ближайшая опредѣленность этой связи совершенно зависитъ отъ особенности сберегающаго субъекта; напротивъ, ихъ первоначальная, непосредственная связь въ пространствѣ и во времени разрѣшена. Такъ какъ умъ служитъ общимъ источникомъ воспоминаній и обхватываетъ ихъ одною связующею нитью, то онъ *сближаетъ* образы, т. е. болѣе или менѣе сложныя

представленія, на основаніи какого нибудь *общаго* представленія.

Примѣч. Эмпирическая психологія, процвѣтавшая одновременно съ упадкомъ истинной философіи, придавала особенное значеніе *законамъ сцѣпленія*, или т. н. *ассосіаціи идей.*

Во первыхъ, здѣсь рѣчь идетъ не объ *идеяхъ*, но о представленіяхъ и образахъ.

Во вторыхъ, правила, опредѣляющія связь этихъ представленій и образовъ, нельзя называть *законами*, потому что они подвержены произволу и случайности. Такою связью между двумя представленіями можетъ служить или какой нибудь чувственный образъ, или какая нибудь категорія разсудка, напр. сходство или несходство, основаніе и слѣдствіе и т. п. Неразумная фантазія переходитъ отъ однихъ представленій и образовъ къ другимъ, руководясь ихъ внѣшнею связью; умъ дѣйствуетъ и прилагаетъ здѣсь свои отвлеченныя категоріи къ образамъ, отъ него независимымъ.

Мы уже говорили, чѣмъ различаются образы и представленія. Что касается до ихъ содержанія, то образъ есть представленіе, имѣющее конкретное чувственное содержаніе. Представленіе имѣетъ болѣе отвлеченное и болѣе общее содержаніе. Это содержаніе представленій можетъ происходить изъ образовъ, или изъ понятій и идей; но это содержаніе всегда преднаходится умомъ въ непосредственномъ состояніи, хотя оно есть продуктъ ума. Въ представленіи, умъ находитъ себя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ непосредственно. Представленіе занимаетъ середину между созерцаніемъ и мышленіемъ. Въ немъ соединены два опредѣленія оно *независимо*—и потому оно имѣетъ объективное значеніе; и въ тоже время оно есть *всеобщее*, т. е. мыслимое опредѣленіе — и потому оно имѣетъ субъективное значеніе. Умъ *находитъ* его въ себѣ, но дополняетъ его значеніе—признавая его своимъ собственнымъ продуктомъ; или наоборотъ, онъ видитъ въ немъ свое собственное, внутреннее опредѣленіе, — но дополняетъ его, признавая его независимымъ, объективнымъ опредѣленіемъ.—Что касается до различія между представленіями и мыслію, то мы говорили о немъ во введеніи (см. примѣч. къ § 20).

И такъ представленія имѣютъ всеобщую природу. По этому всѣ представленія суть болѣе или менѣе отвлеченныя опредѣленія и, отвлекаясь еще болѣе, они дѣлаются *общими представленіями*. Образованіе этихъ послѣднихъ объясняли такъ, что они произошли вслѣдствіе *совпаденія* многихъ сходныхъ образовъ. Но если не захотятъ признать, что такое совпаденіе есть совершенно случайный фактъ, то должны будутъ допустить, что сходныя представленія имѣютъ *притягательную силу* или что нибудь подобное, и что эта сила сглаживаетъ ихъ взаимное различіе. Въ дѣйствительности, умъ самъ обнаруживаетъ это дѣйствіе. Нашъ умъ, или наше я, усвоивая себѣ образы, даетъ имъ форму всеобщности и *подводитъ* каждое разрозненное созерцаніе подъ образъ, уже существующій въ умѣ (§ 453).

Приб. Вторую ступень въ развитіи способности представленія составляетъ,—какъ мы уже сказали прежде (въ приб. къ § 451),—*воображеніе*. Припоминаніе, эта первая форма представленія, переходитъ въ воображеніе, когда умъ перестаетъ быть отвлеченнымъ, когда онъ даетъ себѣ опредѣленное содержаніе, т. е. разсѣеваетъ мракъ, скрывающій богатство его образовъ и осуществляетъ ихъ въ ясномъ свѣтѣ настоящаго.

Сила воображенія развивается въ трехъ формахъ, — и во всѣхъ этихъ формахъ она господствуетъ надъ образами.

Сначала она вызываетъ образы, или даетъ имъ существованіе. Это—*воспроизводящее* воображеніе. Его дѣятельность еще не обнаруживаетъ никакого вліянія на самое содержаніе представленій.

Во вторыхъ, воображеніе не только воспроизводитъ образы, принадлежащіе уму, но *связываетъ* ихъ и превращаетъ въ *общія* представленія. Дѣятельность воображенія обнаруживается здѣсь *ассоціаціею* образовъ.

Наконецъ умъ воспроизводитъ свои общія представленія въ *частныхъ* образахъ, т. е. воплощаетъ ихъ въ образы, Въ этомъ случаѣ, образъ можетъ служить или *символомъ* или *знакомъ* соотвѣтствующаго представленія. Сюда относится *фантазія*, выражающая свои представленія въ симво-

лахъ и знакахъ. Фантазія служитъ такимъ образомъ переходомъ къ *памяти*.

Во первыхъ, воспроизводящее воображеніе. Сначала воображеніе только воспроизводитъ образы. Умъ можетъ воспроизводить и чистыя мысли, но дѣятельность воображенія ограничивается одними образами. Это послѣднее воспроизводитъ ихъ *произвольно*, безъ помощи непосредственнаго созерцанія; мы уже видѣли, что умъ, припоминая что нибудь, напротивъ не такъ самостоятеленъ: онъ нуждается въ созерцаніи, которое вызываетъ образы помимо его воли.

Вторую ступень воображенія составляетъ *ассоціація образовъ*.—Всѣ образы, будучи непосредственными и чувственными, конечны по своему содержанію и соотносятся одни къ другимъ. Умъ приводитъ ихъ во взаимную связь, повинуясь требованіямъ своей природы; — но эта связь имѣетъ здѣсь чисто субъективный характеръ,—она внѣшня для самыхъ связываемыхъ предметовъ. Когда въ моемъ умѣ представляется образъ какого нибудь предмета, я соединяю съ нимъ образы лицъ, съ которыми я говорилъ о немъ, или которые имъ обладаютъ и т. п. Иногда мы связываемъ образы по ихъ совмѣстности или преемственности въ пространствѣ и времени. Общественной разговоръ обыкновенно переходитъ такимъ образомъ съ одного предмета на другой, и его направленіе зависитъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Онъ дѣлается связнѣе только въ томъ случаѣ, когда имѣетъ какую нибудь опредѣленную цѣль. Смотря по тому, въ какомъ расположеніи духа мы находимся, мы отыскиваемъ то свѣтлую, то печальную сторону въ нашихъ представленіяхъ. Страсть еще болѣе кладетъ на нихъ свою печать. Сила ума, остроуміе и т. п. также обнаруживаются въ сближеніи образовъ. Умный человѣкъ ищетъ такихъ образовъ, которые представляютъ глубокія и замѣчательныя стороны. Человѣкъ съ острымъ умомъ находитъ внутреннюю связь въ такихъ образахъ, которые повидимому далеки другъ отъ друга. Сюда принадлежитъ также *игра словами;* самая глубокая страсть можетъ иногда играть словами, потому что сильный умъ умѣетъ даже въ несчастныхъ обстоя-

тельствахъ находить соотношеніе между своею страстію и внѣшними предметами.

§ 456.

Сближать представленія, значитъ *подводить* единичныя представленія подъ *общія* и приводитъ ихъ такимъ образомъ во взаимную связь. Но умъ не обладаетъ только одною всеобщею формою; онъ наполненъ *опредѣленнымъ*, *сложнымъ* содержаніемъ, вытекающимъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ какого нибудь личнаго интереса, какого нибудь независимаго понятія, или идеи. Умъ господствуетъ надъ запасомъ принадлежащихъ ему образовъ и представленій и потому

2) онъ свободно связываетъ и подводитъ этотъ матеріалъ подъ свои собственныя цѣли. Такимъ способомъ онъ находитъ готовые образы для воплощенія своихъ идей; эта способность есть *фантазія*,—*символическое*, *аллегорическое*, или творческое (поэтическое) *воображеніе*. Эти творческіе образы, болѣе или менѣе конкретные и индивидуальные, суть еще синтезы, слагающіеся изъ различныхъ представленій, потому что матеріалъ, служащій для воплощенія идей субъекта, заимствованъ изъ сферы созерцанія и чувства.

Приб. Образы уже имѣютъ болѣе общее значеніе чѣмъ созерцанія; тѣмъ не менѣе, они имѣютъ чувственное конкретное содержаніе, и субъектъ связываетъ такое содержаніе съ другими предметами того же рода. Сосредоточивая свое вниманіе на этой связи, я дохожу до *общихъ* представленій,—или до представленій, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, я могу связывать различные образы только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ что нибудь *общее*. Такъ, связывая предметы извѣстнаго рода, я дохожу до общаго представленія ихъ частныхъ свойствъ; напр. сравнивая розы, я составляю себѣ представленіе о *розовомъ цвѣтѣ*. Или, сближая тѣ же предметы, я составляю себѣ представленіе о ихъ *конкретной всеобщности*,—т. е. о *родѣ*, напр. представленіе о *растеніи* и т. п. Во всякомъ случаѣ я разлагаю конкретный предметъ на его отвлеченныя составныя части,—и результатъ такого разложенія есть мое общее представленіе. Слѣдовательно умъ дѣйствуетъ при этомъ

самостоятельно,—и не слѣдуетъ думать, чтобы общія представленія происходили вслѣдствіе совпаденія одинаковыхъ образовъ, безъ всякаго дѣятельнаго участія ума. Такъ напр. думаютъ, что красный цвѣтъ розы слагается съ такимъ же цвѣтомъ другихъ образовъ, имѣющихся въ моей головѣ, и производитъ общее представленіе краснаго цвѣта, — и что самъ субъектъ нисколько не участвуетъ въ составленіи этого представленія. Конечно, частныя свойства даны извнѣ, вмѣстѣ съ цѣльными образами предметовъ; но я самъ разлагаю эти цѣльные образы и облекаю ихъ въ отвлеченныя формы представленій.

Кстати замѣтимъ, что такія общія представленія часто называютъ *понятіями*. *Фризе*, въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ, ограничивается такими представленіями. Но эти представленія совершенно недостаточны, чтобы узнать предметы въ ихъ истинѣ; здравый смыслъ справедливо держится конкретныхъ чувственныхъ образовъ и отвергаетъ пустыя школьныя мудрствованія, на нихъ основанныя. Впрочемъ здѣсь не мѣсто подробнѣе распространяться объ этомъ предметѣ. Точно также мы не будемъ говорить о самомъ содержаніи представленій, которыя, какъ извѣстно, могутъ быть обязаны своимъ существованіемъ какъ внѣшнимъ, чувственнымъ образамъ, такъ и разумнымъ началамъ права, нравственности и религіи. Здѣсь мы скажемъ только объ общемъ значеніи этихъ представленій.

Всѣ такія представленія имѣютъ значеніе субъективное; они составляютъ внутренній элементъ, въ противоположность внѣшнему элементу, или образу. Эти два элемента еще различаются; но они недостаточны въ ихъ раздѣльности. Общему представленію еще недостаетъ внѣшности, образности; и въ свою очередь образъ еще не возведенъ въ выраженіе опредѣленнаго общаго начала. Обѣ эти стороны должны слиться во-едино. Общее начало должно воплотиться въ опредѣленный образъ; а образъ долженъ получить общее значеніе. Какъ скоро это достигнуто, общее представленіе не образуетъ нейтральнаго, такъ-сказать химическаго продукта съ единичнымъ образомъ; оно, какъ субстанція, господствуетъ надъ образомъ,—подчиняетъ его

себѣ какъ свое преходящее выраженіе (акциденцію),— составляетъ его душу, первенствуетъ въ немъ и обнаруживается въ немъ. Умъ примиряетъ такимъ образомъ всеобщій, внутренній элементъ — съ частнымъ, внѣшнимъ элементомъ, или представленіе съ созерцаніемъ ; онъ возстановляетъ и оправдываетъ ту цѣльность, которая была свойственна этому послѣднему. Вмѣстѣ съ этимъ дѣятельность представленія восходитъ на ступень *творческаго* (производительнаго) *воображенія*. Такое воображеніе составляетъ внѣшнее условіе искусства; потому что искусство изображаетъ истинно всеобщія начала, или идеи, въ формѣ чувственныхъ предметовъ, или образовъ.

§ 457.

Въ фантазіи, умъ достигаетъ самосозерцанія, потому что его собственное содержаніе получаетъ здѣсь форму образа. Но продукты фантазіи еще субъективны и не имѣютъ объективнаго достоинства (независимаго бытія). Тѣмъ не менѣе, внутреннее содержаніе и внѣшній матеріалъ сливаются въ нихъ ; такимъ образомъ духъ снова дѣлается тожественъ съ собою и съ своимъ непосредственнымъ опредѣленіемъ. Разумъ началъ съ того, что стремился усвоить себѣ преднаходимое, непосредственное содержаніе (§ 445. Срав. § 455. Примѣч.) и возвести его въ форму *всеобщности;* теперь дѣятельность разума (§ 438) направлена къ тому, чтобы дать объективное, внѣшнее бытіе продуктамъ фантазіи, т. е. осуществить самого себя въ формѣ внѣшняго *существованія*, внѣшней *вещи*.

3) Такая фантазія есть *фантазія, воплощающаяся въ знакахъ*.

Примѣч. Въ фантазіи сливаются общее начало и его непосредственное выраженіе, или собственный внутренній элементъ духа и преднаходимый внѣшній образъ. — Въ *созерцаніяхъ, припоминаніяхъ* и другихъ формахъ дѣятельности духа соединяются тѣ же элементы, но во всѣхъ этихъ формахъ умъ проявляетъ только синтетическую дѣятельность; напротивъ, въ фантазіи онъ перестаетъ быть началомъ обобщающимъ, но неопредѣленнымъ; онъ производитъ изъ себя кон-

кретное содержаніе, и продуктъ его дѣятельности есть не только обобщенный, но и цѣльный, непосредственно существующій предметъ. Всѣ признаютъ, что продукты фантазіи составляютъ такое единство собственнаго, внутренняго элемента духа — и внѣшнихъ образовъ, *доступныхъ созерцанію.* О содержаніи такихъ продуктовъ фантазіи мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы говоримъ только о существенныхъ моментахъ, входящихъ въ творческую дѣятельность фантазіи.

Такъ какъ фантазія стремится не къ разъединенію, а къ единенію, то она близка къ *разуму*, но только съ точки зрѣнія формы, — потому что содержаніе ея можетъ быть истинно или ложно, тогда какъ разумъ дѣлаетъ свое содержаніе по необходимости истиннымъ.

И такъ фантазія превращаетъ внутреннее содержаніе духа въ образы и созерцанія, — и не должно удивляться, если мы говоримъ, что она даетъ непосредственное *бытіе* своему содержанію, что умъ здѣсь превращается въ *вещь.* Въ самомъ дѣлѣ, умъ можетъ давать самому себѣ, или — что тоже — своему содержанію, всякое опредѣленіе. Когда фантазія производитъ образъ, этотъ образъ доступенъ тольоо для субъективнаго созерцанія; но когда она облекаетъ его въ *знакъ*, она дѣлаетъ его дѣйствительно *нагляднымъ.* Это независимое бытіе продуктовъ фантазіи достигаетъ своего крайняго существованія въ *механической памяти.*

Приб. Мы сказали въ предыдущемъ прибавленіи, что общее представленіе составляетъ субъективный элементъ въ фантазіи; оно находитъ свое объективное выраженіе и оправданіе въ образѣ. Но это совпаденіе еще не полно, потому что умъ, воплощая свои общія представленія, долженъ сообразоваться съ даннымъ содержаніемъ образа и оставлять его неприкосновеннымъ. Такая дѣятельность фантазіи еще не вполнѣ свободна, — она находится въ зависимости отъ внѣшнихъ образовъ, которые являются въ этомъ случаѣ какъ *символы. Фантазія, воплощающая свои общія представленія въ символахъ*, принуждена выбирать для этого такіе чувственные предметы, которые, по своему собственному значенію, соотвѣтствуютъ содержанію воплощаемыхъ представленій. Такъ напр. силу Юпитера изображали по-

средствомъ орла, потому что орелъ считается представителемъ силы.

Аллегорія выражаетъ такія же, субъективныя представленія, но посредствомъ мелкихъ подробностей.

Поэтическая фантазія болѣе свободна въ выборѣ матеріала, чѣмъ пластическія искусства; но и она должна выбирать такіе чувственные образы, которые близки по своему содержанію къ изображаемымъ идеямъ.

Но умъ не довольствуется изображеніемъ своихъ субъективныхъ представленій посредствомъ образовъ или *символовъ*. Онъ выбираетъ произвольные предметы и дѣлаетъ ихъ эмблемою своихъ общихъ представленій. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ первомъ случаѣ, общее представленіе всецѣло переносится на образъ, или символъ; а потому оно можетъ не обращать вниманія на собственное содержаніе символическаго предмета, можетъ обходиться безъ его *посредства*, — т. е. *непосредственно* связываться съ выбраннымъ предметомъ. Когда общее представленіе освободилось отъ собственнаго смысла того предмета, въ которомъ оно выражается, когда оно дѣлается нагляднымъ въ предметѣ, выбранномъ *произвольно*, — этотъ предметъ есть *знакъ*. Знакъ имѣетъ великое значеніе въ умственной жизни человѣка. Когда умъ постановилъ какой нибудь знакъ, онъ овладѣлъ предметомъ, онъ далъ этому чувственному знаку *чуждое* ему значеніе и вложилъ въ него душу. Такимъ знакомъ служитъ напр. *кокарда*, *флагъ*, или *надгробный памятникъ*. Такъ какъ общее представленіе связывается здѣсь произвольно съ чувственнымъ матеріаломъ, то дѣлается необходимымъ изучать смыслъ знака. Такими знаками служатъ также звуки словъ.

§ 458.

Умъ стремится выразить *собственное представленіе* во *внѣшнемъ созерцаніи*. Матеріалъ этого послѣдняго заимствованъ извнѣ, данъ въ непосредственной дѣйствительности (какъ напр. цвѣтъ кокарды и т. п.). Какъ внѣшнее выраженіе мысли, *созерцаніе* не имѣетъ собственнаго значенія, оно служитъ представителемъ чего-то *другаго* Душу или значе-

ніе этого образа составляетъ самостоятельное представленіе ума. Это созерцаніе есть *знакъ*.

Примѣч. Знакъ—это какой нибудь предметъ, который предназначенъ выражать другой смыслъ, а не тотъ, который онъ имѣетъ непосредственно. Такъ египетскія пирамиды должны были напоминать объ умершихъ, погребенныхъ въ нихъ. Знакъ должно различать отъ символа. Предметъ, служащій символомъ, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ тому содержанію, которое онъ изображаетъ. Напротивъ, когда предметъ служитъ знакомъ, его собственное содержаніе не имѣетъ никакого отношенія къ тому содержанію, которое онъ олицетворяетъ. Слѣдовательно, выбирая знаки, умъ обнаруживаетъ больше свободы и больше произвола, нежели тогда когда онъ употребляетъ символы.

О знакахъ, также какъ и о языкѣ, обыкновенно говорятъ гдѣ нибудь въ приложеніи къ психологіи или къ логикѣ, и не думаютъ о той связи или о той необходимой послѣдовательности, которую они должны имѣть въ систематической дѣятельности ума. Мы указали истинное мѣсто для знака; въ самомъ дѣлѣ умъ, созерцая предметы, производилъ пространство и время, какъ свои собственныя формы; но онъ извнѣ воспринималъ содержаніе созерцаемыхъ предметовъ, и изъ этого матеріала онъ образовалъ представленія. Теперь онъ осуществляетъ свои собственныя, независимыя представленія, онъ дѣлаетъ произвольное употребленіе изъ внѣшнихъ созерцаній, которыя наполняютъ собою пространство и время, онъ отвергаетъ ихъ собственное непосредственное содержаніе и даетъ имъ другое содержаніе, которое образуетъ ихъ душу и находитъ въ нихъ свое внѣшнее выраженіе.

Эту дѣятельность ума, состоящую въ изобрѣтеніи знаковъ, можно назвать *производительною памятью*; (здѣсь память образуетъ еще отвлеченную дѣятельность ума). Въ общежитіи обыкновенно смѣшиваютъ память съ воспоминаніемъ, съ способностями представленія и воображенія; но память, въ тѣсномъ смыслѣ слова, имѣетъ своимъ предметомъ знаки, служащіе выраженіемъ мысли.

§ 459.

Когда созерцаніе — т. е. предметъ данный въ пространствѣ—употребляется какъ знакъ, его непосредственное значеніе отвергнуто. Умъ влагаетъ въ него свое собственное значеніе. По этому созерцаніе служитъ болѣе соотвѣтственнымъ знакомъ мысли, когда оно проходитъ во *времени*, т. е. когда оно исчезаетъ въ то самое время, какъ оно существуетъ. Умъ производитъ такой внѣшній знакъ, пользуясь физическими (антропологическими) свойствами своей природы; — именно *звукомъ*, какъ физическимъ проявленіемъ обнаруживающейся мысли. Звуки дѣлаются членораздѣльными, чтобы выразить разнообразныя представленія, и образуютъ *рѣчь*. Система этихъ звуковъ рѣчи, *языкъ*, даетъ ощущеніямъ, созерцаніямъ и представленіямъ другое, высшее значеніе, кромѣ ихъ непосредственнаго значенія, и вообще такой смыслъ, который понятенъ только для существъ, *одаренныхъ способностію представленія*.

Примѣч. Мы говоримъ здѣсь о языкѣ какъ о продуктѣ ума, потому что языкъ есть не что другое какъ внѣшнее выраженіе нашихъ представленій въ звукѣ. Если бы мы захотѣли разсмотрѣть языкъ во всей его цѣлости, то мы должны были бы возвратиться къ точкѣ зрѣнія антропологіи, гдѣ изслѣдуется связь между психическими и физіологическими отправленіями организма (§ 401),—чтобы объяснить происхожденіе лексическаго *матеріала* языка; и наоборотъ мы должны были бы уже прежде времени коснуться разсудка (см. ниже), чтобы раскрыть грамматическія *формы* языка.

Что касается до *матеріала* или до элементовъ языка, то теперь уже убѣдились, что онъ образовался не случайнымъ образомъ, но съ другой стороны должны были значительно ограничить начало звукоподражанія, — потому что въ языкѣ замѣчается подражаніе однимъ звучащимъ предметамъ. Впрочемъ и въ настоящее время нерѣдко хвалятъ тотъ языкъ, который богатъ разнообразными оттѣнками для выраженія звуковъ (напр. шумъ, шипъ, свистъ, трескъ и проч.) въ нѣмецкомъ языкѣ такихъ словъ насчитали болѣе сотни и, если захотѣть, то можно составить много такихъ новыхъ словъ.

Но такое излишество для выраженія незначительныхъ и чувственныхъ предметовъ не составляетъ истиннаго богатства языка. Элементы языка большею частію составляютъ символы не внѣшнихъ предметовъ, но внутреннихъ движеній; движенія органовъ рѣчи, производящія звуки языка, суть такъ-сказать *мимическія тѣлодвиженія*, въ которыхъ обнаруживается состояніе души (см. § 401 въ антропологіи). На этомъ основаніи старались найдти истинный смыслъ каждой гласной, каждой согласной, равно какъ ихъ отвлеченныхъ составныхъ частей (именно движенія губъ, гортани, языка) и ихъ сочетаній. Но эти безсознательные и неясные начатки языка теряютъ свою первоначальную важность и свое первоначальное значеніе, вслѣдствіе привхожденія многихъ другихъ внѣшнихъ и внутреннихъ моментовъ, какъ напримѣръ потребности найдти выраженіе для развитыхъ понятій ума. Ихъ первоначальное значеніе измѣняется и теряется, потому что они сами дѣлаются внѣшними, чувственными знаками, служащими для выраженія мыслей.

Что касается до *формъ* языка, то онѣ создаются разсудкомъ, который вноситъ свои категоріи въ матеріалъ языка. Этотъ логическій инстинктъ производитъ грамматическія формы языка. Основательное изученіе уцѣлѣвшихъ первобытныхъ языковъ, которое начато только въ недавнее время, показало, что они содержатъ очень развитую грамматику и выражаютъ такіе оттѣнки мысли, которые не встрѣчаются, или которые утратились въ языкѣ образованныхъ народовъ. Повидимому языкъ болѣе образованныхъ народовъ имѣетъ менѣе совершенную грамматику; а тотъ же самый языкъ, въ ту эпоху, когда народъ былъ еще не образованъ, имѣлъ болѣе совершенную грамматику. Сравн. сочиненіе В. Гумбольдта о двойственномъ числѣ.

Говоря о первобытномъ, т. е. живомъ языкѣ, можно упомянуть о *письменномъ языкѣ*. Письменный языкъ есть дальнѣйшее развитіе какого нибудь частнаго языка, совершающееся при помощи внѣшней практической дѣятельности. Письменный языкъ переходитъ въ область непосредственнаго чувственнаго созерцанія, изъ которой онъ заимствуетъ и въ которой онъ производитъ свои знаки (§ 454). *Гіероглифическія пись-*

мена выражаютъ *представленія* посредствомъ фигуръ въ пространствѣ; напротивъ *письменность* (буквенное письмо) обозначаетъ *звуки* словъ, которые сами суть не что другое какъ знаки мыслей. Итакъ письменность выражаетъ знаки мыслей посредствомъ другихъ знаковъ; — или, говоря точнѣе, она разлагаетъ слова, — т. е. полные знаки живаго языка, — на ихъ простые элементы и выражаетъ эти элементы посредствомъ буквъ.

Лейбницъ старался найдти одинъ общій письменный языкъ, который могъ бы облегчить взаимныя сношенія народовъ и преимущественно ученыхъ людей. Онъ хотѣлъ выражать слова посредствомъ гіероглифическихъ знаковъ. Этотъ методъ употребляется и при письменномъ языкѣ; таковы напр. знаки чиселъ, планетъ, химическихъ началъ и т. д. Но можно думать, что взаимныя сношенія народовъ именно дали почувствовать необходимость въ письменномъ языкѣ и привели къ изобрѣтенію письменъ. Такъ это было можетъ быть въ Финикіи, и то же самое ощущается въ настоящихъ сношеніяхъ съ Китаемъ (см. путешествіе *г. Макартнэ*). Кромѣ того нельзя и думать о всеобщемъ и *неизмѣнномъ* гіероглифическомъ письмѣ. Правда, чувственные предметы могутъ быть обозначены постоянными знаками; но понятія о духовныхъ предметахъ и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ измѣняются съ успѣхами мысли, съ ея необходимымъ логическимъ развитіемъ, и смыслъ изобрѣтенныхъ гіероглифическихъ знаковъ долженъ былъ бы измѣняться. Даже словесные знаки чувственныхъ предметовъ, именно ихъ названія, часто мѣняются, какъ напр имена химическихъ началъ, минераловъ и проч. Въ сущности это совершенно излишне, потому что имена сами по себѣ суть не болѣе какъ *безсмысленные звуки* и имѣютъ смыслъ только какъ *знаки*. Но это нерѣдко забываютъ и требуютъ, чтобы имя выражало нѣкотораго рода опредѣленіе предмета; и такъ какъ эти опредѣленія часто мѣняются вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ и произвола, то, смотря по тому взгляду, который составляютъ себѣ о родѣ предмета или о другомъ отличительномъ свойствѣ его, даютъ ему новое названіе, т. е. выражаютъ его посредствомъ новыхъ знаковъ, входящихъ въ составъ его рода или его характеристической особенности.

Гіероглифическія письмена Китайцевъ могли удержаться только при неподвижности духовной жизни самого народа; кромѣ того эти письмена, по причинѣ ихъ трудности, могутъ быть доступны только незначительному меньшинству, исключительно посвящающему себя умственному образованію.

Развитіе живаго языка находится въ тѣсной связи съ письменностію, потому что письменность даетъ болѣе опредѣленности и чистоты членораздѣльнымъ звукамъ языка. Извѣстно несовершенство китайскаго языка; въ этомъ языкѣ одно и то же слово служитъ для обозначенія нѣсколькихъ предметовъ,— десяти и даже двадцати; въ разговорѣ различіе ихъ выражается различною интонаціею, силою, тихимъ или громкимъ произношеніемъ. Когда Европейцы начинаютъ изучать китайскій языкъ, они часто впадаютъ въ самыя смѣшныя недоразумѣнія, прежде чѣмъ усвоютъ себѣ эти нелѣпыя тонкости ударенія. Здѣсь совершенство произношенія противоположно европейскимъ понятіямъ объ этомъ предметѣ, потому что въ Европѣ справедливо требуютъ, чтобы образованный человѣкъ говорилъ *sans accent*. Благодаря гіероглифическому письму, живой китайскій языкъ не имѣетъ объективной опредѣленности, потому что опредѣленность членораздѣльныхъ звуковъ пріобрѣтается только при помощи письменнаго языка.

Буквенное письмо наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ умственной дѣятельности, потому что заставляетъ обращать вниманіе и дѣлать предметомъ изслѣдованія самыя *слова*, въ которыхъ умъ находитъ самое соотвѣтственное и самое достойное выраженіе для своихъ представленій. Дѣлая ихъ предметомъ своего изслѣдованія, умъ анализируетъ эти знаки, т. е. отыскиваетъ ихъ простые, немногіе элементы (основныя начала произношенія); они составляютъ чувственный матеріалъ рѣчи, возведенный въ форму всеобщности; и этотъ матеріалъ, или эти элементарные звуки языка опредѣлены въ ихъ раздѣльности и чистотѣ. Буквенное письмо сохраняетъ преимущество живаго языка: и въ томъ и въ другомъ случаѣ представленія выражаются посредствомъ словъ; эти представленія остаются *простыми*, не разрѣшаются на ихъ составные элементы и не складываются изъ нихъ, а напротивъ выражаются посредствомъ именъ, т. е. простыхъ знаковъ. Гіероглифическія письмена

произошли не изъ предшествующаго анализа словъ (въ которыхъ представленія находятъ свое чувственное выраженіе), а изъ предшествующаго анализа самыхъ представленій. Отсюда легко родится мысль, что можно свести всѣ представленія къ ихъ первобытнымъ элементамъ, или вывести ихъ простыя логическія опредѣленія, и что выбравши соотвѣтственные знаки для этихъ первобытныхъ элементовъ можно создать особое, общепонятное гіероглифическое письмо. (Примѣромъ такихъ знаковъ могутъ служить прямая черточка и черточка раздѣленная пополамъ, употребляемыя у Китайцевъ). — Лейбницъ ставилъ такое гіероглифическое письмо, проистекающее изъ анализа представленій, выше обыкновеннаго письма. Но этотъ анализъ представленій противорѣчитъ главной потребности языка—выражать эти послѣднія посредствомъ словъ; какъ бы ни было богато представленіе по своему содержанію, умъ даетъ ему простое названіе и выражаетъ его посредствомъ знака; самъ по себѣ этотъ знакъ не имѣетъ никакого значенія; онъ служитъ только чувственнымъ выраженіемъ простаго представленія. Наши *представленія* вначалѣ просты, но когда анализъ выдѣляетъ ихъ составные элементы, мы снова собираемъ ихъ въ одно синтетическое представленіе. Такимъ же образомъ наша *мысль* анализируетъ данное содержаніе, превращаетъ его въ совокупность различныхъ отношеній, но за тѣмъ она связываетъ всѣ эти частныя отношенія въ одну простую мысль. По этому мы требуемъ, чтобы наши представленія и наши мысли находили свое выраженіе въ такихъ простыхъ знакахъ, которые, хотя бы разлагались на буквы и слоги, однакожъ были бы просты и не совмѣщали въ себѣ нѣсколькихъ представленій.

Эти замѣчанія достаточны чтобы опредѣлить сравнительное достоинство различныхъ письменъ. Но очевидно что при гіероглифическомъ письмѣ внутренняя связь различныхъ мыслей и представленій должна быть очень темна и запутана, и самыя эти представленія и ихъ ближайшіе составные элементы могутъ быть анализируемы съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Каждая новая точка зрѣнія имѣла бы своимъ результатомъ новое гіероглифическое изображеніе для одного и того же представленія; такъ мы уже замѣтили что даже предметы взятые

изъ чувственной природы, напр. соляная кислота, неоднократно мѣняли свое названіе. Гіероглифическое письмо совмѣстно только съ такою неподвижною философіею, какова китайская.

Изъ сказаннаго видно, что ученіе грамотѣ, т. е. чтенію и письму, составляетъ безконечное, неоцѣнимое средство образованія, потому что оно заставляетъ духъ, привыкшій заниматься одними чувственными предметами, обращать вниманіе на формы мысли,—на живое слово и его отвлеченные элементы,—и пріучаетъ духъ заниматься самимъ собою.

Такимъ образомъ письмо ведетъ къ представленіямъ черезъ посредство звуковъ. Правда, привычка къ чтенію уничтожаетъ это свойство буквеннаго письма и превращаетъ его въ гіероглифическій языкъ, такъ что мы довольствуемся однимъ зрѣніемъ и не имѣемъ нужды произносить написанное; но люди, не пріобрѣтшіе достаточнаго навыка къ чтенію, громко выговариваютъ слова, чтобы понять произносимые звуки. Впрочемъ и при навыкѣ къ чтенію сохраняется уже разъ пріобрѣтенная склонность къ отвлеченію. Напротивъ, чтеніе гіероглифовъ есть нѣмое чтеніе и безмолвное письмо. Хотя звуки существующіе во времени, и изображенія — существующія въ пространствѣ—сами по себѣ имѣютъ одинаковое достоинство; но письмо должно выражать только звуки; оно должно употреблять изображенія только какъ знаки звуковъ, — и это потому что мысль находитъ свое непосредственное и безусловное выраженіе въ живой рѣчи.

Ниже мы увидимъ что связь звуковъ и вызванныхъ ими представленій составляетъ отличительное свойство *памяти*,—и такимъ образомъ она служитъ основаніемъ для перехода отъ *представленій* къ *мышленію*.

§ 460.

Имя есть связь созерцанія (или знака) производимаго умомъ и его значенія; по этому оно есть *разрозненный* и преходящій продуктъ умственной дѣятельности. Самая связь внутренняго представленія со внѣшнимъ созерцаніемъ есть *внѣшняя* связь. Усвоеніе этого внѣшняго знака есть *память*.

γγ) *Память.*

§ 461.

Память становится въ тѣ же самыя отношенія къ созерцанію, являющемуся въ *словѣ*, и усвоиваетъ его въ той самой постепенности, въ какой представленіе относилось къ непосредственному созерцанію (§ 451 и слѣд.).

1) Сначала она усвоиваетъ ту связь, которая составляетъ знакъ; такимъ образомъ она возводитъ разрозненную и случайную связь въ постоянную и всеобщую связь; связь между именемъ и смысломъ получаетъ объективное (какъ бы обязательное) достоинство. Вслѣдствіе этого созерцаніе или имя превращается въ *представленіе;* такимъ образомъ внутреннее значеніе и знакъ абсолютно сливаются, превращаются въ одно представленіе. Когда умъ наполненъ такими конкретными представленіями, когда онъ самъ не различается отъ этого своего содержанія, онъ есть *память на имена.*

Приб. Мы различаемъ три вида памяти: *память на имена*, память *воспроизводящую* и память *механическую*.

Во-первыхъ мы удерживаемъ въ памяти значеніе названій, т. е. мы дѣлаемся способны припоминать представленія, связанныя съ словесными знаками. Такъ напр. слыша или читая слово, принадлежащее мало знакомому намъ языку, мы припоминаемъ его значеніе, — хотя мы еще не можемъ сами выговорить это слово, когда захотимъ выразить наше представленіе на этомъ языкѣ. Мы сначала научаемся понимать языкъ, а способность говорить и писать на немъ пріобрѣтается позднѣе.

§ 462.

Названіе обозначаетъ существованіе и значеніе *вещи* въ области представленія и мысли.

2) *Воспроизводящая* память хранитъ въ себѣ и связываетъ названіе съ соотвѣтствующимъ значеніемъ и обратно, не превращая его въ созерцаніе или образъ. Когда названія

вещей существуютъ въ умѣ, умъ относится къ нимъ, какъ къ чему-то внѣшнему по этому *усвоивши* себѣ названія предметовъ, умъ въ тоже время получаетъ способность давать имъ *внѣшнее* бытіе въ самомъ себѣ. Такъ какъ умъ облекаетъ свои ощущенія, представленія и мысли въ особыя названія, то вмѣстѣ съ рядомъ такихъ ощущеній, представленій и мыслей онъ воспроизводитъ *рядъ* ихъ названій.

Примѣч. При имени льва, мы не нуждаемся ни въ созерцаніи этого животнаго, ни въ образѣ. Имя, котораго смыслъ мы понимаемъ, есть простое представленіе, не облеченное въ образъ.

Въ недавнее время вспомнили о рекомендованномъ древними «*искусствѣ помогать памяти*, или о *мнемоникѣ;*» но къ счастію скоро оставили его. Эта помощь состояла въ томъ, чтобы превращать имена въ образы, т. е. низводить память на степень воображенія. Чтобы запомнить что нибудь наизусть, нужна *сила* памяти; ее хотѣли замѣнить рядомъ неизмѣнныхъ образовъ, которые возбуждали бы соотвѣтствующій имъ рядъ представленій. Но такія представленія всегда будутъ разнородны по своему содержанію съ содержаніемъ выбранныхъ постоянныхъ образовъ. Къ тому же требуется скорость въ этой дѣятельности ума; а потому выборъ такихъ образовъ всегда будетъ пустъ, безсмысленъ и случаенъ. Умъ будетъ принужденъ запоминать всякій хламъ и скоро забудетъ то, что заучилъ такимъ способомъ наизусть. Мы уже не будемъ говорить о томъ, что тѣ же образы нерѣдко служатъ для запоминанія другаго ряда представленій, отчего первыя легко изглаживаются. Главное: когда мы сохранили что нибудь въ памяти, мы повторяемъ заученное *наизусть*, т. е. воспроизводимъ его извнутри, изъ глубины нашего Я; напротивъ когда что нибудь запечатлѣлось въ нашемъ умѣ при помощи такихъ мнемоническихъ средствъ, мы должны читать заученное по образамъ, возникающимъ передъ нами въ нашемъ воображеніи.

Такія мнемоническія средства придумывали вслѣдствіе обычнаго предразсудка, будто воображеніе выше и богаче памяти. Но воображеніе располагаетъ образами, заимствованными изъ созерцаній, которыя требуютъ наименьшей дѣятельности ума. Напротивъ память относится къ названіямъ, которыя суть про-

дуктъ самого ума; эти внѣшніе продукты остаются заключены въ глубинѣ мысли; умъ, припоминая ихъ, не обращается ни къ чему внѣшнему и остается сосредоточенъ въ самомъ себѣ.

Приб. Слово, какъ звукъ, исчезаетъ во времени. Время уноситъ его съ собою, т. е. уничтожаетъ его. Умъ также поглощаетъ этотъ знакъ рѣчи, но онъ преобразуетъ этотъ внѣшній предметъ во внутренній и сберегаетъ его въ этомъ измѣненномъ видѣ. Мысль оживляетъ слова. Она не можетъ обойдтись безъ словъ. Мы сознаемъ наши мысли, или имѣемъ опредѣленныя, дѣйствительныя мысли только тогда, когда превращаемъ ихъ въ свой *предметъ*, когда *различаемъ* ихъ отъ самихъ себя,—когда дѣлаемъ ихъ *внѣшними*, но въ тоже время налагаемъ на нихъ печать своего духа. Такой, происшедшій изъ глубины духа, внѣшній предметъ есть *членораздѣльный звукъ, слово.* По этому нѣтъ ничего неразумнѣе, какъ хотѣть мыслить безъ словъ. Местръ сдѣлалъ надъ собою эту попытку, и онъ увѣряетъ что она чуть не довела его до безумія. Смѣшно также видѣть недостатокъ или несчастіе въ томъ, что мысль связана съ словомъ. Обыкновенно думаютъ, что нѣтъ ничего выше *невыразимаго*, — но это мнѣніе проистекаетъ изъ ложной суетности, потому что все невыразимое остается смутнымъ и неустановившимся, пока оно не нашло своего яснаго выраженія въ словѣ. Мысль находитъ самое достойное и самое истинное бытіе въ словѣ. Конечно, можно запутаться въ фразахъ, не проникая въ сущность предмета. Но въ этомъ будетъ виновато не слово, а неразвитое, неопредѣленное, безсознательное мышленіе. Истинная *мысль* схватываетъ *сущность предмета*,—и тоже самое должно сказать о *словѣ*, когда истинная мысль облекается въ него. Когда умъ усвоиваетъ слово, онъ усвоиваетъ себѣ сущность вещи. Но воспринимая слова, умъ самъ такъ сказать становится *вещественнымъ;* субъективная мысль, въ ея различіи отъ *сущности вещи*, становится пустымъ, безсмысленнымъ хранилищемъ словъ; — она превращается въ *механическую память.* Когда умъ заботится объ одномъ *усвоеніи* словъ, эта крайность непосредственно переходитъ въ противоположную крайность слова становятся чужды и *внѣшни* для ума. Чѣмъ больше я осво-

иваюсь съ значеніемъ слова, — чѣмъ больше мой духъ сродняется съ словомъ, — тѣмъ менѣе я начинаю обращать вниманія на самое значеніе его, тѣмъ легче моя мысль отчуждается отъ самого слова и запоминаетъ его механически.

§ 463.

3) Связь названій зависитъ отъ ихъ смысла; чтобы соединить смыслъ съ названіемъ, умъ еще долженъ произвести синтезъ этихъ двухъ своихъ внѣшнихъ выраженій. Но умъ есть то общее начало, которое лежитъ въ основаніи какъ того, такъ и другаго изъ нихъ; и вслѣдствіе того онъ стремится уничтожить различіе между смысломъ и названіемъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ вполнѣ овладѣть собою, мысль совершенно отчуждается отъ себя и является какъ вмѣстилище однихъ названій или безсмысленныхъ словъ. Мое пустое Я связываетъ цѣлые ряды этихъ словъ и удерживаетъ ихъ въ неизмѣнномъ порядкѣ. Оно совершенно погружено въ эти внѣшніе знаки и вся его дѣятельность ограничивается воспроизведеніемъ этихъ знаковъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сбережены. Умъ, на этой ступени его развитія, образуетъ *механическую память* (§ 195).

Примѣч. Мы говоримъ, что ученикъ заучилъ свой урокъ наизусть, когда онъ не связываетъ никакого смысла со словами. Естественно, что, повторяя слова, онъ не кладетъ на нихъ никакого ударенія. Чтобы дѣлать удареніе, онъ долженъ былъ бы понимать смыслъ тѣхъ словъ, которыя произноситъ. Но если онъ станетъ обращать вниманіе на смыслъ, на вызываемыя словами представленія, онъ тотчасъ собьется и потеряетъ механическую нить. Способность заучивать наизусть рядъ словъ, связанныхъ безъ смысла и лишенныхъ смысла въ самихъ себѣ (напр. рядъ собственныхъ именъ) по истинѣ удивительна, потому что умъ по своей природѣ сосредоточенъ въ самомъ себѣ, а здѣсь онъ превращается въ рядъ внѣшнихъ знаковъ и является чисто механическимъ. Но чтобы сосредоточиться въ самомъ себѣ, духъ долженъ связать элементъ субъективный съ объективнымъ и онъ достигаетъ этого постепенно: въ созерцаніи онъ предначодитъ повидимому внѣшнее ему содержаніе; въ представленіи онъ усвоилъ себѣ это содер-

жаніе и сдѣлалъ его своею собственностію; наконецъ, въ памяти, онъ превращаетъ свое собственное содержаніе во внѣшній предметъ и повидимому преднаходитъ его. Такъ найденъ одинъ моментъ мысли — ея *объективное выраженіе;* и здѣсь оно составляетъ такъ сказать качество мысли, нераздѣльное отъ ея бытія.

Часто унижаютъ достоинство памяти, считая ее механическою, безсмысленною дѣятельностію, или только признаютъ ея относительную пользу, такъ какъ она служитъ для другихъ цѣлей и дѣятельностей духа. Мы старались показать ея истинное значеніе въ развитіи этого послѣдняго.

§ 464.

Чтобы *имя* выражало предметъ, или имѣло объективное значеніе, къ нему долженъ присоединиться *смыслъ*, происходящій изъ представленія. Въ механической памяти знакъ и его значеніе абсолютно сливаются. По этому умъ пользуется въ своей дѣятельности ихъ единствомъ и самъ есть не что другое какъ это самое единство. Такимъ образомъ память служитъ переходомъ къ *мысли*. Мысль уже не различается отъ ея смысла, или объективный элементъ мысли уже не различается отъ ея субъективнаго элемента; напротивъ этотъ внутренній элементъ (или смыслъ) самъ получилъ здѣсь *бытіе*.

Примѣч. О памяти привыкли отзываться съ пренебреженіемъ. Но она существенно родственна мышленію.

Въ юности память не случайнымъ образомъ сильнѣе, чѣмъ въ старости; и въ этомъ возрастѣ ее упражняютъ не въ видахъ одной пользы. Въ юности память дѣятельнѣе, потому что человѣкъ еще мало размышляетъ; и онъ упражняетъ ее съ умысломъ или безъ умысла для того, чтобы расчистить поле для мысли, чтобы дать мысли истинное содержаніе и наполненіе. Люди дѣйствительно талантливые обыкновенно обладаютъ счастливою памятью въ юности.

Но такія опытныя данныя недостаточны для того, чтобы объяснить въ чемъ состоитъ дѣятельность памяти. Въ психологіи до сихъ поръ мало обращали вниманія на этотъ вопросъ, и дѣйствительно трудно указать истинное мѣсто и значеніе

памяти въ развитіи духа, и трудно понять ея органическую связь съ мышленіемъ. Мы видѣли, что память даетъ одинъ элементъ мысли,—внѣшнее выраженіе или ея непосредственное существованіе; память переходитъ въ мышленіе, когда разумъ дѣлается тожественъ съ этимъ внѣшнимъ существованіемъ; когда это тожество достигнуто, субъектъ дѣлается способенъ *мыслить*.

γ) *Мышленіе.*

§ 465.

Умъ узнаетъ знакомыя ему представленія въ новыхъ;—такъ онъ узнаетъ созерцанія которыя уже усвоилъ себѣ (§ 454);—или онъ узнаетъ предметъ, когда слышитъ его названіе (§ 462); — но теперь всеобщій элементъ существуетъ въ умѣ въ двоякой формѣ: какъ чистая всеобщность и какъ всеобщность въ формѣ непосредственнаго бытія; такимъ образомъ онъ является какъ истинная всеобщность, которая совмѣщаетъ себя и свое противоположное,—именно непосредственное бытіе. Такимъ образомъ умъ есть знаніе какъ въ возможности, такъ и въ дѣйствительности. — Въ самомъ дѣлѣ, онъ способенъ къ знанію, потому что его всеобщій продуктъ, *мысль*, выражаетъ сущность предмета, такъ что субъективное значеніе мысли совпадаетъ съ ея объективнымъ значеніемъ.—Въ тоже время онъ есть дѣйствительное знаніе, потому что онъ сознаетъ, что *мысль* существуетъ и, наоборотъ, что все существующее существуетъ только потому что оно есть *мысль* (ср. § 521); *мыслить* — значитъ, съ этой точки зрѣнія, имѣть *мысли;* эти послѣднія составляютъ содержаніе и предметъ мыслящаго ума.

Приб. Мышленіе есть третья и послѣдняя главнѣйшая ступень въ развитіи ума. Мы еще не дѣлаемъ различія между субъективнымъ и объективнымъ достоинствомъ нашихъ *созерцаній*. Напротивъ, мы противополагаемъ наши *представленія*, какъ элементъ субъективный, предметамъ внѣшняго міра. *Мышленіе* совмѣщаетъ двоякое значеніе этихъ дѣятельностей; тѣ стороны, которыя различались прежде,

возвращаются здѣсь къ ихъ единству, или къ ихъ исходной точкѣ (къ созерцанію), — но это единство сознано самимъ умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши представленія имѣютъ исключительно субъективное значеніе, хотя въ воображеніи и въ механической памяти субъективный элементъ уже подчиняется объективному. Продукты мышленія совмѣщаютъ въ себѣ оба эти значенія, потому что мысль, сознавая себя, сознаетъ сущность предмета. Люди несвѣдущіе въ философіи ахаютъ отъ удивленія, когда имъ говорятъ, что *мышленіе есть бытіе*. Но всѣ наши дѣйствія предполагаютъ такое единство мышленія и бытія; и мы предполагаемъ его потому что мы существа разумныя и способныя мыслить. Но хотя наша мысль всегда дѣятельна, должно однакожъ отличать прочія дѣятельности духа отъ дѣятельности мышленія. Самая совершенная форма мышленія есть *чистое* мышленіе. Мы узнаемъ вещи въ ихъ истинѣ не при помощи *ощущеній* и *представленій*, а единственно при помощи *чистой мысли*. Эпикуръ совершенно извращалъ природу духа, когда онъ утверждалъ, что *истинно то, что ощущается*. Но само собою разумѣется, что мысль не должна оставаться отвлеченною и пустою; въ этомъ случаѣ она будетъ разрывать содержаніе истины;—напротивъ она должна сдѣлаться конкретною мыслію, т. е. знаніемъ, проникающимъ въ сущность вещей.

§ 466.

Вначалѣ, однакожъ, мысль приноситъ съ собою только *форму* для внѣшняго содержанія; потому что всеобщій элементъ есть элементъ чисто субъективный. На этой ступени, мысли не вытекаютъ изъ самоопредѣляющагося мышленія; мышленіе только переработываетъ представленія, данныя извнѣ.

Приб. Вначалѣ мысль имѣетъ одно неопредѣленное, еще не доказанное и не оправданное убѣжденіе, что она способна проникать въ сущность вещей, т. е. что ея субъективные продукты имѣютъ объективное достоинство; но самое содержаніе разумныхъ предметовъ еще чуждо для мысли, дано ей извнѣ, — и знаніе ограничивается одною формою

дѣятельности. Но, въ сущности, это содержаніе лежитъ въ самой мысли; а потому эта формальная дѣятельность мысли недостаточна и умъ переходитъ къ болѣе развитой, болѣе конкретной дѣятельности.

§ 467.

α) Мысль, прилагающаяся къ внѣшнему содержанію, есть *разсудокъ*. Онъ руководствуется началомъ отвлеченнаго тожества. А именно онъ превращаетъ воспринятыя представленія въ роды, виды, законы, силы и т. п., т. е. въ категоріи; давая эти формы мысли внѣшнему матеріалу, онъ узнаетъ *истину*.

β) Мысль, которая относитъ внѣшнее бытіе ко всеобщему закону, есть *сужденіе*. Оно уже не признаетъ противоположности между внѣшнимъ бытіемъ и всеобщимъ закономъ; напротивъ оно соединяетъ ихъ въ единствѣ понятія, и видитъ въ первомъ—опредѣленіе этого послѣдняго.

γ) Наконецъ мышленіе отвергаетъ различіе между *единичнымъ* случаемъ и *всеобщимъ* закономъ,— потому что они различались только по своей *формѣ*; — оно признаетъ что эти различія тожественны;—такимъ образомъ оно *заключаетъ* отъ одного къ другому,—и является какъ *умозаключающій разсудокъ*, или какъ *разумъ* обладающій разумными *формами*.—

Умъ, владѣющій мышленіемъ, производитъ знанія различнаго рода:

α) *Разсудокъ* прилагаетъ всеобщія правила (категоріи) къ единичному случаю; онъ старается такимъ образомъ *объяснить* или *понять* его.

β) *Сужденіе* возводитъ данное содержаніе въ форму всеобщности (въ форму рода или вида).

γ) Когда умъ дѣлаетъ *умозаключеніе*, онъ отрицаетъ различіе между всеобщимъ элементомъ и единичнымъ случаемъ и самъ *опредѣляетъ* свое *содержаніе*. Когда умъ убѣждается въ необходимости своего содержанія, это содержаніе перестаетъ быть внѣшнимъ и непосредственнымъ—

какимъ оно являлось для отвлеченной мысли, прилагавшей къ нему свои отвлеченныя формы.

Примѣч. Мы уже разсматривали мышленіе въ *логикѣ*. Но тамъ оно двигалось въ своемъ чистомъ элементѣ, который еще не былъ противоположенъ никакому другому внѣшнему элементу. Мышленіе составляло также ступень *сознанія* (§ 437. Примѣч.).

Въ психологіи мы видѣли, какъ развилась внутренняя противоположность въ самомъ духѣ; но разумъ примиряетъ въ себѣ эту противоположность формы.

Мы принуждены постоянно возвращаться къ мышленію во всѣхъ этихъ частяхъ философіи, потому что оно является въ нихъ въ различныхъ элементахъ и облекается въ различныя формы противоположности; но оно составляетъ то общее средоточіе, къ которому снова возвращаются всѣ такія противоположности.

Приб. До Канта въ философіи не дѣлали различія между разсудкомъ и разумомъ. Но если мы не захотимъ возвратиться къ обыкновенному сознанію, которое смѣшиваетъ всѣ формы чистаго мышленія, мы должны строго разграничить ихъ. Предметы разума вытекаютъ изъ самоопредѣляющагося мышленія: ихъ форма и содержаніе, или ихъ общія и частныя опредѣленія тожественны. Напротивъ разсудокъ различаетъ въ своихъ предметахъ форму отъ содержанія, общее отъ частнаго, неизвѣстную сущность отъ внѣшнихъ ей проявленій. Другими словами, разсудокъ прилагаетъ свои формы ко внѣшнему содержанію; напротивъ разумъ производитъ свое содержаніе и его форму изъ самого себя.

Не смотря на эту недостаточность разсудка онъ составляетъ необходимый моментъ въ разумномъ мышленіи. Главная дѣятельность его есть отвлеченіе и если онъ хочетъ остаться въ своихъ истинныхъ границахъ, онъ долженъ довольствоваться отдѣленіемъ случайнаго отъ существеннаго. По этому справедливо называютъ разсудительнымъ человѣкомъ того, кто преслѣдуетъ существенныя цѣли. Безъ разсудка невозможна твердость характера, потому что только

тотъ имѣетъ твердый характеръ, кто не измѣняетъ существенной основѣ своей природы. Разсудокъ вообще одаренъ чутьемъ истины и потому его называютъ *здравымъ смысломъ*. Но онъ можетъ также возводить отвлеченныя цѣли въ форму всеобщности и такимъ образомъ идти въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ.

Второй моментъ чистаго мышленія составляетъ *сужденіе*. Разсудокъ разрывалъ опредѣленія, непосредственно соединенныя въ единичномъ предметѣ, разобщалъ ихъ отъ предмета. Вслѣдъ за этимъ умъ необходимо соотноситъ предметъ къ этимъ отвлеченнымъ продуктамъ своей мысли, онъ разсматриваетъ предметъ какъ *отношеніе*, какъ объективную связь и какъ цѣлость.—Часто говорятъ, что судить о предметахъ уже значитъ понимать его. Но это несправедливо. Предметъ, о которомъ мы судимъ, еще данъ намъ извнѣ; онъ находится въ зависимости отъ другихъ предметовъ, составляющихъ его условія. Эти условія, эти обстоятельства кажутся самостоятельными. Мы связываемъ ихъ, но эта связь остается чисто *внутреннею* и слѣдственно чисто *внѣшнею* самимъ предметамъ. Итакъ связанные предметы находятъ здѣсь свое объясненіе въ *неразумной необходимости*, а не въ ихъ истинномъ понятіи, или въ ихъ идеѣ.

Мышленіе, на высшей своей ступени, узнаетъ *понятія* вещей, т. е. возвышается къ истинному *пониманію* этихъ послѣднихъ. Оно узнаетъ, что общія начала сами обособляются и осуществляются въ единичныхъ предметахъ; другими словами, что общее служитъ высшею связью всѣхъ частныхъ явленій. Эти всеобщности составляютъ уже не внѣшнюю форму, чуждую для содержанія; они сами производятъ изъ себя все свое содержаніе; они образуютъ понятіе вещи, которое развивается само изъ себя. Здѣсь мышленіе само даетъ себѣ свое содержаніе, оно составляетъ форму, опредѣленія которой образуютъ содержаніе; это содержаніе тожественно съ содержаніемъ существующихъ предметовъ. Здѣсь существуетъ только то различіе между мышленіемъ и предметомъ, къ которому оно относится, что этотъ послѣдній существуетъ *самобытно*, или имѣетъ форму *бытія*. Какъ

бы то ни было, такое отношеніе мысли къ предмету совершенно свободно (*).

Когда мышленіе сдѣлалось тожественно со своимъ предметомъ, умъ достигъ своей полноты и своей цѣли. Онъ дошелъ до того, къ чему стремился; теперь *сама истина сознаетъ свое внѣшнее существованіе; самый разумъ узнаетъ себя въ мірѣ.* Знаніе есть актъ субъективнаго разума, но оно относится къ разуму объективному.—Путемъ созерцанія и представленія чистое мышленіе дошло до этого окончательнаго результата въ развитіи духа теоретическаго, — до полнаго проникновенія субъективной мысли въ объективный разумъ.

§ 468.

Умъ, или теоретическое разумѣніе усвоиваетъ себѣ внѣшнее содержаніе; *овладѣвши* имъ, онъ владѣетъ этимъ содержаніемъ какъ своею *собственностію.* Отрицая его непосредственную независимость, или внѣшность, умъ уже признаетъ что онъ самъ даетъ себѣ это содержаніе. Мысль или свободное пониманіе остается свободнымъ и въ отношеніи къ своему *содержанію.* Когда умъ самъ даетъ себѣ свое содержаніе, когда онъ служитъ источникомъ дѣйствительности, онъ есть *воля.*

Приб. Чистое мышленіе погружается въ предметъ, не думая измѣнять его. Но вникая въ свою дѣятельность, оно приходитъ къ сознанію ея сущности. Оно убѣждается, что предметъ согласуется съ мыслью и что опредѣленія самой мысли представляются ему въ предметѣ. Усвоивая себѣ объективное, непосредственное содержаніе предметовъ, сосредоточиваясь въ себѣ, мысль сама переходитъ въ *волю.* Обыкновенное сознаніе не сознаетъ этого перехода; оно представ-

(*) Такою представлялась Гегелю высшая и совершенно свободная дѣятельность мышленія, и онъ старался приложить методу самоопредѣленія или само развитія предмета ко всѣмъ областямъ знанія. Но она оказалась чистымъ самообольщеніемъ всходу; и въ сферахъ теоретическихъ и въ сферахъ практическихъ.—Между прочимъ здѣсь можно замѣтить, что Гегель приписывалъ одинаковую способность самоопредѣленія и мышленію и волѣ и потому въ его понятіи, воля есть не что дргое какъ сомоопредѣляющееся мышленіе.—*Перев.*

ляетъ себѣ, что мысль и воля не имѣютъ ничего общаго. Но, какъ мы видѣли, мысль необходимо переходитъ въ волю и образуетъ ея субстанцію. Безъ мышленія невозможна воля; какъ бы ни былъ необразованъ человѣкъ, онъ долженъ мыслить чтобы хотѣть. Напротивъ животныя не мыслятъ и потому не могутъ имѣть воли.

b. Практическій духъ

§ 469.

Воля есть духъ, который самъ опредѣляетъ содержаніе его наполняющее. Когда сознательная единичность наполнена собственнымъ содержаніемъ, идея духа осуществляется въ дѣйствительности. Знаніе двигалось въ отвлеченномъ элементѣ понятій; воля есть духъ, проявляющійся во внѣшности.

Такъ какъ воля сама даетъ себѣ свое содержаніе, то она остается въ средѣ самой себя, или вообще свободна; въ этомъ состоитъ ея основное понятіе.

Но, хотя воля наполняется сама отъ себя, она еще конечна, потому что вначалѣ она даетъ себѣ отвлеченныя опредѣленія; она признаетъ ихъ своими опредѣленіями, но они еще не совпадаютъ съ опредѣленіями развитаго разума. Эта отвлеченная воля должна сдѣлаться дѣйствительно-свободною; другими словами, эта отвлеченная воля должна наполниться тѣми опредѣленіями, которыя лежатъ въ ея понятіи; т. е. свобода должна составить ея содержаніе и ея цѣль. Свобода, къ которой предназначена воля, осуществляется только въ элементѣ мысли поэтому воля,—чтобы сдѣлаться объективнымъ духомъ,—должна сдѣлаться мыслящею волею; т. е. она должна дать себѣ такое содержаніе, которое можетъ развиваться только изъ мысли.

Примѣч. Истинная свобода, т. е. гражданская свобода состоитъ не въ томъ, чтобы преслѣдовать субъективные, т. е. эгоистическіе интересы, но въ томъ, чтобы имѣть въ виду общее благо. Такое благо есть продуктъ мысли; поэтому въ высшей степени нелѣпо исключать мышленіе изъ области нравственности, религіи, права и проч.

Приб. Мы видѣли, что умъ усвоиваетъ себѣ содержаніе объекта, сосредоточивается въ себѣ и признаетъ свои соб-

ственныя внутреннія опредѣленія за опредѣленія предмета. Напротивъ воля стремится дать объективное бытіе опредѣленіямъ, которыя вначалѣ имѣютъ чисто субъективный характеръ. Но въ ученіи о духѣ субективномъ мы должны прослѣдить внѣшнюю дѣятельность ума только до той точки, когда онъ переходитъ въ объективный духъ,—т. е. когда продуктъ мысли перестаетъ быть исключительно-эгоистическимъ и превращается въ *нравственное дѣйствіе*, въ *нравственный поступокъ*.

Практическій духъ является въ слѣдующихъ формахъ.

1) Вначалѣ опредѣленія воли проистекаютъ не изъ свободнаго, самоопредѣляющагося разумѣнія, но сообразуются *съ непосредственными* побужденіями. Такая воля еще стоитъ на степени *практическаго чувства*; она принадлежитъ *единичному*, исключительному субъекту и обращена на *единичный* предметъ; она чувствуетъ побужденіе къ внѣшней дѣятельности, но не освободилась отъ своей исключительности, еще лишена такого содержанія, которое имѣло бы истинно объективное т. е истинно-всеобщее значеніе и достоинство. Эта воля еще не свободна. Чтобы сдѣлаться истинно свободною, она должна сдѣлать своимъ предметомъ и своею цѣлію самую свободу, которая одна соотвѣтствуетъ понятію свободной воли. Тогда она становится духомъ объективнымъ; она создаетъ міръ свободы, осуществляя свои истинныя опредѣленія въ дѣйствительности. Но чтобы достигнуть этой цѣли, воля должна пожертвовать своею исключительностію, должна развить изъ самой себя ту объективную цѣлость, которая выражаетъ истинное содержаніе свободнаго духа.

2) Второй шагъ на этомъ пути составляетъ *влеченіе*. Здѣсь воля уже не довольствуется согласованіемъ своего внутренняго опредѣленія (или чувства) съ находимымъ предметомъ, но сама стремится произвести такое согласованіе.

3) Далѣе, она подчиняетъ всѣ *частныя* влеченія одной общей цѣли,—*личному счастію*. Но такое общее начало есть только продуктъ рефлексіи: оно извнѣ примѣняется къ разнообразнымъ влеченіямъ, и выборъ между этими послѣдними зависитъ отъ исключительной, единичной воли, или отъ *произвола*.

Всѣ эти элементы,—неопредѣленная *общая* цѣль, извѣстная подъ именемъ *личнаго счастія*,—непосредственныя *частныя влеченія*—и отвлеченный *единичный произволъ*—не истинны въ ихъ раздѣльности. Они должны войдти, какъ моменты, въ понятіе свободной воли, которая ставитъ своею цѣлію конкретное всеобщее начало—общее благо. Какъ мы сказали, практическій духъ въ своемъ развитіи стремится къ этой высшей цѣли.

§ 470.

Отвлеченная или непосредственная воля конечна въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны ея собственное опредѣленіе противоположно вновь возникающимъ непосредственнымъ состояніямъ и ощущеніямъ, находящимся въ зависимости отъ внѣшнихъ объектовъ. Съ другой стороны эти опредѣленія еще противоположны всеобщему, разумному мышленію; они не совпадаютъ съ нимъ и потому могутъ различаться отъ него по своему содержанію. Это различіе еще не сознается самою волею и замѣчается только нами.

α) Практическое чувство.

§ 471.

Сначала практическій духъ опредѣляется непосредственнымъ образомъ; поэтому единичный субъектъ находитъ въ себѣ опредѣленія, свойственныя его исключительной природѣ. Эти опредѣленія составляютъ *практическое чувство*. Единичный субъектъ есть, правда, разумный субъектъ; поэтому содержаніе его практическаго чувства, само въ себѣ, разумно; но, принадлежа единичному субъекту, оно находится въ зависимости отъ его *натуры*, отъ *случайныхъ и субъективныхъ* условій; слѣдовательно оно можетъ согласоваться съ разумомъ, но можетъ также находиться въ зависимости отъ личныхъ потребностей мнѣній и другихъ субъективныхъ особенностей противополагающихся всеобщимъ требованіямъ разума.

Примѣч. Часто совѣтуютъ слѣдовать чувству права и нравственности,—врожденному религіозному чувству,—добрымъ *ин*

стинктамъ,—вообще внушеніямъ *сердца*, разумѣя подъ этимъ словомъ всю совокупность практическихъ чувствъ. Справедливо 1) что эти чувства свойственны всякому человѣку и 2) что эти чувства могутъ быть цѣлостны и въ этомъ отношеніи противоположны отвлеченіямъ разсудка. Но точно также чувство можетъ быть односторонне, поверхностно и слѣдственно дурно. Разумная мысль имѣетъ тоже самое содержаніе какъ и *доброе* чувство, но это чувство возведено въ ней въ форму всеобщности и необходимости, т. е. въ объективную и истинную форму.

И такъ съ одной стороны, нелѣпо думать что чувство теряетъ что бы то ни было въ своемъ содержаніи или въ своемъ совершенствѣ, когда оно переходитъ въ сознанную мысль права и обязанности; напротивъ чувство становится тогда болѣе истиннымъ. Точно также нелѣпо полагать, что умъ излишенъ или вреденъ въ дѣлѣ чувства, сердца и воли; единичное чувство дѣлается истиннымъ, или—что одно и тоже—дѣйствительно разумнымъ, когда оно возводится въ форму всеобщей мысли. Чувство можно назвать истиннымъ только тогда, когда оно имѣетъ истинное содержаніе, т. е. истинную опредѣленность;—такое содержаніе должно быть всеобщимъ и можетъ происходить только изъ мыслящаго духа. Разсудокъ долженъ освободиться отъ тѣхъ отвлеченныхъ теорій, которыя учатъ, что способности души, чувство и мысль совершенно различны; онъ долженъ убѣдиться, что въ человѣкѣ, въ его чувствахъ, волѣ и мысли, господствуетъ одинъ разумъ. Такъ напр. разсудокъ не можетъ понять какимъ образомъ идеи принадлежащія мыслящему духу—Богъ, право, справедливость—могутъ быть ощущаемы чувствомъ. Но чувство есть не что другое какъ та форма, которую всякое содержаніе мысли принимаетъ, или можетъ принять въ непосредственномъ, единичномъ субъектѣ.

Съ другой стороны тѣ, которые отстаиваютъ право чувства и сердца въ противоположность разумной мысли права, обязанности, долга, справедливо навлекаютъ на себя подозрѣніе въ томъ, что они хотятъ только дать просторъ своей личности, своему произволу и прихотямъ; потому что въ чувствѣ субъективныя формы берутъ перевѣсъ надъ объективнымъ содержаніемъ. Вотъ почему въ психологіи должно разсматривать только форму чувствъ; самое же содержаніе ихъ должно войти

въ ученіе о правахъ и обязанностяхъ, такъ какъ это содержаніе, будучи возведено въ мысль, является какъ самоопредѣленіе духа въ его всеобщности и необходимости, т. е. оно является какъ право и обязанность. Въ ученіи о практическихъ чувствахъ можно было бы разсматривать только эгоистическія, дурныя и злыя чувства, потому что только эти чувства составляютъ принадлежность единичности, противополагающейся всеобщему; ихъ содержаніе противоположно содержанію правъ и обязанностей; но вслѣдствіе этого они могутъ быть точнѣе опредѣлены только по изученіи первыхъ.

§ 472.

Практическое чувство дѣлаетъ свое опредѣленіе мѣриломъ, когда обращается ко внѣшнему предмету и оцѣниваетъ этотъ послѣдній на основаніи его согласованія или несогласованія съ первымъ. Такъ какъ оно не имѣетъ при этомъ никакой объективной точки опоры, то соотношеніе его *потребности* къ внѣшнему предмету раждаетъ только совершенно поверхностное и субъективное чувство *пріятнаго* или *непріятнаго*.

Примѣч. Удовольствіе, радость, печаль, стыдъ, раскаяніе, довольство и проч. суть не что другое какъ видоизмѣненія практическаго чувства; но они различаются тѣми оттѣнками которые происходятъ при сравненіи того, что есть, съ тѣмъ что должно быть.

Разсматривая практическую дѣятельность человѣка нерѣдко приходятъ къ вопросу *о происхожденіи зла*, потому что всякое непріятное чувство, всякое страданіе, которое его сопровождаетъ, называютъ зломъ. Зло есть не что другое какъ несоотвѣтствіе между тѣмъ, что *есть*, и тѣмъ, что *должно быть*. Къ прочимъ предметамъ, существованіе которыхъ считаютъ должнымъ, относятъ также осуществленіе своихъ случайныхъ *цѣлей*. На самомъ дѣлѣ зло является здѣсь только какъ возмездіе за суетность и ничтожность такихъ мнимо-важныхъ цѣлей. Онѣ сами уже составляютъ зло.

Всякое живое и духовное существо принуждено испытывать зло, потому что оно ощущаетъ свое противоположное или свое отрицаніе какъ свой недостатокъ, какъ свое внутреннее противорѣчіе. Все мертвое не испытываетъ зла и скорби, потому

что въ неорганической природѣ понятіе не противополагается существованію и неразличается отъ него какъ его субъектъ. Въ живомъ и тѣмъ болѣе въ духовномъ существѣ понятіе различается отъ своего предмета и опредѣляетъ то, что *должно быть*, но чего нѣтъ; такимъ образомъ субъектъ, какъ отрицательное единство, т. е. свободная мысль, или Я, служитъ источникомъ зла и страданія.

Яковъ Бёмъ говорилъ, что *самосущее Я* есть источникъ *страданія и скорби* и въ тоже время источникъ природы и духа.

Приб. Въ практическомъ чувствѣ воля согласна сама съ собою, потому что она знаетъ, что всѣ ея опредѣленія исходятъ изъ ней самой. Но въ ней есть еще раздѣленіе, такъ какъ она испытываетъ вліяніе непосредственныхъ, внѣшнихъ и ей чуждыхъ аффектовъ. Въ практическомъ чувствѣ воля сравниваетъ это свое внѣшнее, непосредственное состояніе съ тѣмъ требованіемъ, которое вытекаетъ изъ ея собственной природы. Это послѣднее выражаетъ то, что *должно быть*, и воля требуетъ чтобы непосредственный аффектъ согласовался съ ея внутреннимъ опредѣленіемъ. Изъ согласованія или несогласованія этихъ сторонъ рождается чувство *пріятнаго* или *непріятнаго*.

Но самое это требованіе, которое служитъ мѣриломъ непосредственному аффекту, принадлежитъ непосредственному, единичному субъекту. Оно вытекаетъ не изъ развитой мысли, а изъ непосредственнаго чувства; сужденія, на немъ основанныя, необходимо поверхностны и случайны. Поэтому въ важныхъ случаяхъ нельзя основывать свое сужденіе о предметѣ на томъ, пріятенъ онъ или нѣтъ.

Кромѣ этихъ неопредѣленныхъ чувствъ есть другія, болѣе сложныя практическія чувства.

Эти чувства находятся въ зависимости отъ нашихъ созерцаній и представленій. Сюда относятся, напримѣръ, удовольствіе, радость, надежда, страхъ, испугъ, печаль и проч.

Радость есть чувство согласованія между нашимъ личнымъ требованіемъ или ожиданіемъ и какимъ нибудь предметомъ, событіемъ или лицомъ.

Довольство есть такое же одобреніе, но менѣе интенсивное и болѣе спокойное, болѣе продолжительное.

Веселость есть болѣе живое одобреніе.

Страхъ есть чувство сомосохраненія въ виду угрожающей опасности. Испугъ происходитъ изъ того же чувства, но являющагося внезапно.

Всѣ эти чувства могутъ быть очень разнообразны по своему содержанію, потому что они находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Наконецъ, есть еще рядъ чувствъ, которыя происходятъ вслѣдствіе того, что предметы, проистекающіе изъ мысли, каковы напр. начала юридическія, нравственныя, гражданскія и религіозныя, воспринимаются волею и примѣшиваются къ содержанію практическаго чувства. Эти чувства имѣютъ свое особенное содержаніе и находятъ въ немъ свое оправданіе или осужденіе. Сюда относятся, между прочимъ, *стыдъ* и *раскаяніе* потому что эти чувства имѣютъ по большей части нравственную основу. Раскаяніе происходитъ вслѣдствіе противорѣчія между моимъ поступкомъ и моею обязанностію, или даже моею выгодою, слѣдственно чѣмъ-то такимъ, что существуетъ независимо отъ моего поступка.

Хотя мы сказали, что чувства этого рода отличаются особымъ, имъ исключительно свойственнымъ содержаніемъ, но правила юридическія, общественныя и религіозныя не всегда облекаются въ форму чувства. Нельзя сказать, чтобы эти предметы были нераздѣльны отъ чувства. Это очевидно уже изъ того, что можно ощущать раскаяніе въ добромъ поступкѣ. Точно также, сравнивая свой поступокъ со своею обязанностію , я не всегда впадаю въ живое и горячее чувство; я могу ограничиться однимъ холоднымъ сужденіемъ и спокойнымъ приговоромъ сознанія.

Тоже самое должно сказать о чувствахъ втораго разряда, о которыхъ мы говорили выше. Человѣкъ разсудительный, или обладающій сильнымъ характеромъ, можетъ находить что какой нибудь предметъ согласуется съ его волею и не предаваться радости; наоборотъ онъ можетъ испытать несчастіе, не поддаваясь страданью. Тотъ, кто слишкомъ впе-

чатлителенъ въ подобныхъ случаяхъ, еще не освободился отъ суетности; онъ еще придаетъ особую важность тому, что именно онъ—это частное лице—испытываетъ счастіе или несчастіе.

β) Влеченіе и произволъ.

§. 473.

Воля требуетъ, чтобы внѣшній предметъ согласовался съ нею. Но для нея было бы недостаточно, оставаться недѣятельною и непосредственно преднаходить такое согласованіе своей потребности съ внѣшнимъ предметомъ. Она сама должна произвести это согласованіе, чтобы удостовѣриться въ своемъ господствѣ надъ внѣшнимъ объектомъ. Вначалѣ потребности субъекта суть чисто *естественныя*, или потребности природы; такія опредѣленія воли составляютъ *влеченія и склонности*,—и они по необходимости очень разнообразны. Но когда воля исключительно отдается одному влеченію, она является въ видѣ *страсти*.

Приб. Въ практическомъ чувствѣ согласіе между внутреннимъ требованіемъ воли и непосредственнымъ аффектомъ зависитъ отъ случая. Но воля сознаетъ свою независимость, свою способность давать своимъ субъективнымъ цѣлямъ внѣшнее бытіе; а потому она не можетъ предоставлять на произволъ случая это согласованіе и ставить себя въ зависимость отъ внѣшнихъ предметовъ. Она не можетъ остановиться на сравненіи своей потребности съ преднаходимымъ объектомъ и на ихъ случайномъ совпаденіи. Она стремится создать и произвести объектъ, способный удовлетворить ее. Такимъ образомъ воля переходитъ въ *влеченіе*. Влеченіе есть такое опредѣленіе воли, которое само даетъ себѣ свое внѣшнее бытіе.

Должно различать влеченіе отъ *желанія*. Желаніе есть одна изъ формъ самосознанія и слѣдственно оно еще предполагаетъ неразрѣшенную противоположность между субъектомъ и объектомъ. Оно принадлежитъ отдѣльному лицу, обращено на отдѣльный предметъ и имѣетъ своею цѣлію единичное, преходящее удовлетвореніе. Влеченіе—какъ одна

изъ формъ мыслящей воли—предполагаетъ что противоположность между субъектомъ и объектомъ неистинна, и имѣетъ своимъ предметомъ удовлетвореніе цѣлаго ряда чувствъ; слѣдовательно оно имѣетъ более полную, более общую цѣль. Но самое влеченіе есть результатъ отдѣльнаго практическаго чувства, оно впервые отрицаетъ его, — и потому оно, въ свою очередь, есть нѣчто частное. Человѣкъ еще несвободенъ, пока онъ весь отдается своимъ влеченіямъ.

§. 474.

Влеченія и страсти тожественны по своему содержанію съ практическимъ чувствомъ. Въ основаніи ихъ лежитъ разумная природа духа; но они принадлежатъ единичной, субъективной волѣ, а потому они подвержены разнымъ случайностямъ, повидимому чужды субъекту, не имѣютъ между собою никакой внутренней связи и находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ предметовъ.

Примѣч. Страсть отличается тѣмъ, что воля субъекта ограничивается какимъ нибудь однимъ опредѣленіемъ и что весь субъектъ погружается въ это опредѣленіе воли,—каково бы ни было его содержаніе. И такъ, съ точки зрѣнія формы, страсть самое по себѣ нельзя назвать ни доброю ни злою; эта форма означаетъ только то, что субъектъ вложилъ весь живой интересъ своего духа, таланта, характера, или наслажденія, въ какое нибудь содержаніе. Безъ страсти не было и не можетъ быть совершено ничего великаго. Одна мертвящая и нерѣдко лицемѣрная мораль вооружается противъ страсти, какъ формы человѣческой дѣятельности.

Но когда разсматриваютъ влеченія, тотчасъ предлагаютъ вопросъ: какія изъ нихъ должно считать *добрыми* и какія *злыми;* до какой *степени* добрыя не перестаютъ быть добрыми; и наконецъ, такъ какъ ихъ много и субъектъ—какъ извѣстно—не можетъ удовлетворить всѣмъ имъ, какія изъ нихъ должны брать перевесъ? Обо всѣхъ этихъ влеченіяхъ и склонностяхъ должно сказать тоже самое что сказано нами о способностяхъ души, входящихъ въ составъ теоретическаго духа. Всѣ эти влеченія и склонности обнаруживаютъ свою разумную природу тѣмъ, что всѣ онѣ стремятся потерять свою субъективную форму,

и получить значеніе объективное. Внѣшнее размышленіе не можетъ опредѣлить, въ чемъ должна состоять ихъ истинная разумность; оно не обладаетъ принципомъ, на основаніи котораго оно могло бы обсудить истинное достоинство этихъ, повидимому *самостоятельныхъ и непосредственныхъ*, естественныхъ желаній и влеченій. Духъ, по своей внутренней діалектикѣ, вызвышается надъ этими *частными и непосредственными* стремленіями и даетъ ихъ содержанію разумную и объективную форму, такъ что они принимаютъ видъ *необходимыхъ* отношеній, именно *правъ* и *обязанностей*. Этимъ путемъ обнаруживается ихъ отношеніе однихъ къ другимъ и ихъ истинное достоинство. Такъ *Платонъ* старался доказать, что на вопросъ: *что есть справедливость?* можно отвѣчать не иначе какъ показавши ея *объективную* форму, т. е. построивши теорію *государства* какъ *нравственно-общественной* жизни. Должно замѣтить, что подъ именемъ справедливости, или *правъ духа*, онъ разумѣлъ всю природу духа.

И такъ чтобы рѣшить, какія склонности должно считать *добрыми* и разумными, и чтобы показать ихъ относительное достоинство, мы должны показать тѣ ступени, которыя проходитъ духъ, когда онъ развивается какъ *духъ объективный*; при такомъ развитіи, случайности воли и произвола уступаютъ мѣсто необходимымъ, или всеобщимъ опредѣленіямъ воли. Отсюда видно, что истинное содержаніе влеченій, склонностей и страстей должно войдти въ ученіе о юридическихъ, нравственныхъ и общественныхъ *обязанностяхъ*.

§ 475.

Субъектъ, своею *дѣятельностію*, удовлетворяетъ своимъ влеченіямъ, которыя отвлеченно разумны; т. е. онъ переводитъ свои субъективныя цѣли въ объективность и осуществляетъ ихъ, *черезъ посредство этого средняго термина*, въ дѣйствительности. Предметъ стремленія (или содержаніе цѣли) различается отъ самой дѣятельности, при помощи которой онъ осуществляется; поэтому результатъ достигается только съ участіемъ субъекта, въ его единичности,—и субъектъ долженъ быть *заинтересованъ*, чтобы стремиться къ осу-

ществленію цѣли. *Заинтересованность* существенно необходима для совершенія чего бы то ни было.

Примѣч. Во всякомъ дѣйствіи субъектъ поставляетъ себѣ какую нибудь цѣль и осуществляетъ ее посредствомъ своей дѣятельности. И такъ дѣйствіе происходитъ только тогда, когда субъектъ заинтересованъ имъ, —хотя бы его поступокъ былъ совершенно безкорыстенъ.

Въ противоположность обычной дѣятельности человѣка, вытекающей изъ влеченій и страстей, фантазируютъ о состояніи природнаго счастія, когда потребности человѣка были удовлетворяемы безъ участія его дѣятельности, стремящейся произвести гармонію между внутренними требованіями субъекта и внѣшнимъ существованіемъ. Съ другой стороны такимъ влеченіямъ противополагаютъ исполненіе долга ради самаго долга, или такъ называемую мораль. Но влеченіе и страсть есть не что другое какъ живая дѣятельность субъекта, который весь отдается своимъ цѣлямъ и ихъ осуществленію. Нравственное правило есть *всеобщее* правило, оно не обладаетъ собственною дѣятельностію. Субъектъ долженъ привести его въ дѣйствіе. Когда субъектъ усвоиваетъ себѣ это всеобщее правило, онъ принимаетъ въ немъ *участіе*; а когда онъ прилагаетъ къ нему всѣ силы своей души, —имъ овладѣваетъ *страсть*.

Приб. Воля, руководствующаяся юридическими, нравственными, религіозными цѣлями и стремящаяся осуществить понятіе свободнаго разума, есть тѣмъ не менѣе единичная воля живаго лица. Единичная воля требуетъ своего удовлетворенія, хотя бы она преслѣдовала всеобщія и объективныя цѣли; лицо не хочетъ и не должно жертвовать собою при осуществленіи какой бы то ни было цѣли. Поэтому оно принимаетъ *живое участіе* въ своемъ дѣлѣ. Но участіе къ дѣлу не должно смѣшивать съ *эгоизмомъ*. Эгоизмъ ставитъ свои частные интересы выше всеобщихъ, объективныхъ цѣлей.

§. 476.

Воля есть мыслящая и разумная воля. Вслѣдствіе этого она противополагаетъ себя *частнымъ* влеченіямъ и возвышается надъ ихъ разнообразнымъ содержаніемъ какъ простой мыслящій субъектъ. Она становится *размышляющею волею*.

§ 477.

Такимъ образомъ частныя влеченія перестаютъ быть непосредственными или независящими отъ субъекта; воля признаетъ ихъ *своими*, т. е. осуществляется въ нихъ и становится опредѣленною и дѣйствительною волей. Она дѣлаетъ *выборъ* между склонностями и является подъ видомъ *произвола*.

§ 478.

Воля, на степени произвола, отвлеченно свободна, потому что она отрицаетъ свои собственныя непосредственныя опредѣленія и сосредоточивается въ себѣ. Но, въ этой всеобщней формѣ, она принуждена дѣлать выборъ только между содержаніемъ своихъ влеченій и склонностей, и потому ея рѣшеніе остается субъективнымъ и случайнымъ. Она противорѣчитъ самой себѣ, потому что избираетъ частное влеченіе, которое она сама признала недостаточнымъ, и удовлетворяется имъ, хотя стоитъ выше его. Она переходитъ отъ одного влеченія и удовлетворенія къ другому, потому что ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ ее вполнѣ,—и этотъ процессъ продолжается *въ безконечность*. Но истину и единство всѣхъ частныхъ удовлетвореній составляетъ общее представленіе о своей пользѣ,—и мыслящая воля дѣлаетъ его своею цѣлію, какъ свое *личное счастіе*.

γ) *Личное счастіе.*

§ 479.

Размышляющая воля, имѣя своею цѣлію общее представленіе о своемъ счастіи, отвергаетъ всѣ частныя влеченія; она жертвуетъ ими вполнѣ или отчасти для этой цѣли. Ограничивая одни изъ нихъ другими, она оказываетъ вліяніе на ихъ качество и количество; но съ другой стороны, такъ какъ счастіе состоитъ въ удовлетвореніи влеченій, то эти послѣднія оказываютъ существенное вліяніе на выборъ цѣли, и отъ субъективнаго настроенія зависитъ опредѣлить, въ чемъ должно состоять счастіе.

§ 480.

Счастіе есть отвлеченное общее представленіе, содержаніе котораго не имѣетъ твердыхъ опредѣленій. Имѣя его своею цѣлію, субъектъ ищетъ удовлетворенія своимъ *частнымъ* влеченіямъ, хотя признаетъ ихъ недостаточными, и его единичная воля стоитъ на степени *произвола*, не обладающаго никакимъ собственнымъ содержаніемъ. Истину этой единичной отвлеченной воли съ ея частными влеченіями составляетъ *всеобщая и свободная* воля, которая сама даетъ себѣ свои опредѣленія. Такимъ образомъ воля отвергаетъ произволъ, дѣлается мыслящею, конкретною волею; субъектъ дѣлаетъ своею цѣлію опредѣленія разумной, всеобщей воли. Эта воля, которая сама опредѣляется, въ которой понятіе тожественно съ предметомъ, есть *дѣйствительно свободная воля.*

с. Свободный духъ.

§ 481.

Истинно свободная воля есть единство теоретическаго и практическаго духа; она сознаетъ себя свободною и стремится осуществить свободу, отвергая отвлеченныя, случайныя и ограниченныя влеченія. Она уже не нуждается въ посредствѣ этихъ послѣднихъ и является какъ *независимая единичная воля*; но въ тоже время она имѣетъ своею цѣлію опредѣленія всеобщей, свободной воли. Эти всеобщія опредѣленія становятся ея предметомъ и цѣлію, когда она дѣлаетъ себя предметомъ своей мысли, сознаетъ свое понятіе и является подъ видомъ свободнаго *разумѣнія.*

§ 482.

Когда духъ сознаетъ свою свободу и стремится осуществить ее, т. е. когда онъ опредѣляется согласно своей собственной природѣ и не имѣетъ другой цѣли, кромѣ самого себя, онъ есть *вообще разумная воля*,—или, по своей идеѣ, по своему понятію, онъ есть абсолютный духъ. Но эта отвлеченная идея существуетъ еще въ формѣ непосредственной воли, другими словами, разумъ существуетъ здѣсь подъ видомъ единичной воли, которая сознаетъ свои всеобщія опре-

дѣленія, дѣлаетъ ихъ своимъ предметомъ и цѣлію и осуществляетъ ихъ въ своей дѣятельности. И такъ, въ этомъ моментѣ своего развитія, идея проявляется въ конечной волѣ: но эта воля, въ своей дѣятельности, стремится развить идею и перевести ея содержаніе въ существованіе, или правильнѣе (такъ какъ это существованіе есть существованіе идеи) въ дѣйствительность.—Эта отвлеченная идея, осуществляющаяся черезъ посредство конечной воли, есть *объективный духъ*.

Примѣч. Идея *свободы* есть одна изъ самыхъ неопредѣленныхъ; она имѣетъ очень различное значеніе; она можетъ подавать и дѣйствительно не разъ подавала поводъ къ недоразумѣніямъ, потому что ее употребляютъ совершенно безотчетно. Такъ какъ свободный духъ есть *духъ дѣйствительный*, то всѣ недоразумѣнія, касающіяся его, имѣютъ огромныя практическія послѣдствія; въ самомъ дѣлѣ, когда лица и народы составляли себѣ отвлеченное понятіе о независимости и свободѣ, оно обнаруживало несокрушимую власть, потому что свобода составляетъ самую сущность духа и его дѣйствительность. Цѣлыя части свѣта, именно Африка и Востокъ, никогда не сознавали и до сихъ поръ еще не сознали этой идеи; греки и римляне, Платонъ и Аристотель, также какъ и стоики, не имѣли ее. Напротивъ они думали что свобода дается или рожденіемъ (такъ всѣ аѳинскіе, спартанскіе и другіе граждане считались свободными), или силою характера, образованіемъ, философіею (мудрецъ свободенъ въ рабствѣ и въ цѣпяхъ). Эта идея явилась въ мірѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ, потому что христіанство учило, что всякій человѣкъ имѣетъ безконечное достоинство, что Богъ равно возлюбилъ всѣхъ людей, что назначеніе человѣка состоитъ въ общеніи съ Богомъ какъ духомъ, что духъ Божій живетъ въ человѣкѣ; словомъ, что всякій человѣкъ предназначенъ къ совершеннѣйшей свободѣ. Въ религіи человѣкъ приходитъ въ общеніе съ Богомъ какъ абсолютнымъ духомъ; но духъ Божій обнаруживается человѣку и въ формахъ мірскаго бытія (der weltlicheu Existenz); — имъ зиждется государство, семейство и проч. Этотъ духъ развиваетъ и совершенствуетъ эти формы; съ другой стороны недѣлимое, живя въ этихъ формахъ, пріучается къ нравственной жизни; оно становится *дѣйствительно свободнымъ*, сооб-

разуясь съ этими формами, направляющими его чувства и волю.

Когда люди сознаютъ, что идея составляетъ ихъ сущность, ихъ предметъ и ихъ цѣль, то они имѣютъ философское знаніе объ идеѣ; но эта идея лежитъ въ основаніи общества, и люди только приходятъ къ ея сознанію. Христіанство освѣтило людей сознаніемъ ихъ свободы. Если бы ихъ сдѣлали рабами,—если бы ихъ собственность зависѣла отъ произвола, а не отъ рѣшенія закона и суда—они неминуемо чувствовали бы что этимъ было бы нарушено ихъ основное право. Это требованіе свободной воли есть уже не случайная потребность, требующая удовлетворенія, а сознаніе духа о томъ что онъ *есть*.

Вначалѣ, однакоже, эта свобода, имѣющая своимъ предметомъ и своею цѣлію самую свободу, составляетъ только отвлеченное начало духа и сердца; она должна осуществиться во внѣшности, въ формахъ права, гражданственности, религіи и науки.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФІИ ДУХА.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ДУХЪ.

§ 483.

Объективный духъ, по своей сущности, есть абсолютная идея; но будучи разумнымъ по своему понятію, онъ осуществляется въ конечной сферѣ; или онъ проявляется во внѣшности. Здѣсь свободная воля дѣлаетъ своимъ предметомъ и своею *внутреннею* цѣлію свободу; но *съ внѣшней стороны*, она приходитъ въ соприкосновеніе съ данными, преднаходимыми объектами. Къ этимъ объектамъ относятся: личныя потребности, которыя мы разсматривали въ антропологіи;—внѣшніе предметы природы, доступные сознанію;—и наконецъ другіе самосознательные субъекты, въ ихъ независимости и исключительности.—Воля проявляется относительно всѣхъ этихъ предметовъ.

§ 484.

Эта воля, въ своей дѣятельности, имѣетъ цѣлію осуществить свободу во внѣшнемъ мірѣ. Такимъ образомъ дѣйствительность становится міромъ свободныхъ отношеній, а свобода опредѣляетъ его, находитъ себя въ немъ и получаетъ внѣшнее существованіе, свойственное идеѣ. Когда свободныя отношенія осуществились въ мірѣ, они принимаютъ форму *обязательнаго факта*; сами по себѣ они образуютъ систему разумнаго устройства; а по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, они представляютъ *власть*, которая должна быть *признана* и уважаема сознаніемъ.

§ 485.

Это единство разумной и единичной воли составляетъ сущность дѣйствительной свободы. Содержаніе разумной воли вытекаетъ изъ мышленія и можетъ получить опредѣленность только въ формѣ мысли. Такое опредѣленіе разумной воли, сознанное умомъ и признанное обязательнымъ, есть *законъ*. Когда оно освободилось отъ примѣсей, проистекающихъ изъ непосредственныхъ практическихъ чувствъ и побужденій, когда оно вошло въ привычки, въ образъ мыслей и въ характеръ, оно образуетъ *общественную нравственность*.

§ 486.

Дѣйствительность какъ совокупность свободныхъ отношеній есть область *права*. Право не должно понимать здѣсь въ смыслѣ ограниченнаго, юридическаго права; оно обнимаетъ въ себѣ всѣ существующія опредѣленія свободы. Эти всеобщія опредѣленія могутъ осуществляться только черезъ посредство *субъективной* воли и образуютъ *ея обязанности*. Но, вошедши въ привычки и нравы, они составляютъ *общественную нравственность*. Всякое право есть въ тоже время обязанность и наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, право есть опредѣленіе свободной и разумной воли. Но когда ему противополагается субъективная воля отдѣльнаго лица, оно принимаетъ форму обязанности. Тѣмъ не менѣе, въ сферѣ конечной, объективной воли, права и обязанности повидимому различаются.

Примѣч. Въ мірѣ конечныхъ явленій, права и обязанности образуютъ *correlata*, такъ что каждому праву съ моей стороны соотвѣтствуетъ обязанность другаго лица. Но если мы будемъ разсматривать ихъ въ ихъ понятіи, то найдемъ напримѣръ, что мое право на вещь не есть только обладаніе: какъ обладаніе, принадлежащее лицу, оно есть *собственность*, юридическое обладаніе,—и всякій человѣкъ *обязанъ* владѣть вещами какъ собственностію, т. е. существовать какъ лицо. Эта обязанность, проявляясь въ дѣйствительности и приходя въ столкновеніе съ другими лицами, опредѣляется какъ обя-

занность другихъ лицъ уважать мое право. *Нравственная* обязанность, которая лежитъ на мнѣ, какъ на свободномъ субъектѣ, есть въ тоже время мое право на мою субъективную волю, на мой образъ мыслей. Впрочемъ, въ сферѣ *личной нравственности*, мое внутреннее опредѣленіе (мое предположеніе, мое намѣреніе, или моя субъективная обязанность) можетъ различаться отъ послѣдствій своего проявленія въ дѣйствительности, т. е. можетъ имѣть случайные и несовершенные результаты; вотъ почему личная нравственность недостаточна. Въ области *гражданственности*, или общественной нравственности, обѣ стороны достигли своей истины, своего абсолютнаго единства, хотя совпаденіе правъ и обязанностей обнаруживается только черезъ посредство соотношенія различныхъ личностей. Права отца семейства относительно его членовъ суть также его обязанности въ отношеніи къ нимъ; и обязанность дѣтей повиноваться ему есть въ тоже время ихъ право быть воспитанными какъ свободные люди. Правительство, имѣя право отправлять правосудіе, управлять и проч., въ тоже время обязано наказывать и т. д. Обязанность членовъ государства платить налоги, нести военную службу и проч, есть въ тоже время право на охраненіе ихъ частной собственности, на охраненіе государственнаго порядка, съ которымъ нераздѣльно связана возможность ихъ собственной дѣятельности. Общество и государство имѣютъ тѣже самыя цѣли, какъ и частныя лица. Но ихъ обязанности возвращаются къ нимъ въ формѣ правъ, которыми пользуются эти послѣднія; отсюда происходитъ кажущееся различіе между ихъ правами и обязанностями;—тѣмъ болѣе, что при такомъ ихъ обмѣнѣ они получаютъ различное относительное *достоинство*, хотя въ сущности они остаются одни и тѣже. Но вообще, кто не имѣетъ никакихъ правъ, тотъ не можетъ имѣть никакихъ обязанностей, и наоборотъ.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

§ 487.

Свободная воля является:

А. Сперва какъ *непосредственная* и потому *единичная воля*,—какъ *лицо*. Лицо проявляетъ свою свободу во владѣніи

собственнностію. Это право есть формальное, отвлеченное право.

B. Воля возвращается въ самое себя, такъ что она осуществляется въ самой себѣ и опредѣляется какъ *частная* воля; это право есть право *субъективной* воли,—или *нравственность*.

C. Разумная или субстанціальная воля, находящая соотвѣтственное себѣ выраженіе въ субъектѣ и въ цѣлости необходимыхъ отношеній,—именно въ семействѣ, въ гражданскомъ обществѣ и въ государствѣ,—образуетъ сферу *гражданственности*.

Такъ какъ я подробно развилъ эту часть философіи въ моихъ «начальныхъ основаніяхъ философіи права», то здѣсь я изложу ее короче, чѣмъ другія части.

А.

Право.

Собственность.

§ 488.

Духъ, который объективно свободенъ, является, въ своемъ непосредственномъ состоянiи, какъ *единичная*, сознательная, абсолютно свободная воля. Эта сознательная, свободная воля, или *лицо*, отвлеченна и неполна; она еще не имѣетъ никакого внутренняго содержанiя и наполненiя; она находитъ его во внѣшней *вещи*. Вещь не имѣетъ воли, она безправна, и потому она подчиняется субъективному разумѣнiю и произволу, является какъ принадлежность этой субстанцiи, какъ внѣшняя сфера, въ которой осуществляется свобода лица. Это отношенiе образуетъ *владѣнiе*.

§ 489.

Человѣкъ захватываетъ вещи, никому не принадлежащiя, и называетъ ихъ, въ практическомъ отношенiи, *своими*, т. е. онъ *владѣетъ* ими. Вслѣдствiе этого, онъ влагаетъ въ нихъ свою личную волю. Такимъ образомъ владѣнiе становится *собственностiю*; собственность составляетъ *средство*, потому что человѣкъ пользуется ею для удовлетворенiя своихъ нуждъ; и въ тоже время абсолютную *цѣль*, потому что человѣкъ существуетъ какъ лицо только тогда, когда онъ имѣетъ собственность.

§ 490.

Когда человѣкъ владѣетъ собственностiю его личность переносится на вещь. Но личность еще не полна, когда ей противополагаются однѣ внѣшнiя вещи. Личность есть *безконечное* соотношенiе субъекта съ самимъ собою, она противополагаетъ себѣ самое себя и является какъ дѣйствительная личность только тогда, когда ей противостоятъ *другiя лица*, когда она приходитъ въ соотношенiе съ ними и онѣ взаимно признаютъ другъ друга.

§ 491.

Лица свободны и независимы, но сознаютъ свое тожество. Они, какъ крайніе термины силлогизма, находятъ свою *связь* въ вещи. Моя воля признается ими и существуетъ для нихъ, когда я захватываю вещь и владѣю ею, или когда я создалъ ее своимъ трудомъ, или наконецъ когда я просто считаю ее своею.

§ 492.

Собственность болѣе или менѣе случайна, потому что я влагаю мою волю въ какую нибудь опредѣленную вещь. Моя воля является здѣсь подъ видомъ *произвола*, такъ что я могу, по желанію, вкладывать или не вкладывать свою волю въ какую нибудь вещь и изъять или не изъять ее изъ вещи. Но когда я вложилъ свою волю въ вещь, я одинъ имѣю право изъять ее изъ вещи, и вещь можетъ перейдти къ другому лицу и сдѣлаться его собственностію не иначе какъ съ моего согласія, равно какъ и съ согласія этого лица, — т. е. *по договору*.

b. Договоръ.

§ 493.

Когда обѣ воли внутренно согласны на счетъ какого нибудь договора, остается еще его *исполнить*. Но какъ скоро договоръ *заключенъ*, собственность уже перешла отъ одного лица къ другому. Договоръ *обязателенъ* самъ въ себѣ и его обязательность не зависитъ отъ его исполненія съ той или другой стороны; въ противномъ случаѣ должно было бы безконечно дѣлить вещь, трудъ или время. Данное обязательство скрѣпляетъ договоръ вполнѣ. Внутреннее рѣшеніе той воли, которая передаетъ собственность, и той, которая принимаетъ ее, происходитъ въ области субъективной мысли; въ этомъ отношеніи, *слово* есть уже *дѣйствіе* и такое дѣйствіе, которое не допускаетъ никакихъ возраженій (§ 462), потому что воля распоряжается здѣсь внѣшнею вещію и нѣтъ дѣла до ея нравственныхъ намѣреній, т. е. до того, искренна ли она, или расчитываетъ на обманъ.

§ 494.

При заключеніи договора, *сущность* его различается отъ его исполненія или осуществленія, какъ его слѣдствія. По этому, непосредственное свойство вещи или труда различается отъ той внутренней *цѣнности*, которую они имѣютъ, такъ что ихъ качественное опредѣленіе переходитъ въ количественное опредѣленіе. Вмѣстѣ съ этимъ получается возможность сравненія для разныхъ видовъ собственности, и вещи качественно разнородныя могутъ быть признаны равными по своему достоинству. Такимъ образомъ вещи поступаютъ въ общее обращеніе и являются *общіе представители* цѣнностей.

§ 495.

Такъ какъ договоръ заключается по произволу и касается случайныхъ вещей, то воля является здѣсь подъ видомъ случайной воли. Такая воля можетъ не сообразоваться съ правомъ и можетъ *нарушать* его. Но это нарушеніе права не отвергаетъ права въ самомъ себѣ, и вслѣдствіе этого является *отношеніе права къ нарушенному праву*.

с. Взстановленіе нарушеннаго права.

§ 496.

1) Право, какъ осуществленіе свободы во внѣшнихъ предметахъ, предполагаетъ отношеніе многихъ лицъ и ихъ воли къ одной и той же внѣшней вещи (§ 491, 493 и слѣдующ.). По этому многія лица могутъ изъявлять притязанія и представлять различныя *основанія права* на одну и туже вещь; но лицо исключаетъ всѣ прочія лица и его собственность должна принадлежать исключительно ему одному. Слѣдственно, только одна сторона можетъ быть *права* и должно существовать *право въ самомъ себѣ*, противоположное *призрачному* праву.

§ 497.

Сначала *право въ самомъ себѣ* заявляется, отыскивается и признается наравнѣ со всѣми прочими призрачными правами. Различіе этого права и этихъ мнимыхъ правъ состоитъ

только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ *данная* вещь подводится подъ право *особенною* волею *единичнаго* лица.— Здѣсь существуетъ наивное нарушеніе права, т. е. простое отрицательное сужденіе, и его выраженіемъ служитъ *гражданская тяжба*. Чтобы разрѣшить эту послѣднюю, необходимо сужденіе *третьяго* лица, которое, основываясь на правѣ въ самомъ себѣ, было бы совершенно безпристрастно и облечено властію, достаточною для того, чтобы возстановить право на мѣсто кажущагося права.

§ 498.

2) Когда частная воля сознательно предъявляетъ свое призрачное право и противопоставляетъ его праву въ себѣ, она становится *злонамѣренною*. Она дѣлаетъ различіе между *признаніемъ права* и его *достоинствомъ*, и заботится только о первомъ, не уважая послѣдняго. Такое нарушеніе права есть *обманъ*. Это отношеніе къ праву представляетъ безконечное тожественное сужденіе, въ которомъ остается только форма права, но отвергается его содержаніе (§ 173).

§ 499.

3) Наконецъ, если частная воля не уважаетъ и отрицаетъ какъ самое право, такъ и призракъ права, или его признаніе, она является какъ *насильственная* воля и совершаетъ *преступленіе*. Преступленіе образуетъ безконечное отрицательное сужденіе, въ которомъ отрицается самый родъ и его особенныя опредѣленія,—въ настоящемъ случаѣ призрачныя права (§ 173).

§ 500.

Такое нарушеніе права само обнаруживаетъ свою несостоятельность. Преступникъ, какъ лицо мыслящее и сознательное, признаетъ здѣсь отвлеченный законъ воли, обязательный только для него, и подчиняется этому послѣднему. То лицо, которое отрицаетъ законность такой воли и стремится возстановить нарушенное право, выражаетъ свое отрицаніе посредствомъ *мести*. Но самая месть есть только проявленіе индивидуальной и субъективной воли

и не имѣетъ другой цѣли, кромѣ удовлетворенія личнаго и частнаго интереса; по этому она есть новое нарушеніе права, которое вызываетъ противодѣйствіе и такъ далѣе *въ безконечность*. Этотъ прогрессъ прекращается въ третьемъ сужденіи, которое безпристрастно и возстановляетъ право, опредѣляя *наказаніе*.

§ 501.

Право истинно возстановляется α) когда частная воля— воля судьи—сообразуется съ правомъ и преслѣдуетъ преступника въ интересѣ права (тогда какъ месть была случайнымъ отрицаніемъ преступленія); и β) когда ея рѣшеніе облечено достаточною властію, чтобы возстановить право, нарушенное преступникомъ (тогда какъ средства мести могутъ быть недостаточны).

Отрицаніе права вытекаетъ изъ превратной воли преступника. По этому месть или наказаніе 1) обращаются къ лицу или собственности его и 2) бываютъ принуждены прибѣгать къ *насилію*. Въ сферѣ права, насиліе неизбѣжно; такъ оно проявляется уже тогда, когда лицо захватываетъ вещь и защищаетъ ее отъ захвата другими лицами. Это потому, что, въ этой области, воля осуществляется во внѣшнихъ вещахъ (въ природѣ, или въ собственномъ тѣлѣ), и ее можно принудить только черезъ посредство этихъ предметовъ. Это принужденіе всегда только *возможно*, потому что лицо можетъ изъять свою личность изъ всякой вещи и даже изъ всей ихъ совокупности,—изъ всей жизненной обстановки. Но употребленіе силы въ интересѣ права законно только тогда, когда оно служитъ къ обузданію предшествующаго, непосредственнаго насилія.

§ 502.

Такъ обнаружилось различіе между правомъ и индивидуальною волею, (или между всеобщею и частною волею). Личная воля осуществляетъ право непосредственно; ей противополагается другая субъективная воля, которая или стремится осуществить право, или отрицаетъ и нарушаетъ его. Но притязаніе этой послѣдней—стать выше права—

тщетно: субъективная воля сама истинна и дѣйствительна только тогда, когда она есть проявленіе разумной воли. Эта разумная воля есть *нравственность*.

Примѣч. Названіе *естественнаго* права, которое прежде давали философіи права, двусмысленно. Оно по видимому означаетъ, что право дано непосредственно отъ природы; но оно есть продуктъ саморазвивающагося духа. Прежде воображали, будто существовало *естественное состояніе*, въ которомъ господствовало первобытное и врожденное право, и думали, что соціальная и государственная жизнь ограничиваютъ естественную свободу человѣка, въ интересѣ общества. Но право вытекаетъ изъ свободной личности, изъ ея свободнаго самоопредѣленія, которое противоположно естественнымъ опредѣленіямъ. Естественное право есть право сильнаго, и естественное состояніе есть такое состояніе, въ которомъ господствуютъ насиліе и безправность;—объ немъ можно сказать только то, что изъ него *необходимо выйдти*. Право осуществляется только въ обществѣ, и въ общественномъ состояніи должно прежде всего заботиться объ ограниченіи и пожертвованіи произвола и насилія, характеризующихъ естественное состояніе.

В.

Нравственность.

§ 503.

Съ точки зрѣнія (непосредственнаго) права, свободно-недѣлимое есть только *лицо*; теперь оно является какъ *субъектъ*, т. е. какъ воля опредѣляющаяся въ самой себѣ. *Внутреннее* опредѣленіе воли можетъ здѣсь различаться отъ ея осуществленія во внѣшности. Такая воля есть только *особенная* воля; ея опредѣленія также различаются между собою какъ особенныя опредѣленія воли, и она можетъ дѣлать выборъ между ними. По своей идеѣ, эта воля есть воля разумная, правомѣрная и нравственная; но она обращается ко внѣшней дѣйствительности и приходитъ въ соотношеніе съ нею. Такая субъективная воля *нравственно* свободна, потому что она признаетъ, что опредѣленія всеобщей воли составляютъ *ея собственныя* опредѣленія, и она хочетъ только того, чего хочетъ разумная воля. Когда субъектъ дѣйствуетъ съ сознаніемъ этой своей нравственной свободы, его дѣйствіе есть *нравственное дѣйствіе*, и въ такомъ дѣйствіи субъекту принадлежитъ и можетъ быть вмѣняемо только то, чего онъ самъ хотѣлъ.

Примѣч. Въ смыслѣ европейской цивилизаціи, истинною свободою считается преимущественно эта *субъективная*, или эта *нравственная свобода*. Человѣкъ какъ существо нравственно свободное, долженъ умѣть различать добро отъ зла. Онъ долженъ уважать и исполнять нравственныя и религіозныя требованія не какъ предписанія и законы, исходящіе изъ внѣшняго авторитета; напротивъ, онъ долженъ одобрять, признавать и даже оправдывать ихъ своимъ сердцемъ, своимъ умомъ, совѣстью, знаніемъ и проч. Воля должна быть субъектомъ такова ея цѣль. *Нравственная* дѣятельность, по своему понятію, шире нравственно-*доброй* дѣятельности. Во французскомъ языкѣ понятіе: le moral противоположно понятію le physique, и означаетъ всю духовную и сознательную дѣятельность че-

ловѣка.—Мы назвали нравственною сферою ту сферу, въ которой опредѣленія воли остаются только *внутренними*; по этому она содержитъ въ себѣ умыселъ, намѣреніе и нравственное зло.

a. Умыселъ.

§ 504.

Всякое нравственное дѣйствіе должно осуществиться во внѣшности. Но волѣ субъекта противополагается самостоятельный міръ; внѣшнія обстоятельства могутъ измѣнить первоначальное рѣшеніе воли и произвести не тотъ результатъ, къ которому субъектъ стремился. По этому, хотя всякое измѣненіе, производимое дѣятельностію субъекта, есть его *дѣйствіе*, но онъ признаетъ *своимъ поступкомъ* только ту часть дѣйствія, которая была *предположена* въ его *мысли* и *волѣ*, т. е. произведена *съ умысломъ*.

b. Намѣреніе и личное благо.

§ 505.

1) Всякое дѣйствіе слагается изъ многихъ элементовъ и въ немъ можно различить много особенныхъ сторонъ и отношеній; съ точки зрѣнія формы, субъектъ отвѣчаетъ за *существенное* содержаніе своего рѣшенія, которое включаетъ въ себѣ всѣ эти частныя отношенія;—другими словами, онъ отвѣчаетъ за свое *намѣреніе*.—Говоря объ умыслѣ, мы обращаемъ вниманіе только на отношеніе поступка къ его результату; напротивъ, разсматривая намѣреніе, мы судимъ о самомъ содержаніи поступка и его цѣли.—2) Что касается до содержанія поступковъ, субъектъ имѣетъ право требовать, чтобы это содержаніе не было чуждо его интересамъ, чтобы оно удовлетворяло его потребностямъ, желаніямъ и цѣлямъ; всѣ эти потребности, въ ихъ совокупности, образуютъ одну цѣль—*личное благо* (сравн. § 479, гдѣ говорится о личномъ счастіи);—и такъ, субъектъ имѣетъ *право на личное благо*. Счастіе различается отъ личнаго блага

тѣмъ, что оно выражаетъ непосредственное состояніе довольства, безъ всякаго отношенія къ нравственности; тогда какъ личное благо выражаетъ соотвѣтствіе его съ требованіями этой послѣдней.

§ 506.

Но существенное содержаніе поступка есть вещь всегда неопредѣленная, между тѣмъ какъ всякій поступокъ слагается изъ многоразличныхъ элементовъ. По этому субъектъ можетъ смотрѣть на свой поступокъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и признавать существенною ту или другую его сторону; такимъ образомъ мнимое намѣреніе можетъ совершенно противорѣчить дѣйствительному поступку, (напримѣръ, субъектъ можетъ оправдывать добрымъ намѣреніемъ совершаемое имъ преступленіе).—Точно также, личное благо есть вещь очень отвлеченная, такъ какъ одинъ признаетъ за благо—одно, другой—другое; вообще оно случайно по своему содержанію и можетъ быть противоположно общему благу.

с. Добро и зло.

§ 507.

Всѣ эти частныя и формальныя блага находятъ свою истину въ идеѣ *общаго блага*, вытекающей изъ *всеобщей* или *разумной воли*. Общее благо должно быть закономъ и субстанціею всѣхъ опредѣленій воли, потому что оно есть *абсолютное добро* и слѣдствено *абсолютная цѣль міра*. Оно составляетъ *долгъ* каждаго, потому что каждый *обязанъ* имѣть понятіе о *добрѣ*, долженъ сообразоваться съ нимъ въ своихъ *намѣреніяхъ* и осуществлять его въ своей дѣятельности.

§ 508.

Общее благо или *добро* необходимо содержитъ всѣ частныя блага; но эти послѣднія вначалѣ не опредѣлены и нѣтъ принципа, на основаніи котораго можно было бы опредѣлить ихъ. Эти опредѣленія могутъ проистекать изъ внѣшнихъ точекъ зрѣнія, чуждыхъ общему благу, и могутъ приходить

въ совершенное противорѣчіе съ этимъ послѣднимъ, потому что субъектъ имѣетъ сознаніе о своей свободѣ и своей независимости. α) По причинѣ неопредѣленности всеобщаго блага, являются *разныя виды добра* и субъектъ принимаетъ на себя *разнообразныя обязанности*, которыя, по закону діалектики, приходятъ во взаимное столкновеніе. Хотя всѣ эти особенныя обязанности признаются абсолютными и независимыми, тѣмъ не менѣе субъектъ долженъ согласовать ихъ между собою, ибо благо едино. Чтобы примирить ихъ, онъ долженъ откинуть нѣкоторыя изъ нихъ и слѣдственно отвергнуть ихъ абсолютное значеніе.

§ 509.

β) Всякій частный субъектъ долженъ стремиться къ своему *частному благу*, дѣлать его своею цѣлію и признавать его своею обязанностію, (потому что его свобода осуществляется только въ ограниченной сферѣ его интересовъ). Но въ тоже время частное благо должно уступать свое мѣсто общему благу, или добру.

Вслѣдствіе независимости этихъ сторонъ, согласіе ихъ по необходимости случайно; однакожъ онѣ должны согласоваться, потому что субъектъ совмѣщаетъ въ себѣ единичность со всеобщностію.

γ) Но субъектъ въ его непосредственномъ существованіи не есть только нѣчто частное; онъ сознаетъ свою независимость, свою свободу. Онъ можетъ противополагать свою индивидуальную волю всеобщей и разумной волѣ и признавать эту послѣднюю частною и призрачною волею. Такимъ образомъ добро дѣлается случайнымъ опредѣленіемъ воли субъекта, и онъ получаетъ возможность избирать рѣшеніе, противоположное добру, т. е. *зло*.

§ 510.

δ) Когда воля сдѣлалась субъективною (§ 503), внутреннему опредѣленію воли противополагается *самостоятельный объективный міръ*.—Этотъ объективный міръ можетъ согласоваться и не согласоваться съ цѣлями субъекта, добро можетъ осуществляться и не осуществляться въ немъ, зло—

эта абсолютно ложная цѣль—можетъ находить и не находить въ немъ воздаяніе по своему достоинству; субъектъ можетъ достигать или не достигать въ немъ своего блага, добрый можетъ быть въ немъ несчастливъ и злой можетъ быть счастливъ.—Но въ тоже время этотъ міръ обязанъ способствовать осуществленію благихъ дѣйствій, долженъ удовлетворять частные интересы добраго, отказывать въ этомъ удовлетвореніи злому и пресѣкать зло.

§ 511.

Это всестороннее противорѣчіе, — это требованіе которое остается не исполненнымъ,—ведетъ къ анализу обязанностей, совершающемуся въ духѣ, въ совѣсти. Выборъ между противорѣчащими обязанностями предоставленъ на произволъ отвлеченной свободы духа, который можетъ признать и не признать всеобщую волю, добро, право и обязанность. Это чистое самосознаніе духа проявляется въ двухъ формахъ, легко переходящихъ одна въ другую,—въ *совѣсти* и въ *злѣ*.

Совѣсть признаетъ существованіе добра, но субъектъ въ своей единичности рѣшаетъ о его содержаніи, отвергая его объективное, всеобщее значеніе.

Зло является тогда, когда субъектъ, предоставившій себѣ право рѣшать вопросъ о благѣ, не остается въ колебательномъ состояніи, но рѣшается въ пользу частнаго интереса, противоположнаго благу.

§ 512.

Это отвлеченное проявленіе воли, отвергающей объективное значеніе добра—всеобщее благо, и признающей только его субъективное значеніе—свободу самосознанія, уничтожается само собою. Зло есть не что другое, какъ субъективная воля, которая противополагаетъ себя объективной, или всеобщей волѣ и считаетъ эту послѣднюю призрачною; поэтому оно совпадаетъ съ добрымъ намѣреніемъ субъекта, предоставляющаго себѣ право рѣшать вопросъ о содержаніи блага. То и другое одинаково призрачно; каждое изъ нихъ легко переходитъ въ другое и отрицаетъ себя. Истинный результатъ этихъ призрачныхъ опредѣленій, разсматривае-

мый съ его отрицательной стороны, есть абсолютное отрицаніе такой отвлеченной воли, противополагающей себя добру, и такого отвлеченнаго блага, противоположнаго общему благу. Съ положительной стороны, эти опредѣленія совпадаютъ со всеобщею волею, или со всеобщимъ благомъ. Такимъ образомъ субъективная воля дѣлается тожественна съ понятіемъ всеобщаго блага: она исполняетъ и развиваетъ его въ своей дѣятельности; вмѣстѣ съ этимъ она перестаетъ искать и произвольно опредѣлять свои обязанности, и возвышается въ сферу *гражданственности*.

С.

Гражданственность.

§ 513.

Гражданственность есть результатъ объективнаго духа,— единство и истина субъективнаго и объективнаго духа.

Односторонность послѣдняго состоитъ въ томъ, что свобода осуществляется частію—непосредственно во внѣшнемъ предметѣ или въ вещи, частію—въ отвлеченномъ понятіи блага. Односторонность субъективнаго духа состоитъ въ томъ, что здѣсь единичный субъектъ опредѣляется въ самомъ себѣ, противопоставляя свое отвлеченное опредѣленіе всеобщему разуму.

Когда обѣ эти стороны вышли изъ своей односторонности, тогда свобода субъекта совпадаетъ со всеобщею разумною волею; единичный субъектъ сознаетъ что его опредѣленія суть опредѣленія этаго всеобщаго разума, онъ осуществляетъ ихъ въ своей дѣятельности,—и результатъ этой дѣятельности есть непосредственная дѣйствительность всеобщаго разума, являющаяся подъ видомъ гражданственности, такъ что самосознательная свобода дѣлается привычкою, второю природою.

§ 514.

Субстанціальный духъ, который сознаетъ свою свободу, который долженъ существовать и въ тоже время дѣйствительно существуетъ (т. е. вѣчно воспроизводится),—является подъ видомъ того или другаго народа. Этотъ духъ дробится между *лицами*, и эти самостоятельныя лица не избѣгаютъ его власти и находятся въ зависимости отъ него. Но лицо какъ мыслящій субъектъ сознаетъ, что эта субстанція образуетъ его сущность, поэтому перестаетъ считать себя случайнымъ проявленіемъ этой субстанціи, признаетъ ее своею абсолютною цѣлію, созерцаетъ ее въ дѣйствительности какъ достигнутый идеалъ и въ тоже время стремится произвести ее своею дѣятельностію, хотя сознаетъ, что она уже существуетъ до него. Такимъ образомъ лицо не дѣлаетъ выбора

между своими обязанностями, но исполняетъ свой долгъ, сознавая, что оно должно осуществлять этотъ идеалъ, который уже существуетъ въ дѣйствительности; подчиняясь этой необходимости, оно ни мало не утрачиваетъ своей свободы.

§ 515.

Такъ какъ въ субстанціальномъ духѣ всеобщая свобода совпадаетъ съ единичною свободою, то каждый единичный субъектъ долженъ въ своей дѣятельности заботиться о себѣ (быть для себя), потому что успѣхъ его дѣятельности находится въ зависимости отъ существующаго цѣлаго и въ связи съ дѣятельностію другихъ лицъ;—но въ тоже время эта дѣятельность имѣетъ своимъ результатомъ общее дѣло.—Такимъ образомъ лицо сознаетъ, что его дѣятельность имѣетъ свой корень въ этой субстанціи, что всѣ его интересы тожественны съ интересами цѣлаго. Другія лица также сознаютъ это тожество своихъ общихъ интересовъ; поэтому ихъ жизнь и дѣятельность основывается на взаимномъ *довѣріи*, которое должно составлять истинное чувство гражданина.

§ 516.

Отношенія субъекта къ тѣмъ частнымъ сферамъ, на которыя обособляется субстанція, составляютъ его *гражданскія обязанности*, Когда лицо проникнуто этою субстанціальною жизнію,—оно *добродѣтельно*. Въ отношеніи лица ко внѣшней дѣйствительности и къ своей *судьбѣ*, добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться первою какъ положительнымъ *бытіемъ* и спокойно заниматься своимъ дѣломъ. По отношенію къ развитой субстанціи, или къ цѣлости гражданской жизни, она состоитъ въ томъ, чтобы имѣть взаимное довѣріе, чтобы дѣйствовать согласно общей пользѣ и быть способнымъ жертвовать ей собою. Въ отношеніи къ другимъ лицамъ, добродѣтель состоитъ во первыхъ въ справедливости и во вторыхъ въ добромъ расположеніи. Лицо должно подчинять свой характеръ, свой темпераментъ и проч. этимъ обязанностямъ къ самому себѣ и къ другимъ лицамъ.

§ 517.

Общественный духъ существуетъ:

Во 1-хъ какъ непосредственный или *естественный*,—какъ *семейство*.

Во 2-хъ онъ образуетъ рефлективную цѣлость взаимныхъ отношеній недѣлимыхъ или самостоятельныхъ лицъ, которыя составляютъ одну формальную всеобщность—именно *гражданское общество*.

Въ 3-хъ онъ представляетъ самосознательную субстанцію, или духъ, развитый въ организованную дѣйствительность;—это *государственное устройство*.

А. А.

Семейство.

§ 518.

Общественный духъ въ его непосредственномъ состояніи подчиненъ естественнымъ условіямъ. Каждое недѣлимое находитъ свою субстанцію въ своей естественной всеобщности, или въ своемъ *родѣ*. Но здѣсь отношеніе половъ дѣлается отношеніемъ духовнымъ, которое основывается на любви и на взаимномъ довѣріи,—потому что духъ, въ формѣ семейства, есть духъ *ощущающій*.

§ 519.

1) Лица различнаго пола различаются также въ умственномъ и общественномъ отношеніи. Эти двѣ личности соединяются въ *одно лицо*; онѣ связаны однимъ чувствомъ любви и потому ихъ союзъ есть союзъ нравственный,—или *бракъ*. Онѣ образуютъ одно цѣлое; поэтому бракъ есть неразрывный союзъ двухъ лицъ,—или *моногамическій* бракъ. Сожительство есть слѣдствіе заключенія нравственнаго союза. Другое слѣдствіе брака есть нераздѣльность личныхъ и частныхъ интересовъ.

§ 520.

2) Въ семействѣ какъ одномъ лицѣ всѣ члены связаны общими интересами; поэтому пользованіе семейною собственностію,—пріобрѣтеніе, трудъ и забота о будущемъ,—совершается на нравственномъ основаніи.

§ 521.

Мы сказали, что, по своей идеѣ, бракъ есть нравственный союзъ лицъ (§ 519); Это опредѣленіе осуществляется въ воспитаніи дѣтей. Воспитаніе, это второе—духовное рожденіе дѣтей, превращаетъ ихъ въ самостоятельныя лица.

§ 522.

3) Сдѣлавшись независимыми лицами, дѣти выходятъ изъ среды семейства, которому принадлежали; они начинаютъ существовать для себя и предназначены образовать другое такое-же дѣйствительное семейство. Такъ какъ бракъ есть союзъ естественный, то онъ необходимо распадается со смертію супруговъ; но и какъ союзъ нравственный, основанный на началѣ *чувства*, онъ подверженъ случайностямъ и измѣнчивости этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого, члены семейства становятся другъ къ другу въ отношеніе юридическихъ лицъ, и бракъ становится *юридическимъ* институтомъ, хотя юридическія отношенія первоначально чужды его идеѣ.

В. В.

Гражданское общество.

§ 523.

Субстанція какъ духъ распадается на множество *лицъ*, именно отдѣльныхъ лицъ, или семействъ, потому что каждое семейство есть одно лицо. Всѣ эти лица суть *особенныя* лица; они независимы и свободны; они сознаютъ и полагаютъ своею цѣлію свои частные интересы и не заботятся объ абсолютномъ единствѣ; такимъ образомъ гражданское об-

щество есть аггрегатъ самостоятельныхъ лицъ, или атомовъ. Субстанція есть общая, посредствующая связь самостоятельныхъ лицъ и ихъ частныхъ интересовъ; цѣлость этихъ взаимныхъ отношеній есть гражданское общество или внѣшнее государство.

a. Потребности общества.

§ 524.

α) Различныя лица имѣютъ различныя потребности. Эти потребности могутъ быть удовлетворены только въ обществѣ и изъ общаго *богатства*. Непосредственное завладѣніе внѣшними предметами, какъ средствами для удовлетворенія этихъ потребностей, вовсе или почти невозможно въ томъ состояніи, въ какомъ находится гражданское общество. Здѣсь всѣ вещи уже сдѣлались чьею либо собственностію. Пріобрѣтеніе ихъ совершается другимъ путемъ: съ одной стороны, лица ими владѣющія отчуждаютъ ихъ для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ нуждъ; а съ другой стороны они *своимъ трудомъ* постоянно производятъ новыя средства, предназначенныя для обмѣна. Этотъ общій трудъ всѣхъ лицъ, образующихъ гражданское общество, имѣетъ своимъ результатомъ общее народное богатство.

§ 525.

β) Общее благосостояніе достигается здѣсь такъ, что каждое лицо, заботясь объ удовлетвореніи общихъ потребностей, избираетъ одну какую либо часть ихъ и производитъ средства для ея удовлетворенія; такимъ образомъ какъ потребности, такъ и средства размножаются въ безконечность и разграничиваются болѣе и болѣе; отсюда происходитъ *роздѣлъ труда*. Лица различаются въ этомъ отношеніи по своимъ привычкамъ, свѣдѣніямъ, знанію, роду дѣятельности, и все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ различную степень такъ называемой (формальной) *образованности*.

§ 526.

Раздѣлъ труда, съ одной стороны пріучая къ работѣ извѣстнаго рода, облегчаетъ трудъ и умножаетъ производитель-

ность; съ другой стороны ограничивая знанія лица, ставитъ эго въ безусловную зависимость отъ общества. Самое знаніе становится механическимъ и вслѣдствіе этого трудъ человѣка замѣняется машиною.

§ 527.

γ) Отъ конкретнаго раздѣленія общаго труда и общаго богатства, распредѣляющагося между частными отдѣлами общества, которые соотвѣтствуютъ моментамъ понятія и имѣютъ различные источники своего благосостоянія, а вслѣдствіе того различный трудъ, различныя потребности и средства къ ихъ удовлетворенію, также различныя цѣли и интересы, и наконецъ неодинаковыя привычки и образованность,—зависитъ *различіе сословій*.—Лица раздѣляютъ между собою это богатство сообразно своимъ талантамъ, знанію; но произволъ и случайность играютъ при этомъ роль.—Вслѣдствіе этого каждое частное лицо необходимо принадлежитъ къ тому или другому сословію; его добродѣтель въ этомъ отношеніи есть *гражданская честность*, и награду этой послѣдней составляетъ *гражданская честь*.

Примѣч. Сословія необходимы во всякомъ гражданскомъ обществѣ и государствѣ. Государство есть живой организмъ и существуетъ только тогда, когда развились *частныя* сферы, входящія въ его составъ. Исторія государства должна слѣдить за развитіемъ этихъ сословій; она должна показать юридическія отношенія лицъ къ этимъ послѣднимъ, взаимныя отношенія сословій между собою и къ ихъ общему средоточію—государству.

§ 528.

Сословіе *крестьянское* есть *субстанціальное* или *натуральное*, сословіе; недвижимое имущество, *земля*, которую оно обработываетъ, служитъ источникомъ его благосостоянія; его дѣятельность опредѣляется и регулируется условіями природы,—и его добродѣтель есть довѣріе и вѣра.

Сословіе промышленное можетъ существовать только *въ соотношеніи* съ первымъ классомъ. Оно обработываетъ непосредственные продукты, составляющіе народное богатство,

преобразовываетъ и измѣняетъ ихъ согласно случайнымъ потребностямъ. Источникомъ его благосостоянія служитъ личное умѣнье, талантъ, умъ и прилежаніе.

Наконецъ 3-ье *мыслящее* сословіе имѣетъ своимъ предметомъ общіе интересы. Его благосостояніе зависитъ, подобно второму сословію, отъ личнаго знанія; но какъ въ первомъ сословіи, оно обезпечено, и при томъ цѣлымъ обществомъ.

b. Отправленіе правосудія.

§ 529.

Связью гражданскаго общества, члены и классы котораго неравны между собою, вслѣдствіе внѣшнихъ случайностей, потребностей природы и произвола, отчего ихъ интересы приходятъ въ столкновеніе,—служитъ отвлеченное, *формальное право*.

1) При такомъ состояніи гражданскаго общества, право должно возвышаться надъ волею единичнаго лица какъ всеобщее, всѣми знаемое и уважаемое опредѣленіе,—какъ *законъ*.

Примѣч. Законъ долженъ быть *положительнымъ* по своей формѣ, т. е. онъ долженъ быть всѣми *знаемъ* и *уважаемъ*, и никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона, потому что всякому дана возможность знать его. Но онъ можетъ быть разуменъ и неразуменъ, или несправедливъ по своему содержанію. Что касается до этого послѣдняго, законодательство старается выяснить и установить его въ подробностяхъ; но, по самому свойству дѣла, эти опредѣленія, относящіяся къ конечной сферѣ человѣческой дѣятельности, могутъ быть разнообразны до безконечности. *Окончательное* постановленіе, безъ котораго нельзя обойтись и которое полагаетъ предѣлъ колебанію закона, необходимо сопряжено съ случайностію и произволомъ. Изъ самаго понятія наказанія нельзя вывести, слѣдуетъ ли назначить срокъ заключенія въ три года, или только въ $2^1/_2$, $2^3/_4$, $2^4/_5$ и т. д.; опредѣлить штрафъ въ 10 талеровъ, или менѣе и проч. При всемъ томъ, это окончательное рѣшеніе стоитъ выше колебательной неопредѣлен-

ности. Такимъ образомъ къ праву необходимо примѣшивается положительный, или случайный и произвольный элементъ,— впрочемъ касающійся только до его *внѣшняго приложенія*. Этотъ элементъ неизбѣженъ и являлся во всякомъ законодательствѣ. Мы напоминаемъ объ этомъ чтобы показать какъ неосновательны толки о томъ, будто законы могутъ или должны быть опредѣляемы *во всѣхъ* своихъ подробностяхъ на разумныхъ или юридическихъ началахъ. Въ сферѣ конечной дѣятельности невозможно ожидать и требовать такого мнимаго *совершенства*.

На этомъ основаніи, однакожъ, нѣкоторые утверждаютъ, что *законы* составляютъ зло и неправду; что въ доброе старое время правленіе было божественнымъ или естественнымъ правомъ и совершалось въ духѣ любви, на которую подданные отвѣчали довѣренностію и преданностію; что господство законовъ обнаруживаетъ испорченное и безправное состояніе общества.— Эти люди забываютъ, что свѣтила также какъ и животныя управляются законами и хорошо управляются. Но эти законы властвуютъ въ нихъ, не будучи ими сознаваемы; напротивъ человѣкъ долженъ сознавать законы, имъ управляющіе, и можетъ повиноваться только такому сознанному закону. Самый законъ справедливъ только тогда, когда онъ сознанъ, иначе его существенное содержаніе будетъ случайно и произвольно, или по крайней мѣрѣ оно будетъ въ значительной долѣ искажено и извращено этимъ элементомъ.

Требуя такого пустаго, мечтательнаго совершенства, нѣкоторые утверждаютъ наоборотъ, что законодательство есть дѣло невозможное и неисполнимое. Но при этомъ смѣшиваютъ существенныя всеобщія опредѣленія права съ его частностями и подробностями. Всякій конечный матеріалъ можетъ быть опредѣляемъ безконечно разнообразнымъ способомъ. Въ природѣ, всѣ фигуры, которыя могутъ быть начертаны въ пространствѣ, необходимо имѣютъ одни и тѣ же качества; напротивъ въ сферѣ права, анализирующій разсудокъ, опредѣляя бо́льшія подробности, постоянно находитъ новыя основанія, служащія для новыхъ рѣшеній. Хотя рѣшенія этого рода называютъ *новыми постановленіями* и *новыми законами*,—тѣмъ не менѣе ихъ *важность* и ихъ *значеніе* уменьшаются по мѣрѣ удаленія отъ главной цѣли.

Они входятъ въ область уже существующихъ всеобщихъ и субъ-станціальныхъ законовъ. Такъ поправки пола, дверей и т. п. происходятъ внутри дома и до нѣкоторой степени *новы*; но сами по себѣ онѣ не составляютъ новаго дома. Всякое законодательство начинается съ опредѣленія *отдѣльныхъ* случаевъ, которые умножаются все болѣе и болѣе. Съ теченіемъ времени является, напротивъ того, потребность въ возможно *простомъ* кодексѣ, въ которомъ эти разнообразные случаи были бы подведены подъ *общія* правила. Народъ, достигшій извѣстной степени образованія и развитія, долженъ умѣть найдти и высказать эти правила.

Въ Англіи недавно начато это подведеніе случайныхъ постановленій подъ общія формы, дѣйствительно заслуживающія названіе законовъ; и въ этомъ отношеніи министръ *Пиль* справедливо заслужилъ благодарность и даже удивленіе своихъ соотечественниковъ.

§ 530.

2) Законы должны быть *издаваемы* и *обнародуемы* какъ законы положительные, т. е. они должны быть *внѣшне-обязательны*, потому что эти строгія опредѣленія права касаются не нравственной, а отвлеченной (или внѣшней) воли лица. Въ этомъ отношеніи лицо имѣетъ одно право–знать законъ. Знаемый законъ есть въ тоже время всеобщій, или *объективный* законъ, который необходимо исполнять безпрекословно.

Законы, касающіеся собственности и имущественныхъ сдѣлокъ, должны быть *гарантированы* извѣстными *формальностями*, для того чтобы они были приведены въ извѣстность, были признаны и сдѣлались обязательными.

§ 531.

3) Объективное право, или законъ, необходимо должно осуществляться; это достигается *отправленіемъ правосудія*. Право въ самомъ себѣ должно быть *доказано* передъ *судомъ*. т. е. передъ представителями закона. Спорящія стороны могутъ при этомъ предъявлять мнимыя права, которыя могутъ

быть доказаны, хотя они противорѣчатъ праву самому въ себѣ. Но судъ разбираетъ дѣло и дѣйствуетъ въ интересѣ права, онъ возстановляетъ нарушенное право и предотвращаетъ месть какъ возмездіе за такое нарушеніе, опредѣляя *наказаніе* (§ 500).

Примѣч. Признавая необходимость *суда присяжныхъ*, должно еще рѣшить—достаточно-ли судьямъ ограничиваться однѣми уликами и показаніями свидѣтелей,—или имъ необходимо собственное признаніе подсудимаго, чтобы составить себѣ убѣжденіе о фактической сторонѣ поступка. Въ сущности, убѣжденіе судей должно основываться на обоихъ этихъ моментахъ. Въ судебной практикѣ, сужденіе о фактической сторонѣ поступка и приложеніе къ нему закона должны быть строго отдѣляемы одно отъ другаго и возложены на разныхъ лицъ. Обыкновенно требуютъ, чтобы коллегія присяжныхъ состояла изъ лицъ, не принадлежащихъ по своей профессіи къ должностнымъ судьямъ. Но это раздѣленіе основано на внѣшнихъ соображеніяхъ и не вытекаетъ изъ существа предмета. Главное дѣло въ томъ, чтобы эти должности исполнялись различными лицами (*).

Важнѣе вопросъ о томъ, необходимо ли собственное признаніе подсудимаго, обвиняемаго въ совершеніи преступленія, для произнесенія приговора, изрекающаго наказаніе. При интститутѣ присяжныхъ это условіе не требуется. Въ настоящемъ случаѣ достовѣрность и *истина* нераздѣльны. Собственное признаніе даетъ высшую степень *удостовѣренія*, которое по своей натурѣ есть дѣло чисто личное. Поэтому собственное признаніе необходимо. Обвиненный имѣетъ полное право требовать, чтобы такое признаніе было признано окончательнымъ доказательствомъ, убѣждающимъ судей.

Само по себѣ это условіе неполно. Но другое условіе—доказательство, основанное на уликахъ и свидѣтельствахъ—еще недостаточнѣе, а присяжные суть тѣ же судьи, произносящіе приговоръ. Когда присяжные ограничиваются одними объектив-

---

(*) Практика показала, что отъ присяжныхъ главнымъ образомъ требуется независимость и здравая непосредственность сужденія, чуткая къ особенностямъ каждаго даннаго случая. Уже по тому одному срочнымъ выборнымъ судьямъ она отдаетъ предпочтеніе передъ постоянными должностными судьями. *Перев.*

ными доказательствами и произносятъ приговоръ на основаніи своего личнаго, такъ называемаго моральнаго убѣжденія, тогда происходитъ такое смѣшеніе объективныхъ доказательствъ и субъективнаго мнѣнія, которое принадлежитъ варварскимъ временамъ.

Легко признать нелѣпыми *чрезвычайныя* (экстраординарныя) наказанія. Но въ этомъ случаѣ названіе даетъ ложное понятіе о дѣлѣ. Эти наказанія присуждаются смотря по тому, присоединяется ли къ объективнымъ доказательствамъ собственное признаніе—это послѣднее условіе достовѣрности—или нѣтъ (*).

§ 532.

Отправленіе правосудія имѣетъ своею цѣлію охранять отвлеченную свободу лица въ гражданскомъ обществѣ, или его неприкосновенность. Но оно находится въ зависимости отъ личности судьи, потому что судья можетъ уклоняться отъ требованій правды. И съ другой стороны, пока отношенія между лицами въ гражданскомъ обществѣ проистекаютъ изъ ихъ разнообразныхъ потребностей, они не управляются сознаніемъ общихъ интересовъ, или общаго блага.

§ 533

с. Полиція и корпораціи.

Отправленіе правосудія не предусматриваетъ частныхъ интересовъ и дѣйствій лицъ, оно не предупреждаетъ преступленій и не заботится о народномъ благосостояніи. Но гражданское общество имѣетъ цѣлію удовлетвореніе потребностей человѣка и при томъ прочное, обезпеченное или *гаранти-*

(*) Здѣсь въ сужденіи автора господствуетъ странное противорѣчіе: онъ требуетъ собственнаго признанія подсудимаго какъ необходимаго условія достовѣрности, и въ тоже время допускаетъ присужденіе наказанія какъ будто по одному подозрѣнію. Коллегія присяжныхъ имѣетъ безспорное право, произносить свое рѣшеніе на основаніи однихъ объективныхъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что возможная въ этомъ случаѣ ошибка поправима, когда наказаніе соотвѣтствуетъ своей цѣли и не основано на началѣ мести, доселѣ лежащей въ основаніи многихъ наказаній.—*Перев.*

рованное удовлетвореніе ихъ. Въ механизмѣ гражданскаго общества это удовлетвореніе подвержено многимъ случайностямъ, вслѣдствіе того что самыя потребности преходящи и зависятъ отъ моды и прихоти, а также вслѣдствіе мѣстныхъ условій, международныхъ сношеній, вслѣдствіе ошибокъ и заблужденій, которыя могутъ вкрасться въ разныя части всей машины, и въ особенности вслѣдствіе возможности каждому лицу увеличивать свое имущество на счетъ общаго богатства. Ходу цѣлой машины приносятся въ жертву частныя лица, которыя его поддерживаютъ; потому что онъ не имѣетъ своею цѣлію обезпечивать благосостояніе отдѣльнаго лица, и можетъ одинаковымъ образомъ способствовать ему и нарушать его,—между тѣмъ какъ эта цѣль законна въ нравственномъ отношеніи.

§ 534.

Общественная власть должна сознавать эту существенную цѣль общества, должна знать образъ дѣйствія силъ и измѣнчивыхъ элементовъ, входящихъ въ многосложную жизнь общества, и должна заботиться объ этой цѣли. По отношенію къ многосложной жизни общества эта власть есть *внѣшняя* всеобщая власть; она сама имѣетъ свой корень или свою субстанцію въ высшемъ порядкѣ, въ государствѣ. Поэтому она есть государственная полиція.

Съ другой стороны въ гражданскомъ обществѣ забота объ общемъ благѣ ограничивается частными цѣлями и интересами. Отсюда возникаютъ *корпораціи*; съ одной стороны гражданинъ какъ частный человѣкъ находитъ въ нихъ обезпеченіе своего имущества; съ другой стороны онъ заботится не объ однихъ своихъ личныхъ интересахъ, но дѣйствуетъ на общую пользу и несетъ юридическія обязанности, свойственныя его сословію.

C. C.

Государство.

§ 535.

Государство есть народный духъ, достигшій до *самосознанія*. Оно совмѣщаетъ въ себѣ принципы, на которыхъ

основано семейство и гражданское общество. Сущность его составляетъ народное единство, подобно тому какъ единство семейства основывалось на началѣ любви: но въ то же время мыслящая и самодѣятельная воля сословныхъ представителей даетъ этому единству форму *сознательной всеобщей воли*,— съ опредѣленіями которой должна сообразоваться воля каждаго отдѣльнаго субъекта, сознающаго ихъ разумность.

§ 536.

Государство α) развивается и организуется въ самомъ себѣ;—отсюда происходитъ *внутреннее государственное право* или конституція. β) Оно есть особенное недѣлимое и приходитъ въ соотношеніе съ другими особенными недѣлимыми,—*внѣшнее государственное право*. γ) Но всѣ эти особенные индивидуумы образуютъ только моменты въ развитіи всеобщей идеи духа въ его дѣйствительности, т. е. моменты—*всемірной исторіи*.

а. Внутреннее государственное право.

§ 537.

Сущность государства образуетъ всеобщая разумная воля; но эта воля сознательная, дѣятельная и потому она сосредоточивается въ одномъ субъектѣ, въ одномъ индивидуумѣ. Дѣятельность государства по отношенію къ крайнему термину, къ единичности или къ совокупности недѣлимыхъ, проявляется двоякимъ образомъ. Вопервыхъ одно должно обезпечивать свободу ихъ личности и съ этою цѣлію осуществлять въ дѣйствительности право, способствовать ихъ благосостоянію, къ которому каждое лицо стремится, но котораго оно не можетъ достигнуть безъ содѣйствія общества,—оно должно ограждать семейство и руководить гражданское общество.

Во вторыхъ оно должно уравновѣшивать направленіе и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, которыя стремятся сдѣлаться самостоятельными центрами, и съ этою цѣлію оно должно

своею властію ограничивать подчиненныя ему сферы, семейство и гражданское общество и сдерживать ихъ въ своемъ субстанціальномъ единствѣ.

§ 538.

Законы выражаютъ содержаніе или опредѣленія объективной свободы. Вопервыхъ они служатъ ограниченіемъ для непосредственнаго субъекта, съ его независимымъ произволомъ и частными интересами. Но во вторыхъ они образуютъ абсолютную конечную цѣль и являются какъ результатъ общаго дѣла,—какъ результатъ дѣятельности различныхъ сословій, выдѣляющихся изъ частныхъ элементовъ государства, равно какъ результатъ практики и частной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Наконецъ, въ третьихъ, они служатъ субстанціею и проявленіемъ свободной воли этихъ лицъ и сословій, и слѣдственно представляютъ обязательныя нравственныя правила.

§ 539.

Государство, этотъ живой духъ, представляетъ цѣлый организмъ: въ немъ можно различить частныя отправленія, которыя поисходятъ изъ единаго понятія разумной воли, хотя и не сознаются какъ такія, и которыя постоянно производятъ это понятіе какъ свой результатъ. Совокупность этихъ членовъ *государственной власти* образуетъ *конституцію*. Она опредѣляетъ тѣ способы, какимъ образомъ *найдти* и сознать законы, вытекающіе изъ разумной воли, но дремлющіе въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ, и во вторыхъ тѣ способы, которыми правительство и его особенные органы могутъ осуществлять эти законы въ дѣйствительности, сохранить и оградить ихъ отъ произвола.

Примѣч. Часто утверждаютъ, что главнымъ назначеніемъ конституціи, ея окончательною цѣлію и результатомъ должны быть *свобода* и *равенство*. Это справедливо. Но нельзя не сказать, что эти опредѣленія очень отвлеченны; и вслѣдствіе ихъ отвлеченности, тѣ, которые провозглашаютъ эти начала,

отрицаютъ или разрушаютъ конкретную организацію государства, т. е. конституцію и правительство. Государство влечетъ за собою неравенство, различіе правительственныхъ властей и подданныхъ высшихъ, совѣщательныхъ, исполнительныхъ учрежденій и проч. Тѣ, которые послѣдовательно проводятъ принципъ равенства, отвергаютъ всѣ эти различія и тѣмъ уничтожаютъ всѣ возможныя формы государства.

Эти опредѣленія конечно составляютъ основныя начала государства; но ихъ часто разумѣютъ въ самомъ отвлеченномъ и поверхностномъ смыслѣ; поэтому ихъ должно разсмотрѣть здѣсь подробнѣе.

Во-первыхъ, что касается *равенства*, обыкновенно говорятъ, что всѣ люди равны отъ природы. Но это мнѣніе основано на недоразумѣніи, потому что здѣсь смѣшиваютъ естественное состояніе человѣка съ сознательнымъ понятіемъ свободы. Отъ природы люди напротивъ неравны. Понятіе свободы въ его первоначальномъ и неопредѣленномъ видѣ состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ есть субъектъ или *лицо*, которое можетъ владѣть собственностію (§ 488); единственно на этомъ отвлеченномъ началѣ личности основывается дѣйствительное равенство людей. Но это равенство, по которому всѣ люди (а не нѣкоторые люди, какъ это было въ Греціи и Римѣ) признаются закономъ какъ лица, не существуетъ отъ природы; оно является только тогда, когда люди сознаютъ истинную сущность человѣческаго духа и когда это сознаніе распространяется въ народныхъ массахъ.

Справедливо, что всѣ граждане должны быть равны передъ закономъ. Но это выраженіе заключаетъ въ себѣ таутологію, потому что оно высказываетъ только то, что въ благоустроенномъ государствѣ должны властвовать законы. Что касается частностей, то, кромѣ признанія личности, граждане могутъ быть равны передъ закономъ только въ томъ, въ чемъ они равны внѣ закона. Тѣ граждане, которые случайно, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, равны по своему богатству, лѣтамъ, физической силѣ, талантамъ, знаніямъ и проч. должны имѣть равенство передъ закономъ по отношенію къ налогамъ, къ обязанности нести военную службу, къ дозво-

ленію вступать въ государственныя должности и проч., а также къ наказаніямъ и т. д. Законы не относящіеся къ тѣсному кругу человѣческой личности, предполагаютъ случайное неравенство людей и опредѣляютъ вытекающія изъ него неравныя юридическія права и обязанности.

Что касается *свободы*, ее разумѣютъ или въ отрицательномъ смыслѣ, какъ огражденіе отъ чужаго произвола и противозаконнаго насилія; или въ положительномъ смыслѣ, какъ субъективную свободу. Но свободѣ этого рода предоставляютъ слишкомъ широкія границы: къ ней относятъ полный просторъ для произвола и частной дѣятельности лицъ, преслѣдующихъ свои личные интересы, и участіе мыслію и дѣломъ въ общественныхъ дѣлахъ. Въ прежнее время частныя и публичныя права какого нибудь народа или города, опредѣленныя закономъ, называли «свободными правами, или вольностями». Въ самомъ дѣлѣ всякій истинный законъ есть начало свободы, потому что онъ выражаетъ разумное опредѣленіе объективнаго духа и слѣдственно содержаніе свободной воли. Въ настоящее время распространилось мнѣніе, что въ государствѣ каждое лицо принуждено ограничивать свою свободу въ интересѣ свободы другихъ лицъ, что государство требуетъ такого взаимнаго ограниченія, и что законы стѣснительны для отдѣльныхъ лицъ. При такомъ воззрѣніи подъ свободою разумѣютъ случайный произволъ и прихоть.

Говорятъ также, что новые народы исключительно, или по крайней мѣрѣ болѣе способны къ равенству, чѣмъ къ *свободѣ*, потому что доселѣ не удалось осуществить въ дѣйствительности главное начало свободы—участіе всѣхъ гражданъ въ дѣлахъ государства; но это потому, что дѣйствительность разумнѣе и могущественнѣе всякихъ отвлеченныхъ, заранѣе составленныхъ идеаловъ.

На самомъ дѣлѣ, хотя высокая степень образованія и развитія новыхъ государствъ ведетъ къ крайнему неравенству индивидуумовъ, за то бо́льшая разумность законовъ и упроченіе законнаго порядка не только допускаютъ, но осуществляютъ и обезпечиваютъ тѣмъ бо́льшую свободу.—Обыкновенно, какъ это видно изъ самаго значенія этого слова, равенство противополагаютъ неравенству; что же касается до свободы, то ее

смѣшиваютъ съ равенствомъ. Но чѣмъ болѣе упрочена внѣшняя свобода лица, именно чѣмъ болѣе его собственность неприкосновенна, чѣмъ безпрепятственнѣе оно можетъ развивать свои таланты и добрыя качества и пользоваться ими, тѣмъ болѣе лицо постигаетъ самую сущность свободы; оно начинаетъ сознавать и цѣнить ея субъективную сторону. Эта субъективная свобода состоитъ въ томъ, что лицо можетъ избирать любое занятіе, можетъ по желанію посвящать свою дѣятельность какъ частнымъ, такъ и общимъ духовнымъ интересамъ; точно также оно пользуется полною внутреннею свободою во всемъ, что касается до его частнаго образа мыслей, до его принциповъ, мнѣній, убѣжденій, и слѣдственно нравственною независимостію. Такимъ образомъ эта свобода развиваетъ тѣ частныя стороны, въ которыхъ люди неравны между собою отъ природы, и въ которыхъ они становятся еще болѣе различны вслѣдствіе своего духовнаго развитія; но съ другой стороны она предполагаетъ существованіе объективной свободы или закона, и она могла достигнуть такой высоты только въ новыхъ государствахъ. Если съ этимъ развитіемъ частныхъ сторонъ личности увеличивается количество потребностей и трудность удовлетворять имъ, также резонерство и недовольство существующимъ порядкомъ, то это зависитъ отъ того, что лицо не можетъ пожертвовать своею исключительностію и возвыситься къ сознанію объективной свободы закона; съ своей точки зрѣнія оно создаетъ себѣ самыя запутанныя положенія и не можетъ разрѣшить ихъ. Конечно, оно не можетъ въ этомъ случаѣ смотрѣть на законъ иначе какъ на стѣсненіе своей свободы, потому что его свобода еще равносильна естественнымъ побужденіямъ и произволу, и слѣдственно оно должно ограничивать себя, какъ того требуютъ естественныя влеченія и произволъ другихъ лицъ, и преимущественно разумная свобода закона.

Наконецъ, что касается такъ называемой политической свободы, то подъ этимъ именемъ разумѣютъ участіе въ публичныхъ государственныхъ дѣлахъ воли и дѣятельности такихъ лицъ, главное занятіе которыхъ составляютъ частныя цѣли и дѣла въ гражданскомъ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія называютъ конституціонными тѣ государственныя учрежденія, которыя опредѣляютъ это участіе всѣхъ лицъ въ государственныхъ

дѣлахъ; а государство, которое не имѣетъ такихъ учрежденій, называютъ государствомъ безъ конституціи. Но подъ конституціею слѣдуетъ разумѣть самые законы, или права и учрежденія, посредствомъ которыхъ они осуществляются; во всякомъ случаѣ политическая свобода составляетъ только часть конституціи; мы будемъ говорить о ней въ слѣдующихъ §§.

§ 540.

Гарантія всякой конституціи, т. е. ручательство въ томъ, чтобы законы были разумны и исполненіе ихъ было обезпечено, лежитъ въ духѣ всего народа, т. е. въ той опредѣленной формѣ, подъ которою онъ сознаетъ свою разумность (религія есть сознаніе того же абсолютнаго, всемогущаго разума),—и въ той *дѣйствительной организаціи*, которая соотвѣтствуетъ этому началу и осуществляетъ его. Конституція предполагаетъ это народное сознаніе, какъ это послѣднее въ свою очередь предполагаетъ конституцію, потому что духъ народа имѣетъ опредѣленное сознаніе о началахъ его одушевляющихъ только тогда, когда видитъ ихъ осуществленными въ дѣйствительности.

Примѣч. Спрашивать—кому, или какому и какъ организованному авторитету должна принадлежать власть создать конституцію, это все равно что спросить—кому должно принадлежать право создать духъ народа. Тѣ, которые раздѣляютъ конституцію и народъ, какъ будто народъ можетъ существовать, не имѣя конституціи соотвѣтствующей его духу, доказываютъ поверхностное понятіе о связи духа и его самосознанія съ его дѣйствительностію. Эти элементы нераздѣльны, и потому исторія не представляетъ примѣра, чтобы кто нибудь создалъ конституцію; также какъ никто не создавалъ кодекса законовъ. Всѣ конституціи развивались наравнѣ съ развитіемъ народнаго духа, изъ котораго онѣ произошли; онѣ прошли разныя ступени и подвергались видоизмѣненіямъ сообразно его понятію. Всѣ конституціи создавались и создаются самымъ духомъ народа и исторіею, и исторія есть не что другое какъ исторія развитія этого духа.

§ 541.

Живая цѣлость, поддерживающая, т. е. постоянно воспроизводящая государство и его конституцію, есть *правительство*. Въ государствѣ естественнымъ образомъ возникаютъ семейство и различные классы гражданскаго общества. Правительство есть всеобщая часть государственнаго устройства, т. е. та часть, которая имѣетъ своею прямою цѣлію охраненіе семейства и гражданскаго общества, но въ тоже время заботится объ общихъ цѣляхъ всего организма, выходящихъ изъ сферы дѣятельности семейства и гражданскаго общества. Правительство также организуется или различается на различныя власти; ихъ отличительныя черты опредѣляются самимъ понятіемъ, но въ тоже время онѣ проникаютъ другъ друга и сливаются въ его единствѣ.

Приб. Извѣстно, что самыя общія категоріи понятія, это— всеобщность и единичность, и что единичность подходитъ подъ всеобщность. Вотъ почему, различая въ государствѣ *законодательную и исполнительную* власти, требовали, чтобы первая была первенствующею въ государствѣ и существовала самостоятельно, и чтобы послѣдняя подраздѣлялась кромѣ того на *правительственную* или административную власть и на *судебную* власть, смотря по тому прилагаются ли законы къ общимъ или къ частнымъ дѣламъ. Говорили, что эти власти необходимо должны быть *раздѣлены и независимы* одна отъ другой (т. е. ввѣрены различнымъ лицамъ), но такъ чтобы власти, ввѣренныя одному лицу, подчинялись общей власти. Эти требованія соотвѣтствуютъ, правда, элементамъ понятія; но разсудокъ связываетъ ихъ неразумнымъ образомъ, такъ какъ они должны образовать моменты единаго живаго духа. Истинная и дѣйствительная свобода требуетъ, чтобы общія дѣла и интересы государства, которые существенно различны, были ввѣрены раздѣльнымъ учрежденіямъ, потому что свобода истинна только тогда, когда она развита въ самостоятельныя различія. Но не должно требовать, чтобы законодательство было предоставлено независимой и первенствующей власти,—(даже если бы, какъ нерѣдко думаютъ, конституція и основные законы могли быть

созданы въ то время, когда уже существуютъ опредѣленныя и различныя учрежденія),—чтобы въ этой власти участвовали всѣ граждане, и чтобы правительственная власть зависѣла отъ нея и была только исполнительною властію. Это значило бы не знать того, что истинная идея или живая и духовная дѣйствительность есть движущееся, сосредоточивающееся въ самомъ себѣ понятіе, или единый субъектъ, который содержитъ въ себѣ всеобщность какъ одинъ изъ своихъ моментовъ. Индивидуальность—вотъ первое и высшее опредѣленіе въ организмѣ государства, и оно проникаетъ во всѣ прочія опредѣленія. Государство едино только тогда, когда правительственная власть подчиняетъ себѣ и вмѣщаетъ въ себѣ всѣ частныя отправленія, (къ которымъ принадлежитъ и законодательство, образующее только отвлеченный моментъ въ организмѣ государства). И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, существенна и истинна одна разумная, логическая связь между моментами понятія, и разсудокъ ошибается, когда онъ подводитъ единичное и частное подъ всеобщее. То воззрѣніе, которое разрушаетъ организацію логическаго, разумнаго понятія, дѣйствуетъ разрушительно и въ дѣйствительности.

§ 542.

Правительство образуетъ органическую цѣльность и въ немъ можно различить три момента, соотвѣтствующіе моментамъ понятія.

а) Моменту *субъективности*, или единству понятія, которое тожественно съ собою на ступеняхъ своего развитія, соотвѣтствуетъ та воля, которая стоитъ на вершинѣ государства, которая обнимаетъ въ себѣ всѣ его учрежденія, или то единство, которое проникаетъ во всѣ эти учрежденія; это правительственная власть *государя*. Въ совершенной формѣ государства, въ которой всѣ моменты понятія достигли до свободнаго существованія, этотъ субъектъ есть не *нравственное* лицо и не рѣшеніе *большинства*,—потому что въ этихъ формахъ единство рѣшающей воли не имѣетъ *дѣйствительнаго* существованія;—но дѣйствительный индивидуумъ, воля одного лица, отъ котораго исходятъ всѣ рѣшенія;

по этому самая совершенная форма государства есть *монархія*. Монархическое устройство вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ разума; всѣ другія формы государства стоятъ на низшей ступени развитія и осуществляютъ эти требованія въ менѣе совершенной формѣ.

Примѣч. Въ патріархальномъ состояніи и въ демократическомъ устройствѣ, гдѣ весь народъ участвуетъ въ дѣлахъ государства, всѣ частныя власти соединены въ одну еще не обособившуюся власть. Это соединеніе противорѣчитъ тому принципу, по которому власти должны быть раздѣлены, т. е. всѣ моменты идеи должны быть развиты и должны существовать свободно. Но когда власти раздѣлились, когда моменты идеи развились въ конкретныя цѣлости, онѣ должны сдерживаться въ идеальномъ единствѣ, въ одномъ субъектѣ, и полное различіе моментовъ, осуществляющихъ идею, требуетъ, чтобы этотъ субъектъ былъ дѣйствительнымъ моментомъ, чтобы онъ существовалъ въ дѣйствительности какъ одинъ субъектъ, отъ лица котораго исходили бы окончательныя рѣшенія, словомъ какъ монархъ. Всѣ теоріи, которыя требуютъ, чтобы рѣшенія и воля въ государствѣ были общими, чтобы всѣ отдѣльныя лица подавали свой голосъ и чтобы дѣла рѣшались по большинству голосовъ (въ аристократической или демократической формѣ правленія), всѣ эти теоріи отвлеченны и потому непрактичны. Въ нашей теоріи мы показали, что субъективный моментъ понятія необходимъ въ государствѣ, и что этотъ моментъ долженъ существовать въ дѣйствительной формѣ. Этотъ моментъ сотавляетъ необходимую принадлежность разумнаго понятія.

Отъ субъекта должны исходить всѣ рѣшенія. По этому имя монарха должно служить внѣшнею связью и должно освящать собою все, что совершается въ сферѣ правленія. Съ другой стороны, этотъ субъектъ существуетъ въ непосредственномъ, или естественномъ видѣ; по этому онъ получаетъ и передаетъ свою власть по праву наслѣдства.

§ 543.

b) Второй моментъ въ государствѣ образуютъ *частныя* правительственныя власти. Государственное управленіе должно дѣлиться на свои опредѣленныя вѣтви, каковы закон

дательная власть, судебная власть или отправленіе правосудія, полицейская власть; слѣдственно оно должно быть распредѣлено между особенными правительственными мѣстами, которыя должны руководствоваться законами, и съ этою цѣлью должны обладать извѣстною независимостію въ своей дѣятельности и въ тоже время подчиняться высшему надзору. Лица, которыя участвують въ государственномъ управленіи, образуютъ особое общее сословіе (§ 528), потому что ихъ частная жизнь главнымъ образомъ посвящена общимъ дѣламъ и общимъ интересамъ; чтобы вступить въ отправленіе должностію необходимо подготовленіе и навыкъ.

§ 544.

c) *Сословное* собраніе состоитъ изъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ гражданскому обществу, и участвуетъ въ правленіи, именно въ законодательствѣ. Оно занимается общими интересами, не требующими собственной дѣятельности государства какъ юридическаго лица (каковы война и миръ) и потому не принадлежащими исключительно къ власти государя. Посредствомъ этого участія въ дѣлахъ государства можетъ быть данъ нѣкоторый просторъ субъективной свободѣ и общественному мнѣнію, и оно можетъ успокоиться мыслію, что и оно что нибудь значитъ.

Примѣч. Государственное устройство, по отношенію къ правительственной власти, наилучше можетъ быть раздѣлено на демократическое, аристократическое и монархическое. Эти формы государственнаго устройства были необходимыми ступенями развитія въ исторіи государства. Поэтому ложно и безмысленно мнѣніе, будто ихъ можно устанавливать по выбору. Такъ какъ эти необходимыя формы государства осуществляются въ конечныхъ и измѣнчивыхъ существованіяхъ, то они соприкасаются съ извращенными формами, какова охлократія и друг., и съ предшествующими формами развитія. Но формы этого послѣдняго рода не должно смѣшивать съ первыми. Такъ, подъ неопредѣленнымъ именемъ монархіи, смѣшивали истинную монархію съ восточнымъ деспотизмомъ, потому что и въ томъ и въ другомъ случаѣ на вершинѣ государства стоитъ воля одного лица; или съ феодальною монархіею, которую не безъ основанія,

можно было бы назвать любимымъ именемъ конституціонной монархіи. Эти формы различаются однако отъ истинной монархіи, потому что, въ этой послѣдней, правительство осуществляетъ и гарантируетъ *строго опредѣленныя права*. Къ такимъ правамъ относятся свобода собственности, свобода лица, свобода гражданскаго общества, его промышленности, права общинъ и дѣятельность представительныхъ (сословныхъ) собраній, которая опредѣлена и подчинена закону.

Много говорили о томъ, въ какомъ смыслѣ должно понимать участіе *частныхъ* лицъ въ дѣлахъ государства. Потому что члены представительныхъ собраній суть *частныя* лица, будутъ ли они дѣйствовать отъ своего лица, или какъ представители сословій и народа. Собраніе этихъ частныхъ лицъ часто называютъ *народомъ*. Но такое собраніе есть *vulgus*, а не *populus*. Въ этомъ отношеніи, государство должно заботиться, чтобы народъ не являлся, не властвовалъ и не дѣйствовалъ подъ видомъ такого собранія. Такое состояніе народа противно справедливости, гражданственности и разуму. Въ этомъ состояніи, народъ образовалъ бы безпорядочную, дикую и слѣпую силу, подобную возмущенной морской стихіи, которая однакожъ не уничтожаетъ себя, какъ уничтожилъ бы себя народъ, потому что онъ есть духовная личность. Объ участіи частныхъ лицъ въ общихъ дѣлахъ можно говорить только тогда, когда народъ не представляетъ неразумной массы, но организованъ, т. е. обладаетъ правительственною властію.

Это участіе полезно не потому, чтобы частныя лица отличались бо́льшимъ знаніемъ дѣла сравнительно съ государственными чиновниками,—необходимо бываетъ противное;—и не потому чтобы они были одушевлены лучшими намѣреніями въ отношеніи къ общему благу;—напротивъ члены гражданскаго общества преимущественно преслѣдуютъ свои частные интересы, и корпораціи главнымъ образомъ заботятся о своихъ привилегіяхъ, какъ это было въ феодальныхъ государствахъ. Опытъ показываетъ, что Англія, государственное устройство которой считаютъ самымъ свободнымъ, потому что управленіе государствомъ преимущественно принадлежитъ тамъ частнымъ лицамъ, наиболѣе отстала отъ другихъ европейскихъ государ-

ствъ въ гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ, въ имущественныхъ правахъ и свободѣ собственности, въ учрежденіяхъ, посвященныхъ искусству и наукѣ и проч.; объективная свобода, т. е. разумное право принесено тамъ въ жертву формальной свободѣ и частнымъ интересамъ, даже въ учрежденіяхъ и имуществахъ, посвященныхъ религіи.

Участіе частныхъ лицъ въ общественныхъ дѣлахъ необходимо во первыхъ потому, что общественныя потребности становятся все болѣе сложными и усиливаются заявить себя; но главнымъ образомъ потому, что общественный духъ имѣетъ право проявить *общую* волю относительно публичныхъ дѣлъ, въ формѣ, опредѣленной закономъ. Эта дѣятельность оживляетъ его самаго и благодѣтельно дѣйствуетъ на правительственныя коллегіи, напоминая имъ, что если онѣ требуютъ отъ частныхъ лицъ исполненія ихъ обязанностей, то онѣ не должны забывать о ихъ правахъ. Граждане составляютъ огромное большинство въ государствѣ, каждый гражданинъ признанъ какъ лицо. Совокупность этихъ свободныхъ лицъ представляетъ разумную всеобщую волю, въ ея внѣшней формѣ, и эта воля должна обнаруживаться участіемъ въ государственномъ управленіи. Говоря о гражданскомъ обществѣ, мы замѣтили, что отдѣльныя лица не остаются на степени внѣшней всеобщности, но входятъ въ субстанціальную всеобщность, въ частныя подраздѣленія родоваго понятія,—въ *сословія* (§ 527. 534); поэтому они должны участвовать въ государственномъ управленіи не въ неорганизованной формѣ отдѣльныхъ лицъ (они не должны быть избираемы демократическимъ порядкомъ), но въ видѣ организованныхъ моментовъ, или сословій. Никакая власть и никакая дѣятельность въ государствѣ не должны существовать и проявляться въ безпорядочномъ и неорганизованномъ видѣ, т. е. онѣ не должны быть основаны на началѣ численности и большинства.

Собраніе сословныхъ представителей несправедливо называютъ *законодательною властію*, потому что оно образуетъ только часть этой власти; особенныя правительственныя коллегіи необходимо должны участвовать въ ней и окончательное рѣшеніе принадлежитъ власти государя. Кромѣ того, въ организованномъ государствѣ, законодательство можетъ состоять

только въ развитіи существующихъ законовъ, и новые законы могутъ только опредѣлять частности и подробности, содержаніе которыхъ уже подготовлено и даже предварительно рѣшено практикою судебныхъ мѣстъ (сравн. § 529. Примѣч.).—

Такъ называемый *финансовый законъ*, въ установленіи котораго участвуютъ сословія, образуетъ собственно *административную мѣру*. Ее несправедливо называютъ закономъ только потому, что она захватываетъ обширную сферу, и даже всю сферу внѣшнихъ средствъ правительства. Финансы удовлетворяютъ, правда, всей совокупности, но не менѣе того совокупности *частныхъ* потребностей, которыя постоянно возобновляются и измѣняются. Могли бы сказать, что главная составная часть бюджета-неизмѣнна, и съ этой точки зрѣнія называть его установленіе закономъ. Но оно представляло бы законъ только въ томъ случаѣ, еслибы бюджетъ составлялся разъ навсегда, а не измѣнялся ежегодно, или по истеченіи немногихъ лѣтъ. Та часть бюджета, которая измѣняется смотря по времени и обстоятельствамъ, очень незначительна, и опредѣлять ее не значитъ издавать законъ; а между тѣмъ только эта незначительная измѣнчивая часть можетъ подвергаться обсужденію и ежегодному опредѣленію; поэтому такое опредѣленіе несправедливо называютъ громкимъ именемъ *назначенія бюджета* , т. е. всей суммы финансовъ. Здравый смыслъ понимаетъ, что не можетъ существовать законъ , издаваемый на годъ и ежегодно , и что истинный законъ долженъ содержать всеобщее опредѣленіе, неизмѣнное въ себѣ и для себя, а не всеобщность рефлексіи, которая образуетъ внѣшнюю связь разнообразнаго содержанія. Названіе закона, которое даютъ ежегодному утвержденію финансоваго проэкта, только поддерживаетъ укоренившееся ложное мнѣніе о различіи законодательной и административной власти и заставляетъ забывать, что законодательная власть, занимаясь финансами, собственно занимается администраціею.

Нѣкоторые говорятъ, что срочное утвержденіе бюджета даетъ въ руки сословному собранію принудительное средство относительно правительства и слѣдственно гарантію отъ несправедливости и насилія. Но эта польза обманчивая , потому что финансовое устройство есть необходимое условіе для существованія государства и, слѣдственно, оно не должно быть поставля-

ему въ зависимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и подвергаемо ежегодному кризису, точно такъ какъ правительство въ свою очередь не имѣетъ права временно устанавливать и отправлять правосудіе съ цѣлію удержать за собою принудительное средство относительно частныхъ лицъ, угрожая имъ прекращеніемъ дѣятельности судебныхъ мѣстъ и заставляя ихъ опасаться наступленія грабежа и насилія. Если полагаютъ, что полезно и даже необходимо имѣть въ рукахъ принудительныя средства, то это потому что составляютъ себѣ ложное представленіе о договорѣ между правительствомъ и народомъ, или считаютъ возможнымъ такое разъединеніе ихъ стремленій, которое исключаетъ возможность государственнаго устройства и правительства. Еслибы (мы допустимъ такую пустую возможность) явилась необходимость искать спасенія въ этомъ принудительномъ средствѣ, то это средство привело бы къ разрушенію государства, т. е. къ паденію правительства и господству партій, и спасенія должно было бы ожидать только отъ насилія и торжества одной партіи надъ другою (*).

Основываясь на началахъ разсудка нерѣдко представляютъ себѣ, что устройство государства есть не что другое какъ механическое ровновѣсіе властей, совершенно чуждыхъ другъ другу по своей сущности. Это воззрѣніе противорѣчитъ основной идеѣ государства.

§ 545.

Наконецъ, государство осуществляется въ отдѣльномъ народѣ, который различается отъ другихъ народовъ по своей природѣ. Какъ отдѣльный индивидуумъ, онъ исключаетъ

(*) Читатель безъ труда замѣтитъ, что частности всей государственной теоріи Гегеля очень мало согласуются съ его общими понятіями объ исторіи какъ саморазвитіи народнаго духа, и о государствѣ какъ процессѣ и результатѣ народнаго самосознанія. Онѣ вполнѣ проникнуты репрессивными стремленіями двадцатыхъ годовъ, и по справедливости заслужили автору наименованіе философа раставраціи. Возвеличивши свою идеальную организацію государства, оградивши ее отъ всѣхъ притязаній заносчивой и неопытной мысли онъ, не далѣе какъ въ слѣдующемъ §, принужденъ сознаться, что она не исключаетъ проявленій произвола и случайностей.—*Перев.*

другіе индивидуумы того же рода. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ участвуетъ произволъ и случайность, потому что эти лица представляютъ автономическія цѣлости, и слѣдственно всеобщее право только должно наблюдаться ими, но не наблюдается въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этой ихъ независимости, борьба между ними переходитъ въ насиліе и ведетъ къ войнѣ. Общее сословіе въ государствѣ, которое поставляетъ своею цѣлію охраненіе независимости государства относительно другихъ государствъ, есть *военное сословіе* (сословіе храбрости).

§ 546.

Въ войнѣ индивидуумы отрицаютъ свои личные интересы, во имя цѣлаго государства. Чувствуя ничтожность своей частной самостоятельности, своей привязанности къ имуществу и даже къ жизни, и рѣшаясь принести въ жертву всѣ эти частныя и естественныя блага, они сознаютъ важность государства, потому что все прочее суетно по отношенію къ нему.

β) Внѣшнее государственное право.

§ 547.

Война подвергаетъ опасности независимое существованіе государствъ; но, съ другой стороны, она ведетъ къ взаимному признанію свободной личности народовъ (§ 430), и *мирные договоры*, заключаемые на вѣчныя времена, утверждаютъ это признаніе и взаимныя обязательства народовъ. *Внѣшнее государственное право* основывается, съ одной стороны, на этихъ положительныхъ трактатахъ,—и эти трактаты выражаютъ случайныя, и слѣдственно всегда непрочныя международныя постановленія (§ 545); съ другой стороны, оно опирается на *международное право*, которое имѣетъ исходною точкою взаимное признаніе государствъ, и потому ограничиваетъ ихъ взаимныя притязанія, такъ что эти послѣднія не нарушаютъ мира. Международное право дѣлаетъ различіе между частными лицами и государствомъ, и вообще оно основано на началѣ гражданственности.

γ) *Всемірная исторія.*

§ 548.

Свободный духъ каждаго народа осуществляется въ живыхъ личностяхъ и потому онъ видоизмѣняется согласно условіямъ мѣстности и климата; онъ существуетъ во времени и необходимо олицетворяетъ какое нибудь *особенное* начало, и потому онъ долженъ пройдти черезъ различныя ступени, въ которыхъ развивается и проявляется его самосознаніе. Онъ переживаетъ свою *исторію*. Духъ всякаго народа ограниченъ и потому онъ, въ своей самостоятельности, образуетъ только моментъ во *всемірной исторіи*; событія всемірной исторіи показываютъ, что духъ каждаго народа, вслѣдствіе своей ограниченности, уступаетъ мѣсто другимъ, и въ этомъ діалектическомъ движеніи состоитъ *верховный судъ исторіи.*

§ 549.

Этимъ путемъ духовная субстанція освобождается отъ своихъ исключительностей, этимъ движеніемъ осуществляется абсолютная цѣль міра; безсознательный духъ приходитъ къ сознанію и самосознанію; онъ обнаруживаетъ и проявляетъ свою истинную и полную сущность и является во внѣшности какъ всеобщій, какъ всемірный духъ. Все это развитіе совершается во времени и въ дѣйствительности, и потому оно образуетъ исторію. Моменты и ступени этого развитія составляютъ отдѣльные народы; каждый народъ, по необходимости ограниченный естественными условіями своей природы, призванъ образовать одну ступень этого развитія и совершить одинъ подвигъ во всеобщемъ дѣлѣ.

Примѣч. Философія исторіи предполагаетъ существованіе независимой цѣли и старается показать, что событія исторіи служатъ къ осуществленію этой цѣли, или этого понятія; вслѣдствіе этого ее обвиняли въ томъ, что она разсматриваетъ и создаетъ исторію *a-priori*. Поэтому мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній объ отношеніи философіи къ исторіи, какъ наукѣ. Философія должна показать, что въ основѣ исторіи — и именно

всемірной исторіи—лежитъ верховная цѣль, что эта цѣль осуществлялась и продолжаетъ осуществляться въ ней, что въ исторіи видѣнъ планъ провидѣнія, или, другими словами, что въ ней есть разумъ. Конечно не слѣдуетъ брать произвольныя представленія и мысли, и стараться доказать, что событія и дѣйствія исторіи выражаютъ такія мысли. Такое воззрѣніе на исторію, составленное *a priori*, принадлежитъ нѣкоторымъ историкамъ послѣдняго времени, которые хотятъ писать чистую исторію и отвергаютъ какъ философію вообще, такъ и философію исторіи; сосѣдство этой послѣдней для нихъ непріятно, потому что она не допускаетъ никакихъ произвольныхъ, заранѣе составленныхъ мнѣній. Такой манерѣ писать исторію *a priori* много способствовала филологія, чего можно было наименѣе ожидать отъ нея, и это замѣтно преимущественно въ Германіи, между тѣмъ какъ во Франціи и въ Англіи исторія какъ наука получила наиболѣе основательный и зрѣлый характеръ. Прежде, прагматическая исторія старалась отыскивать психологическія причины и элементы дѣйствій. Въ настоящее время очень распространилось мнѣніе, что *ученая* и *геніальная* исторія, основывающаяся на источникахъ, должна оправдывать различныя фантазіи и доказывать ихъ на основаніи фактовъ, съ трудомъ подобранныхъ въ древнихъ памятникахъ, хотя бы они противорѣчили достовѣрной исторіи.

Такъ фантазируютъ о первобытномъ состояніи человѣческаго рода,—о жреческихъ народахъ,—или напр. о римскомъ эпосѣ, который будто бы служилъ источникомъ всѣхъ историческихъ извѣстій о древней исторіи Рима.

И такъ это субъективное воззрѣніе на исторію ложно. Но съ другой стороны, отвергая указаніе на объективную цѣль, лежащую въ основѣ историческихъ событій, часто хотятъ этимъ сказать, что историкъ долженъ быть совершено *безпристрастенъ*. Повидимому это требованіе въ высшей степени основательно. Говорятъ, что безпристрастіе преимущественно необходимо въ исторіи философіи, что здѣсь должно отбросить любимыя представленія и мнѣнія, подобно тому какъ судья не долженъ дѣлать предпочтенія ни той, ни другой изъ двухъ тяжущихся сторонъ. Но всѣ согласятся, что судья исполнялъ

бы свою должность дурно и безмысленно, если бы онъ не оказывалъ исключительнаго предпочтенія праву, если бы онъ не поставлялъ его своею единственною цѣлію и если бы онъ воздерживался отъ сужденія. Это условіе, необходимое для судьи, можно назвать *пристрастіемъ* къ праву, и его всегда отличаютъ отъ личнаго пристрастія. Но когда требуютъ безпристрастія отъ историка, когда говорятъ, что историкъ не долженъ приносить съ собою никакой цѣли и взгляда, на основаніи которыхъ онъ могъ бы выбирать, сопоставлять и обсуживать событія, и что онъ долженъ передавать ихъ въ той случайной формѣ, въ какой онъ ихъ находитъ, не стараясь связать и осмыслить ихъ,—то, при всей трезвости и самодовольствѣ этихъ разсужденій, забываютъ указанное различіе и отвергаютъ и тотъ и другой видъ пристрастія. Никто не будетъ спорить, что исторія должна имѣть *предметъ*, какъ напр. Римъ, его судьбы, или паденіе величія римской имперіи. Очевидно, что эта самая цѣль лежитъ въ основѣ самыхъ событій и что она опредѣляетъ, какія событія болѣе важны, т. е. ближе соприкасаются съ этою цѣлью. Исторія, написанная безъ цѣли и безъ критики, была бы рядомъ не осмысленныхъ картинъ; она стояла бы ниже дѣтской сказки, потому что самыя дѣти требуютъ, чтобы въ разсказахъ былъ какой нибудь интересъ, т. е. чтобы въ нихъ можно было бы, по крайней мѣрѣ, угадывать какую нибудь цѣль и связь событій и дѣйствій съ этою цѣлью. Каждый народъ стремится къ одной субстанціальной цѣли,—образовать и сохранить государственное устройство. Народъ безъ государственнаго устройства (такъ называемая *нація*) не имѣетъ исторіи; таково существованіе народовъ до образованія государства, или существованіе дикихъ племенъ. Всѣ событія въ жизни народа важны только по ихъ отношенію къ государству; исторія должна слѣдить за его развитіемъ, и ея не касаются дѣла частныхъ лицъ. Конечно, общій духъ времени кладетъ свою печать на передовыя личности каждаго даннаго періода и болѣе или менѣе, хотя бы едва замѣтно, отражается въ ихъ своеобразномъ характерѣ; иногда даже мелочныя обстоятельства какого нибудь происшествія,—слова, высказанныя при какомъ нибудь случаѣ,—вытекаютъ не изъ индивидуальнаго характера, но точно и кратко обрисовываютъ

какое нибудь время, какой нибудь народъ, или его цивилизацію. Но выбирать ихъ со смысломъ можетъ только талантливый историкъ. Въ большей части случаевъ такія мелочи излишни, и тѣ, которые тщательно подбираютъ ихъ, только сокращаютъ и затемняютъ предметы болѣе достойные исторіи. Главная характеристика духа времени всегда содержится въ великихъ событіяхъ. Изображеніе этихъ частностей и воспроизведеніе всѣхъ этихъ мелочныхъ подробностей справедливо предоставили романамъ (каковы романы Вальтеръ-Скота и т. п.); въ романѣ, который имѣетъ своимъ содержаніемъ событія изъ жизни частныхъ лицъ и ихъ индивидуальныя страсти, эти несущественныя и случайныя черты находятъ свое истинное мѣсто. Вмѣшивать эти мелочныя черты времени и лицъ въ картину всеобщихъ интересовъ во имя *истины*, противно не только здравому смыслу и вкусу, но и *объективной истинѣ*, потому что истинные духовные интересы вращаются въ субстанціальной сферѣ и равнодушны къ поверхностнымъ и случайнымъ происшествіямъ, такъ что нѣтъ никакой разницы въ томъ, достовѣрны ли эти мелкія происшествія, или они характеристически вымышлены и приписаны тому или другому имени и тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, какъ это дѣлаютъ въ романахъ.

Кстати мы упомянемъ здѣсь о біографіи. Повидимому она исключаетъ общую характеристику времени. Но и въ ней, на заднемъ планѣ, должна видѣться эпоха, въ которую живетъ данное лицо. Эта эпоха должна служить объясненіемъ даже оригинальностей и юмористическихъ чертъ изъ жизни изображаемаго лица. Напротивъ, чисто индивидуальныя стороны его не принадлежатъ исторіи.

Безпристрастія требуютъ также отъ исторіи религіи и церкви, какъ и отъ исторіи философіи, и хотятъ этимъ сказать, что историческіе труды этого рода не должны имѣть никакой объективной цѣли. Мы видѣли, что главный предметъ политической исторіи, служащій точкою оцѣнки событій, составляетъ государство. Въ настоящемъ случаѣ, дѣла и событія духовной жизни должны имѣть своимъ мѣриломъ *истину*. Напротивъ, когда требуютъ безпристрастія отъ ис-

торика, то предполагаютъ, что онъ долженъ излагать одни субъективныя воззрѣнія людей, именно ихъ разныя мнѣнія и представленія о религіозныхъ и философскихъ предметахъ, а не истину развивающуюся независимо и свободно, ибо признаютъ, что истина не существуетъ. Съ этой точки зрѣнія, если историкъ слѣдитъ за истиною, онъ кажется уже пристрастнымъ, именно къ мнѣніямъ и представленіямъ, которыя считаютъ равно пустыми и ничтожными. Въ этомъ смыслѣ, соблюдать историческую истину, значитъ вѣрно передавать внѣшнія событія и допускать только критическую оцѣнку внѣшнихъ историческихъ фактовъ, т. е. произносить одни качественныя и количественныя сужденія и воздерживаться отъ сужденій, обнаруживающихъ необходимость и понятіе вещей (см. примѣч. къ § 172 и 178). Мы уже говорили, что дѣйствительный и истинный предметъ и цѣль политической исторіи, напр. исторіи Рима или германской имперіи, составляетъ развитіе государства, и что всѣ событія должны быть излагаемы съ этой точки зрѣнія и оцѣниваемы на ея основаніи. Тѣмъ болѣе, истинный и дѣйствительный предметъ и цѣль всеобщей исторіи должно составлять общее развитіе духовной жизни, сознаніе духа о самомъ себѣ и о своей сущности. Всѣ другія явленія должны подчиняться этой цѣли. Въ выборѣ событій и въ сужденіи о нихъ должно руководствоваться ихъ отношеніемъ къ этой общей цѣли, потому что духъ осуществляется въ этихъ событіяхъ. Духъ не носится только *надъ* исторіей, но живетъ въ ней и направляетъ ее. Главнымъ двигателемъ духовной жизни является свобода, т. е. развитіе, по необходимости вытекающее изъ понятія духа; конечную цѣль этого движенія составляетъ сознаніе духа о самомъ себѣ, о своемъ понятіи. Другими словами, въ исторіи есть *разумъ*. Это положеніе составляетъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ убѣжденій, и философія доказываетъ его.

§ 550.

Это освобожденіе духа, или это движеніе, посредствомъ котораго онъ стремится сознать и осуществить себя въ своей истинѣ, составляетъ высшее и *абсолютное право духа*. Въ каждый

данный моментъ, извѣстная ступень развитія какого нибудь отдѣльнаго народа составляетъ ту форму, въ которой всемірный духъ осуществляетъ свою волю и въ который онъ приходитъ къ сознанію о самомъ себѣ. Въ отношеніи къ этой абсолютной волѣ, воля остальныхъ народовъ безправна; этотъ народъ есть народъ господствующій. Но всемірный духъ переступаетъ за предѣлы каждой ограниченной ступени своего развитія и оставляетъ ее на произволъ ея случайной судьбы (*).

§ 551.

Это жизненное развитіе совершается черезъ посредство *отдѣльныхъ личностей*, и повидимому есть личное дѣло. Но они составляютъ только *орудія*, и ихъ собственная, субъективная дѣятельность ограничивается исполненіемъ предстоящей задачи. Эта задача вырабатывается и подготовляется помимо ихъ воли, и на ихъ долю выпадаетъ только общее

(*) Такой взглядъ на исторію слишкомъ мистиченъ. Исторія какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всего человѣчества необходимо вытекаетъ изъ тѣхъ задатковъ, которые народъ приноситъ съ собою, выступая на историческое поприще,—изъ свойства почвы и климата, среди которыхъ онъ живетъ, изъ его племенныхъ особенностей, изъ своеобразности вліятельныхъ личностей, являющихся въ теченіи его жизни; изъ свойствъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ жизнь народа вслѣдствіе его соприкосновенія съ народами, опередившими его на пути историческаго развитія и проч. Интересъ исторіи каждаго народа заключается въ разъясненіи элементовъ, вошедшихъ въ жизненную драму, имъ изображаемую. Теченіе этой драмы безспорно необходимо: оно *должно было* совершиться такъ, какъ совершилось, потому что оно *было* такъ. Если бы существовали обстоятельства, долженствовавшія дать этому теченію иное направленіе, оно пошло бы другимъ путемъ. Въ этомъ смыслѣ, изучивши исторію народа, можно вывести планъ его развитія, или открыть *разумъ* въ его развитіи. Ошибка будетъ только тогда, когда примутъ, что этотъ планъ былъ начертанъ напередъ и что народъ былъ призванъ только разыграть его въ живыхъ лицахъ. Напротивъ, народъ есть художникъ, развивающій всѣ подробности плана, и когда его драма доиграна, посторонній зритель можетъ вдумываться въ идею доконченнаго сценическаго представленія, сходя со всемірной сцены, народъ оставляетъ наслѣдіе смѣняющимъ его поколѣніямъ, и естественно, что въ общей драмѣ, слагающейся изъ отдѣльныхъ актовъ народныхъ драмъ т. е. во всемірной исторіи, мы найдемъ постепенное совершенствованіе, постепенное освобожденіе человѣчества изъ подъ власти темныхъ силъ природы и постепенное торжество человѣческихъ, нравственныхъ началъ. *Перев.*

представленіе о ихъ заслугахъ—*слава*. Она составляетъ ихъ награду.

§ 552.

Духъ каждаго народа подчиненъ естественнымъ условіямъ (§ 483); всемірный духъ, который самъ по себѣ безконеченъ, является здѣсь въ частныхъ и ограниченныхъ формахъ (§ 549 и 550), которыя зависятъ отъ многихъ случайностей и существуютъ частію бессознательно (какъ нравы и обычаи народа), частію сознаются какъ продукты времени и мѣстности. Духъ народа по необходимости *ограниченъ*; поэтому онъ осуществляется въ извѣстной формѣ государства, въ извѣстныхъ временныхъ интересахъ, въ извѣстной системѣ законовъ и обычаевъ. Но духъ *мыслитъ* объ этихъ формахъ существованія, отрицаетъ ихъ ограниченность и возвышается къ сознанію своей сущности. Это знаніе не можетъ однакожъ освободиться отъ той ограниченности, которая свойственна духу каждаго народа. Но мыслящій духъ всемірной исторіи отвергаеть эти ограниченныя формы, свойственныя каждому народу, онъ возвышается надъ своимъ историческимъ проявленіемъ (Weltlichkeit), овладѣваетъ своею конкректною всеобщностію и приходитъ къ сознанію *абсолютнаго духа*. Онъ открываетъ, что абсолютный духъ есть вѣчная истина дѣйствительности,—что разумъ свободенъ отъ всѣхъ ограниченій, когда имѣетъ его своимъ предметомъ,—что необходимое логическое развитіе, природа и исторія служатъ его проявленіями и суть сосуды его величія.

Примѣч. Во введеніи къ логикѣ мы говорили о той формѣ, въ которой совершается возвышеніе духа къ Богу (сравн. въ особенности § 51. примѣч.).

Что касается до исходной точки этого возвышенія, Кантъ справедливо выводитъ вѣру въ Бога изъ практическаго разума, потому что исходная точка *implicite* содержитъ въ себѣ то содержаніе, которое составляетъ понятіе Бога. Но истинною,

конкретною точкою исхода не можетъ служить ни бытіе (какъ въ космологическомъ доказательствѣ), ни цѣлесообразная дѣятельность (какъ въ физико-теологическомъ доказательствѣ), а самый духъ, основное опредѣленіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ есть дѣятельный разумъ, или свободное понятіе, которое само опредѣляетъ себя и осуществляется. Но Кантъ, какъ мы уже замѣтили, полагалъ, что субъективный духъ, возвышаясь къ Богу, можетъ только придти къ тому требованію, или постуляту, что Богъ долженъ существовать. Это потому, что переходя отъ конечныхъ предметовъ къ ихъ истинѣ, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ ихъ самобытными и независимыми.

Въ логикѣ мы говорили, что духъ, возвышаясь къ Богу, отрицаетъ независимое существованіе конечныхъ предметовъ и тѣмъ самымъ лишаетъ существенное содержаніе исходной точки свойственнаго ему характера конечности и даетъ ему свободную форму (§ 192 и § 204. Примѣч.). Эта точка исхода, которая въ логикѣ была отвлеченною, получила здѣсь конкретное значеніе. Тотъ конечный предметъ, который служитъ здѣсь точкою отправленія, есть сознаніе субъекта о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ; духъ можетъ возвыситься къ истинѣ не иначе, какъ очистивши свое сознаніе отъ субъективныхъ мнѣній и освободивши свою волю отъ эгоистическихъ стремленій. Истинная религія и истинное благочестіе имѣютъ своимъ источникомъ гражданственность и суть не что иное, какъ мыслящая гражданственность, т. е. гражданственность, которая сознаетъ свободное, всеобщее начало своей сущности. Только въ этомъ случаѣ Богъ является какъ свободный духъ; независимо отъ гражданственности не можетъ существовать ни истинная религія, ни истинное благочестіе.

Но какъ во всѣхъ спекулятивныхъ понятіяхъ, такъ и здѣсь, результатъ есть абсолютное начало и источникъ той первоначальной формы, изъ которой онъ произошелъ; и духъ сознаетъ, что религія образуетъ основу гражданственности.

Здѣсь будетъ кстати разсмотрѣть отношеніе государства къ религіи и критически вникнуть въ тѣ категоріи, которыя часто

употребляютъ, не давая себѣ въ нихъ отчета. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что субстанцію и внутреннее основаніе гражданственности образуетъ государство, что оно развивается изъ нея и осуществляетъ ее; но истинную, субстанціальную основу и гражданственности и государства образуетъ религія. Государство основывается на сознаніи гражданскихъ обязанностей, какъ это послѣднее на сознаніи обязанностей религіозныхъ. Въ религіи сознается абсолютная истина; слѣдственно все, что можетъ быть истинно въ области свободной воли, т. е. все, что должно считаться какъ право и справедливость, какъ обязанность и какъ законъ, должно составлять часть религіозной истины, должно совмѣщаться въ ней и вытекать изъ нея. Но для этого необходимо, чтобы религія имѣла истинное содержаніе, т. е. чтобы въ ней сознавалась истинная идея Бога. Гражданственность обязана своимъ существованіемъ божественному духу, который живетъ въ самосознаніи народа и въ отдѣльныхъ лицахъ, его составляющихъ; когда народъ и отдѣльныя лица сознаютъ свою истинную сущность, или божественный духъ въ нихъ живущій,—ихъ вѣра и совѣсть согласуются съ тѣмъ, что̀ принадлежитъ имъ самимъ какъ духовнымъ личностямъ. И то и другое нераздѣльно. Не могутъ существовать двѣ совѣсти, одна религіозная, другая—гражданская, отличающаяся отъ первой по своему содержанію. Но ихъ можно различить съ точки зрѣнія той формы, подъ которою они являются мысли и знанію, потому что религія и гражданственность составляютъ принадлежность разумнаго существа и слѣдственно подлежатъ его мысли и знанію. Съ этой точки зрѣнія, содержаніе религіи, которое существуетъ независимо и свободно и образуетъ высшую истину, освящаетъ гражданскій порядокъ, осуществляющійся въ эмпирической дѣйствительности; другими словами, религія должна быть сознаваема какъ основаніе гражданственности и государства. Въ новое время крайне ошибались, когда полагали, что ихъ можно совершенно отдѣлить другъ отъ друга. Думали, что государство независимо установляется какой либо властію, и что религія, какъ субъективный элементъ, или полезна, чтобы упрочить государственный порядокъ, или излишня, потому что гражданскій порядокъ въ государствѣ, т. е. конституція и разумные законы опираются на свое собственное основаніе. Впрочемъ

хотя объ стороны нераздѣльны, религія имѣетъ независимо, существованіе. Вопервыхъ, она имѣетъ самостоятельную форму, подъ которою истина открывается сознанію. Истинное содержаніе религіи есть духъ, который живетъ въ самосознаніи дѣйствительныхъ личностей; лица, сознавая его, сознаютъ свою сущность и остаются свободны. Но хотя внутреннее содержаніе религіи составляетъ абсолютный духъ, лица могутъ относиться къ нему несвободнымъ образомъ. Мы видимъ это напримѣръ въ христіанскомъ мірѣ, именно въ католической церкви, въ которой однакожъ Богъ свободенъ отъ естественныхъ моментовъ и долженъ сознаваться въ духѣ и въ истинѣ. Католическая церковь противополагаетъ этотъ духъ самосознательному духу человѣка. Въ таинствѣ духовнаго общенія она предлагаетъ его какъ внѣшнюю вещь (тогда какъ въ лютеранской церкви обрядъ возноситъ духъ къ мысли о Богѣ, когда внѣшній чувственный знакъ уничтожается и тѣмъ самымъ возноситъ вѣрующій, но свободный и самообладающій духъ къ сознанію абсолютнаго духа). Изъ этого несвободнаго отношенія къ божеству проистекаютъ всѣ остальныя, внѣшнія, не свободныя отношенія, которыми характеризуются всѣ католическія учрежденія. Такъ у католиликовъ существуетъ совершенная противоположность между *сословіемъ свѣтскимъ* и *духовнымъ;* первое подчиняетъ свою *мысль*, *волю* и *совѣсть* послѣднему, и проч. (*).

Все это оковываетъ свободный духъ и порабощаетъ его.

При такомъ несвободномъ отношеніи духа въ *религіи*, законодательство и общественныя учрежденія необходимо должны отличаться *нетерпимостью* и преобладаніемъ *принудительной силы*, и *государственныя* установленія не могутъ соотвѣтствовать юридическимъ и нравственнымъ требованіямъ. Нѣкоторые писатели превозносятъ католическую религію за то, что она одна обезпечиваетъ прочность правительствъ. За то

(*) Авторъ, какъ лютеранинъ, естественно повторяетъ общеизвѣстное ученіе своей церкви о католическихъ догматахъ, ложность котораго для православнаго читателя очевидна. — *Перев.*

католическія правительства опираются на учрежденія порабощающія духъ, который долженъ быть юридически и нравственно свободенъ. — Но духъ самъ находитъ исходъ изъ такого состоянія: духъ, порабощенный и разорванный насильственно, сосредоточивается въ самомъ себѣ; въ народахъ и въ правительствахъ пробуждается *міровая мудрость*, т. е. сознаніе о томъ, что истинно и разумно въ самомъ себѣ. Результаты мысли и преимущественно философіи справедливо называютъ *міровою мудростію*, потому что мышленіе приводитъ къ сознанію истинную сущность духа, разумъ; оно вводитъ его въ міръ и освобождаетъ духъ.

Истинное содержаніе духа является при этомъ въ совершенно новой формѣ (*). Когда субъектъ относится несвободно къ предмету своего знанія, тогда этотъ послѣдній является подъ видомъ внѣшняго авторитета; его истина не доказана и не сознана. Предметы нравственные называютъ *священными*, когда они сознаны въ этой несвободной формѣ. Когда субъектъ пришелъ къ сознанію о божественномъ духѣ, осуществляющемся въ дѣйствительности, тогда предметы *священные* уступаютъ мѣсто *нравственнымъ*. На мѣсто обѣта *безбрачія*, человѣкъ признаетъ нравственнымъ —*бракъ* и *семейство*. Вмѣсто обѣта *бѣдности* (который— замѣтимъ кстати—не совмѣстимъ съ раздаяніемъ своего имущества бѣднымъ, т. е. съ ихъ обогащеніемъ) является *нравственная дѣятельность въ гражданскомъ обществѣ*, именно *увеличеніе богатства*, при помощи труда и прилежанія, и *честность* при мѣнѣ и употребленіи имущества; вмѣсто слѣпаго повиновенія является нравственная жизнь въ государствѣ,— именно сознательное повиновеніе *закону* и законнымъ государственнымъ учрежденіямъ; это повиновеніе нисколько не нарушаетъ истинной свободы человѣка, потому что государство есть

(*) Авторъ изображаетъ здѣсь историческое происхожденіе и развитіе реформаціи. Читатель не дастъ, конечно, ложнаго толкованія его словамъ, въ которыхъ онъ излагаетъ *историческое* же разногласіе протестантскихъ ученій съ католическими. — *Перев.*

продуктъ разума, осуществляющагося въ дѣйствительности. Только при такомъ условіи возможна истинная справедливость и нравственность. При заповѣди: *отдайте божіе богу и кесарево кесарю*, опредѣляютъ, что подобаетъ кесарю, т. е. каковы права свѣтской власти, ибо изъ исторіи извѣстно, каковы бывали притязанія какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ властей. Религіозный элементъ долженъ проникать въ свѣтскія учрежденія, потому что божественный духъ осуществляется въ нихъ. Мысль, возвысившаяся къ знанію перваго, уразумѣваетъ законность и истину послѣднихъ. Слѣдя за развитіемъ духа въ соотвѣтствующихъ ему формахъ, мысль отдаетъ, какъ мы сказали, предпочтеніе нравственнымъ учрежденіямъ предъ священными: браку —передъ священнымъ обѣтомъ безбрачія; труду и заботѣ о своемъ благосостояніи—передъ священнымъ обѣтомъ бѣдности и неразлучной съ нею праздности; повиновенію закону и законнымъ властямъ—передъ священнымъ обѣтомъ слѣпаго повиновенія и рабства совѣсти, отнимающимъ всякія права, но за то и снимающимъ всякія обязанности. Когда духъ созналъ потребность въ правѣ и нравственномъ порядкѣ, когда онъ созналъ свою свободу, онъ по необходимости вступаетъ въ борьбу съ несвободными формами религіи. Онъ не можетъ довольствоваться преобразованіями въ законодательствѣ и государственныхъ учрежденіяхъ; онъ требуетъ, чтобы принципъ свободы былъ распространенъ и на религію. И то и другое должно идти совмѣстно. Государство и религія тѣсно связаны между собою; если одно изъ нихъ противорѣчитъ другому, они необходимо вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ Разумъ оправдываетъ гражданскія учрежденія только въ томъ случаѣ, когда они согласуются съ требованіями религіи, или съ требованіями абсолютной истины. Если гражданскія учрежденія противорѣчатъ этимъ послѣднимъ, они будутъ по необходимости несовершенны и ложны. И на оборотъ, если бы религія какого нибудь народа была религія несвободная, и нѣсколько лицъ задумали бы, такъ сказать *a priori*, дать этому народу законодательство, основывающееся на разумныхъ началахъ,—то это законодательство исходило бы исключительно отъ правительства и администраціи; но оно не достигало бы своей цѣли, потому что народъ продолжалъ бы руководствоваться не духомъ

и не буквою закона, а духомъ своей религіи, которая для него священна. Народъ, для котораго преданія его религіи священны, будетъ смотрѣть на такіе законы, какъ на дѣло рукъ человѣческихъ. Если бы эти законы были даже введены, они должны будутъ вскорѣ уступить сомнѣніямъ религіознаго духа. Какъ бы ни были хороши эти законы, они не подавятъ сомнѣній совѣсти, которая не будетъ въ состояніи примириться съ ихъ духомъ и не признаетъ ихъ обязательными.

Поэтому въ наше время было безрасудно думать, будто новое государственное устройство можетъ существовать совмѣстно съ старою религіею и освященными ею преданіями, и что оно можетъ быть гарантировано внѣшними средствами, какъ напр. палатами, имѣющими власть вотировать бюджетъ (сравн. § 544. Примѣч.). Только крайность заставляетъ людей, не могущихъ снизойти въ глубины религіознаго духа и возвысить его самого до его истины,—полагать рѣзкое различіе между правами и законами и между религіей. Всѣ эти гарантіи очень не надежны и не могутъ обязывать совѣсть лицъ, долженствующихъ приводитъ въ исполненіе законы, (къ числу которыхъ относятся и самыя гарантіи); напротивъ въ высшей степени безнравственно связывать и подчинять религіозную совѣсть свѣтскому законодательству, которое не можетъ имѣть въ ея глазахъ никакого авторитета (*).

Въ свое время *Платонъ* живѣе чувствовалъ разногласіе между современными ему формами государства и вѣрованій, съ одной стороны, и тѣми идеалами политическаго устройства и религіи, которые явились въ духѣ, начинавшемъ сознавать свою свободу. Онъ высказываетъ требованіе, чтобы государство и общественныя учрежденія были основаны на идеѣ, или на общихъ и истинныхъ началахъ вѣчной правды. ***Философія*** имѣетъ своею задачею и своимъ предметомъ узнать и развить

(*) Здѣсь авторъ очень односторонне судитъ объ отношеніи между отвлеченнымъ вѣрованіемъ и жизненнымъ убѣжденіемъ, переходящимъ въ практическое дѣйствіе. Бокль характеризуетъ эго отношеніе гораздо вѣрнѣе и ближе

эти начала. Вслѣдъ за развитіемъ этой мысли слѣдуетъ у Платона знаменитое и вызвавшее много возраженій мѣсто, въ которомъ онъ заставляетъ Сократа сказать очень патетически, что народы только тогда перестанутъ страдать, когда *государственная власть* будетъ нераздѣльна съ *философіею*, или когда идея сдѣлается правительницею народовъ. Платонъ конечно разумѣлъ здѣсь, что идея, или мысль, свободная по своей сущности, можетъ быть сознана только въ формѣ мысли; потому что ея содержаніе будетъ истинно только тогда, когда она будетъ возведена въ форму всеобщности и когда она будетъ сознана въ этой отвлеченной формѣ.

Если мы захотимъ опредѣлить разницу между изложенными нами понятіями объ отношеніи религіи къ государству съ воззрѣніями Платона на тотъ же предметъ, то мы должны обратить вниманіе на различные моменты, которые входятъ въ всякую идею, и во всякое понятіе. Вопервыхъ, что касается созданій природы, ихъ родъ различается отъ каждаго изъ нихъ; но онъ существуетъ также какъ единичный *субъектъ*. Кромѣ

къ истинѣ. Вотъ его слова: «нельзя не назвать поверхностнымъ мнѣніе тѣхъ чисто-отвлеченныхъ писателей, которые убѣждены, что протестантизмъ естественно либеральнѣе католицизма. Если бы тѣ, кто раздѣляетъ это мнѣніе, потрудились изучить исторію Европы въ ея оригинальныхъ источникахъ, то узнали бы, что либеральность каждаго вѣроисповѣданія зависитъ не отъ мнѣній, провозглашаемыхъ имъ, но отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ оно поставлено. Дѣло въ томъ, что дѣйствіями людей управляютъ не догматы, не сборники текстовъ, но образъ мнѣній и привычки современниковъ, общій духъ вѣка и характеръ тѣхъ членовъ, которымъ принадлежитъ преобладаніе. Религіозныя теоріи, сохраняющіяся въ книгахъ, облеченныя въ догматическую форму доктрины, остаются неизмѣняемыми. Но практическая сторона каждаго вѣроисповѣданія, его нравственное, политическое и общественное дѣйствіе обнимаетъ безконечное множество интересовъ и имѣетъ соприкосновеніе съ такими сложными и измѣнчивыми дѣятелями, что нѣтъ надежды облечь ее въ формулы; даже въ самыхъ строгихъ системахъ эта сторона остается на произволъ частныхъ лицъ. Вслѣдствіе того, въ то время когда догматы, составляющіе національное вѣрованіе, нисколько не служатъ мѣриломъ цивилизаціи народа, практическое приложеніе религіи, съ другой стороны, такъ уступчиво, такъ способно примѣняться къ потребностямъ общества, что можетъ служить однимъ изъ лучшихъ средствъ для изученія духа времени.» (см. VIII главу сочин. Бокля, въ Отеч. Запис 1861. кн 18, стр. 246 — 247).— *Примѣч. Перев.*

того, родъ или всеобщее начало существуетъ еще въ элементѣ *сознательной* мысли, и въ ней онъ является въ его чистотѣ. Нашъ субъективный духъ даетъ ему свободное существованіе въ самомъ себѣ. Онъ возводитъ разрозненные предметы природы въ форму всеобщности и узнаетъ ихъ существенное содержаніе. Другими словами, наша субъективная мысль развиваетъ въ наукѣ истинныя *формы* этого содержанія.—Напротивъ, *человѣческій духъ* развиваетъ свое содержаніе въ самомъ себѣ и приводитъ его къ сознанію. Онъ имѣетъ своимъ содержаніемъ самую *форму* или самое мышленіе. *Платонъ* разумѣлъ подъ именемъ идеи *родъ* или *субстанцію*. Напротивъ, *Аристотель* разумѣлъ подъ этимъ именемъ *мыслимую* сущность вещей,—энтелехію мышленія,—и говорилъ, что мышленіе есть мышленіе о самомъ мышленіи (*νοήσις τῆς νοήσεως*). Въ этомъ смыслѣ содержаніе мышленія есть продуктъ *субъекта* и въ то же время оно существуетъ независимо отъ его дѣятельности какъ всеобщее, объективное начало. Наше субъективное сознаніе только развиваетъ опредѣленія абсолютнаго духа. Субъективное сознаніе не тотчасъ же способно уразумѣть содержаніе этого послѣдняго въ формѣ мысли; сначала оно имѣетъ его въ чувствѣ, созерцаніи, представленіи. Поэтому религія всегда предшествуетъ философіи. Философія развивается изъ религіи. Такъ греческая религія предшествовала философіи, и то начало, которое впервые обнаружило себя въ религіи, было понято и уяснено философіею. Но греческая философія по необходимости относилась отрицательно и враждебно къ религіи и миѳологіи, потому что въ религіи *фантазія* создала себѣ свѣтлые и легкіе образы боговъ, и миѳологія была многобожіемъ,—тогда какъ въ философіи мысль сознала единство божества, единство творческой идеи. Въ самой философіи мысль не возвысилась къ понятію *абсолютнаго духа*, осуществляющагося въ сознаніи единичнаго субъекта. Поэтому субъектъ не сознавалъ своего тожества съ объективною субстанціею духа; онъ противопоставлялъ ей свою свободную *мысль*. Поэтому свободная *философская* мысль стремилась очистить и просвѣтить фантастическія формы религіи. Она преимущественно боролась съ тѣми формами, въ которыя фантазія облекла объективное начало религіи. Обращаясь къ государству, развившемуся также изъ

религіозныхъ основъ, она находила, что истинная идея, лежавшая въ его основаніи была развита *односторонне*, и потому она полагала, что эта истинная идея была *искажена* действительною жизнію. Платонъ видѣлъ, наравнѣ со всѣми своими современниками, испорченность демократіи и недостаточность ея принципа; онъ противопоставлялъ ей *идею справедливости*; но въ своемъ идеалѣ государства онъ не могъ дать мѣста истинной свободѣ *субъекта*, потому что онъ еще не сознавалъ ея; его идеальное государство исключаетъ *субъективную свободу* (§. 503, примѣч,; § 513 и слѣд.). Вотъ почему онъ думалъ, что главнымъ движущимъ началомъ въ государствѣ, устрояющимъ его и управляющимъ имъ, должна быть истина, возведенная въ форму *мысли*, т. е. философія. И вотъ почему онъ говоритъ, что государство и все человѣчество не освободятся отъ золъ до тѣхъ поръ, пока философія не будетъ управлять государствами, или пока правители и государи не будутъ основательно и зрѣло философствовать; только въ этомъ случаѣ идеалъ его политическаго устройства осуществится въ мірѣ.— Платону не было суждено понять, что истинное начало, изъ котораго можетъ развиться истинное государство, составляетъ истинная религія. Только тогда, когда истинная форма религіи явилась въ мірѣ, мысль можетъ составить себѣ правильное понятіе о государствѣ; только тогда она понимаетъ, что въ истинномъ государствѣ единичное самосознаніе свободнаго субъекта тожественно съ объективнымъ началомъ гражданственности. Когда духъ созналъ свою сущность, когда субъектъ, свободный по своей природѣ, осуществляетъ свою свободу въ общественной дѣятельности, — тогда государственная власть совпадаетъ съ началами религіи и философіи, — тогда духъ примиряется съ дѣйствительностію, религіозная совѣсть и философская мысль примиряются съ государствомъ. Какъ скоро субъектъ созналъ свое тожество со всеобщею субстанціею, или со всеобщимъ началомъ, религія, равно какъ и соотвѣтствующая ей форма государства, достигли своей истины, — эта истина составляетъ предметъ философіи (*).

(*) Если мы захотимъ перевести предыдущее разсужденіе на болѣе простой языкъ, мы увидимъ, что Платонъ, начерталъ идеалъ объективной справедливости, или идеалъ государства,—и хотѣлъ, чтобы субъектъ безмолвно и

Но самая религія развивается. Первоначально идея, лежащая въ основаніи истинной религіи, является въ формѣ раздѣльныхъ и независимыхъ моментовъ; (это *католицизмъ*, см. § 566 и слѣд.). Вмѣстѣ съ этимъ она освящаетъ непосредственную чувственную форму бытія, она подавляетъ свободу духа и искажаетъ политическую жизнь народовъ.

Но самый принципъ, по безконечной эластичности абсолютной формы, торжествуетъ надъ искаженными формами религіи и надъ происходящимъ отсюда искаженіемъ ея содержанія. Онъ примиряетъ духъ съ самимъ собою. Такимъ образомъ въ результатѣ этого развитія, *протестантская* религія приходитъ къ понятію свободнаго духа, сознающаго свою истину и разум-

---

безропотно преклонился передъ деспотизмомъ этого идеала, извнѣ навязаннаго ему отвлеченною мыслію теоретика. Напротивъ, Гегель хочетъ сказать, что лицу, по меньшей мѣрѣ должно быть предоставлено право самому сознать неизмѣнную справедливость исторически-сложившагося государственнаго быта. Отсюда слѣдуетъ, что различіе между Платономъ и Гегелемъ, въ ихъ отношеніи къ государственнымъ идеаламъ, склоняется къ выгодѣ перваго. Правда, какъ всякій теоретикъ, онъ деспотически навязывалъ субъекту свой идеалъ справедливости; за то онъ искалъ его, и тѣмъ самымъ вносилъ свѣжую мысль въ народное сознаніе. Напротивъ Гегель повидимому принимаетъ къ сердцу права субъекта, но лишь за тѣмъ, чтобы увѣрить его въ абсолютной разумности существующаго, помутивъ его умъ и обольстивъ его сознаніе.—Здравая общественная философія сознаетъ, что государство есть продуктъ народнаго духа, и потому она понимаетъ всю историческую важность существующей формы государства и допускаетъ его преобразованіе не иначе какъ путемъ общественнаго сознанія, или путемъ народной воли Она не противится реформамъ, но отрицаетъ ихъ законность, какъ скоро онѣ исходятъ изъ апріористическихъ построеній. Она требуетъ, чтобы онѣ вырабатывались самою жизнію; въ этомъ смыслѣ, выражаясь языкомъ Гегеля, она примиряется съ дѣйствительностію, потому что сознаетъ, что всѣ предшествующія формы государства соотвѣтствовали живымъ потребностямъ общества въ моментъ ихъ образованія; она примиряется съ существующею его формою, потому что видитъ въ ней продуктъ историческойжизни извѣстнаго народа. Но, не отказывая субъекту въ его автономіи, она сохраняетъ за нимъ право участвовать вмѣстѣ съ своими согражданами въ перестройкахъ, вызываемыхъ современными потребностями и настоятельными нуждами цѣлаго народа. Такое воззрѣніе есть вмѣстѣ продуктъ истинной религіи,—религіи, признающей высокое достоинство всякой человѣческой личности.—*Перев.*

ность—и миритъ совѣсть религіозную съ сознаніемъ гражданина. Она возстановляетъ истинный принципъ религіи, и изъ этого принципа вытекаютъ соотвѣтствующее ему государственное устройство и законодательство. Гражданскія и религіозныя начала, на которыхъ основывается такое государство, служатъ другъ другу взаимными гарантіями.

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ ФИЛОСОФІИ ДУХА.

АБСОЛЮТНЫЙ ДУХЪ (*)

§ 553.

Понятіе духа осуществляется въ самомъ духѣ. Субъектъ долженъ сознать это тожество дѣйствительности и понятія духа; т. е. долженъ сознать абсолютную идею духа. Умъ— свободный по своей природѣ — долженъ сдѣлаться свободнымъ на самомъ дѣлѣ: онъ долженъ соотвѣтствовать своему понятію, долженъ быть достойнымъ его *подобіемъ*. Духъ восходитъ на эту ступень, проходя формы субъективнаго и объективнаго духа.

§ 554.

Абсолютный духъ есть духъ *тожественный съ собою*, вѣчно пребывающій въ самомъ себѣ и въ тоже время вѣчно являющійся въ сознаніи смѣняющихся личностей. Онъ составляетъ общую, единую духовную *субстанцію* и подраздѣляется такъ, что является какъ *самъ онъ* и какъ совокупность личностей, *его сознающихъ*. Это абсолютное отношеніе можно вообще назвать *религіею*, и очевидно что ре-

---

(*) Отношеніе человѣчества къ абсолютному духу составляетъ, по опредѣленію Гегеля, вообще *религію*. Ниже, въ прибавл. къ § 562, Гегель говоритъ, что исторія религій совпадаетъ съ исторіею всемірною. Читатель замѣтитъ, что авторъ, предпославши выше нѣсколько общихъ замѣчаній о всемірной исторіи, развиваетъ, въ слѣдующихъ трехъ отдѣлахъ, философію исторіи,—или что тоже — философію религій, такъ что логическое развитіе предмета совпадаетъ съ историческимъ теченіемъ жизни.—*Перев.*

лигія одинаковымъ образомъ проистекаетъ изъ субъекта, т. е. принадлежитъ ему самому,—и въ то же время (съ объективной точки зрѣнія) она происходитъ отъ абсолютнаго духа, который осуществляется въ религіозной общинѣ.

Примѣч. Въ примѣч. къ § 63 мы уже замѣтили, что въ религіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, вѣра не противоположна знанію. Вѣра не исключаетъ знанія; она сама есть только особенная форма знанія.

Въ настоящее время теологія большею частію отрицаетъ возможность знанія въ объективномъ смыслѣ; она отказывается отъ знанія истины и сосредоточивается въ субъектѣ, въ его чувствѣ и сердцѣ. Но этимъ самымъ она по крайней мѣрѣ признаетъ, что Богъ какъ духъ живетъ въ религіозной общинѣ.

§ 555.

Субъектъ возвышается къ сознанію абсолютнаго духа рядомъ трехъ ступеней:

1) Онъ сознаетъ свое непосредственное и субстанціальное единство съ абсолютнымъ духомъ въ формѣ *вѣры*, потому что духъ свидѣтельствуетъ и *удостовѣряетъ* въ бытіи объективной истины.

2) Вѣра образуетъ это непосредственное единство и въ то же время она заставляетъ сознать противоположность между субъектомъ и абсолютнымъ духомъ; отсюда проистекаетъ *благоговѣніе* и развитыя или неразвитыя формы *культа*.

3) Но эта противоположность исчезаетъ, чтобы дать мѣсто абсолютной свободѣ духа; первоначальное и непосредственное убѣжденіе въ бытіи объективнаго духа возвышается этимъ путемъ на степень *доказаннаго* знанія, и духъ достигаетъ своей высшей цѣли,—примиренія съ дѣйствительностію духа.

А.

Искусство.

(РЕЛИГІЯ КЛАССИЧЕСКАГО ИСКУССТВА).

§ 556.

Вначалѣ субъектъ имѣетъ *непосредственное* сознаніе объ абсолютномъ духѣ. (Въ этомъ состоитъ конечность искусства). По этому духъ распадается здѣсь на двѣ независимыя стороны. Съ одной стороны существуетъ *произведеніе искусства*, которое создано художникомъ, и которое созерцается и почитается другими субъектами. Съ другой стороны эти субъекты, созерцая произведеніе искусства, *созерцаютъ* или представляютъ себѣ абсолютный по своей природѣ духъ—подъ видомъ *идеала*. Потому что субъективное созданіе художника есть только *выраженіе* (или знакъ) идеи и является въ такой *просвѣтленной* формѣ, что не вызываетъ никакого другаго представленія кромѣ идеала; такое созданіе есть *изящное* созданіе искусства.

§ 557.

Изящное созданіе искусства служитъ опредѣленнымъ выраженіемъ идеи. Но свойственная ему *непосредственная*, именно внѣшняя и чувственная форма оказываетъ вліяніе на самое содержаніе выражаемой имъ идеи. Богъ разумѣется здѣсь какъ духовное существо, нераздѣльное отъ естественнаго элемента. Богъ является здѣсь какъ единство природы и духа,—но какъ непосредственное единство, доступное созерцанію; другими словами, онъ не есть духовное существо, въ которомъ естественный элементъ былъ бы признанъ призрачнымъ и производнымъ, а духовный—первобытнымъ; словомъ, онъ еще не сознанъ какъ абсолютный духъ.

Примѣч. Въ сферѣ религіи, религіозная община сознаетъ, что сущность ея есть духъ, и въ этомъ отношеніи лица ее составляющія дѣйствительно свободны. Но въ своемъ непосред-

ственномъ состоянiи сознанiе этой свободы, завѣщанное исторiей, еще не есть продуктъ размышленiя, не есть сознательное убѣжденiе *совѣсти*. Это обстоятельство оказываетъ существенное влiянiе на тѣ формы, подъ которыми благоговѣнiе и культъ существуютъ *въ религiи изящнаго искусства*.

§ 558.

Чтобы воплотить свои идеи въ живыхъ образахъ, художникъ не только нуждается въ данномъ внѣшнемъ матерiалѣ (сюда относятся также субъективные образы и представленiя); но преимущественно ему необходимы опредѣленныя формы природы и онъ долженъ предъугадывать и знать какiя изъ этихъ формъ наиболѣе способны выразить его идею (сравн. § 411). Изъ всѣхъ формъ, человѣческая форма есть самая высшая и истинная, потому что тѣло человѣка служитъ самымъ полнымъ выраженiемъ духа.

Примѣч. Эти замѣчанiя показываютъ насколько справедлива теорiя, которая учитъ, что искусство есть *подражанiе природѣ*. Противоположное воззрѣнiе до тѣхъ поръ не примирится съ этимъ воззрѣнiемъ на искусство, пока оно не согласится, что формы природы не суть только внѣшнiя формы, но служатъ выраженiемъ духа, а потому имѣютъ смыслъ и свое характеристическое значенiе.

§ 559.

Абсолютный духъ не можетъ быть вполнѣ выраженъ въ такихъ единичныхъ формахъ. Поэтому духъ, воплощающiйся въ созданiяхъ искусства, по необходимости есть духъ ограниченный, и народъ, служащiй искусству, имѣетъ ограниченную религiю. По своей природѣ этотъ духъ есть духъ всеобщiй; но когда созданiя искусства стремятся выразить его богатое содержанiе, онъ является подъ видомъ неопредѣленнаго множества боговъ. Вслѣдствiе такой ограниченности содержанiя, понятiе красоты исчерпывается совпаденiемъ идеи съ ея внѣшнимъ выраженiемъ, или съ образомъ, и являются созданiя искусства, которыя изящны только по своей формѣ. Поэтому содержанiе мысли или представленiя можетъ быть совершенно разнородно съ тѣмъ случайнымъ ма-

теріаломъ, въ которомъ оно воплощается, и при всемъ томъ созданіе искусства можетъ быть изящнымъ и художественнымъ.

§ 560.

Такъ какъ идеалъ искусства воплощается *въ непосредственной* формѣ (§ 556), то эта недостаточность формы ведетъ къ противоположной крайности, а именно эта форма *создается* художникомъ. Художникъ приноситъ только свою формальную дѣятельность, и созданіе искусства только тогда служитъ выраженіемъ бога, когда художникъ не вноситъ въ него ничего лично ему принадлежащаго; въ этомъ отношеніи, содержаніе вѣрующаго сознанія должно быть воспринято и должно излиться безъ всякой примѣси со стороны художника. Съ другой стороны, художникъ могъ бы свободно относиться къ своему идеалу только въ томъ случаѣ, если бы онъ сдѣлалъ его предметомъ своей мысли; но его дѣятельность, преисполненная этимъ внутреннимъ содержаніемъ,— *вдохновеніе* художника—покоряется какъ будто чуждой власти и является какъ *несвободный* паѳосъ; самый процессъ созданія находится въ зависимости отъ природы; онъ возможенъ только для *генія*, какъ *опредѣленнаго лица*, но въ тоже самое время этотъ процессъ созданія требуетъ знанія техники и труда, располагающаго внѣшними средствами. Съ этой стороны созданіе искусства есть дѣло свободной воли, или—лучше сказать— произвола, и художникъ есть творецъ бога.

§ 561.

Когда художникъ преисполненъ этимъ внутреннимъ содержаніемъ, то его субъективное самосознаніе совершенно *гармонируетъ* съ нимъ; его самосознаніе самоувѣренно и свѣтло, потому что онъ еще не сознаетъ своей глубокой противоположности съ абсолютнымъ духомъ, существующимъ независимо и свободно. Результатъ этой гармоніи есть законченная *красота*, осуществляющаяся въ *классическомъ* искусствѣ.

Этой гармоніи и этой красоты еще не достигло искусство *высокаго* или *символическое* искусство; здѣсь еще не

найдена форма, которая гармонировала бы съ идеею; напротивъ, мысль не удовлетворяется формою, борется съ нею, относится къ ней отрицательно, хотя и стремится воплотиться въ ней. Очевидно, что здѣсь самая идея, самое содержаніе еще не достигло своей истинной, безконечной формы, еще не сознано и не сознаетъ себя какъ абсолютнаго духа. Это содержаніе существуетъ въ чистой мысли какъ отвлеченный богъ; мысль стремится къ нему, она безъ устали останавливается то на одной, то на другой формѣ, и не можетъ найдти своей цѣли.

§ 562.

И такъ идея въ классическомъ искусствѣ гармонируетъ со своимъ выраженіемъ, потому что Богъ—безконечный духъ, имѣющій форму субъекта,—еще разумѣется здѣсь какъ поверхностная личность.—Этой гармоніи нѣтъ въ символическомъ искуствѣ, потому что въ немъ идея ищетъ соотвѣтственнаго себѣ выраженія, и не удовлетворяется внѣшними формами.—Тоже самое должно быть и тогда, когда сознана духовная природа божества, т. е. когда сознано, что оно находитъ свое выраженіе только въ самомъ себѣ и даетъ себѣ достойную его форму только въ духѣ. Искусство, которое называется *романтическимъ*, уже не старается воплотить его, какъ духа, во внѣшнемъ изящномъ образѣ; оно изображаетъ его во внѣшней формѣ, но стремится проникнуть, помимо этой формы, во внутренній міръ духа. Внѣшняя форма случайна по отношенію къ такому содержанію.

Примѣч. Философія религіи должна показать, что различныя, болѣе и болѣе совершенныя опредѣленія, которыя даютъ абсолютному существу, слѣдуютъ другъ за другомъ съ логическою необходимостью. Каждому изъ такихъ опредѣленій соотвѣтствуетъ извѣстная форма культа. Равнымъ образомъ каждому началу, лежащему въ основаніи данной религіи, соотвѣтствуютъ извѣстныя понятія о высшемъ назначеніи человѣка, и слѣдовательно извѣстная ступень развитія гражданственности народа: особенности его права, т. е. его дѣйствительной свободы и его государственнаго устройства,—его искусство и наука. Одинъ и тотъ же духъ создаетъ и оживляетъ всѣ эти формы народной

жизни, и всѣ онѣ составляютъ одну систематическую цѣлость. Отсюда слѣдуетъ, что исторія религій совпадаетъ со всемірною исторіей.

Мы можемъ сдѣлать одно общее замѣчаніе о связи искусства съ различными формами религіи. Именно, изящное искусство возможно только при такой религіи, которая сознаетъ Бога какъ духа конкретнаго и свободнаго, но еще не абсолютнаго. Въ тѣхъ религіяхъ, въ которыхъ Богъ не явился и не сознанъ какъ духъ, ощущается, правда, потребность въ искусствѣ; потому что отвлеченное представленіе *о высшемъ существѣ* дѣлается доступнѣе уму при помощи фантазіи и образовъ, и одно искусство можетъ уяснить такое отвлеченное, неясное содержаніе, составленное изъ естественныхъ и духовныхъ элементовъ. Но это искусство представляетъ много недостатковъ. Недостаточность содержанія вызываетъ недостаточность самой формы, —а содержаніе недостаточно потому что форма не вытекаетъ изъ него и не совпадаетъ съ нимъ. Внѣшнее выраженіе отличается матеріальностію и безвкусіемъ, потому что къ самому содержанію примѣшаны матеріальные элементы; оттого оно не можетъ вполнѣ проникнуть собою ту форму, которая должна служить его выраженіемъ. Напротивъ *классическое* искусство требуетъ, чтобы Богъ былъ сознанъ какъ свободный духъ, и чтобы природа и чувственные элементы были признаны несамостоятельными и служащими выраженіемъ духа. Тогда духъ обнаруживаетъ въ этихъ формахъ только самого себя.

Изъ сказаннаго видно, что появленіе искусства предвѣщаетъ гибиль религіи, связанной съ внѣшними и чувственными формами. Искусство просвѣтляетъ религію, даетъ ей искомое выраженіе и блескъ; и въ тоже время оно разрушаетъ ограниченную форму религіи. Когда искусство выражаетъ высокое и божественное, художникъ и зрители постигаютъ это послѣднее своимъ чувствомъ и сердцемъ, ихъ духъ находитъ себѣ полное удовлетвореніе и свою свободу. Изящное искусство приводитъ, слѣдственно, къ тому же результату какъ и философія: оно освобождаетъ духъ отъ чувства неволи. Въ самомъ дѣлѣ, потребность въ изящномъ искусствѣ является въ тѣхъ религіяхъ,

гдѣ дѣлаютъ предметомъ суевѣрнаго почитанія безсмысленные, чувственные предметы, благоговѣйно чтятъ, какъ чудотворные талисманы, безобразныхъ идоловъ, за которыми не скрывается никакой разумный смыслъ и т. д.

Впрочемъ изящное искусство есть только ступень освобожденія духа; но оно еще не вполнѣ освобождаетъ его. Какъ этимъ внѣшнимъ, безобразнымъ предметамъ поклоненія, такъ и чувственно-изящнымъ созданіямъ искусства еще недостаетъ истинной объективности, которая существуетъ только въ элементѣ *мысли*, какъ такомъ элементѣ, въ которомъ духъ обнаруживается духу и въ которомъ свобода духа соединена съ религіознымъ благоговѣніемъ.

§ 563.

Изящное искусство и религія ему соотвѣтствующая должны уступить мѣсто истинной религіи. Идея, бывшая ограниченною по своему содержанію, принимаетъ образъ всеобщности, тожественной съ безконечною формою; другими словами, знаніе непосредственное, ограничивавшееся созерцаніемъ чувственнаго предмета, уступаетъ мѣсто знанію посредственному, знанію о самосознательномъ, *самообнаруживающемся* духѣ. Идея (Бога) опредѣлена какъ свободная личность, какъ *абсолютный духъ*, который сознается духомъ.

B.

РАЦІОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГІЯ (*).

§ 564.

Изъ самаго понятія истинной религіи, т. е. такой религіи, содержаніе которой составляетъ абеолютный духъ, слѣ-

(*) Въ этой главѣ авторъ излагаетъ попытку построить умозрительную теологію на твердомъ основаніи откровенія и согласовать выводы разума съ этимъ послѣднимъ. Какъ мы уже сказали, главная цѣль автора—чисто историческая. Изображая всемірноисторическое развитіе духа, онъ не могъ не коснуться такого крупнаго факта, какимъ представляется эта догматика. Впрочемъ онъ самъ замѣчаетъ, что въ этой догматикѣ истина не достигаетъ своей истинной формы, что конечно справедливо. *Примѣч. Перев.*

дуетъ, что она должна быть *откровеніемъ* и откровеніе должно исходить *отъ Бога*. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ, какъ *духъ* есть самосознательная субстанція, и слѣдственно такая субстанція, которая сама даетъ себѣ свою форму, свои опредѣленія, и сама *обнаруживаетъ себя*. Духъ становится дѣйствительнымъ духомъ, когда онъ сознанъ духомъ; въ абсолютной религіи абсолютный духъ обнаруживаетъ не одни отвлеченные моменты, но обнаруживаетъ себя въ своей цѣлости.

Примѣч. Уже *Платонъ* и *Аристотель* старались опровергнуть древнее представленіе о Немезидѣ, какъ о всеуравнивающей власти, разрушающей все великое и возвышенное; вопреки этой теоріи отвлеченнаго разсудка они говорили, что Богъ независтливъ. Тоже самое можно возразить противъ увѣренія новѣйшихъ (германскихъ) теологовъ, что человѣкъ не можетъ ничего знать о Богѣ. Эти увѣренія совершенно бездоказательны и тѣмъ болѣе непослѣдовательны, что люди, которымъ они принадлежатъ, исповѣдуютъ религію *откровенія*; еслибы эти увѣренія были справедливы, та такая религія ничего не *открывала* бы намъ о Богѣ, она не была бы религіею откровенія и люди ее исповѣдующіе были бы язычники, не имѣющіе никакого понятія о Богѣ. Если въ религіи уважается слово Божіе, то знаніе должно начинаться знаніемъ о Богѣ, потому что онъ составляетъ содержаніе и начало религіи... Напротивъ, когда говорятъ, что Богъ есть духъ, то эти слова имѣютъ смыслъ только тогда, когда они означаютъ, что Богъ самъ обнаруживаетъ себя.

Знаніе о Богѣ какъ духѣ очень трудно; оно не можетъ успокоиться на неопредѣленныхъ безотчетныхъ представленіяхъ, но переходитъ къ мышленію, и первоначально въ формѣ размышленія; но цѣлію его должно быть разумное знаніе. Поэтому неудивительно, что многіе, и въ особенности теологи, которые обязаны заниматься этимъ предметомъ, старались облегчить свою задачу и охотно приняли то, что способствовало этому облегченію. Они охотно согласились съ результатомъ Кантовой критики, что человѣкъ не можетъ имѣть понятія о

Богѣ. Необходимо основательное знаніе спекулятивной философіи, чтобы правильно и отчетливо понять, чтό есть Богъ какъ духъ. Изъ этого положенія вытекаютъ слѣдующія: Богъ необходимо долженъ быть существо самосознательное; онъ есть существо самосознательное, когда сознаетъ себя въ человѣкѣ; поэтому человѣкъ имѣетъ сознаніе о Богѣ и сознаетъ себя *въ* Богѣ. Эти положенія извлечены изъ сочиненія Гёшеля: «*Афоризмы о знаніи и незнаніи*, Берлинъ, 1829 г.», гдѣ они объяснены подробно.

§ 565.

Когда абсолютный духъ признаетъ недостаточными непосредственныя и чувственныя формы своего существованія и культъ, предметомъ котораго онѣ служатъ (въ религіи искусства), онъ существуетъ какъ духъ опредѣляющійся независимо и свободно, обнаруживающійся въ природѣ и въ духѣ. Первоначально онъ сознается субъективнымъ духомъ и *представленіемъ*. Это послѣднее разобщаетъ моменты его содержанія, признаетъ, что они независимы и существуютъ совмѣстно, что они *слѣдуютъ одинъ за другимъ во времени* и связаны, какъ явленія или какъ событія, конечными отношеніями причины и дѣйствія; но съ другой стороны, такое независимое существованіе ихъ отвергнуто, потому что человѣкъ *вѣруетъ* въ единаго Бога и *поклоняется* ему, т. е. дѣлаетъ его предметомъ своего *культа*.

§ 566

Когда эти моменты представляются отдѣльно, т. е. когда одно и тоже *содержаніе* является подъ разными *формами*, тогда различные моменты понятія образуютъ *особенныя сферы* и элементы, и въ каждомъ изъ этихъ элементовъ обнаруживается одно и тоже абсолютное содержаніе.

α) Вѣчное содержаніе обнаруживается въ средѣ самого себя.

β) Вѣчная сущность различаетъ себя отъ своего проявленія, т. е. отъ міра явленій, воплощающихъ ея содержаніе.

γ) Внѣшній міръ примиряется и возвращается къ своему единству съ вѣчною сущностію. Другими словами, вѣчная сущность возвращается изъ разрозненнаго міра явленій къ своему полному единству.

§ 567.

α) Абсолютный духъ существуетъ какъ *всеобщій* моментъ понятія, онъ существуетъ, въ элементѣ чистой *мысли*, какъ отвлеченная доміровая *сущность*. Онъ существуетъ *прежде* міра, но не остается недѣятеленъ; онъ есть *субстанціальная власть* и, когда на него переносятъ опредѣленіе причины, онъ есть *творецъ* неба и земли. Но то, что различается отъ него, есть его собственное рожденіе, т. е. онъ остается тожественъ съ тѣмъ, что различается отъ него. Это различающееся существованіе вѣчно отрицаетъ свое независимое бытіе и признаетъ свое тожество съ первобытною субстанціею; эта послѣдняя, отрицая свое иное, является какъ *конкретная единичность*, или какъ *субъектъ*, т. е. какъ *духъ*.

§ 568.

β) Такимъ образомъ, что существуетъ *прежде* всего другаго, это вѣчный конкретный *духъ*, и его дѣятельность состоитъ въ томъ, что онъ создаетъ *міръ явленій*. (Понятіе является здѣсь въ моментѣ своей *особенности*). Созданный міръ распадается на двѣ независимыя и противоположныя сферы. Съ одной стороны существуетъ *природа*—небо и земля—или природа въ элементарныхъ и въ конкретныхъ формахъ. Съ другой стороны существуетъ *конечный духъ*, который находится въ связи съ природою; его отличительную черту составляетъ то, что онъ отвлеченно свободенъ и потому способенъ производить *зло;* въ этомъ состояніи, конечный духъ противополагаетъ себя природѣ, но потому са-

мому не освобождается отъ нея; его мысль направляется къ вѣчному, но онъ способенъ разумѣть его только внѣшнимъ образомъ.

§ 569.

γ) Наконецъ, что существуетъ *прежде* всего другаго, какъ моментъ *единичности*, это

1) *всеобщая* субстанція, которая осуществляется подъ видомъ *единичнаго*, самознательнаго субъекта потому что онъ есть *истинное основаніе* обоихъ предыдущихъ моментовъ понятія, всеобщаго и особеннаго. Этотъ субъектъ *непосредственно тожественъ* со всеобщею субстанціею, осуществляющеюся въ мірѣ конечныхъ, преходящихъ явленій, и зло отвергнуто имъ. Но далѣе, непосредственный и чувственный субъектъ, олицетворяющій абсолютно—конкретную субстанцію, отрицаетъ свою *единичность*, такъ сказать умираетъ въ своей единичности, признаетъ, что его истина есть всеобщая субстанція; эта послѣдняя образуетъ единство единичности и всеобщаго элемента и существуетъ *для себя;* она есть вѣчный, но *живой* и пребывающій въ мірѣ духъ.

§ 570.

2) Итакъ единичный субъектъ, съ его конечными и непосредственными побужденіями, сначала признаетъ, что *прежде* и *независимо* отъ него существуетъ эта объективная цѣльность: онъ созерцаетъ ее, какъ нѣчто внѣшнее ему, но какъ нѣчто въ основѣ своей истинное. Сознавая, что онъ долженъ стремиться къ этой истинѣ, субъектъ отвергаетъ свои непосредственныя побужденія, какъ нѣчто ложное и злое; онъ вѣруетъ, и религіозное воспоминаніе подтверждаетъ это вѣрованіе, что единичный субъектъ тожественъ со всеобщимъ элементомъ, поэтому онъ отвергаетъ свои непосредственныя влеченія и свою единичную волю и признаетъ свое единство съ Богомъ.

3) Итакъ всеобщій разумъ живетъ въ самосознаніи каждаго единичнаго субъекта и проявляетъ въ немъ свою дѣя-

тельность; другими словами всеобщій духъ, опредѣляющійся независимо и свободно, осуществляется въ дѣйствительности.

§ 571.

Духъ обнаруживается черезъ посредство этихъ трехъ умозаключеній, которыя образуютъ одно умозаключеніе; одинъ и тотъ же духъ живетъ и развивается въ нихъ и является представленію подъ различными формами. Всѣ эти формы, которыя сначала кажутся независимыми и повидимому слѣдуютъ одна за другою во времени, приводятъ къ одному результату, къ живому единству духа. Это единство вполнѣ познается вѣрою и благоговѣйнымъ чувствомъ, но преимущественно *мышленіемъ*. Духъ развивается въ простомъ элементѣ мысли какъ всеобщій, простой и вѣчный духъ. Истина въ этой самой истинной своей формѣ, составляетъ предметъ *философіи*.

Примѣч. Результатъ предыдущаго развитія есть единый духъ, существующій *для себя*. Въ религіи нерѣдко признаютъ только эту *форму* существованія духа и отвергаютъ его содержаніе, т. е. не признаютъ, что онъ опредѣленъ *въ самомъ себѣ* и что эти его опредѣленія имѣютъ объективное достоинство. Въ такомъ случаѣ его безконечная субъективность существуетъ какъ самосознаніе, которое сознаетъ свое абсолютное значеніе, но является какъ *иронія*, ибо оно отрицаетъ всякое объективное содержаніе и признаетъ его ничтожнымъ; вслѣдствіе того эта субъективность сама ничтожна, не имѣетъ никакого содержанія, даетъ себѣ произвольное и случайное содержаніе, видоизмѣняетъ его по желанію и есть не что другое какъ пустой произволъ чувства, хотя она и воображаетъ, будто она стоитъ на высотѣ религіи и философіи. Безконечная форма, посредствомъ которой духъ обнаруживаетъ себя, умѣряетъ произволъ субъекта и даетъ истинное направленіе его мысли. Мышленіе, руководствуемое этою формою, есть свободное мышленіе, которое опредѣляется само изъ себя, и эти опредѣленія составляютъ его объектъ, именно его абсолютное содержаніе, опредѣленное въ самомъ себѣ и существующее для себя. Отсюда видно, что самое мышленіе есть не что другое какъ форма, въ которой развивается абсолютное содержаніе.

C.

ФИЛОСОФІЯ.

§ 572.

Философія есть единство искусства и религіи. Искусство *созерцало* свои созданія, оно воспроизводило и дробило вѣчное содержаніе въ независимыхъ формахъ. Религія соединяла независимые образы, созданные представленіемъ, въ одну *цѣлость*. Философія соединяетъ моменты развитія идеи въ одно цѣлое, она *созерцаетъ* ихъ въ простомъ элементѣ духа, но возводитъ ихъ въ формы *сознательнаго мышленія*. И такъ она уразумѣваетъ происхожденіе (или понятіе) искусства и религіи; она узнаетъ, что разнообразное содержаніе духа необходимо, но что эта необходимость не нарушаетъ его свободы.

Примѣч. (*). Здѣсь будетъ кстати опредѣлить отношеніе *философіи къ религіи*. Все различіе ихъ происходитъ изъ различія между формами спекулятивнаго мышленія и формами представленія и размышляющаго разсудка. Въ философіи и преимущественно въ логикѣ мы видѣли, въ чемъ состоитъ это различіе; мы имѣли всѣ данныя, чтобы опредѣлить ихъ сравнительнее значеніе, потому что онѣ развивались передъ нами и сами обнаруживали свое содержаніе. Узнавши эти формы, мы можемъ придти къ положительному заключенію, что философія и религія имѣютъ одно и тоже содержаніе, только въ религію не входитъ разсмотрѣніе ближайшаго содержанія природы и конечнаго духа. Въ религіи истина существуетъ *для всѣхъ людей*, и вѣра въ эту истину основана на *свидѣтельствѣ духа*, потому что духъ, какъ духъ, необходимо свидѣтельствуетъ объ истинѣ. Духъ стремится опредѣлить истину въ подробностяхъ и исполняетъ это въ формѣ свѣтскихъ изслѣдованій и разсужденій; онъ составляетъ себѣ болѣе или ме-

(*) Въ подлинникѣ это примѣчаніе отнесено къ слѣдующему параграфу. При томъ необходимо замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ собственно не о *религіи*, но о теологіи, или *догматикѣ*, что не одно и тоже. *Перев.*

нѣе ограниченныя понятія объ истинѣ. Но духъ, по своей природѣ, разуменъ; поэтому составляя себѣ чувственныя представленія и прилагая къ нимъ конечныя отношенія мысли, онъ тѣмъ не менѣе дѣлается *непослѣдователенъ* и измѣняетъ имъ. Эта непослѣдовательность исправляетъ ихъ недостатки. Разсудокъ очень легко открываетъ противорѣчія въ предметахъ вѣры, и готовитъ торжество своему закону формальнаго *тожества*, (которое гласитъ, что предметъ можетъ быть только самимъ собою и не можетъ быть въ тоже время инымъ). Когда духъ поддается этой конечной рефлексіи, которая присвоила себѣ названіе разумной философіи (раціонализма), онъ составляетъ себѣ конечныя понятія о предметахъ религіи и въ сущности уничтожаетъ ихъ. Религія имѣетъ полное право относиться враждебно къ такой разумной философіи. Но она не должна смѣшивать ее съ разумомъ, стремящимся понять религію и съ философіею, которая разумна и потому религіозна по своему седержанію. Если религія относится враждебно къ спекулятивной философіи, то это потому что она недостаточно взвѣшиваетъ ихъ взаимное различіе, что она не обращаетъ должнаго вниманія на сравнительное достоинство свойственныхъ ей формъ духа и формъ мысли, и не сознаетъ того, что эти различныя формы могутъ вмѣщать тоже самое содержаніе. Религія нападаетъ на спекулятивную философію по отношенію къ ея своеобразной формѣ; напротивъ философія, не заслуживающая этого имени, и благочестіе, отвергающее всякое объективное содержаніе, упрекаютъ и обвиняютъ спекулятивную философію по отношенію къ ея содержанію. Первая находитъ, что она даетъ слишкомъ *малое* мѣсто божеству; второе—что она даетъ ему слишкомъ *большое* мѣсто въ мірѣ.

Прежде чаще обвиняли философію въ томъ, что она слишкомъ *мало* держится обычныхъ религіозныхъ представленій. Въ настоящее время обвиненіе въ «*атеизмѣ*» сдѣлалось рѣже. Но тѣмъ чаще слышится упрекъ въ томъ, что она *излишне* религіозна, т. е. упрекъ въ «*пантеизмѣ*». Этотъ упрекъ считаютъ не столько обвиненіемъ, сколько очевиднымъ *фактомъ*, уже доказаннымъ, или, лучше сказать, не нуждающимся въ доказательствѣ. Благочестіе, которое говоритъ съ гордымъ пренебреженіемъ о доказательствахъ, и пустая раз-

судочная философія, (съ которою первое тожественно, хотя и не хочетъ имѣть съ нею ничего общаго) согласно утверждаютъ, будто философія есть ученіе о все-единствѣ, или пантеизмъ. Должно сказать, что благочестію и теологіи приноситъ большую честь то, что онѣ обвиняли философскія системы, напр. систему Спинозы, въ атеизмѣ, а не въ пантеизмѣ, хотя на первый взглядъ первое обвиненіе кажется жестче и ненавистнѣе (срав. § 71. Примѣч.). Обвиненіе въ атеизмѣ предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленное и *полное* представленіе о Богѣ и доказываетъ только то, что представленіе не узнаетъ тожества между тѣми формами, въ которыя оно облекаетъ религіозные предметы, и между понятіями философіи. Философія видитъ сродство между своими собственными формами и между обычными религіозными представленіями; она сознаетъ, что первыя тожественны съ послѣдними по своему содержанію. Напротивъ, религіозныя представленія не подвергаютъ себя критикѣ мысли, они не стремятся понять себя и потому они относятся враждебно къ философскимъ понятіямъ.

Новѣйшее просвѣщеніе, новѣйшая теологія и религіозность обвиняютъ философію преимущественно въ *пантеизмѣ*. Онѣ находятъ, что философія даетъ *слишкомъ большое* мѣсто божеству—и видитъ во всемъ Бога. Эта теологія превращаетъ религію въ дѣло чувства и сердца; она отрицаетъ возможность религіозныхъ истинъ и оставляетъ общее представленіе о Богѣ, не имѣющее никакого объективнаго содержанія. Она не ищетъ составить себѣ полное, отчетливое понятіе о Богѣ; она думаетъ, что всѣ такія попытки должны принадлежать *исторіи философіи*. Но всѣ религіи содержатъ общее представленіе о Богѣ. Благочестіе, какого бы рода оно ни было, напр. индѣйское поклоненіе обезьянамъ, коровамъ, Да-лай-Ламѣ и проч., или египетское служеніе быкамъ и проч., есть поклоненіе такому предмету, который, при всѣхъ своихъ наивныхъ опредѣленіяхъ, содержитъ общее родовое понятіе Бога. Если теологи считаютъ достаточнымъ такое представленіе о Богѣ и признаютъ во всѣхъ религіяхъ поклоненіе Богу, то они должны согласиться, что философія также говоритъ о божествѣ, и слѣдственно они не должны обвинять ее въ атеизмѣ. Если они смягчаютъ упрекъ и обвиняютъ философію въ пантеизмѣ, то это

потому что они имѣютъ самое поверхностное и самое пустое представленіе о Богѣ. Они составляютъ себѣ отвлеченное представленіе о Богѣ и признаютъ, что всякое опредѣленное содержаніе лежитъ *внѣ* природы божества; оно образуетъ содержаніе міра, которому они приписываютъ совершенно *самостоятельное и независимое бытіе.* Если философія доказываетъ, что Богъ есть единственное *всеобщее начало* и что міръ не имѣетъ истиннаго и независимаго бытія, то теологія истолковываетъ ея слова такъ, будто вещи имѣютъ *независимое существованіе и* составляютъ опредѣленное содержаніе божества. На этомъ основаніи они называютъ ученіе философіи пантеизмомъ, т. е. говорятъ, будто *все* въ мірѣ, *всѣ* предметы, какъ высшіе такъ и низшіе, имѣютъ *абсолютное бытіе* и составляютъ части божества. И такъ обвиненіе въ пантеизмѣ проистекаетъ изъ собственнаго безмыслія и искаженія философскихъ понятій.

Тѣ, которые обвиняютъ философскія системы въ пантеизмѣ, не могутъ и не хотятъ вникнуть въ это различіе, потому что они отвергаютъ критику понятій. Поэтому они должны были бы по крайней мѣрѣ *фактически* доказать, что *какой нибудь* философъ или *кто бы то ни было* приписывалъ абсолютное и истинно-реальное бытіе *всѣмъ* предметамъ міра и признавалъ ихъ за божество, и что это воззрѣніе не выдумано ими самими. Я постараюсь рѣшить этотъ вопросъ въ этомъ экзотерическомъ изслѣдованіи, и съ этою цѣлію я разберу возможно большее количество фактовъ. Чтобы найдти пантеизмъ въ его поэтической, самой высокой, или если хотятъ самой грубой формѣ, должно, какъ извѣстно, обратиться къ *восточнымъ* поэтамъ. Самыя широкія пантеистическія воззрѣнія встрѣчаются въ *индѣйскихъ* поэмахъ. Изъ богатаго матеріала, находящагося передъ нами, мы выберемъ нѣсколько самыхъ рѣзкихъ мѣстъ изъ наиболѣе достовѣрной индѣйской поэмы, изъ *Багавадъ-Гиты*, отрывки изъ которой такъ часто приводятъ религіозные противники пантеизма. Вотъ что говоритъ о себѣ *Кришна* (см. 10-ую лекцію у Шлегеля, стр. 162):

«Я—дыханіе, живущее въ тѣлѣ вѣрующихъ; я начало, средина и конецъ всего живущаго.—Я свѣтлое солнце между свѣтилами, я луна между спутниками. Я книга гимновъ между

священными книгами, я разумъ между чувствами живущаго и проч. Я — Шива между рудрами, Меру межъ вершинами горъ, Гималай между горами и проч., я левъ между звѣрями; я буква А между остальными буквами; межъ временъ года я весна и проч. Я сѣмя всѣхъ вещей, безъ меня ничто не существуетъ и проч.»

Замѣтимъ, что кромѣ *Кришны* нѣтъ другаго Бога. Прежде онъ сказалъ, что онъ Шива и Индра, и впослѣдствіи онъ говоритъ, что Брама также находится въ немъ (11 лекція, стр. 15).

Во всѣхъ этихъ чувственныхъ изображеніяхъ Кришна считаетъ себя самымъ *превосходнымъ* изо всего существующаго и ставитъ все остальное ниже себя. Онъ вездѣ дѣлаетъ различіе между внѣшними, несущественными предметами и самимъ собою. Когда онъ говоритъ, что онъ есть начало, середина и конецъ всего живущаго, онъ различаетъ себя отъ каждаго живущаго существа. Это изображеніе далеко распространяетъ предѣлъ божества, но его еще нельзя назвать *пантеизмомъ*; изъ безконечно разнообразнаго содержанія міра здѣсь выбрано ограниченное число существенныхъ предметовъ, — и слѣдственно это воззрѣніе можно было бы считать по большей мѣрѣ за *политеизмъ*. Но ясно что и эти существенные предметы не признаются здѣсь самостоятельными и что ихъ нельзя считать за независимыхъ боговъ; — самые боги, какъ Шива, Индра и проч. совмѣщаются въ одномъ божествѣ, въ Кришнѣ. Слѣдственно это ученіе клонится къ монотеизму.

Мы видимъ подтвержденіе этому въ слѣдующемъ мѣстѣ. Кришна говоритъ: Я *исходъ* всего міра, — и его *разрѣшеніе*; нѣтъ ничего превосходнѣе меня. Я сдерживаю вселенную, какъ нить держитъ жемчугъ; я вкусъ въ водахъ, блескъ въ солнцѣ и лунѣ, мистическое имя во всѣхъ священныхъ книгахъ; я жизнь во всемъ живущемъ и проч. я разумъ мыслящихъ, я сила въ сильныхъ и проч. Онъ прибавляетъ, что *маія*, — (по объясненію Шлегеля отсюда произошло слово: магія) которая не самостоятельна, а есть его собственное проявленіе, — т. е. непосредственное качество предметовъ вводитъ міръ въ заблужденіе, и что міръ не познаетъ его, существа *высшаго и неизмѣннаго*, что трудно проникнуть сквозь эту маію, но

что тѣ, которые причастны ему, восторжествовали надъ нею. Наконецъ это представленіе выражено въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ: Кришна говоритъ, что въ концѣ многихъ возрожденій мудрецъ познаетъ его, и восклицаетъ: Васудева (т. е. Кришна) живетъ во *всемъ*. Трудно найдти мудреца, имѣющаго это убѣжденіе. Другіе обращаются къ инымъ богамъ; я награждаю ихъ по заслугамъ, но награда этихъ маломудрыхъ незначительна. Глупцы думаютъ, что я *видимъ,—Я невидимый, непреходящій* и проч. Кришна говоритъ, что онъ живетъ *во всемъ;* но здѣсь какъ въ философіи Элеатовъ и Спинозы, не должно смѣшивать того, что живетъ во всемъ, со всѣмъ существующимъ. Всѣ эти системы признаютъ, что разнообразное матеріальное бытіе *случайно* и *преходяще*, и что оно находитъ свою истину въ *постоянномъ элементѣ,*— въ субстанціи или въ Богѣ. — Кромѣ того, индійская религія составляетъ себѣ представленія о *Брамѣ* какъ божествѣ въ формѣ чистой мысли, въ которой исчезаетъ эмпирическое содержаніе міра и всѣ существенные предметы, которые были прежде признаны богами. Поэтому *Колеброкъ* и другіе имѣли право назвать индійскую религію *монотеизмомъ*. То, что мы сказали выше, служитъ тому доказательствомъ. — Но признавая единаго Бога, какъ духа, индійская религія не даетъ ему никакого опредѣленнаго содержанія и не признаетъ его творцемъ міра. Вслѣдствіе этого она впадаетъ въ противорѣчіе съ самой собою, — въ самый грубый политеизмъ. Но если несчастный индѣецъ и поклоняется обезьянѣ и другому такому богу, онъ не думаетъ говорить, что *все*, что̀ только существуетъ, есть богъ.

Но индійскій монотеизмъ показываетъ какъ недостаточенъ монотеизмъ самъ по себѣ, если не даютъ отвлеченному понятію о Богѣ опредѣленнаго содержанія. Напротивъ, составляя себѣ такое отвлеченное и пустое представленіе, по необходимости противополагаютъ ему *независимое* бытіе міра и обоготворяютъ чувственные предметы.

Впрочемъ то, что называютъ пантеизмомъ, есть также монотеизмъ. Говорятъ, что въ пантеизмѣ Богъ тожественъ съ міромъ; но такъ какъ существуетъ только одинъ міръ, то слѣдуетъ, что пантеизмъ признаетъ единаго Бога.

Нѣтъ сомнѣнія, что міръ единъ, но это численное опредѣленіе не имѣетъ никакой важности для разума, — потому что этотъ единый міръ есть не что другое какъ совокупность безконечнаго множества конечныхъ предметовъ. Итакъ—говорить о единствѣ міра, не значитъ говорить о пантеизмѣ;—говорить о *единой* вселенной, не значитъ смѣшивать ее съ единымъ Богомъ. Міръ есть собраніе безконечнаго множества чувственныхъ предметовъ; если бы не забывали этого, то не могли бы составить себѣ такого грубаго представленія о небываломъ пантеизмѣ.

Но возвратимся къ фактамъ. Въ индійской поэзіи представленіе о божествѣ распадается съ одной стороны на неопредѣленное и отвлеченное понятіе Бога, а съ другой стороны на безконечное множество независимыхъ предметовъ, перечисленіе которыхъ утомляетъ своею длинностію. Напротивъ, у мухаммеданъ мы встрѣчаемъ болѣе чистыя и возвышенныя представленія о божествѣ; такъ напр. *Джелаледдинъ Руми* изображаетъ единство души съ единымъ Богомъ и говоритъ, что Богъ есть всеобъемлющая любовь. Его поэзія просвѣтляетъ природу и духъ; она возвышаетъ духъ надъ конечными и вседневными предметами, очищаетъ представленіе о Богѣ отъ внѣшнихъ, преходящихъ предметовъ природы и отъ низшихъ недостойныхъ формъ духа (*).

(*) Чтобы дать понятіе о его поэзіи, я приведу здѣсь нѣсколько отрывковъ, которые были съ удивительнымъ искусствомъ переведены на нѣмецкій языкъ *Рюккертомъ.* Вотъ они:

III. Я возвелъ взоры и видѣлъ въ небѣ Одного;—я опустилъ взоры и въ морскихъ волнахъ я видѣлъ Одного.

Я заглянулъ въ сердце; то было море, то былъ пространный міръ,—полный тысячью грезъ, и во всѣхъ грезахъ я видѣлъ Одного.

Воздухъ, огонь, земля и вода слились воедино,—и изъ этихъ элементовъ не дерзалъ противиться Тебѣ ни единый.

Всѣ сердца, живущія между небомъ и землею,—должны воздавать хвалу Тебѣ Одному.

V. Хотя солнце есть только слабый отблескъ Твоего сіянія,—я свѣтъ отъ твоего свѣта.

Хотя небо, движущееся надо мною, есть только прахъ ногъ твоихъ,—я бытіе отъ твоего бытія.

Небо становится прахомъ и прахъ небомъ;—но я вѣченъ какъ ты.

Я не буду увеличивать числа выписокъ изъ религіозныхъ и поэтическихъ сочиненій, въ которыхъ обыкновенно видятъ чистый пантеизмъ. Выше мы уже говорили о философскихъ системахъ, которымъ привыкли присвоивать это названіе, какъ

Кто пойметъ, какъ словеса жизни, оглашающія небо, — заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ моего сердца?

Кто пойметъ, какъ солнечный лучь скрывается подъ твердою корою алмаза,— чтобы возблистать еще ярче?

Кто пойметъ, какъ земная пыль и болотная тина—возращают ь купы розъ?

Кто пойметъ, какъ та капля, которую пила нѣмая раковина, — стала утѣхою свѣта, преобразившись въ жемчугъ?

Объята ли душа твоя холодомъ, или горитъ пламенемъ,—ледъ и огонь одна стихія. *Лишь бы твоя душа была чиста.*

IX. Я скажу тебѣ, какъ Богъ создалъ человѣка изъ праха;—онъ вдунулъ въ него дыханіе любви.

Я скажу тебѣ почему небо вѣчно движется:—оно преисполнено исходящимъ отъ божьяго трона сіяніемъ любви.

Я скажу тебѣ зачѣмъ вѣютъ утренніе вѣтры;—они возращаютъ розовыя кущи, гдѣ живетъ любовь.

Я скажу тебѣ зачѣмъ ночь распускаетъ свой покровъ; — она превращаетъ міръ въ брачный шатеръ любви.

Я разгадаю тебѣ всѣ тайны мірозданія,—потому что разгадка всѣхъ тайнъ, это любовь.

XV. Смерть прекращаетъ бѣдствія жизни, но жизнь пугается смерти.—Такъ сердце страшится любви, какъ будто ему грозитъ смерть.

Это потому, что *когда пробуждается любовь, наше я — этотъ мрачный деспотъ — умираетъ.*—Пусть оно умретъ во мракѣ и ты свободно вдохнешь утреннюю зарю.

Есть ли какое нибудь сходство между этою поэзіею, парящею надъ внѣшнимъ чувственнымъ міромъ, и тѣмъ прозаическимъ представленіемъ о пантеизмѣ, которое низводитъ божество въ сферу внѣшнихъ и чувственныхъ предметовъ? Г. Толюкъ, въ своемъ сочиненіи: «собраніе цвѣтовъ восточной мистики», приводитъ много цитатъ изъ стихотвореній Джелаледдина и другихъ поэтовъ и видитъ въ нихъ тоже направленіе, которое мы старались выяснить. Изъ введенія къ этому сочиненію видно, что г. Толюкъ глубоко понялъ духъ и значеніе мистики. Здѣсь онъ характеризуетъ различіе восточной мистики отъ западной и христіанской. При всемъ своемъ различіи, онѣ сходственны. Авторъ говоритъ, что во всѣхъ случаяхъ когда къ т. н. пантеизму примѣшивается мистика, духъ возвышается надъ пантеистическимъ воззрѣніемъ на міръ (стр. 33). Но г. Толюкъ имѣетъ обычное неясное представленіе о пантеизмѣ. Впрочемъ онъ не могъ взойти въ ближайшее разсмотрѣніе этого представленія, потому что оно не входило въ его предметъ. Тѣмъ не менѣе онъ увлекается мистикою совершенно пантеистическою, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова.— Его философскія замѣчанія основываются на обыкновенной разсудочной метафизикѣ и ея категоріяхъ, не провѣренныхъ критикою (стр. 12 и слѣд.).

напр. о философіи Элеатовъ и Спинозы (см. § 50, примѣч.). Онѣ не думаютъ отожествлять Бога и міръ; напротивъ онѣ признаютъ, что міръ не имѣетъ истинной реальности. Эти системы суть *монотеизмъ*; а съ ихъ точки зрѣнія на міръ, ихъ можно назвать *акосмизмомъ*.—Говоря опредѣленнѣе, эти системы опредѣляютъ Бога какъ *субстанцію*. У восточныхъ и преимущественно у мухаммеданскихъ писателей Богъ также является какъ *всеобщій родъ*, который живетъ въ видахъ и недѣлимыхъ, такъ что эти послѣдніе сами по себѣ не имѣютъ дѣйствительной реальности.—Недостатокъ всѣхъ этихъ поэтическихъ представленій и философскихъ системъ состоитъ въ томъ, что онѣ не возводятъ субстанцію къ понятію *субъекта и духа*.

Всѣ эти воззрѣнія и системы имѣютъ своимъ основаніемъ потребность, общую всѣмъ религіямъ и философіямъ; — онѣ ищутъ составить себѣ опредѣленное представленіе о Богѣ и его отношеніи къ міру. Философія показываетъ, что узнавая природу божества, мы въ тоже время узнаемъ его отношеніе къ міру. Разсудокъ, размышляя объ этомъ предметѣ, первоначально отвергаетъ всякую связь между Богомъ и міромъ и отрицаетъ всѣ поэтическія, религіозныя и философскія системы, которыя допускаютъ такую связь. Онъ полагаетъ бездну между сущностію и явленіями, между безконечнымъ и конечнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ допустить *соотношеніе* между явленіемъ и сущностію, конечнымъ и безконечнымъ и т. д. и потому онъ ставитъ вопросъ о томъ, какого рода это соотношеніе? Вся трудность состоитъ здѣсь въ томъ, что разсудокъ признаетъ обѣ стороны независимыми. Не имѣя вѣрнаго понятія о природѣ божества, онъ долженъ признать, что это соотношеніе *необъяснимо* и *непонятно*. Прошедши всю философію, мы не будемъ тратить словъ, чтобы объяснять, что́ значитъ *понимать*; и этого нельзя объяснить въ экзотерическомъ примѣчаніи. Но отъ правильнаго взгляда на это отношеніе зависитъ вѣрный взглядъ на всю философію и на тѣ обвиненія, которымъ она подвергается. Поэтому мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній объ этомъ предметѣ. Философія во всемъ своемъ развитіи занимается единственно и исключительно *единствомъ* (или синтезомъ) опредѣленій. Но это единство

не отвлеченное, а *конкретное*. Другими словами, ея содержаніе составляетъ не пустое тожество, не отвлеченное Абсолютное, но конкретное *понятіе*. Каждая ступень ея развитія служитъ *опредѣленіемъ* этого конкретнаго единства; послѣднее и самое полное опредѣленіе его состоитъ въ томъ, что это единство есть *абсолютный духъ*. Тѣ, которые хотятъ судить о философіи и высказывать о ней свое мнѣніе, должны были бы подвергать критикѣ различныя *опредѣленія* этого *единства*. Они должны были бы освоиться съ ними и должны были бы по крайней мѣрѣ знать, что такихъ опредѣленій *очень много* и что они имѣютъ не одинаковое достоинство. Но они не знаютъ и не хотятъ знать ихъ. Какъ только они слышатъ о *единствѣ*,—а всякое *соотношеніе* есть *единство*, — они заключаютъ, что это единство есть отвлеченное, *неопредѣленное* единство, и не обращаютъ вниманія на то, что существенно важно для разума, именно на содержаніе или на опредѣленіе этого единства. Поэтому они могутъ только сказать, что принципъ и результатъ философіи есть сухое «тожество» и что эта философія есть система тожества. Они опускаютъ все содержаніе философіи и превращаютъ ея результатъ—конкретное единство или конкретное понятіе—въ пустое и отвлеченное единство. Естествоиспытатели поступаютъ точно также въ своихъ изслѣдованіяхъ. Они обращаютъ исключительное вниманіе на различныя чувственныя свойства и вещества, — или лучше сказать на одни вещества,—потому что они признаютъ что всякое свойство обязано своимъ существованіемъ особой матеріи. Эти матеріи находятся въ *соотношеніи* между собою. Но имъ нѣтъ дѣла до ихъ соотношенія; между тѣмъ какъ отъ *различныхъ ступеней ихъ единства* зависитъ все различіе предметовъ неорганическихъ и органическихъ. Физика (включая сюда и химію) довольствуется общимъ представленіемъ, что тѣла, которыми она занимается, суть тѣла *сложныя*, т. е. она допускаетъ въ нихъ одну внѣшнюю и поверхностную связь и не изслѣдуетъ различныхъ формъ ихъ внутренняго единства; поэтому она не можетъ понять ни одного изъ нихъ.

Тѣ, которые имѣютъ поверхностное понятіе о тожествѣ, сами составляютъ себѣ представленіе о небываломъ пантеизмѣ и обвиняютъ въ немъ философію. Они убѣждены, что когда филосо-

фія говоритъ о *соотношеніи* Бога и міра, то она тѣмъ самымъ признаетъ что они *тожественны*. Но тожество составляетъ только одинъ моментъ всякаго соотношенія; другой моментъ его есть—опредѣленное различіе. Мало того; они приписываютъ независимое бытіе какъ Богу такъ и міру, и потому они увѣряютъ будто, по понятію философіи, Богъ *состоитъ* изъ Бога и міра. Они называютъ это воззрѣніе пантеизмомъ и утверждаютъ, что философія есть пантеизмъ. Они не могутъ освободиться отъ такихъ ложныхъ категорій и потому приписываютъ ихъ философіи. Они сами совершенно послѣдовательно сознаются, что соотношеніе между Богомъ и міромъ для нихъ непонятно; они допускаютъ только, что между этими послѣдними есть какая-то таинственная связь, что Богъ вездѣсущь, всемудръ и проч. Въ этомъ смыслѣ они говорятъ, что человѣкъ долженъ *вѣровать*, т. е. ограничиваться неопредѣленнымъ представленіемъ о Богѣ и не размышлять о его отношеніи къ міру. Естественно, что люди и классы необразованные довольствуются туманными представленіями; но если люди образованные и размышляющіе о предметѣ, который они признаютъ самымъ высокимъ и важнымъ, хотятъ довольствоваться неопредѣленными представленіями, то трудно рѣшить дѣйствительно ли они дорожатъ тѣмъ предметомъ, о которомъ они размышляютъ. Но если бы люди разсудочные дѣйствительно дорожили напр. догматомъ, что Богъ *вездѣсущь* и захотѣли уяснить себѣ это вѣрованіе въ опредѣленномъ представленіи, то какъ бы они согласили это вѣрованіе съ другимъ убѣжденіемъ, что предметы чувственнаго міра имѣютъ *истинную реальность?* Они конечно не захотѣли бы признать, вмѣстѣ съ Эпикуромъ, что Богъ живетъ въ скважинахъ, или *порахъ* тѣлъ, которые допускаютъ физики, признавая, что отрицаніе матеріи образуетъ пустое пространство между атомами. Допустивъ такое совмѣстное существованіе, они пришли бы къ своего рода пантеизму, пантеизму пространственному. Составивши себѣ такое ложное мнѣніе объ отношеніи Бога къ міру, допустивши, что Богъ живетъ въ пространствѣ и времени, они должны были бы послѣдовательно допустить безконечную дѣлимость божества,—т. е. должны были бы допустить то самое воззрѣніе, которое они называютъ пантеизмомъ, или ученіемъ

о все-единствѣ.—Но тѣ, которые хотятъ быть хоть сколько нибудь справедливыми къ философіи и вѣрно передавать ея идеи, не могутъ навязывать ей такого взгляда, или такого ученія о все-единствѣ. Это недоразумѣніе могло произойдти только вслѣдствіе трудности составить себѣ отчетливое понятіе о всѣхъ видахъ единства, которыя послѣдовательно излагаются въ философіи. Когда говорятъ о фактахъ, и когда эти факты суть мысли и понятія, то необходимо позаботиться о томъ, чтобы понять ихъ. Но это требованіе не исполняютъ и даже считаютъ его излишнимъ, довѣряя *общему заблужденію*, будто философія есть система тожества, ученіе о все-единствѣ, или пантеизмъ это мнѣніе такъ укоренилось что всякаго, кому этотъ фактъ неизвѣстенъ, готовы упрекнуть въ незнаніи, или въ желаніи покривить душою изъ какихъ нибудь видовъ.

Это мнѣніе повторяется цѣлымъ хоромъ. Вотъ почему я счелъ нужнымъ показать, въ этомъ экзотерическомъ изслѣдованіи, всю внѣшнюю и внутреннюю неправду этого мнимаго факта. Когда смотрятъ на понятія внѣшнимъ образомъ какъ на факты, то указать на ихъ неправильное пониманіе можно только въ экзотерическомъ примѣчаніи. Эзотерическое изслѣдованіе о Богѣ, о его тожествѣ съ міромъ, также какъ о знаніи и о понятіяхъ, которыми оно располагаетъ, входитъ въ самую философію.

§ 573.

Итакъ философія занимается абсолютнымъ духомъ и имѣетъ своимъ предметомъ показать необходимость его *содержанія* и обѣихъ предшествующихъ ей *формъ* его сознаванія,— именно непосредственнаго созерцанія божества, съ его *поэзіею*,— и представленія о едино-сущемъ божествѣ, съ его внѣшнимъ и объективнымъ *откровеніемъ*.—Съ другой стороны она должна показать, почему *вѣра* сначала сосредоточивается въ самой себѣ, но потомъ стремится къ этому представленію и признаетъ свое тожество съ нимъ. — Понявши его смыслъ, философія *признаетъ* истину его содержанія и его форму, но она *освобождаетъ* отъ его одностороннихъ формъ и возводитъ ихъ въ абсолютную форму. Эта

абсолютная форма сама производитъ изъ себя свое содержаніе, она тожественна съ нимъ и объясняетъ его внутреннюю необходимость.

Эта задача философіи уже исполнена, потому что она уразумѣла свое понятіе и ей остается только *оглянуться* на свое развитіе.

§ 574.

Это понятіе философіи составляетъ идея, *которая мыслитъ о самой себѣ*, или истина въ формѣ знанія (§ 236); иначе—логическая всеобщность, которая развила свое содержаніе и существуетъ въ дѣйствительности. Итакъ наука возвратилась къ своему началу, и ея результатъ есть *логика*. Но въ началѣ науки, *духъ* самъ предпоставилъ себѣ логическую идею; она представляла понятіе, которое было только опредѣлено *въ самомъ себѣ*, или понятіе—которое было еще непосредственно; оно составляло только *явленіе* духа. Теперь духъ возводитъ его въ свой чистый элементъ.

§ 575.

Такъ какъ вначалѣ логическая идея была уже явленіемъ духа, то это самое заставило ее развиваться далѣе. Въ первой формѣ явленія духа, три сферы его представляли такой силлогизмъ: *логическая идея* лежала въ основаніи развитія и служила его исходнымъ пунктомъ; *природа* составляла средній терминъ и связывала логическую идею съ *духомъ*. Логическая идея стала природой а природа сдѣлалась духомъ. — Правда, природа, которая стояла между духомъ и его сущностію не превращала ихъ въ конечныя или отвлеченныя существованія, и сама не была независимымъ существованіемъ; потому что это умозаключеніе имѣло мѣсто *въ средѣ самой идеи*, и природа была только переходнымъ звеномъ, была отрицаніемъ идеи и потому въ самой себѣ была дальнѣйшимъ развитіемъ идеи. — Но, въ этомъ умозаключеніи, каждая сфера переходила внѣшнимъ образомъ въ другую и развитіе науки имѣло форму

необходимой послѣдовательности, такъ что только одинъ крайній членъ этого умозаключенія (именно духъ) признавалъ свою свободу и свое тожество съ прочими членами.

§ 576.

Непосредственность природы, какъ явленія духа, отрицается во *второмъ умозаключеніи*: здѣсь духъ служитъ посредствующимъ звеномъ; онъ предпоставляетъ природу и соединяетъ ее съ логическою идеею. Духъ связываетъ эти крайніе члены и приводитъ ихъ во взаимное соотношеніе (такъ что этотъ силлогизмъ есть силлогизмъ *рефлексіи*); наука представляется здѣсь какъ субъективное знаніе; цѣль знанія есть свобода духа и оно достигаетъ этого результата.

§ 577.

Въ философіи идея является въ третьей формѣ силлогизма. Среднимъ терминомъ служитъ здѣсь *самосознательный разумъ*, абсолютный и всеобщій; онъ распадается на *духъ* и *природу*. Духъ повидимому существуетъ независимо, какъ *субъективная* дѣятельность идеи. Но, черезъ посредство абсолютнаго разума, онъ сознаетъ свое тожество съ природою, которая содержитъ всеобщую идею, но въ непосредственной, объективной формѣ ея бытія. Идея сама *является* въ этихъ формахъ (§ 575, 576); слѣдовательно, въ нихъ проявляется самосознательный разумъ. Идея есть движеніе и развитіе сущности вещей, или ихъ понятія; и въ тоже время это развитіе есть продуктъ дѣятельности знанія; — потому что эта вѣчная идея, опредѣляющаяся независимо и свободно вѣчно развивается, воспроизводится и сознаетъ себя какъ абсолютнаго духа.